Г.Е. КАТАНАЕВ

ОЧЕРКИ БЫЛОГО

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ
ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

КАЗЁННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ»

Г.Е. Катанаев

ОЧЕРКИ БЫЛОГО

Омск, 2012

УДК 94(571.1)«18/19»
ББК 63.3(253.3)
К 29

Составители – Н.С. Жукова, А.М. Лосунов, Л.И. Огородникова – ответственный составитель, Н.С. Храпова.

Очерки былого. Г.Е. Катанаев. Историко-биографический очерк. – Омск: ООО «Омскбланкиздат», 2012. – 416 с.

ISBN 978-5-8042-0257-7

Данный сборник продолжает серию собрания сочинений известного сибирского историка, генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаева. В издание вошли материалы из его личного фонда по истории Сибири, нашего региона, города Омска, хранящиеся в Историческом архиве Омской области. Некоторые из них опубликованы впервые.

Сборник предназначен для широкого круга лиц, интересующихся историей края.

УДК 94(571.1)«18/19»
ББК 63.3(253.3)

ISBN 978-5-8042-0257-7

© Огородникова Л.И., 2012
© ООО «Омскбланкиздат», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 6

А.М. Лосунов Георгий Ефремович Катанаев: его жизнь и деятельность. Историко-биографический очерк 10

РАЗДЕЛ 1. **Работы Г.Е. Катанаева**

Омская старина. По записям и личным воспоминаниям старожилов, сторонних наблюдателей и путешественников (план книги) 29

Записки по истории города Омска 44

Внешний вид города Омска в 1859 году 51

Из «Воспоминаний за шестьдесят пять лет моей сознательной жизни и наблюдений в Сибири с 1855 по 1921 годы»
- В кадетском корпусе 55
- Дополнение «К моим воспоминаниям о Сиб[ирском] кад[етском] корпусе и характеристика отношения к нему бывших его питомцев» 115
- К 25-летию Сибирского университета. Из воспоминаний об инициаторах учреждения этого университета 116
- К истории просвещения в Сибири. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества в Омске с 1877 по 1921 годы 178

К истории «Мертвого дома» 229

Собрание омских анекдотов, курьезов и т. д. 233

РАЗДЕЛ 2. **Материалы, собранные Г.Е. Катанаевым**

Выписки из корреспонденции П. Золотова в газете «Акмолинские областные ведомости» «Несколько слов об Омске, об Омской крепости второй половины XVIII – XIX вв.» 250

Выписки из записок поляка конфедерата Карла Хоевского, сосланного в Сибирь в 1768 г., о следовании к месту назначения, зачислении конфедератов на военную службу, о принятии присяги и обращении их в православную веру 261

Выписки настоятеля Пророко-Ильинской церкви г. Омска священника Александра Радонежского из памятной книги Пророко-Ильинской церкви 267

Выписки из сообщения исполняющего должность начальника Омской области полковника Броневского «Об открытии Омской области в Сибири» 272

Выписка из корреспонденции П. Золотова в газете «Акмолинские областные ведомости» «Посещение училища Сиб[ирского] каз[ачьего] в[ойска] Ал[ександром] фон Гумбольдтом» 274

Выписки из корреспонденции журнала «Северная пчела». «Очерк сибирской жизни образованного общества (Письмо неизвестного автора из Омска от 7 января 1843 года)» 276

Из воспоминаний М.Д. Францевой о генерал-губернаторе Западной Сибири П.Д. Горчакове, о встрече и переписке ее с Ф.М. Достоевским и С.Ф. Дуровым 278

Выписки из книги И. Белова «Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири» 285

Выписка из корреспонденции Н.Т. Черевина в журнале «Русская старина» «Полковник де Граве и Ф.М. Достоевский» 297

Выписки из книги И. Завалишина «Описание Западной Сибири» ... 299

Выписки из записок А.О. Дюгамеля о назначении его на должность генерал-губернатора Западной Сибири, впечатления о г. Омске, о методах освоения русскими степных территорий 303

«Разные записки к вопросу о быте, нравах и вообще характерных чертах сибирского народа» 311

Выписки из статей С.А. Венгерова в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» с автобиографиями Н.Ф. Анненского, И.Ф. Анненского, П.П. Аносова, В.И. Вагина ... 341

Выписки из книги И.Ф. Бабкова «Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859 – 1875)» 349

Выписки из газеты «Акмолинские областные ведомости» «О выставке в Омске вещей, представляемых на Конгресс ориенталистов в Петербурге» 356

Выписки из «Трудов комиссии, учрежд[енной] по Высоч[айшему] пов[елению] для изучения вопроса об избрании города для Сибир[ского] университета» 360

Выписки из сообщения газеты «Акмолинские областные ведомости» «Путешествие наследника цесаревича. Пребывание Его Им[ператорского] Выс[очества] в г. Омске 14 – 16 июля 1891 года» 365

Примечания 375

Именной указатель 393

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий сборник является очередным изданием из собрания сочинений Г.Е. Катанаева, которое осуществляет областной архив с 1996 года. Тогда вышла в свет в качестве предисловия к собранию работа Георгия Ефремовича «Историческая справка о том, когда и как построен город Омск». В 2005 году была издана следующая книга – «Князь Матвей Петрович Гагарин» о первом Сибирском губернаторе. Рукопись этой работы долгие годы хранилась в личном фонде Катанаева. Предлагаемый очередной том включил в себя работы, воспоминания Георгия Ефремовича об Омске, событиях, происходивших в городе в разные периоды его истории, известных жителях Омска и выписки об этом из опубликованных материалов других авторов, которые собирал сибирский историк за многие годы своей творческой деятельности, в т. ч. о быте и нравах сибиряков, и часть которых отложились в его личном фонде. Г.Е. Катанаев хотел написать большую книгу по истории Омска, он составил проспект этой работы, включенный в данный сборник, но сделать ее не успел.

Сам Георгий Ефремович отмечал у себя «природную склонность к писательству». В исторической справке об Омске в качестве справочно-биографического материала об авторе была помещена «Памятка о служебной, общественной и научно-литературной деятельности генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева», написанная им самим в 1921 году. В разделе о текущих работах в области науки и литературы читаем: «Начиная с 1887 года в течение почти 30 лет непрерывно ген. Катанаев, пользуясь всяким случаем пребывания в столице, особенно за период нахождения в отставке (1907–1918 гг.) собирал и записывал необходимые для него сведения по интересовавшим его вопросам в намеченной области исследования… Со многих архивных актов снимались копии полностью, с других делались выписки. Такие же копии снимались и делались из книг, выписки – в названных богатейших в государстве библиотеках. Многие необходимые для работ книги и брошюры покупались, частью в книжных магазинах, частью извлекались из книжных складов известных букинистов, антикваров и у Сухаревской башни в Москве. За эти же годы использованы и местные архивы и би-

блиотеки…» Благодаря всему этому Катанаевым было собрано помимо выписок и копий большое количество книг, брошюр, карт, чертежей по сибиреведению, которые использовались при написании им своих работ. Но часть его личного архива и библиотеки в годы гражданской войны была безвозвратно утрачена.

В книге опубликован ряд воспоминаний Катанаева об Омске, Сибири, исторических событиях, своей учебе и жизни, хранящихся в его фонде. Трудно переоценить значение этих материалов, ведь некоторые события и факты дошли до нас только на страницах воспоминаний, даже несмотря на их определенную субъективность.

Говоря о готовящихся работах, историк назвал «На заре Сибирского самосознания» свои воспоминания об инициаторах учреждения первого в Сибири университета, который открыли в Томске, – Н.Г. Казнакове, Г.Н. Потанине, Н.М. Ядринцеве – «Рукопись в 120 страниц, вполне законченная, обработанная и готова к печатанию. Читана автором в Западно-Сибирском отделе географического общества в день чествования 25-летия кончины Н.М. Ядринцева. Просмотрена Г.Н. Потаниным и признана им вполне соответствующей действительности». Эта работа должна была стать одной из глав названной «Воспоминания о виденном, слышанном и пережитом за 65 лет моего сознательного существования». Она была опубликована в книге «На заре сибирского самосознания» с воспоминаниями Г.Е. Катанаева, изданной в 2005 г. в Новосибирске, так как один из вариантов этой работы хранится в Государственном архиве Новосибирской области.

Под номером 11 этих Воспоминаний был написан очерк «К истории просвещения в Сибири (Западно-Сибирский отдел Русского географического общества в Омске) с 1877 по 1921 годы». Предполагаем, что для этой же цели были написаны воспоминания о Сибирском кадетском корпусе, включенные в предлагаемое издание. В Памятке генерал писал о том, «какой высокий интерес, особенно для нашего края, могут представить его воспоминания в случае, если таковым посчастливится быть законченными переложением на бумагу, а затем, по напечатании, быть обнародованными. Почти 70 лет показаний о событиях в жизни России и Сибири, свидетелем и ближайшим участником которых был ген. Катанаев! И каких событий!». Катанаев сожалел, учитывая свой возраст, что «надежды на сколько-нибудь полное осуществление этих пожеланий с каждым минувшим днем становится меньше. Дни уходят, а дело не осуществлено еще и на четвертую его часть…».

На будущее автор пожелал, «чтобы собранный им за 30–50 лет научный материал по истории Сибири и Степного края был сохранен для будущих научных работников, а те работы в этой области, которые им были начаты, получили возможность быть законченными». Многое Георгий Ефремович не успел закончить, он умер в конце того же 1921 года. Значительная часть его архива была сохранена. Частично попала в государственный архив, краеведческий музей и областную библиотеку им. Пушкина небольшая часть его библиотеки. Но пожелания историка издать свои наработки начали осуществляться. И представленный сборник – тому подтверждение.

В последние годы появилось достаточно много статей, связанных с именем генерал-лейтенанта и освещающих разные стороны его жизни, службы, творческой деятельности. Но полной обобщающей биографической статьи о Г.Е. Катанаеве так и не было опубликовано. В настоящем сборнике имеется такой материал, написанный давним исследователем этой темы омским историком А.М. Лосуновым.

Сборник имеет два раздела. В первом собраны работы, автором которых является сам Г.Е. Катанаев. Одна из них – «Записки по истории г. Омска» – была написана к празднованию в 1916 году 200-летия Омска. Во втором – выписки из работ других авторов, которые касаются истории Сибири, Омска и представляют интерес для нынешних читателей. Отбор такого рода материалов был проведен составителями из имеющихся в личном фонде разнородных выписок, которые делал Георгий Ефремович в библиотеках и дома. Большей частью это не чистовые материалы, а черновики работ, так как Катанаев в конце своей жизни готовил эти материалы к публикации и в окончательном варианте их не закончил. Работы изобилуют правками, зачеркиваниями, вставками, вопросами и замечаниями по содержанию. Для сохранения целостности включенных в издание материалов составители пошли на небольшой повтор отдельных частей текста в некоторых работах. Все эти документы прошли археографическую обработку в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Тексты работ даны по правилам современной археографии. Орфографические ошибки, исправления устранены без оговорки. Сохранены стилистические особенности изложения материала автором. В ряде работ других авторов Г.Е. Катанаев делал свои замечания по тексту на полях листов документа. Эти замечания сохранены составителями и, поскольку они не привязаны к определенному слову или фразе, указаны курсивом в

конце каждого листа документа. А его краткие изложения частей текста, их разъяснения и дополнения, сделанные им не на полях, а в тексте выписок, оставлены по месту их нахождения. Они также выделены курсивом. Выписки с сохранением авторского текста даны Катанаевым в кавычках. Примечания по содержанию, сделанные автором внизу листа, оставлены без изменения и оговорки авторства. Оговорены подстрочные примечания, сделанные составителями. Комментарии составителей по содержанию размещены в конце книги в порядке расположения работ. Ссылка в них на печатный источник опущена, так как при написании комментариев использовался целый комплекс краеведческих изданий. Даты событий по тексту документов даны по старому стилю. Сохранено авторское подчеркивание текста. В ряде случаев проведено деление текста на абзацы. Большая часть выписок из книг, газет, журналов датируется по времени их издания, так как дата составления выписок неизвестна. Отсутствие даты создания той или иной работы также оговорено в подстрочных примечаниях.

Для облегчения пользования материалом составлен именной указатель на лиц, упоминаемых в данном сборнике, с указанием кратких сведений о данном человеке.

Издание содержит иллюстративные материалы. Это фотокопии документов из личного фонда Г.Е. Катанаева, фотодокументы из фотофонда архива и личной коллекции А.М. Лосунова. В легенде на фотодокументы архива указан номер хранения в фотофонде. В выявлении и аннотировании фотографий принимала участие сотрудник архива Н.А. Коновалова. Работа проренцензирована методической комиссией архива, А.М. Лосуновым.

Георгий Ефремович Катанаев: его жизнь и деятельность.

Историко-биографический очерк

Не подлежит сомнению, что каждая историческая эпоха формирует свой тип людей с определённым уровнем ментальности и культуры. Отсюда перед исследователями, работающими в жанре исторических биографий, стоит нелёгкая задача – изучать историческую личность в контексте сформировавшей её эпохи. Герой нашего повествования – дитя своего времени, сын 1860-х годов, справедливо названной историками «Эпохой Великих реформ».

Жизнь Сибирского казачьего войска 50–60-х гг. XIX в. протекала на пересечении двух эпох, вдохновленных идеями Российской империи и западноевропейского просвещенного абсолютизма, четко выразившихся в правлении двух российских монархов – Николая I и Александра II. Смена этих эпох отразилась и на поколении, которое начало своего воспитания получило в одно время, а последующее и окончательное формирование своих взглядов – уже в другое. Представителем такого «переходного» поколения можно считать военного, общественного и научного деятеля Западной Сибири и Степного края конца XIX – начала XX вв. Георгия Ефремовича Катанаева (1848–1921 гг.).

Начало пути

В 1846 г. отряд сибирских казаков основал в Киргизской степи (т. е. на территории ныне суверенного Казахстана) новую казачью станицу, названную Атбасарской. В этом-то селении в семье хорунжего 2-го казачьего полка родом из станицы Котуркульской Ефрема Трофимовича Катанаева и законной жены его Марии Григорьевны, обоих православных, появился на свет 22 апреля для нас теперь очень далёкого 1848 г. младенец, которого счастливые родители нарекли Георгием. Таинство крещения новорождённого, который был в станице двадцатым по счёту мальчиком из родившихся с начала года, состоялось 25

апреля. Проходило оно в Знаменской церкви, возведённой незадолго до этого, в 1847 г. Таинство Св. Крещения совершил местный священник Стефан Чукмасов в присутствии восприемников (а попросту говоря, крёстных), которыми были смотритель атбасарского провиантского магазина советник Григорий Пантелеймонович Компанец и вдова священника Степанида Васильевна Ильина. О чём и была сделана соответствующая запись в метрической книге означенной церкви[1].

О своём родителе Георгий Ефремович позднее вспоминал так: «[…] отец мой был[…] из числа зауряда. Большого роста, полубогатырского сложения и силы, был почти рыжий, он производил неизгладимое впечатление. Я, хотя и похож на него лицом, но ростом, сложением всей фигуры, маленькими руками и ступнями ног весь в мать. Заметным человеком он был и по своему светлому уму[…]. Оставшись чуть ли не грудным после смерти его родителей[…], Ефремушко переходил с рук на руки от одной добросердечной и бессердечной соседки к другой и кормился то грудью, то молоком, то жеванным ржаным хлебом, то отбросами пищи более счастливых состаничников. Так промаялся он лет до 6-ти, а дальше и сам стал переходить из двора в двор, питаясь и прислуживая другим, чем мог. В 18 лет его приняли на «казённый паёк» сначала «малолеткой из сирот», а потом и настоящим строевым казаком. Казак оказался хоть куда. И его, как выдающегося по строю, отправили в Омск, в так называемый Атаманский полк. Вскоре он за ловкость, распорядительность, смекалистость и лихую верховую езду произведён был в урядники, выдержав экзамен[…]. Отец мой по степному аршину был достаточно зажиточным человеком. Главное богатство его состояло в скоте: лошади (голов до 150), рогатый скот (голов до 50), овцы (до 300). По тем временам это было почти богатством. Всё остальное имущество было тоже на азиатскую руку: ковры, кошмы, тарантасы, разного рода упряжь, одежда бухарского образца, седельные уборы и т. п. Мебели сколько-либо ценной по европейским понятиям и потребностям, сколько помнится, совсем не было[…]».[2]

С ранних лет Георгий проявил способность к различного рода наукам, которые сперва изучал в станичной школе, затем в Сибирском кадетском корпусе, который располагался тогда в Омске, а напоследок, даже в двух Академиях: сельскохозяйственной Петровско-Разумовской и Николаевской Генерального штаба. Как и ряд его сверстников, он хорунжим вступил в службу, которую с исправностью и должным рвением нёс в 1-м полковом округе Сибирского казачьего войска. Начиная с этого обер-

офицерского чина, Г.Е. Катанаев прошёл всю военно-иерархическую лестницу до того, как получить чин генерал-лейтенанта. В этом нелёгком пути на вершину военной карьеры он попеременно занимал как строевые, так и военно-административные должности. Общий стаж его служебной выслуги насчитывает более 42 лет. За её беспорочность и долговременность Г.Е. Катанаев имел целый ряд орденов и медалей.

О чём поведали послужные списки Г.Е. Катанаева

Для тех историков-исследователей, кто занимается персоналиями определенной эпохи, весьма существенным историческим источником являются их послужные списки. Именно из них пытливый исследователь при отсутствии личного фонда в том или ином архивохранилище страны может почерпнуть биографические сведения о субъекте своего исследования. Перед тем как приступить к изложению заявленной выше проблемы, автор сих строк считает вполне уместным дать определение послужным спискам в целом и охарактеризовать их вкратце с источниковедческой точки зрения.

В различной энциклопедической и справочной литературе под словосочетанием «Послужной список» понимается «документ с анкетными данными и со сведениями о прохождении службы каждого офицера, чиновника гражданского или военного ведомства, а также канцелярского служителя дореволюционной России»[3]. Устаревшим синонимом «Послужного списка» являлся «Формуляр» или так называемый «Формулярный список». С источниковедческой точки зрения под этим определением рассматривается «форма систематического и регулярного учёта всего чиновничества, существовавшая с середины XVIII в. до 1917 г.»[4]. Появление формулярных списков в российском делопроизводстве следует относить к 1764 г. Им предшествовали «Аттестаты» и «Описания службы», которые носили нерегулярный характер и составлялись только по случаю награждения того или иного лица, либо выхода его в отставку. Однако государство в связи с дальнейшим ростом и развитием своего административного аппарата было заинтересовано учитывать различные социальные группы своих подданных, в том числе и чиновничество (как гражданское, так и военное), выполняющее различные управленческие функции. А своеобразным документом этой учётности стал формулярный список. Непосредственно сам «Формуляр» (или, проще говоря, структура послужных списков) сложился в основ-

ном на протяжении 1760–1790 гг. Однако в середине XIX в. он претерпел некоторые изменения, связанные с детализацией служебной и социальной деятельности чиновничества. Так, например, после 1849 г. Формуляр включал в себя 15 глав, а после 1864 г. – 14[5]. Ну а поскольку формулярный или послужной список являлся главнейшим актом или документом служебного состояния, то он в дореволюционный период составлялся каждым государственным учреждением на всех входящих в его штат должностных лиц[6]. При увольнении в отставку гражданским лицам выдавался «Аттестат», а военным – «Указ об отставке» (составлялся на основе послужного списка), который являлся видом на жительство и выполнял функции паспорта. Краткие сведения из Послужных списков публиковались также в различных справочных изданиях, например в «Списках личного состава»[7] разных ведомств, либо в «Справочных книгах»[8]. В случае перевода чиновника по службе из одной местности в другую Послужной список (реже – подлинник, чаще – копия) обязательно высылался на новое место службы. Помимо этого, Послужные списки в качестве отчётной документации могло затребовать вышестоящее начальство того или иного ведомства. Так, например, Военное министерство, начиная с 1831 г., требовало от подчинённых ему учреждений предоставлять Послужные списки не чаще одного раза в год, а начиная с 1849 г. – раз в пять лет полный вариант, а ежегодно – сокращённый. Независимо от этих сроков Послужные списки предоставлялись в случае перевода, награждения, отставки, смерти и т. п.[9] После 1872 г. Послужные списки давались для ознакомления лицам, чьи биографические и служебные данные фигурировали в них. Ознакомившись с записями в своём Послужном списке, служивый собственноручно ставил свою подпись на предмет правильности изложенной информации. Без этого автографа вышестоящее начальство для ознакомления Формуляры не принимало.

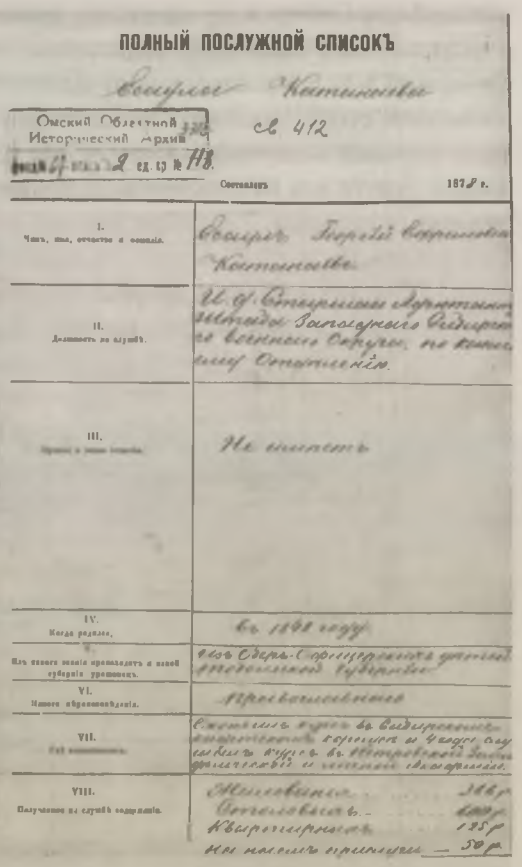
Помимо Послужных списков на военных офицеров вплоть до 1862 г. для аттестации составлялись так называемые «Кондуитные списки». В их 11 граф заносились краткие сведения о службе, а также о поведении и способностях офицера. Эти списки составлялись на весь офицерский состав, включая командующего корпусом в генеральском чине. Составляемые ежегодно Кондуитные списки предоставлялись для ознакомления вышестоящему начальству к 1 июля текущего года.

С установлением советской власти Послужные списки в гражданско-административном делопроизводстве вначале были заме-

нены «Личными делами» служащих, основу которых составили анкеты и автобиографии. А Постановлением СНК СССР от 21 сентября 1926 г. на каждого служащего государственного учреждения, предприятия и акционерного общества предписывалось завести «Трудовой список», который 20 декабря 1938 г. Постановлением СНК СССР был заменён «Трудовой книжкой». Последняя в большей степени[10] не только заменила функции Послужного списка для трудящегося гражданского населения страны, но и осталась основным видом трудовой учётной документации, дожившей до сегодняшнего дня. Тем не менее наименование и формуляр Послужного списка оказался необычайно живуч. В 1920–1940-х годах он присутствовал в документации Красной, а затем и Советской армии[11]. На сегодняшний же день он сохранился в делопроизводстве Московского Патриархата Русской православной церкви.

Переходя к характеристике Послужных списков Г.Е. Катанаева, отложившихся в различных фондах Исторического архива Омской области (ГИАОО), мы должны отметить, что на сегодняшний день таковых выявлено четыре. Все они хранятся в составе документации тех учреждений, в которых состоял в своё время на службе Георгий Ефремович Катанаев. Бланки трёх первых отпечатаны типографским способом. Четвёртый дошёл до нас в рукописном варианте. На всех них отсутствует роспись Г.Е. Катанаева, что позволяет предположить, что все они составлялись для внутреннего пользования, а не для представления начальству. Самый ранний из них относится к 1875 г.[12] Прохождение службы в нём доведено до 15 апреля 1874 г. Во многом данные этого Послужного списка совпадают с информацией Полного послужного списка, датированного 12 апреля 1876 г.[13] Из последнего мы узнаём, что Г.Е. Катанаев родился в 1848 г., имел чин хорунжего и исправлял должность воспитателя Сибирской военной гимназии. Относительно датировки вступления в эту должность в вышеуказанных Послужных списках имеются разночтения. В одном приводится дата 28 февраля 1874 г.[14], а в другом – 13 апреля 1874 г.[15] Соответственно возникает вопрос: какой дате верить? На наш взгляд, это противоречие скорее всего объясняется следующим образом: первая дата соответствует разрешению Военного министра на исправление вышеуказанной должности, а вторая – утверждению в этой должности местной военной администрацией с отчислением Георгия Ефремовича от Войсковой учебной сотни, к которой Катанаев был прикомандирован, начиная с 13 января 1873 г. Из Послужного списка 1876 г., заверенного подписью Директора Сибирской воен-

ной гимназии генерал-майора Цитовича и секретаря того же заведения А. Котовича, мы также узнаём, что будущий историк Сибирского казачьего войска происходил из обер-офицерских детей Тобольской губернии. Будучи воспитателем Сибирской военной гимназии, он получал жалованья 900 руб. в год. Сумма эта, собственно говоря, складывалась из самого жалованья (300 руб.), а также столовых (300 руб.) и квартирных (300 руб.) денег. Для вступления в должность воспитателя Г.Е. Катанаев прибыл в Сибирскую военную гимназию 15 апреля 1874 г., т. е. через два дня после своего официального назначения. Свою войсковую службу хорунжий Катанаев начал в 1 полковом округе Сибирского казачьего войска 8 августа 1866 г. С 12 сентября того же года по 31 августа 1867 г. он проходил службу в Войсковой учебной сотне. После чего находился в четырёхмесячном отпуске. С 20 января 1868 г. по 1 октября 1872 г. (т. е. в течение более 4 лет), согласно Высочайшему разрешению, он являлся слушателем Петровской земледельческой и лесной академии в г. Москве. 1 сентября 1872 г. он был вновь зачислен в состав Сибирского казачьего войска, а 13 января 1873 г. после сдачи выпускных экзаменов Академического курса и получения экзаменационных свидетельств вернулся к своему прежнему месту службы, т. е. пополнил строевой состав войсковой учебной сотни. 14 февраля 1873 г. хорунжий Катанаев назначает-



ПОЛНЫЙ ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

Омский Областной Исторический Архив

Составлен 1878 г.

I. Чинъ, имя, отчество и фамилія.	Георгій Порфирьевичъ Катанаевъ
II. Должность по службѣ.	И. О. Старшаго адъютанта Штаба Западнаго Сибирскаго военнаго Округа, по военно-учебному Отношенію.
III. Пріемъ и время поступленія.	Не имѣетъ
IV. Когда родился.	Въ 1841 году
V. Изъ какого званія происходитъ и какой губерніи уроженецъ.	Изъ Оберъ-Офицерскихъ дѣтей Тобольской губерніи
VI. Какого вѣроисповѣданія.	Православнаго
VII. Гдѣ воспитывался.	Окончилъ курсъ въ Сибирскомъ военномъ корпусѣ и 4 года слушалъ курсъ въ Петровской Земледѣльческой и лѣсной академіи.
VIII. Полученное за службѣ содержаніе.	Жалованья 300 р. Столовыхъ 300 р. Квартирныхъ 135 р. Не имѣетъ пособія — 50 р.

Титул послужного списка Г.Е. Катанаева. 1878 год. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3318.

ся для прохождения полевой службы в 3-й конный полк. Высочайшим приказом от 30 марта 1877 г. Георгий Ефремович был произведён в сотники со старшинством с 31 декабря 1875 г. 17 марта 1877 г. в Омске за № 651 был получен отзыв Начальника Главного управления иррегулярных войск, в котором содержалось разрешение Военного министра на перевод Г.Е. Катанаева на войсковую административную работу. 7 мая 1877 г. сотник Катанаев был отчислен от Военной гимназии в распоряжение Войскового начальства. Дальнейшее его продвижение по службе нам поможет проследить Полный послужной список Г.Е. Катанаева, составленный в 1878 г.[16] Из этого документа мы узнаём, что 12 июня 1877 г. приказом по Сибирскому казачьему войску сотник Катанаев прикомандировывается к Казачьему отделению Главного управления Западной Сибири (ГУЗС). На следующий день он назначается исправляющим должность столоначальника данного отделения. 1 июля 1877 г. Г.Е. Катанаев прикомандирован к Окружному штабу Западно-Сибирского военного округа для исправления должности старшего адъютанта по Казачьему отделению. 7 октября того же года он Высочайшим приказом был утверждён в этой должности с зачислением по Войску, а 26 февраля 1878 г. произведён в есаулы. На этот период его годовое жалованье уже возросло до 1141 руб. Из этого Послужного списка, равно как и из предыдущих, мы также узнаём, что Георгий Ефремович был православного вероисповедания. Воспитывался в Сибирском кадетском корпусе. Семьи не имел, наград тоже. Недвижимость у него отсутствовала. Под судом и следствием не состоял. В походах и боевых действиях не участвовал. Во всех рассмотренных выше Послужных списках заполнению подверглись все XIV граф. Четвёртый же Послужной список, датированный 1907 г. (т. е. годом выхода Г.Е. Катанаева в отставку), до нас полностью не дошёл. Надо полагать, что он был отправлен в Санкт-Петербург. Из сохранившихся черновых набросков к нему мы узнаём, что 8 июня 1900 г. Г.Е. Катанаев получил чин генерал-майора.

Г.Е. Катанаев. 1904 год. ГИАОО. Фотофонд. № 1924.

6 марта 1907 г. генерал Катанаев подал прошение об отставке и до его рассмотрения был отправлен в отпуск. В отставку вышел в 59 летнем возрасте, в чине генерал-лейтенанта, имея семью и 7 детей. Общий стаж его беспорочной службы равнялся 40 годам и 7 месяцам. Размер годовой пенсии на 1907 г. составил 1931 руб. 85 коп.[17]

Таким образом, выявленные Послужные списки Г.Е. Катанаева позволяют нам досконально, фактологически изучить начало и завершение его карьеры, хронологически проследить его обучение и начало педагогической деятельности. Изложенная в них информация в таком подробном виде нигде больше не встречается. Несмотря на редко встречающиеся разночтения, это весьма достоверный и очень информативный в историко-биографическом плане вид источников.

Составление и представление Послужных списков являлось неотъемлемым предметом в деятельности Войсковой администрации. Сохранилось немало приказов и циркуляров, регламентирующих этот предмет. Думается, что со временем будут выявлены и другие Послуж-

Г.Е. Катанаев с группой офицеров Первого военного отдела. Конец XIX века. Из личной коллекции А.М. Лосунова.

ные списки Г.Е. Катанаева, которые помогут в мельчайших деталях воссоздать его служебную карьеру (разумеется в хорошем смысле этого слова!), посредством изучения которой перед нами во всей своей полноте предстанет портрет выдающегося войскового администратора и талантливого учёного – Георгия Ефремовича Катанаева.

«Служил я правдой государю и за отечество радел своё...»

Окончив в 1866 г. учебный курс со «специальным военным классом»[18], Катанаев получил чин хорунжего и поступил на действительную военную службу в 1-й отдел Войска. Так началась его служебная деятельность, которая с перерывами продолжалась до 1920 г. и была тесно связана с двумя другими видами деятельности и часто заменялась ими.

В 1865 г. состоялось первое знакомство Георгия Ефремовича с выдающимся впоследствии географом и ученым Г.Н. Потаниным. Встреча происходила в одной из камер военной гауптвахты Омской крепости, где содержался идеолог сибирского областничества до вынесения окончательного приговора по «Делу о сибирских сепаратистах» и куда Катанаев пришел познакомиться. По-видимому, именно под влиянием Потанина, для пополнения своего образования, он поступает в Петровско-Разумовскую земледельческую и лесную Академию в г. Москве. Кстати, на экспертизу в Московский университет Катанаев повез палеонтологическую коллекцию, собранную Потаниным и Черским на разрезах Иртыша в районе Омска[19].

Вернувшись в Омск, Георгий Ефремович назначается преподавателем истории и географии в Сибирскую военную гимназию (ранее – Сибирский кадетский корпус), а затем и офицером-воспитателем. В дни преподавания Г.Е. Катанаева в военной гимназии бывший в то время генерал-губернатором Западной Сибири и Войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска генерал–адъютант Н.Г. Казнаков живо интересовался постановкой учебной части. Присутствуя неоднократно на уроках Георгия Ефремовича, он увидел в молодом преподавателе дар педагога и посоветовал ему поступить в Академию Генерального штаба, пообещав, в свою очередь, возбудить ходатайство о разрешении. Пока решается этот вопрос, Катанаев избирается на должность советника Войскового хозяйственного правления. После получения долгожданного разрешения Георгий Ефремович едет в Петербург,

где выдерживает вступительный экзамен и поступает в Академию. Но окончить ее ему не пришлось, так как по новому положению о ней в академии могли учиться лишь обер-офицеры, а Катанаев к тому времени имел уже чин Войскового старшины и поэтому ему пришлось уйти с 3-го курса[20].

Вернувшись в Омск, Георгий Ефремович был назначен старшим адъютантом казачьего отделения штаба Западно-Сибирского военного округа, где он состоял на службе в течение ряда лет, исполняя должность штаб-офицера особых поручений при Войсковом наказном атамане. Вскоре он назначается от Сибирского казачьего войска членом комитета при Главном управлении казачьих войск в Санкт-Петербурге. Исполняя эту должность, Войсковому старшине Катанаеву приходилось решать жизненно-важные для войска вопросы. Одним из них был вопрос о 10-ти верстной полосе[21]. В 1889 г. полковник Г.Е. Катанаев становится председателем Войскового хозяйственного правления. Став во главе этого административно-хозяйственного органа, Георгий Ефремович всецело отдается делу улучшения войскового хозяйства, что было особенно необходимо в то время, так как 5 марта 1861 г. было Высочайше утверждено новое «Положение о Войске», по которому его население было переведено с войскового и казенного пайка на собственное обеспечение. Для улучшения жизни войска и казаков Г.Е. Катанаевым был представлен целый ряд проектов, которые ему, после утверждения в Главном управлении казачьих войск, удалось провести в жизнь. К ним можно отнести вопрос о «10-ти верстной полосе», об «изъятии лесов Сибирского казачьего войска из ведения Хозяйственного правления» и др. На успешное проведение проектов в жизнь повлияла расположенность к ним Войсковых наказных атаманов, что имело место далеко не всегда.

Полковник (войсковой старшина) Г.Е. Катанаев. Фото конца XIX века. ГИАОО. Фотофонд. № 1923.

Неоднократно Георгию Ефремовичу, находясь на службе, приходилось исполнять так называемые «особые поручения». Так, летом 1891 г.

Г.Е. Катанаев зачитывает приветственный адрес в связи со 100-летием Сибирского кадетского корпуса. 1913 год. ГИАОО. Фотофонд. № 1921.

во время пребывания в Омске и в путешествии от Омска до Оренбургской границы наследника цесаревича (будущего Николая II) Катанаев состоял при нем в качестве сведущего человека. За что впоследствии и был удостоен юбилейного знака 300-летия дома Романовых[22].

В 1906 г. Георгий Ефремович в чине генерал-лейтенанта выходит в отставку. К службе ему вновь пришлось вернуться в 1917 г., когда по поручению 2-го войскового круга он вошел в депутацию от Сибирского войска по делу генерала Л.Г. Корнилова – выходца из среды сибирских казаков, арестованного в Быхове, с ходатайством перед правительством А.Ф. Керенского об усилении охраны генерала от покушений до всенародного публичного суда над ним, подобного тому, которому был подвергнут бывший военный министр Сухомлинов[23].

В 1918–1920 гг. Г.Е. Катанаев являлся членом Военного совещания при Временном Сибирском правительстве, участвовал в работе Государственного совещания, возглавлял «Чрезвычайную, следственную комиссию для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц»[24] и «Центральную следственную комиссию по реабилитации чинов высшего командного состава военного ведомства, добровольно или вынуждено оставшихся на службе за время господства в Сибири советской власти после Октябрьского переворота 1917 г.».[25]

В ноябре 1919 г. Катанаев «в служебном порядке» был эвакуирован в Иркутск. А 5 января 1920 г. был арестован красными. Сидел в одной тюрьме с А.В. Колчаком и В.Н. Пепеляевым, откуда был выпущен ЧК «по дряхлости и совершенному отсутствию конкретных данных к какому-либо обвинению...».[26]

Вернувшись в Омск, он, военный чиновник, впервые за всю свою жизнь обращается к чисто гражданской службе, а именно к работе в Сибархиве. Катанаев не был сторонником большевиков, но, чтобы не умереть с голоду, стал через архивное дело сотрудничать с советской властью.

«На благо общества трудясь...»

Помимо служебной деятельности Георгий Ефремович много уделял времени и внимания общественной деятельности. Начало ее следует относить к тому времени, когда молодой Катанаев обратил на себя внимание местной общественности публикациями в «Волжско-Камской газете», «Сибири» и «Восточном обозрении». На страницах одного из изданий он вступил в дискуссию о месте создания первого в Сибири университета. В 1877 г. Г.Е. Катанаев являлся одним из 7 членов-учредителей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО). 34 года отдал он общественной работе в отделе, исполняя в нем в разное время почти все обязанности, начиная с библиотекаря и кончая председателем (1893–1897 гг.). В председательствование Георгия Ефремовича ЗСОИРГО принял участие в однодневной переписи населения г. Омска в 1897 г., им же была проведена сводка главнейших данных переписи. Следует отметить, что председатель отдела к тому времени уже имел опыт в такого рода делах. Так, в 1876 г. он участвовал в качестве участкового руководителя в первой в Сибири и одной из первых во всей России однодневной переписи жителей нашего города, подробную разработку которой принял на себя его будущий товарищ по отделу И.Я. Словцов.

А 31 марта 1898 г. Георгий Ефремович вдруг пишет «Заявление» следующего содержания: «Не желая далее оставаться в составе здешнего отдела Географического общества, покорнейше прошу Комитет вычеркнуть мою фамилию из списка членов этого отдела». Его просьба была удовлетворена. И тем самым на долгое время была поставлена точка на его деятельности в отделе. Суть этого конфликта состояла в следующем.

Когда готовилась Нижегородская выставка, то Г.Е. Катанаева, как председателя ЗСОИРГО, вызвал к себе сам П.П. Семёнов-Тянь-Шанский и предложил ему представить на данной выставке не только Омск, но и весь Степной край. Георгий Ефремович загорелся этим предложением и с присущей ему энергией стал готовиться к участию отдела в Нижегородской выставке. Экспозиция была подготовлена «на отлично», и в Нижнем Новгороде отдел получил даже золотую медаль. Но из-за этого другие дела в отделе были пущены на самотёк. За время подготовки к выставке отделом не было организовано ни одной серьёзной экспедиции. Имели место только командировки. Среди членов отдела, преимущественно ссыльных революционеров, стало возникать недовольство, а затем и сложилась оппозиция по отношению к Председателю отдела Г.Е. Катанаеву. К недовольным относились: Шаровский, Астафьев и Швецов. Вскоре к ним примкнул Сиязов. В начале 1897 г. состоялись выборы нового председателя отдела и Георгий Ефремович потерпел на них поражение. Кстати, впоследствии Шаровский в своих воспоминаниях писал, что «в Омске они боролись против реакционера Катанаева». Кроме того, по жалобе оппозиции в дело вмешался генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе, который не посчитал нужным защитить бывшего председателя отдела. Помимо всего прочего дело усугубилось ещё и личным конфликтом Г.Е. Катанаева с П.Я. Словцовым. Конфликт между бывшими друзьями произошёл все в том же 1898 г. Дело было так. Иван Яковлевич передал Георгию Ефремовичу, как председателю ЗСОИРГО, для издания рукопись своей работы «Поездка в Кокчетавский уезд в 1878-1879 гг.». Катанаев же, в свою очередь, отдал её для редактирования М.М. Сиязову. Последний, не столько из-за мести, сколько по незнанию, очень сильно сократил работу, а виноватым в глазах И.Я. Словцова остался Г.Е. Катанаев. В отместку за это Иван Яковлевич выступил в печати с критикой по ряду работ своего коллеги. В результате все эти обстоятельства и привели к тому, что незаслуженно обиженный Георгий Ефремович демонстративно вышел из состава Западно-Сибирского отдела. Как видим, научная деятельность ученого, как собственно и сама человеческая жизнь, имела не только взлёты, но и падения.[27]

В 1911 г. Г.Е. Катанаев являлся комиссаром 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной выставки в Омске. В разные годы он председательствовал в кустарном комитете, заседал в Омской городской думе, редактировал «Вестник помощи призванным на войну», принимал участие в различных съездах и совещаниях, в том числе в чествовании

80-летия Г.Н. Потанина. Г.Е. Катанаев являлся также членом Военно-исторического общества, Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам в Степном генерал-губернаторстве, Омского отдела Московского общества сельского хозяйства, а также Общества исследователей Сибири, входил в приходское попечительство Омской Войсковой Никольской церкви.

Георгий Ефремович был горячим патриотом сибирского казачества. Он всячески содействовал созданию и развитию войсковых библиотеки и музея, а в 1916 г. добился создания еженедельника «Сибирские войсковые ведомости» и стал его редактором. Несколько позднее при его непосредственном участии начинает выходить еще одна войсковая газета «Иртыш», превратившаяся потом в журнал. Катанаев был одним из авторов идеи создания «Войскового дома науки», в котором бы разместились казачьи: библиотека, музей, архив и офицерское собрание. К сожалению, Первая мировая война сорвала этот план[28]. Подпись Г.Е. Катанаева можно увидеть под «Проектом устава общества любителей старины Сибирского казачьего войска», которое намеревались создать представители казачьей интеллигенции[29].

На закате жизни Катанаева привлекает всплеск краеведческого движения, начавшегося в нашей стране в начале 1920-х гг. Как старейшего и активнейшего члена Западно-Сибирского отдела Русского географического общества его командируют в Москву на съезд представителей краевых научных обществ, который открылся 10 декабря 1921 г. Но этой поездке не суждено было состояться из-за резкого ухудшения здоровья Георгия Ефремовича. 18 декабря его не стало. Погребен он был на упраздненном ныне Казачьем кладбище[30].

«И на науку время оставалось»

Не являясь профессиональным географом и историком, Г.Е. Катанаев, в силу природных дарований и полученного им прекрасного образования, начинает интересоваться рядом вопросов исторического, географического и этнографического характера. Насколько серьезны и основательны были проведенные им изыскания читатель может судить хотя бы по названию появившихся из-под его пера следующих работ: «Аборигены, старожилы и новоселы Степного Края» (Омск, 1920); «Потанин как исследователь и общественный деятель Сибири» (Омск, 1920); «Сибирь эпохи Петра Великого» (Омск, 1920).

Деятельность Г.Е. Катанаева как ученого следует рассматривать с момента возникновения первого центра научной и исследовательской мысли в Западной Сибири – ЗСОИРГО. Выражаясь словами младшего коллеги Георгия Ефремовича по отделу В.Ф. Семенова, Катанаев являлся «неутомимым и незаурядным... научным работником Западной Сибири и Степного края»[31]. Нельзя превозносить заслуги ЗСОИРГО в развитии культуры и в изучении нашего края, игнорируя в то же время роль в них одного из наиболее ярких деятелей отдела, долгое время бывшего его руководителем.

Как человек весьма широких и разносторонних интересов, Георгий Ефремович увлекался изучением не отдельных узкоспециальных проблем, а охватывал все, что привлекало его любознательный ум. Во время своих многочисленных поездок по Степному краю и Западной Сибири, финансируемых отделом, Катанаев собирал из всевозможных источников материалы по самому широкому кругу вопросов. Возвращаясь в Омск, а также попадая в крупные центры, он «зарывался» в архивах различных учреждений. Все эти материалы легли в основу его докладов и сообщений, публикаций в различных научных сборниках и газетах. Так, только на заседаниях ЗСОИРГО он сделал около 20 докладов на различные темы, из которых наиболее ценен «О высыхании степных озер», прочитанный в Петербурге в Географическом обществе. В «Записках» и «Известиях» ЗСОИРГО Георгий Ефремович поместил около 17 научных работ. Назовем некоторые из них: «Еще об Ермаке и его Сибирском походе» (1893), «Сибирь, Средняя Азия и Северный Китай в XVI, XVII и XVIII столетиях по разведкам, записям и статейным спискам сибирских служилых людей» (1893) и др.

Внимание Г.Е. Катанаева привлекают состояние лесов юга Западной Сибири, проблема усыхания озер Степного края, дискуссии о пригодности казахских степей для земледелия, условия рыболовства на озере Нор-Зайсан и другие вопросы. Он разработал рассчитанную на длительный срок программу сбора сведений о водных бассейнах Степного края. Уже в советское время, когда многие члены ЗСОРГО были привлечены к работе по естественно–историческому и экономическому районированию Западной Сибири, Георгий Ефремович начал выборку из своих многочисленных записных книжек и путевых дневников данных по вопросу о состоянии степных озер, об облесении севера казахской степи. В результате он почти закончил рукопись «Озера Степно-

го района Западной Сибири», которая так и не вышла в свет по причине смерти автора.

Особый интерес проявлял ученый-исследователь к истории родного ему Сибирского казачьего войска. Занялся он этой проблемой летом 1887 г.[32] В его личном фонде до нас дошёл удивительный документ: «Докладная Записка» на имя Начальника Главного управления казачьих войск о разрешении доступа в центральные петербургские и московские архивы, датированная 13 октября 1887 г. Несмотря на официальный характер этого документа, Г.Е. Катанаев, как настоящий учёный-исследователь, давая исторический экскурс о сибирских казаках, посчитал необходимым выделить следующие периоды в истории Сибирского казачьего войска:

I-й период он соотносит с 1715–1808 гг. За это время, как он отмечает, происходило занятие Россией земель как по Иртышу, так и в верховьях от Оми. Велось строительство Ишимской и Кузнецкой линий.

II-й период приходится на 1808–1861 гг. Именно в это время охрана границ, в связи с выводом регулярных войск, производилась исключительно сибирскими казаками. Ведь именно в данные годы имело место быть вооружённое водворение казаков и установление русской государственной власти в Средней и Большой киргизских ордах. Не следует также забывать, что в данный хронологический период казаки водворяются внутри киргизских степей.

А III-й период, по словам автора, выпадает на годы с 1861 по 1887. Он ознаменовался тем, что к «сибирскому войску применяются общеказачьи законы исторического участия сибирских казаков в Среднеазиатских походах Черняева, Кауфмана, Скобелева и Колпаковского для покорения Ташкента, Кульджи, Хивы и Кокандского ханства». Вдобавок ко всему прочему, сибирские казаки получили право в незыблемости охранять и китайскую границу[33].

Г.Е. Катанаев работал в архивах Главного управления казачьих войск, Главного штаба Азиатского департамента Министерства иностранных дел в Петербурге и Государственном архиве в Москве, а также в библиотеках Географического общества, Главного штаба и Императорской публичной библиотеке. Кроме того, Георгий Ефремович вступил в весьма деятельную переписку с тогда еще живыми участниками среднеазиатских походов 50–70-х гг. XIX в. При этом Г.Е. Катанаевым были скопированы ценнейшие документы, сделаны подробные выписки, часть которых и поныне хранится в его личном фонде в Исто-

рическом архиве Омской области и представляет исключительный интерес для исследователей, занимающихся как историей Степного края, так и Сибирского казачьего войска.

Итогом этой работы стали солидные научные монографии, такие как «Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии» (Спб., 1908), «Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 гг.» (Спб., 1908) и др. Последняя из них в виде сокращенной «Записки» рассматривалась Академией Наук и Военно-исторической комиссией, была утверждена и представлена императору, который в 1903 г. особым рескриптом установил старшинство Сибирского казачьего войска с 26 октября 1582 г. с пожалованием ему общевойскового Георгиевского знамени[34].

Современник Катанаева А.Д. Баженов вспоминает так об этом событии: «[…]В разгар работ [Войскового-**А.Л.**] круга, 4-го декабря [1903 г.-**А.Л.**], в присутственный зал влетел - именно влетел, а не вошел - запыхавшийся Войсковой Наказный Атаман [и Генерал-губернатор Степного края Н.Н. Сухотин-**А.Л.**], в орденах и ленте.

- Господа, простите, что я прервал ваши занятия. Но событие столь большой важности, что я решил тотчас же поделиться с вами Царской милостью. Только что я получил посланную с курьером Царскую грамоту о пожаловании Войску, за его более, чем трехвековую службу, боевыми подвигами ознаменованную, Войскового Георгиевского знамени, с установлением старшинства Войску с 6-го дек. 1582 г., дня названия дружины Ермака Царской служилой ратью.

Громкое, долго несмолкавшее «ура» покрыло слова Атамана. Затем стройное пение «Боже, Царя храни» и опять «Ура». Дав знак рукой о молчании, Войсковой Атаман продолжал: «Господа, Председатель В[ойскового] Х[озяйственного] Правления, уважаемый Г.Е. Катанаев в нынешнем году поместил в Военном Сборнике свой научный труд: «Краткий Исторический Очерк Сибирского Казачьего Войска», обративший на себя внимание Государя Императора, приказавшего передать его в Главную Военно-Историческую Комиссию для проверки по архивным документам. Комиссия, выполнив порученную ей работу, установила полную достоверность исторического очерка. После чего Его Императорскому Величеству благоугодно было пожаловать верному своим Государям и Родине Сибирскому Казачьему Войску, за его слишком трехвековую самоотверженную службу, Войсковое Георгиев-

ское знамя, а составителя «Исторического Очерка», ген. Катанаева, за его труд наградить орденом св. Анны 1-й степени со звездой и лентой. За словами Атамана вновь последовало продолжительное, дружное и громкое «ура».

Все столпились около Войскового Атамана, стремясь увидеть личную подпись обожаемого Царя. На грамоте красивыми тонкими буквами с росчерком было написано «НИКОЛАЙ».

Один за другим подходили мы к Г.Е. Катанаеву, поздравляя его с высокой Царской милостью и благодаря его за труд, давший Войску редкое, дорогое отличие. Своим историческим очерком Г.Е. Катанаев сохранил для Войска славные дела отцов и дедов наших. До докладов ли теперь было кругу? В радостных, оживленных разговорах казаки не заметили, как прибыли духовенство и певчие. Отслужили благодарственный молебен. Выпили по бокалу шампанского... В самом В[ойсковом] Х[озяйственном] Правлении начались приготовления к войсковому празднику[...]».[35]

6 декабря, в сам день праздника, состоялось архиерейское богослужение в Войсковом соборе, парад перед собором, а затем пышный обед в здании Войскового правления, после которого

Здание Войскового хозяйственного правления.
Конец XIX – начало XX веков. ГИАОО. Фотофонд. № 1922.

были традиционные казачьи песни и «казачок». На другой день также пышный бал в просторных залах правления. Однако Георгиевское знамя было получено Войском в особо торжественной обстановке весной 1904 года. А неизвестный нам фотограф запечатлел этот момент для потомков.

Интересовался Г.Е. Катанаев и вопросами краеведения. Наглядным доказательством тому могут служить «Отрывки из рукописей по краеведению», статья «К истории Мёртвого дома», опубликованная 15 апреля 1915 г. в «Сибирском дне» и, наконец, «Историческая справка о том, как и когда был основан город Омск».

Не перестает Георгий Ефремович заниматься вопросами истории и краеведения в советское время. Как представитель старой школы он прекрасно понимал всю значимость сбора и сохранения документов, в том числе и по истории «Русской смуты». Г.Е. Катанаев пишет ряд воспоминаний в надежде, что увиденное и описанное им остановит на себе внимание будущих исследователей истории Сибири.

Бесспорно, Г.Е. Катанаев был ярким представителем сибирской казачьей интеллигенции конца XIX – начала XX вв., заметной фигурой среди ученых-исследователей Западной Сибири и Степного края. На основании его деятельности можно судить о достижениях общественной и научной мысли нашего региона на рубеже двух столетий. Остаётся только сожалеть, что могила его не сохранилась до наших дней, а вместе с упразднением Казачьего кладбища вообще исчезла с лица земли. Но сохранилась память о нём. На здании бывшего Войскового хозяйственного правления (ныне его занимает Омский юридический институт), где длительное время служил Г.Е. Катанаев, ему установлена мемориальная доска. Раз в два года в Омске, в стенах Кадетского корпуса, проходит Всероссийская научная конференция под названием «Катанаевские чтения», на которой учёные со всей России обсуждают вопросы, связанные как с военной историей нашего Отечества, так и с прошлым и настоящим российского казачества. А работники исторического архива Омской области, где хранится богатейший личный фонд Георгия Ефремовича, подготовили и издали уже третью книгу его трудов, которую Вы, дорогой читатель, и держите в своих руках.

А.М. ЛОСУНОВ
историк-краевед

Ваше Превосходительство,

Незабвенный и

Дорогой наш Начальник

Георгій Ефремовичъ!

8-го Августа 1901-го года исполнилось 35 лѣтъ какъ Ваше Превосходительство начали службу въ родномъ нашемъ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ съ первыхъ офицерскихъ чиновъ и наконецъ достигли высокаго поста и званія, какъ Генералъ. Мы только что узнали объ этомъ и во главѣ Исправляющаго должность Атамана 1-го Военнаго Округа Сибирскаго казачьяго войска Хорунжаго Войсковаго Старшины Кислова, — всѣ Котуркульскіе станичники, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые еще помнятъ Вашихъ добрыхъ родителей и Васъ лично, съ первыхъ лѣтъ водворенія въ Котуркульскую станицу, — съ чувствомъ глубокой радости и пріятныхъ воспоминаній о прошломъ приветствуемъ Ваше Превосходительство, нашего Дорогаго Одностаничника и отъ души радуемся, что Господь помогъ Вамъ на пользу родного нашего Сибирскаго казачьяго войска, прослужить эти 35-ть долгихъ лѣтъ.

Приветственный адрес общества станицы Котуркульской Кокчетавского уезда Г.Е. Катанаеву к 35-летию службы в Сибирском казачьем войске в офицерском чине. 15 января 1902 г.
Ф. 366. Оп. 1. Д. 390. Л. 3-4.

Ваше Превосходительство.

Мы искренне-сердечно приносим Вашей нашу великую благодарность за Ваши многоценные и полезные труды и считаем для себя за счастие гордиться тем, что Вы наш родной сотоманчик. В будущем полагаем на Вас, что в трудные минуты не вспомните о нас и на пути к дальнейшему своим просвещенным вниманием.

Пошли Вам Господь много лет здравствовать и еще послужить на пользу родного Сибирского войска.

Полезные труды Ваши, о которых хотя и не высказывались здесь, многими из нас известны и навсегда останутся в сердцах наших приятным и благодарным воспоминанием и переходят потомству. Января 15 дня 1902 года станица Котуркульская.

Адрес подписали:
Исправляющий Должность
Атамана 1-го Военного округа
Войсковой Старшина Чесноков
Котуркульские обо-станичники:
Сотник Матвей Тарасов
Котуркульский станичный атаман Сотник Авдеев
Помощник Станичного атамана Урядник станичный нарочный урядник Петр Ивано

4

Помощник Урядника Трубачев Семен Сергеевич
Станичный судья Урядник Василий Иванов
Приказный Хорунжий Седельников Степан
Станичный судья Непрошенный Бутин
его пробе и за себя расписался Урядник Петр
Степанов. Вместо неграмотных подписался
Военный Казак Григорий Степанов
Дьяконов по личной его
просьбе и за себя расписался Урядник
Федор Сергеевич Бельтюков и приложили
свои подписи Николай Гарасимов Кабанов
Николай Кабанов Иван Кабанов
Иван Кабанов Василий Кабанов
Семен Иванов Казаков Никифор Федоров
по неграмотности его и по его
просьбе и за себя расписался Казак
Иван Федорович Прокопьев Иванов
Казак Алексей Иванов
Казак Семен Бутин Казак Григорий
Федоров по неграмотности и по его
просьбе и за себя расписался Урядник Семен
Федорович Сергеев Казак Василий
Иванов: Приказный Казак Иван
Матвеев Семенов Казак Василий
Иванов Никифор Иванов
Его Высокоблагородию Войсковому Атаману
Сотнику Павлову Павлову

3

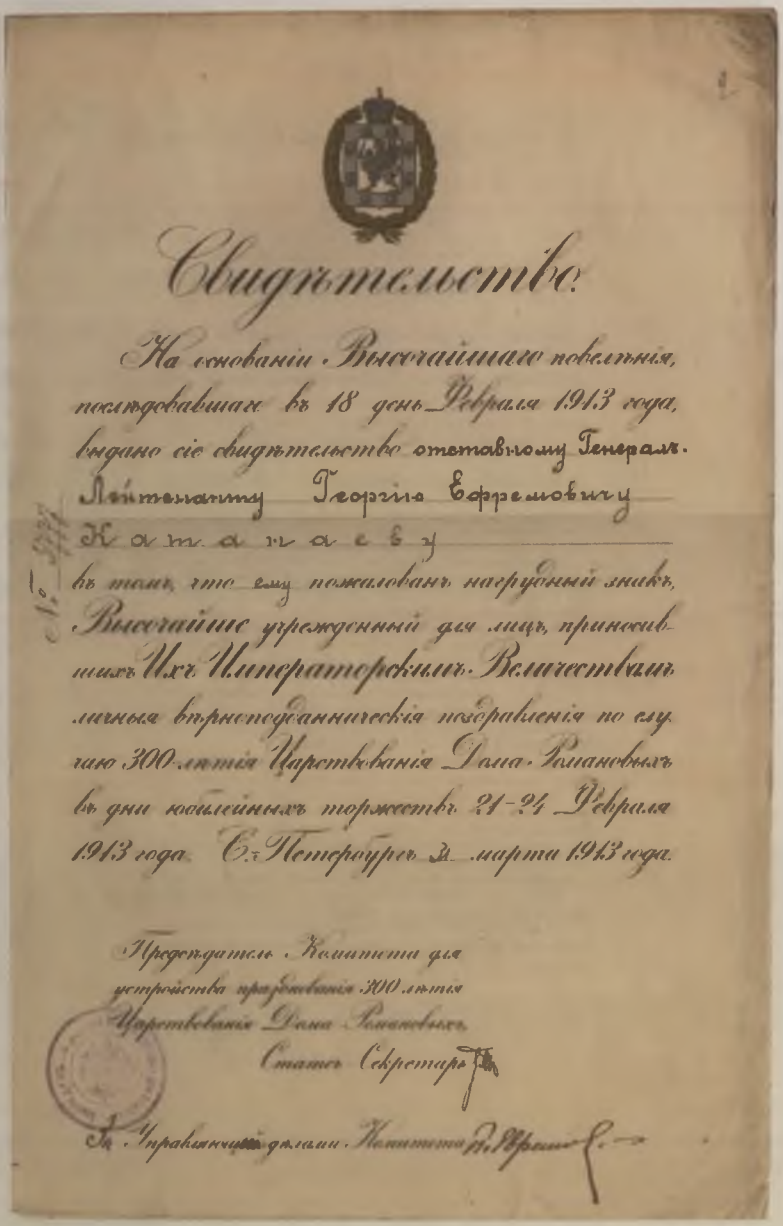
Удостоверяю.

№ 1103.

Предъявитель сего есть Отставной Майоръ Георгій Ефимовичъ Катанаевъ Станицы Котуркульской, избранный выборщикомъ отъ Котуркульскаго Станичнаго общества, для избранія члена въ Государственную Думу. Что Котуркульское Станичное Правленіе удостовѣряетъ подписомъ и приложеніемъ надеженой печати. Іюня 5 дня 1906 года. Станица Котуркульская.

Котуркульской Станичный
Атаманъ Георгій
Писарь Избрал

Удостоверение об избрании Г.Е. Катанаева выборщиком в члены Государственной Думы от станицы Котуркульской Кокчетавского уезда Акмолинской области. 5 июня 1906 г. ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 359. Л. 3.



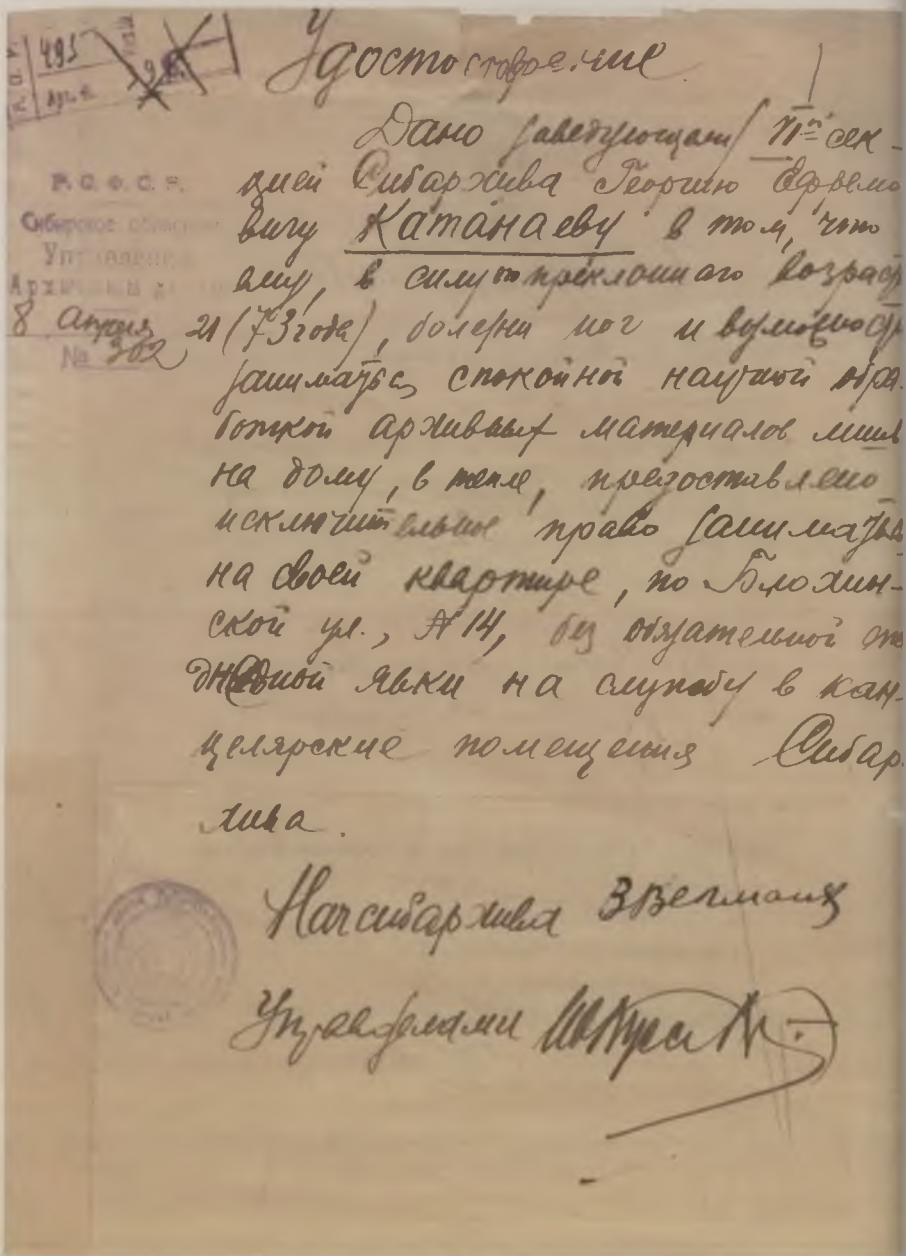
Свидѣтельство.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 18 день Февраля 1913 года, выдано сіе свидѣтельство отставному Генералъ-Лейтенанту Георгію Ефремовичу Катанаеву въ томъ, что ему пожалованъ нагрудный знакъ, Высочайше учрежденный для лицъ, принесшихъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ личныя вѣрноподданническія поздравленія по случаю 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ въ дни юбилейныхъ торжествъ 21-24 Февраля 1913 года. С. Петербургъ 31 марта 1913 года.

Предсѣдатель Комитета для устройства празднованія 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ
Статсъ-Секретарь

И. Управляющій дѣлами Комитета

Свидетельство, выданное Г.Е. Катанаеву на юбилейный знак к 300-летию царствования Дома Романовых как члену депутации от Сибирского казачьего войска на праздновании этой даты. 31 марта 1913 г. Ф. 366. Он. 1. Д. 391. Л. 2.



Р.С.Ф.С.Р.
Сибирское областное
Управление
Архивным делом
8 апреля
№ 302

Удостоверение

Дано заведующим II-м секцией Сибархива Георгию Ефремовичу Катанаеву в том, что ему, в силу преклонного возраста (73 года), болезни мог и возможно обращаться спокойной научной работой архивных материалов лишь на дому, в семье, предоставлено исключительное право занимать на своей квартире, по Блохинской ул., № 14, без обязательной ежедневной явки на службу в канцелярские помещения Сибархива.

Нач. Сибархива Звелиаш

Управделами [illegible]

Удостоверение, выданное Сибархивом Г.Е. Катанаеву, на право выполнения служебных обязанностей на дому. 8 апреля 1921 г. Ф. 366. Оп. 1. Д. 396. Л. 1.

5

Р.С.Ф.С.Р.
Сибирское областное
Управление
архивным делом
№ 561

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего Георгий Е. Катанаев состоит на службе в Омском Областном Управлении Архивным Делом в качестве заведующего VI-м Секцией, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Начальник Сибархива В. Вегман
Секретарь

Срок настоящего удостоверения продолжен до 15 Августа 1921 г. 11 Нов. 1921 г. г. Омск

Начальник Сибархива В. Вегман
Секретарь

Срок продолжен по 15 сентября 1921 г.
Управляющий Сибархивом
Секретарь

Удостоверение Г.Е. Катанаева – заведующего VI секцией Сибархива. 13 июня 1921 г. Ф. 366. Оп. 1. Д. 442. Л. 5.

Отдел записей актов гражданского состояния

при Омск-Городской 1921 год.

№ граф.

Запись
о смерти

		Общий.	Для мужского пола.	Для женского пола.
1	№ записи.	1579.	804	775
2	Число, месяц совершения записи.	Декабря 19 дня		
3	Пол умершего.	Мужской		
4	Фамилия и имя умершего.	Катанаев Георгий		
5	Возраст (число, месяц и год рождения).	75 лет		
6	Число, месяц и год смерти.	Декабря 19 дня – 12 дня		
7	Место смерти (губерния, уезд, город, волость, селение).	г. Омск – Благошинская № 14.		
8	Постоянное местожительство умершего (указать подробный адрес).	г. Омск		
9	Род занятий умершего	Служащий		
10	Семейное положение умершего.	Для мужского пола: холост, женат, вдов, разведен. Для женского пола: девица, замужем, вдова, разведена. Женат		
11	Причина смерти.	Паралич		
12	Фамилия, имя и подробный адрес врача, выдавшего свидетельство о смерти, а также № свидетельства.	Прекращение сер. Раб. Амбулатории от 18/XII 21 г.		
13	Кем сделано заявление о смерти (указать и подробный адрес заявившего).	Ольга Серебренникова г. Омск Б. Аверкаки Мясницкая д. 12		
14	Место погребения.	Казачье кладбище		
15	Особые примечания.	—		
16	Подпись лица, сделавшего заявление.	Ольга Серебренникова		
17	Подпись должностных лиц, совершивших запись.	Зав. Акт. Орлов		

Актовая запись о смерти Г.Е. Катанаева 19 декабря 1921 г.

ГИАОО. Ф. 580. Оп. 3. Д. 100. Л. 402-402 об.

РАЗДЕЛ 1.
Работы Г.Е. Катанаева

Омская старина.
По записям и личным воспоминаниям старожилов, сторонних наблюдателей и путешественников*

15 июня 1914 года

1. Крепостная старина
С основания крепости Омской до перевода в нее Главного управл[ения] Западной Сибири (1716 – 1822)

Эта глава составляется по данным портфеля Архива иностр[анных] дел в Москве – историографа Сибири …** Ласковского. По записям и наблюдениям ученых путешественников и академиков: Гмелина, Фалька, Георга, Палласа; дневнику капит[ана] Андреева; рукописному описанию о границах крепостей XVIII стол[етия], хранящ[емуся] в библиотеке Главного штаба; очерку штаб-секретаря Сомова, участв[овавшего] в экспедиц[ии] Бутовского; биографии Глазенапа, сост[авленной] Броневским; статьи Н. Абрамова; «Пугачевщина в Сибири» А.И. Дмитриева-Мамонова; записке конфедерата XVIII столетия; некоторым архивным данным; материалам по истории Сибири Г.Н. Потанина; статьям П.А. Золотова о старом Омске и др.

Содержание. Характер укреплений и построек крепости в первые годы ее существования на левом берегу р. Оми. Времена Киндермана. Немецкий режим. Крепостное строительство при Фрауендорфе и Вейнмарне. Характеристика Фрауендорфа и нравы тех времен по Андрееву. Инцидент при объяснении о смерти импер[атора] Петра III и восшествия на престол Екатерины II. Эпоха Шпрингера и пере-

* План предполагаемой работы Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

** Текст утрачен. – Прим. сост.

несение крепости на правый берег Оми. Характеристика того времени по данным путешественников Фалька и Палласа. Прибытие ссыльных запорожцев ...* в Омск и их заключения. Ссыльные поляки. Розыски бежавших с Волги калмык[ов]. Пугачевщина в Сибири и реагирование на нее на укреплен[ных] линиях во главе с Омской крепостью. Времена Штрандмана. Характеристика общественной жизни и увеселений того времени по Андрееву. Глазенап и его время. Зарождение Войскового училища (ныне – кадетского корпуса). Броневский. Ссыльные поляки армии Наполеона.

Иллюстрации. Снимки с двух акварелей, подписанных государю цесаревичу Николаю Александровичу во время пребывания Его Высочества в Омске в 1891:

1. «Прибытие ссыльных женок» и разбор их «в услуженье» и «в жены» служащим местного (Омского гарнизона).

2. «Воровской переход киргиз через границу» с XVIII столетия.

2. Омск над ферулою генерал-губернаторств (1822 – 1900)

Материалом и источниками для составления этой главы служили:

Записки и статьи Броневского (первого губерн[атора] Омской обл[асти] и сотрудн[ика] ген[ерал]-губ[ернатора] Капцевича). Воспоминания П.А. Золотова о временах Капцевича, Де Сент-Лорана и Горчакова. Записки Белова и Францевой о временах Горчакова, путешественников Клапрота, Гумбольдта, П.П. Семенова-Тянь-Шанского, С. Максимова (Сибирь и каторга). Автобиографич[еские] записки А.О. Дюгамеля. Воспоминания о службе в Сибири И.Ф. Бабкова, Хрущова, Сокольникова (забавницы и жертвы). Статьи, записки, корреспонденции, появлявшиеся в разное время в периодических изданиях, газетах, исторических журналах. Исторические очерки Ф.Н. Усова.

Главным же материалом составителя служили рассказы старожилов и его воспоминания и наблюдения за более чем сорокалетнее пребывание его в Омске и службу в Западной Сибири и Степном крае.

Основы изложения главы (в хронологическом порядке). Время Капцевича и характеристика его как администратора и человека. Аракчеевский пошиб. Жизнь интеллигентного общества крепости и форштадтов. Городские и загородные пикники. Затишье времен Вельяминова и

* Текст утрачен. – Прим. сост.

Наплавной пешеходный мост через р.Омь. Общий вид. Конец XIX века. ГИАОО. Фотофонд. № 326.

Сулимы*. Зачисление в состав Омского гарнизона ссыльно-пленных повстанцев польской армии[36]. Заговор, руководимый (казаком) Сироцинским. Открытые заговоры и расправы с виновниками (по описанию Максимова, Золотова, Бартовича). Кн. Горчаков по рассказам старожилов и записям современников. Характеристика его и деятелей того времени по зап[искам] Францевой и Золотова. Думающие нравы среднего класса. Высшее общество по записям Белова. Загородный дом для пикников и иллюминаций. Роща на Оми. Временщики. Роль Шрамма. Асташовский браслет. Маральи рога. Заборная литература. Мертвый дом и ссылка в него Достоевского и Дурова. Записки и воспоминания об их пребывании в Сибири М.Д. Францевой. Стихотворения Дурова «Голос из темницы», «Когда пустынник Иоанн» и проч. Доносы на Горчакова – «сибирского диктатора». Ревизия ген[ерал]-ад[ъютан]та Анненкова и уход Горчакова. Прибытие Гасфорда. Характеристика его как администратора и человека. Самомнение. Мечты о Заилийском крае. «Граф Заилийский» в пику «Графу Амурскому». Из воспоминаний о нем И.Ф. Бабкова. Увлечения. «Лев в цепях». «Победитель Пишпека» и торжества с трофеями побед. Характерные анекдоты. Прощание с кирг[изскими] султанами. «Стар стал, ум кончил». Любина роща. Часовня на Казачьем кладбище.

Дюгамель. Его записки и воспоминания. Характеристика Омска и его общества. Взгляды на генерал-губернаторские задачи. Объезд

* Пребывание в Омске А.Ф. Гумбольдта. Польский анекдот о его приезде.

киргиз[ских] степей и вывод о полной непригодности их к оседлой жизни. Взгляд на бесполезность и даже вред занятия Туркестанского края. Личные доклады государю и переписка по этому поводу с канцлером кн. Горчаковым. «Я бы счел себя счастливым и оправдавшим доверие Государя Императора, если бы мне удалось за время моего управления краем не отодвинуть границ нашей Империи ни на один дюйм». Покровительство ссыльным полякам. Их быт в Омске и отношение к населению (обществу).

Возникновение дела «сибирских сепаратистов». Сущность его. Пребывание арестованных на главной гауптвахте. Супруга генерал-губернатора и ее значение в местной жизни. Возникновение благот[ворительного] общества. Генерал-губернаторские балы. Маскарады в Общественном собрании с «польским» и «мазуркой». Прибытие севастопольского героя А.П. Хрущева. Первый прием служащих и грозная речь. Мечты и действительность. Опричнина. Братья Маклаковы. Общественная жизнь. Карты. Сплетни, флирт и загородный «Бычок». Характеристика времени в романе «Забавницы и жертвы», соч[инение] Хрущева-Сокольникова (племянника генер[ал]-губернатора и впоследствии редактора одного из московских повременных изданий).

Корреспонденция из Омска Жорж-Бая в «Камско-Волжской газете». Эпиграммы «Узника» (Ядринцева) на злобы дня*. Двойник генерал-губернатора «Егор Иваныч». Почести. «Подвиг горниста». Подброшенный гроб. Новые времена. Прибытие Н.Г. Казнакова. Толки о Сибирском университете. «Навозные» и «аборигены». Отношение к местному обществу и населению. Более подробную характеристику Н.Г. Казнакова и его времени смотри в главе сборника: «Из личных (моих) воспоминаний об инициаторах учреждения Сибирского университета (Н.Г. Казнаков, Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев). Мимолетное царствование Г.В. Мещеринова. Приезд на «отдых». Изыскания родословной китайских богдыханов. Православная пасхалия. Сравнение с Казнаковым. «Генерал Пасхалиев» (Восточн[ое] Обозрение). Характеристика, данная ему Д.А. Милютиным (см. Исторический вестник. 1913 г.)

Г.А. Колпаковский. Характеристика его службы и деятельности в Семиречье. «Темир-Кут». Администратор без связей на «верху». Печать провинциализма. Своим умом. Наплыв «кашгарцев». Коронация

---

* Н.М. Ядринцев в это время находился вместе с товарищами «сепаратистами» в заключении на Омской гауптвахте.

импер[атора] Александра III и степные инородческие депутации в Москве и Петербурге.

Жертва бюрократизма: И.Ф. Бабков. Его афоризмы и характеристика местных деятелей за 40 лет пребывания в Сибири и Омске. «№ 7683». «Темная планета», «Собака, лающая на всех по приказу своего хозяина», «Облай Полторацкого», «Бархатная перчатка», «Республика и монархия», «Отставной генерал и городовой», «Генерал в штатском, поносящий Правительство», «Нигилизм в молодости, как школа образцового чиновника под старость». «Никакого ума для того, чтобы быть нач[альником] не требуется… требуется лишь уменье приноравливаться» и т. д., и т. д.…*

О Бабкове. Из предисловия к «Восп[оминаниям] о службе в Сибири»[37].

«Я прослужил в С[ибири] более 30 л[ет] при шести ген[ерал]-губ[ернаторах]. При четырех, в том числе ген[ерал]-ад[ъютанте] Хрущ[ове], Казн[акове], Мещ[еринове], состоял в должности нач[альника] шт[аба].

Все эти лица по своему образов[анию], характеру, адм[инистративным] способностям и взглядам, усвоенным ими на разные отрасли управл[ения] таким обширным краем, как Сиб[ирь], весьма резко отличались друг от друга. Служить под нач[алом] с такими разнообр[азными] характерами и взглядами не одно и то же дело, для меня нелегко. На этом скользком поприще мне нередко приходилось находиться между Сциллой и Харибдой[38]. Почувствовал, что утомился жизнью, решил выйти в отставку и даже отклонить лестное предложение Воен[ного] Мин[истра] занять место коменданта Варшав[ской] кр[епости], обещавшее в будущем дальнейшее повышение по службе. Оставляя службу, я оставлял позади себя или, лучше сказать, окончательно избавлялся от разных служебных интриг, зависти, зломыслия и злоязычия, а также и от низменных выходок против меня людей, под поддельным служебным величием которых иногда скрывалось полнейшее ничтожество.

Да! Освободившись от всего этого зла, я мог сказать словами нашего известного поэта:

О, наконец! Из вражеского стана
Я убежал, израненный боец…
Из мира лжи, измены и обмана

* Далее неразборчиво. – Прим. сост.

Полуживой, я спасся наконец…»

«Ну, да ведь он генерал… ему простительно, ведь известно, что всякий чел[овек] с произвед[ением] в этот чин глупеет. Вот я, например, ведь совсем не тот теперь, что был…» Кто это написал? Вот бы мне так написать… смотря надпись «капитан Бабков»…

Барон М.А. Таубе. «Честный немец – прибалтийский рыцарь». Между трех огней в одном лице: и генерал-губернатор, и командующий войсками, и войсковой наказной атаман. Представление и ходатайство об одном и том же начальнике отдельной части, за одно и то же дело и в одно и то же время по званию генерал-губернатора к «примерному наказанию» и по званию войскового атамана «к высшей по статусу награде». Проезд наследника цесаревича. Голодовка 1891 г.

Иллюстрации.

а) Виды города.

1. Мой снимок конца 1890-х годов (Любинск[ий] просп[ект] без дома Шаниной и остатками Любиной рощи вместо теперешней правой стороны проспекта.

2. Вид на город от крепости без сада «Россия» и построек торг[овых] рядов – начало 1870-х гг.

б) Известные в свое время постройки:

Нынешний вид почти единств[енного] в то время каменного дома (частного), во флигеле которого квартировал Ядринцев. Остатки деревянного дома (квартиры) Потанина на Никольском проспекте, где происходили сведения и беседы Потанина с П.П. Семеновым во время пребывания последнего в Омске в 1850-х гг.

Бывший губернаторский и архиерейский дом (ныне Конст[антина] Майера). Бывший директорский дом (ныне воспитательский).

в) Сохранившиеся снимки или архитектурные чертежи замечательных домов и построек, ныне уже не существующих: Кордегардия «Мертвого дома». Сгоревший деревянный первый городской театр. Деревянное здание с мезонином бывшей городской управы. Бывший атаманский дом с бельведером (где находится камен[ное] здание кадетского лазарета). Знаменитый разрушившийся «вокзал» для гуляний в Загородной роще. «Бычок» городской рощи (где теперь кафедральный собор).

г) Характерные для быта конца [18]60-х и начала [18]70-х годов шаржи Омской жизни М. Знаменского:

3. Предупредительная полиция по приказу начальства «показыва-

Дом архиерея. Общий вид здания. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 140.

ет» город «знаменитому иностранцу» (путешественнику).

4. Путешествие в Омск: «Вот Омск показался, в то время горнисты там зарю играли… по небу шли облака…», «Вот две гимназистки идут…», «В казарме скрылось солнце…», «В тенистом углу Любинского сада…», «Тут с дозволенья начальства дождик припрыснул…», «Переправа через улицу» и проч*.

3. Доброе старое время (Из личных воспоминаний об Омске 60-х и 70-х годов прошлого столетия)

Внешний вид и постройки города в начале 1860-х годов. Городские пустыри и площади. Остатки крепостной эспланады. Огражденные высоким деревянным тылом крепостной «Мертвый дом» и городской

* Уместно поместить в иллюстр[ации] этого отдела портр[еты] Достоевского, снятый с него в Семипалатинске, И.Ф. Бабкова и П.А. Золотова, о которых много говорится в этой главе.

Вид на улицу Дворцовую. Справа – гостиница «Европа». Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 211.

острог. Крепостные рвы и валы. Форштадты. Характер построек. Количество казенных и частных каменных домов. Типичный дом времен аракчеевщины. Мокринский базар и «гостиный двор». Кладбища. Загородная роща и «дом». Любина роща «Артиллерийская». «Городская» – Баронская. Казачий хутор. Лагеря. Окрестности города. Исчезнувшие и вымершие животные: тарбагат (тушканчик), юмуранка, польская кошка (суслик) и др. Место, занятое теперь железнодорожными постройками, Атаманским хутором и Ново-Омском. «Поганые колки».

Состояние улиц и площадей. Сообщение по улицам. Мокринская грязь. Весенние «палы» и ежегодная иллюминация, и вонь от неиссякаемых навозных куч.

Извозчики. Домашние экипажи. «Дроги». Освещение (уличное и домашнее).

Состав населения. «Свои» или «наши» и наезжие. Пекарь. Цирюльник. Чеботарь. Типы. Одежда. Моды. Уличная жизнь. Торговля. Домашняя жизнь, занятия и увеселения.

Чиновник и военный. Летние гулянья и праздники в Загородной роще. Зима. Общественное собрание. Известные клубисты. Весна. Первое мая. Пасха и ее празднование: визиты, пасхальный стол, каче-

ли. Рождество и святки (езда на оленях, маскированные странствующие группы – «лодка». Царь Максимилиан). Масленица – катанье по улицам, маски и эмблема масленицы, возимая по улицам. Бегунцы. Каток. Музыкальные вечера. Любительские спектакли в клубе и манеже. Постройка деревянного театра и первая постоянная труппа Надлера. Отношение к театру и маскарадам Н.Г. Казнакова.

Эволюция внешнего вида города, построек, нравов жителей и умственных запросов населения за описываемое двадцатилетие.

Иллюстрации. Сцены из обывательской жизни тех времен: «Выезд семьи погулять на своей лошади, запряженной в «дроги». Домашний водовоз с полубочьем. Масленичное гулянье – везут «Масленицу». Паромная переправа через Иртыш. Общее купанье лошадей, баб и мужиков и т. д.

4. Сибирский кадетский корпус и военная гимназия в 1860-1870-х годах (Из воспоминаний бывшего кадета и воспитателя корпуса и гимназии)

Добрая память о корпусе всех учившихся в нем с самого основания по сии дни. Адреса корпусу и военной гимназии от бывших питомцев разных положений и профессий, равно как и многих ученых, общественных и правительственных учреждений и воинских частей всех родов оружия, преподнесенные корпусу в день столетнего его юбилея, как нельзя более это подтверждают. За столетнее свое существование корпус и гимназия дали России более трех тысяч офицеров, при которых не менее 150 достигли генеральских чинов и покрыли себя воинской славой, сотни лиц, окончивших в нем курс, проявили себя на поприще науки, литературы, публицистики, техники и т. д. Имена многих из них запишет история края и России вообще. Описываемые автором этой главы годы жизни этого учебного заведения служат посильной иллюстрацией деятельности его в наиболее знаменательную и продуктивную во всех отношениях пору его службы отечеству.

Характеристика общего положения дел этого уч[ебного] заведения. Деление на роту и эскадрон. Различие между той и другим. Директора корпуса: Павловский, Линден, Цитович. Инспектора: Ждан-Пушкин, Тыртов.

Личность Линдена и порядки, им введенные. Памятные в истории

уч[ебного] заведения преподаватели: Лободовский, Чернавин, Старков, Костылецкий, Зедергольм, Рейнталь, Андреев, Словцов, Бекреев, Ельницкий и др. Заветы учителей. Традиции.

Выдающиеся питомцы: Вагин (основатель и редакт[ор] первой частной газеты в Сибири), ряд землепроходцев-исследователей и топографов: Потанины (отец и сын), Валиханов, Анненский, Усов, Нестеров (продолжатель Вагина), профессора: Сапожников, Пепеляев и другие.

Иллюстрации. Виды зданий корпуса с его основания до наших дней. Характерные снимки из внутренней учебной и бытовой жизни кадет в выдающиеся моменты истории корпуса.

Портреты: Линдена, Ждан-Пушкина, Андреева, Словцова, Зедергольма, Ельницкого.

Группа последнего выпуска кадет 1866 г., произведенных прямо в офицеры.

В этой группе в главе прочих сняты Линден, Тыртов, ротный и эскадронный командиры, преподаватели Лободовский, Чернавин, Рейнталь и из воспитанников, сделавшихся потом известными: генералы Катанаев, Путинцев, Урядов и др.

5. Инициаторы учреждения Сибирского (Томского) университета (личные воспоминания о Н.Г. Казнакове, Г.Н. Потанине, Н.М. Ядринцеве в годы настояний об открытии университета)

Соответствующая случаю переделка статьи под этим же заглавием, помещенной и в «Историческом Вестнике» за 1914 год.

Первые выступления будущих «сепаратистов» в Омске с речью о Сибирском университете. «Будет университет, будет!» Дальнейшее мое знакомство с ними во время заключения их на Омской гауптвахте.

Послания «Узника» (Ядринцева); его же поэтические стансы: «К Родине», «Ветрянка» и др., распространяемые в это время в Омске. Памятное знакомство с другим узником Потаниным. «Учитесь». Мой отъ-езд в Москву и ссылка сепаратистов из Сибири в Европейскую Россию. Переписка с «каторжником» во время моего нахождения в Петровской Академии, его – в Свеаборгской крепости. Общие мотивы его посланий ко мне. Освобождение из крепости и высылка в Вологодскую губернию. Начало переписки с Ядринцевым. Полное освобождение всех «энтузиастов». Письма их из Петербур-

га. Участие в инсценируемой Потаниным и Ядринцевым «Камско-Волжской» газете. Восторженное послание о назначении Казнакова и его всеподданнейшем докладе о Сибирском университете. «Приказанье» кричать об этом в газетах. Ряд моих статей на заданную тему в первой сибирской газете, издававшейся в Иркутске Вагиным. Похвалы. Приезд Казнакова в Омск. Его характеристика и действия в среде местного чиновничества и общества. Приемы. Дипломатия в обращении. Просветительные мероприятия. Отношение к «аборигенам». Начало спора из-за места для университета. Недоразумения между сторонниками учреждения университета. Мои выступления за Омск. Поддержка Казнакова и его вера в будущность Омска. Памфлеты Ядринцева за Томск, против Омска. Назначение междуведомственной комиссии. Признание преимуществ Томска. Послесловие об Ядринцеве, Потанине и Казнакове.

Приложение. Портреты Ядринцева, Потанина и Казнакова (вариант портрета, помещаемого в главе первой сборника.

6. Посещение гор[ода] Омска наследником цесаревичем Николаем Александровичем

Материалом к описанию этого момента в жизни Омска служат статьи, помещенные в местном (единственном тогда) печатном органе «Акмолинских ведомостях» – иллюстрированном описании путешествия цесаревича кн[язя] Э.Э. Ухтомского и, главным образом, личные воспоминания автора этой главы, сопутешествовавшего Августейшего гостя во все время его пребывания в Омске и следования от Омска до границ Оренбургской губернии.

Приготовления к встрече Высокого гостя. Соединенная комиссия. Казаки – «первая скрипка». Посылка казачьего оркестра в Томск для встречи цесаревича и сопровождение во время плавания от Томска по Томи, Оби и Иртышу до Омска. Встреча в Омске. Парад. Посещение женской гимназии, убежища и др. учреждений города. Казачий день. Прогулка по Иртышу и осмотр импровизированного киргизского аула и выставки. Посещение лагерей кадетского корпуса и военного собрания.

Закладка нового кафедрального собора. Отъезд и проводы. Почетный конвой. Следование из Омска по казачьей линии поселений до границ Оренбургской губернии. Деревенские встречи. Остановки для

Встреча цесаревича Николая Александровича в Омске в 1891 году. ГИАОО. Фотофонд. № 1912. ГИАОО. Фотофонд. № 356.

завтраков и ночлегов. Петропавловск. Киргизские амазонки. Конвой казачат. Знаменщик. Прощание в Пресногорьковской.

Иллюстрации. Фотографическая группа, снятая с цесаревича, его свиты и избранных лиц в Омске. Конвой. Группа представителей от станиц. Фотографические снимки разных моментов пребывания цесаревича в Омске. Инородческая депутация. Снимки с преподношений.

7. Памятники старины

Омск не лишен исторических достопримечательностей, о которых следует знать нынешним обывателям города и приезжим из других мест. В юбилейном сборнике следует поместить снимки с этих достопримечательностей с соответствующим описанием их. Таковы между прочих:

Старые знамена, хранящиеся в войсковом казачьем соборе: Первое – знамя дружины покорителя Сибирского царства Ермака с навязанным на его древке Георгиевским крестом III степени, принадлежавшим бывшему Степному генерал-губернатору и Войсковому атаману Сибирского казачьего войска генералу от инфантерии Г.А. Колпаковскому за взятие Кульджи в 1871 году. Знак отличия этот завещан его владельцу для хранения в казачьем соборе в знак признательности бывшим его подчиненным сибирским казакам.

Вид на Войсковую казачью Николаевскую церковь. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 150.

Второе – так называемое «Тобольское» знамя, жалованное тобольским казакам Царями Иоанном и Петром Алексеевичами в конце XVIII столетия и перевезенное из Тобольска в Омск в конце XVIII столетия при казацком атамане Бардине.

Третье – там же хранящиеся восемь знамен, жалованных в 1809 году вновь сформированным при Глазенапе казачьим полкам императором Александром I.

Во дворце генерал-губернатора также хранятся пять знамен: одно географическое большое, жалованное Сибирскому каз[ачьему] войску за трехсотлетнюю боевыми подвигами ознаменованную службу, и четыре георгиевских же знамени, пожалованных четвертому, пятому, седьмому и восьмому сиб[ирским] каз[ачьим] полкам «за отличие в Японскую войну» и Высочайшие грамоты к ним за собственноручными надписями государя императора Николая II. Такие же знамена за Японскую войну имеются в 43 и 44 Сибирских стрелковых полках.

В церкви Первого Сибирск[ого] кадетского корпуса имеются две

примечательные иконы, из которых одна – походный складень генералиссимуса А.В. Суворова, и другая принадлежала знаменитому боярину Матвееву.

Кроме того, имеется в той же церкви в казачьей и других несколько икон с неугасимыми лампадами, воздвигнутых усердием прихожан в память выдающихся событий в жизни царской семьи.

Существующие и оставленные уже кладбища имеют немало замечательных могил и памятников, под которыми покоятся люди, игравшие выдающиеся роли в судьбах Сибири вообще и кр[епости] Омска в частности.

Таковы, например, бывшие начальники края – Шпрингер, Глазенап, Аносов (известный ученый, горный инженер, известный своими научными и практич[ескими] трудами по металлургии, временно исп[олняющий] обяз[анности] генер[ал]-губ[ернатора] З[ападной] Сиб[ири], Татаринов (вр[еменно] исп[олнял] об[язанности] ген[ерал]-губ[ернатора], также горный инженер). Губернатор Окольничий, несколько десятков выдающихся генералов и начальников отдельных частей, педагогов, общественных деятелей и проч. (м[ежду] проч[их] Линден, двое Соколовых, Чернавин, Лободовский, Старков, Знаменский, и проч., и проч.). Многие из памятников выделяются своей архитектурой и весьма содержательными и оригинальными стихотворными и прозой надписями.

Над могилой жены бывш[его] ген[ерал]-гу[бернатора] Гасфорда построена часовня, в другой часовне, построенной над могилой первой жены И.Ф. Бабкова, им[еется] художественно выполненная икона царицы Елены (портрет покойницы). Над могилами Кузнецова и Шкроева построена кладбищенская церковь и т. д.

Давно пора составить подробное описание кладбищ, надгробных памятников и составить некролог выдающихся усопших.

В ряду других не только сибирских, но и российских городов вообще Омск может похвалиться своими архивами (в большинстве др[угих] городов архивы эти или погорели, или расхищены и умышленно разграблены). Архивы Областного Правления, Канцелярии генер[ал]-губернатора, Окружного штаба, Комендантского управления, Инженерного и Войскового правления представляют собой драгоценнейшие хранилища исторических актов, рукописей, отчетов, автографов, резолюций и т. д. на русском, татарском, монгольском, китайском и др. языках. Давно пора составить им подробные каталоги, указатели, опубликовать их для общего пользования руководства.

Музей и библиотека Зап[адно]-Сиб[ирского] географического отдела также представляют собой весьма ценные хранилища всякого рода изданий и коллекций по археологии, истории, географии и естествознанию.

Не лишены научного и литературного значения старейшие и обширнейшие из омских библиотек – кадетского корпуса и казачьей, хранящих в себе многие весьма ценные и редкие издания, особенно в отделах периодических изданий за 50, 100 и более лет тому назад. В свое время обе эти библиотеки пополнялись и периодическими изданиями, бесплатно высылавшимися Академией Наук.

В тех же учреждениях имеются, кроме того, хранилища (род специальных небольших музеев), а именно: в первом, т. е. в кадетском корпусе: кабинет и галерея, вмещающие в себе портреты всех главных начальников края и директоров корпуса за все время столетнего его существования. Портреты и автографы всех выдающихся бывших воспитанников корпуса, проявивших себя на поприщах службы, науки, литературы, общественной деятельности (в том числе, напр[имер], портреты издателя и редактора первой в Сибири частной газеты «Сибирь» В.И. Вагина, преемника его по изданию А.П. Нестерова, продолжателя Ошуркова, Г.Н. Потанина, Анненского, путеш[ественника] Чокана Валиханова, Ф.Н. Усова, В.Я. Рейнталя и многих других. Отдельные карточки и фотографические группы питомцев корпуса по выпускам из него. Собрание многочисленных адресов, преподнесенных корпусу бывшими питомцами и разными учреждениями в день его столетнего юбилея. Собрание сочинений и рукописей питомцев корпуса, появившихся в разных печатных изданиях и проч. В зачатках будущего войскового музея хранятся образцы вооружения казаков и войсковой артиллерии за прежнее время, манекены исторического обмундирования и некоторые коллекции образцов произведений местной природы и продуктов казачьего производства.

И т. д., и т. д.

Привожу только то, что мне известно. Предполагаемые анкеты несомненно пополнят этот краткий перечень.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 354. Л. 1–15. Подлинник. Рукопись.

Записки по истории города Омска

[1916 г.]*

По свидетельству посетившего Омск в 1771 г. академика Фалька[39] в Омске кроме воинских чинов, размещавшихся в крепости и казармах, собственно в форштадтах проживало всего 1186 человек обоего пола, состоявших из казаков, разного рода торгующих – 72, рыбаков – 487, ямщиков и ссыльных из Тары [...] По другому описанию академика Фалька, относящемуся к семидесятым годам XVIII столетия, большинство жителей Омска тогда состояло из солдат разного рода оружия, которые казарменным порядком все были расположены в новой крепости[40]; в старой левобережной, тогда уже упраздненной, было всего 139 обывательских домов, в которых жили казаки, ссылочные и несколько купцов, вернее, мелких торговцев, всего 1186 душ обоего пола, занимавшихся рыбной ловлей, ямщиной и другим мелким промыслом. Кроме того, по словам того же Фалька, в Омске проживало до 1000 человек преступников из России, по большей части с вырванными ноздрями. Преступники, самые важные, содержались в крепостном остроге (там, где впоследствии содержались Достоевский и Дуров), а не столь важные жили в городе и отличались пришитым на спине красным лоскутом. При хорошем надзоре полиции вели они себя, по словам Фалька, спокойно, в противном случае по жестоком наказании отсылались в острог.

При генерале Шпрингере все названные ссыль[н]ые должны были работать в мастерских, построенных общественным иждивением, а те, которые не знали никакого мастерства, должны были освободить крепости по линии вместо прежних деревянных стен земляными валами и рвами. По всей вероятности, это были военно-политические ссыльные, ибо Омск, как и многие другие укрепления Сибирских пограничных линий, с самого своего основания являлся местом ссылки в него всякого рода пленников: сначала шведов[41] (которые, как сказано уже, имели здесь свою церковь, впоследствии перенесенную в новую крепость и обращенную в обще-лютеранскую или немецкую кирху); после них сюда же стали ссылать пленных польских конфедератов, часть которых зачислена была в солдаты местных гарнизонов, а часть обращена в ка-

* Датируется по содержанию документа, в его конце говорится о праздновании 200-летия Омска. – Прим. сост.

Партия ссыльно-каторжных в Сибирь. Начало XX века.
ГИАОО. Фотофонд. № 43.

заки. В 1771 г. сюда же сосланы и обращены в местные казаки 137 запорожцев, захваченных в партии известных Железняка и Гонта. В 1812 году здесь же очутилось несколько сот пленных великой армии Наполеона, б[ольшей] ч[астью] поляков, зачисленных также в большинстве в казаки. Вот план Омской крепости и сл[ободских] обывательских форштадтов 1803 года.

Мало чем лучше стал Омск, или вернее его форштадты, и после того, как по Сибирскому положению и Уставу о сибирских киргизах графа Сперанского, он в двадцатых годах XIX столетия сделался сначала областным, а при Капцевиче и генерал-губернаторским городом. Оставаясь, как и в XVIII столетии, почти три четверти XIX-го главным образом штаб-квартирою всех войск Западной Сибири и резиденцией главного ее управления с массою всякого ранга чиновников, Омск как город и за этот период своего существования носил печать прежнего торгово-промышленного ничтожества. Все, что составляло его верхи, было наезжее – временное, коренные же обыватели – старожилы, местные торговцы и мещане, дети и внуки бывших солдат и мелких канцелярских служащих являлись лишь как бы состоящими «при господах».

Все местное общество и население ясно разделялось на «господ» военного и статского чина и на просто «жителей». Житель почти не имел доступа в наезжее «общество». Я лично еще застал конец этого периода. Физиономия и характер «общества» менялись в зависимости от того, кто в данное время был генерал-губернатором и командующим войсками. Печать личного генерал-губернаторского усмотрения и влияния на чиновное общество (а тогда, как сказано, только таковое и было) с особенной яркостью проявлялось при таких сильных характером и умом главных начальниках края, каковы были генералы Капцевич, князь Горчаков и Гасфорд. Вобщем справедливость требует однако же сказать, что состав наезжего (или, как выражались туземные остряки, «навозного») общества мог похвалиться своею сравнительной культурностью, которая по общему отзыву всех, кто только писал о тех временах, выгодно выделяла его не только от верхов общества таких губернских городов как Тобольск, Семипалатинск, Барнаул, Красноярск (не говоря об уездных), но и центра сибирской золотопромышленности и торговли Томска, мало чем уступал другому генерал-губернаторскому городу Иркутску.

Тогдашний омский «житель» из солдатских детей по своей неразвитости и бедности не успел еще приспособиться как следует к разнообразным потребностям такого общества, которое в силу этого не только предметы роскоши и культуры, но зачастую и первой необходимости приобретало не здесь на месте и не через посредство местного жителя, а выписывало в складчину из столицы или чаще всего приобретало раз в год на Ирбитской ярмарке через особо командируемых туда «для закупки канцелярских принадлежностей» чиновников Главного управления Западной Сибири. Чиновники эти на данные им заказчиками деньги покупали что нужно и возвращались с ярмарки с целым обозом не только писчей бумаги, чернил, перьев, карандашей и проч[его], но и с заготовленным почти для всего омского чиновничества запасом на год крупчатой муки, круп, сахару, стеариновых свечей, мыла, духов, дамских уборов и проч[его], и проч[его]. Так было в двадцатых, тридцатых, сороковых и даже частью пятидесятых годах прошлого столетия, т. е. всего каких-нибудь 50–60 лет тому назад. В Омске в эти годы было 15–20 тысяч жителей обоего пола.

Приблизительно с 50–х годов того же столетия в Омске независимо от только что кратко охарактеризованного: наезжего чиновенства и офицерства, и местного непритязательного обывателя начинает мало-

помалу зарождаться класс почти столь же непритязательного местного мелкого чиновничества, будущей местной интеллигенции города. Привлекали сюда это мелкое, в большинстве отставное чиновничество и офицерство, сравнительная с многими другими окраинными городами Сибири дешевизна жизни в Омске и даровое на казенный счет воспитание детей в здешнем кадетском корпусе, бывшем войсковом училище Сибирского казачьего войска, основанном при генерале Глазенапе в 1813 году и преобразованном в корпус при Капцевиче. Роль этого учебного заведения не только в истории развития Омска, но и Сибири вообще громадна. Дав краю несколько тысяч образованных офицеров, сотня которых, достигнув генеральских чинов, прославила себя боевыми отличиями (в том числе и в текущую отечественную войну), Омский корпус немало дал России и, в частности, местному краю лиц, заявивших себя в науке, литературе, публицистике и общественной деятельности. По словам одного из наиболее блестящих питомцев известного сибирского деятеля и ученого-путешественника по Монголии и Китаю Гр[игория] Ник[олаевича] Потанина, здешний корпус в его время (т. е. в сороковых и пятидесятых), а я добавлю и в шестидесятые годы минувшего столетия, по составу своих преподавателей является лучшим из всех существовавших в то время учебных заведений Сибири. Другой недавно умерший питомец корпуса, известный публицист и статистик Анненский, с благодарностью вспоминая время обучения в корпусе, пишет в своих воспоминаниях: «Годы моей корпусной жизни имели решительное влияние на общий склад моего развития. Там я научился думать, читать, интересоваться общественными вопросами».

Имена таких корпусных преподавателей как Костылецкий, Сулоцкий, Старков, Лободовский, Чернавин, Словцов известны были далеко за пределами Омска; славу их бывшие многочисленные ученики разносили по всей Сибири и Степному краю. Ближе и больше всего их просветительное влияние сказывалось, конечно, на самом Омске и его населении.

В начале шестидесятых годов кадетский корпус преобразован был временно в военную гимназию с предоставлением права приема в нее кроме детей местных офицеров и чиновников также и детей более почетных граждан, чем, конечно, и поспешили воспользоваться многие из таковых граждан города. К пятидесятым и шестидесятым годам прошлого столетия город Омск, благодаря все более и более усиливающемуся наплыву в город мелкого чиновенства, успел уже выделить из

Все местное общество и население ясно разделялось на «господ» военного и статского чина и на просто «жителей». Житель почти не имел доступа в наезжее «общество». Я лично еще застал конец этого периода. Физиономия и характер «общества» менялись в зависимости от того, кто в данное время был генерал-губернатором и командующим войсками. Печать личного генерал-губернаторского усмотрения и влияния на чиновное общество (а тогда, как сказано, только таковое и было) с особенной яркостью проявлялось при таких сильных характером и умом главных начальниках края, каковы были генералы Капцевич, князь Горчаков и Гасфорд. Вобщем справедливость требует однако же сказать, что состав наезжего (или, как выражались туземные остряки, «навозного») общества мог похвалиться своею сравнительной культурностью, которая по общему отзыву всех, кто только писал о тех временах, выгодно выделяла его не только от верхов общества таких губернских городов как Тобольск, Семипалатинск, Барнаул, Красноярск (не говоря об уездных), но и центра сибирской золотопромышленности и торговли Томска, мало чем уступал другому генерал-губернаторскому городу Иркутску.

Тогдашний омский «житель» из солдатских детей по своей неразвитости и бедности не успел еще приспособиться как следует к разнообразным потребностям такого общества, которое в силу этого не только предметы роскоши и культуры, но зачастую и первой необходимости приобретало не здесь на месте и не через посредство местного жителя, а выписывало в складчину из столицы или чаще всего приобретало раз в год на Ирбитской ярмарке через особо командируемых туда «для закупки канцелярских принадлежностей» чиновников Главного управления Западной Сибири. Чиновники эти на данные им заказчиками деньги покупали что нужно и возвращались с ярмарки с целым обозом не только писчей бумаги, чернил, перьев, карандашей и проч[его], но и с заготовленным почти для всего омского чиновничества запасом на год крупчатой муки, круп, сахару, стеариновых свечей, мыла, духов, дамских уборов и проч[его], и проч[его]. Так было в двадцатых, тридцатых, сороковых и даже частью пятидесятых годах прошлого столетия, т. е. всего каких-нибудь 50–60 лет тому назад. В Омске в эти годы было 15–20 тысяч жителей обоего пола.

Приблизительно с 50–х годов того же столетия в Омске независимо от только что кратко охарактеризованного: наезжего чиновенства и офицерства, и местного непритязательного обывателя начинает мало-

помалу зарождаться класс почти столь же непритязательного местного мелкого чиновничества, будущей местной интеллигенции города. Привлекали сюда это мелкое, в большинстве отставное чиновничество и офицерство, сравнительная с многими другими окраинными городами Сибири дешевизна жизни в Омске и даровое на казенный счет воспитание детей в здешнем кадетском корпусе, бывшем войсковом училище Сибирского казачьего войска, основанном при генерале Глазенапе в 1813 году и преобразованном в корпус при Капцевиче. Роль этого учебного заведения не только в истории развития Омска, но и Сибири вообще громадна. Дав краю несколько тысяч образованных офицеров, сотня которых, достигнув генеральских чинов, прославила себя боевыми отличиями (в том числе и в текущую отечественную войну), Омский корпус немало дал России и, в частности, местному краю лиц, заявивших себя в науке, литературе, публицистике и общественной деятельности. По словам одного из наиболее блестящих питомцев известного сибирского деятеля и ученого-путешественника по Монголии и Китаю Гр[игория] Ник[олаевича] Потанина, здешний корпус в его время (т. е. в сороковых и пятидесятых), а я добавлю и в шестидесятые годы минувшего столетия, по составу своих преподавателей является лучшим из всех существовавших в то время учебных заведений Сибири. Другой недавно умерший питомец корпуса, известный публицист и статистик Анненский, с благодарностью вспоминая время обучения в корпусе, пишет в своих воспоминаниях: «Годы моей корпусной жизни имели решительное влияние на общий склад моего развития. Там я научился думать, читать, интересоваться общественными вопросами».

Имена таких корпусных преподавателей как Костылецкий, Сулоцкий, Старков, Лободовский, Чернавин, Словцов известны были далеко за пределами Омска; славу их бывшие многочисленные ученики разносили по всей Сибири и Степному краю. Ближе и больше всего их просветительное влияние сказывалось, конечно, на самом Омске и его населении.

В начале шестидесятых годов кадетский корпус преобразован был временно в военную гимназию с предоставлением права приема в нее кроме детей местных офицеров и чиновников также и детей более почетных граждан, чем, конечно, и поспешили воспользоваться многие из таковых граждан города. К пятидесятым и шестидесятым годам прошлого столетия город Омск, благодаря все более и более усиливающемуся наплыву в город мелкого чиновенства, успел уже выделить из

Фрагмент панорамы г. Омска. 1860-е годы. ГИАОО. Фотофонд. № 71.

общей серой массы своих туземных обывателей таких торговых полуинтеллигентов как памятные доселе купцы [Владимир] Петрович Кузнецов, Михаил Ив[анович] Галкин и Гавриил Лукич Баранов. Следом за ними стали выдвигаться и другие дети земли и народа – купцы второй и третьей гильдий: Кузьмины, Шкроевы, Тереховы, Волковы, Соколов, Скалетова, Коробейниковы и проч[ие] и проч[ие].

Удовлетворяя постепенно развивающийся спрос на товары, новые торговцы кроме Ирбита начинают появляться в Крестах[42] и даже в Нижнем Новгороде. Параллельно с этим в шестидесятых годах в Омске впервые начинают появляться одно- и двухэтажные каменные дома, принадлежащие не казне, а некоторым из только что названных горожан. Городского общественного хозяйства, можно сказать, еще совсем не существовало; не было ни тротуаров, ни уличных фонарей, хотя бы только керосиновых или жировых, не говоря о всем прочем, во многом не достигнутом и в наше время.

Гостиный двор, как можно было назвать таковым, состоял всего из нескольких деревянных, на скорую руку сколоченных лавок при устье Оми, где теперь пароходная пристань и несколько балаганов на всегда грязном лугу Мокринского форштадта, где теперь тянется сплошной ряд каменных домов бывшего Любинского, ныне Чернавинского проспекта[43].

В начале семидесятых годов в Омске вводится новое Городовое Положение[44], давшее заметный толчок развитию городского благоустройства и общественного хозяйства. Всесословность этого положения дала возможность войти в состав избранной по нему первой городской думы. Многим из представителей нарождающейся мест-

Вид на Иверскую часовню и Любинский проспект. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 223.

ной интеллигенции уже не в качестве чиновников, а просто горожан-домовладельцев. Во главе этой местной интеллигенции стал помянутый уже мною преподаватель кадетского корпуса, выслуживший уже по этому времени узаконенную пенсию, Федор Леонтьевич Чернавин. Его же удалось выбрать и первым всесословным городским головою города Омска. Время его чиновенства, почти совпавшее с назначением в Омск генерал-губернатором приснопамятного основателя первого сибирского университета генерал-адъютанта Казнакова, составило целую эпоху в истории Омска.

Идя, так сказать, в ногу и рука об руку, эти два выдающихся краевика – представителя административно-государственных и общественных начал в немногие годы достигли – один для всего Высочайше вверенного ему обширного края, а другой в связи с общими государственно-краевыми задачами – специально для нашего города. В это замечательное время возникли здесь давно жданные гражданская гимназия[45], успевшая уже к нашему времени дать немало полезного и даже выдающихся работников государственной и общественной деятельности, науки, литературы, искусства, тогда же основано Техническое училище, Центральная фельдшерская школа, Западно-Сибирский отдел географического общества, где получили возможность принять живейшее участие проживавшие тогда в Омске научные и общественные деятели Ядринцев (кстати сказать, уроженец города Омска), Словцов, Сулоцкий, Певцов, Усов, Балкашин и мн[огие] другие.

Организована и произведена на городские средства первая в Си-

бири и из первых вообще в России однодневная перепись Омска, зарегистрировавшая тогдашнее население Омска в 24750 жит[елей] об[оего] пола[46]. Радея о городском строительстве, Чернавин настаивает на устройстве достаточно поместительного и приличного городского базара на Нагорной площади, представлявшей до того времени обширнейший пустырь, заросший бурьяном, а на бывшем Мокринском базаре, представлявшем собою, как сказано, ряд кое-как сколоченных на курьих ножках парусиновых балаганов, уговаривает местных, помянутых выше торговцев возвести ряд каменных торговых, большей частью двухэтажных помещений, получивших в честь его по постановлению городской думы название Чернавинского проспекта.

Вид на Мокринский базар. Рисунок 1860-х годов. ГИАОО. Фотофонд. № 1917.

Одновременно с этим строится городской (положим, деревянный, впоследствии сгоревший) театр, в котором, несмотря на тогдашнюю малочисленность городского населения, играет не один год весьма сносная труппа артистов. Вопросы о постройке головного участка Великой Сибирской железной дороги[47] и открытие первого Сибирского университета встречают в руководимом энергичным и просвещенным городским головою общественном управлении тогдашнего Омска самую настойчивую поддержку тогдашнему ген[ерал]-губ[ернатору] Казнакову, имевшую впоследствии значение в проведении дороги не через север, как предполагалось, а через Омск, для университета – едва не закончившееся учреждением его в Омске.

Толчок и направление, данное тогда общественной работе с боль-

шей или меньшей настойчивостью, продолжалось и в последующие восьмидесятые и частью девяностые* годы прошлого столетия, вплоть до события, которое сразу коренным образом изменило весь дальнейший ход жизни и роль города Омска в ряду других не только сибирских, но вообще российских городов. Я говорю про фактическое осуществление давней мечты Сибири о железной дороге. В последующие затем 20–25 лет рост нашего города и всестороннее его развитие пошло такими гигантскими шагами, какими он не шел за всю свою предшествовавшую почти двухсотлетнюю историю.

Но описание этого глубоко интересного, поучительного, переживаемого нами новейшего периода истории Омска не входит в задачи сегодняшнего моего краткого юбилейного исторического очерка.

В заключение мне остается еще сказать несколько слов в пояснение того, почему именно сегодня, 20 июля, в день пророка Ильи, мы празднуем его двухсотлетие. Точных исторических данных о том, в какой именно день лета 1716 г. заложена Омская крепость, до нас не дошло. Можно только с большей или меньшей вероятностью и основательностью предполагать, что это было именно 20 июля[48].

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 348. Л. 1–18. Подлинник. Рукопись.

Внешний вид города Омска в 1859 году

1885 г.

Омск в 1859 году по наружному своему виду и расположению строений мало имел общего и мало что есть теперь (1885 год). Начну с юга.

Санитарной станции и кирг[изского] хутора (здесь и далее – современная дислокация) не было[49]. Лагери[50] были там же, где и теперь, но крайние южные бараки принадлежали (нынешний Омск[ий] рез[ервный] бат[альон]) 6-му Западно-Сиб[ирскому] линейному батальону. Там, где теперь военный клуб и садик[51], стояли бараки 5-го батальона; еще правее – пешей батарейной батареи; рядом с кадетскими стояли бараки конской батареи Сиб[ирского] каз[ачьего] в[ойска], и, наконец, ближе всего к городу – б[араки] кад[етского] корпуса.

Все бараки по внешнему виду и расположению нисколько не

* Так в тексте. – Прим. сост.

были похожи на нынешние. Там, где теперь здания Интендантского вещевого склада[52], были казачьи и артиллерийские конюшни; крайние деревян[ные] помещения принадлежали команде конных жандармов.

Около столбов при въезде в Омск (где теперь завод) была застава и таможня[53]. Где теперь старые каз[ачьи] казармы, был артиллерийский парк[54]. Казачий форштадт был далеко менее нынешнего, особенно по направлению к востоку, т. е. к кладбищу[55]; дома[56] в этом направлении только что заходили за Базарную площадь. Самого казачьего базара не было совсем. Каменные здания, составл[яющие] теперь казарму молодых солдат, тогда принадлежали Сиб[ирскому] каз[ачьему] в[ойску] и были заняты суконною фабрикой с пристройками для сушки, хранения и окраски сукон[57]. Дома Контрольной палаты[58] не было; сквера не было[59]; оружейной мастерской тоже[60], склада войскового тоже. Двухэтажных домов совсем не было, каменных домов также не было ни одного за исключ[ением] В[ойскового] правления[61].

Кадетский корпус состоял только из отделения, в котор[ом] теперь помещается церковь, директорская квартира, библиотека и столовая[62]. Угловой дом с мезонином принадлежал наказ[ному] Атаману Сиб[ирского] каз[ачьего] в[ойска] и соединялся с корпусом довольно хорошим садом и цветником.

Там, где теперь каменная корпусная канцелярия и квартира секретаря, было деревянное здание войсковых музыкантов, деревянные же: лазарет, кладовая, столовая, швальня, классы, квасница, баня и т. д.

Польский костел на улице Новой. В 1967 году на этом месте построено здание театра юного зрителя. Общий вид. После 1914 года. ГИАОО. Фотофонд. № 158.

Большого кам[енного] 4-х этажного и 3-х эт[ажного] зданий совсем не было, на этом месте стояли какие-то полуразвалившиеся и врытые в землю лачужки. Каменных собрания[63] и костела[64] не было, а на их месте стояли тоже лачужки. Кам[енного] дома Белозерова[65] не было. Не было и гост[иницы] Москва[66], почтамта[67] и многих других современных зданий. Каменный дом ген[ерал]-губернатора[68] со всеми пристройк[ами] только что начинал строиться, надворного сада и дворцового сквера[69] не было. Каменного Барановского дома[70] не было. Не было и каменных домов Терехова[71], лавок, дома Кузьмина[72]. Весь Ильинский форштадт, за исключ[ением] дома Богомолова[73] и директора кад[етского] корпуса (инсп[екторские] кварт[иры] младшего врача), почти сплошь состоял из маленьких деревянных более или менее плохоньких домишков. При устье Оми, где теперь пристань, был деревянный базар.[74]

В Слободке не было кам[енного] здания Галкина[75], не было зданий Технического училища; в угловом каменном здании, не имевшем тогда пристройки для паровика, был т[ак] н[азываемый] «Приют»[76]. Женской гимназии также не было. Дома слободки были значительно меньше нынешних, вывесок не было почти никаких. Слободка по пространству, ею занимаемому, была значит[ельно] меньше нынешней; кам[енного] д[ома] Гойневского[77] не было; кузнечной слободки в городке не было, боен не было. Заводов по Оми было тоже меньше. Пристаней не было, пароходов тоже.

По правую сторону Оми, где теперь так наз[ываемая] Маланьина роща[78], были остатки каких-то избушек и сваленные бревна. Любина роща[79] была значительно тенистее нынешней. Там, где теперь идет целый ряд каменных домов и магазинов с зеркальными окнами и тротуаром и вымощенной улицей[80], была непролазная грязь с вытянутыми параллельно роще деревянными на курьих ножках балаганами, составлявшими т[ак] н[азываемый] Мокринский базар.[81] Сзади этих балаганов шла Сенная площадь[82]. Деревянных домов и улиц сзади не было. В ночное время это было самое опасное место, подверженное нападениям жуликов. Кстати же, фонарей тогда совсем не полагалось. Нагорного базара[83] не было совсем. Все пространство между пристанью, Главным управлением[84] и госпиталем[85] представляло большой громадный пустырь, покрытый травою, где часто паслись коровы. Там, где теперь богадельня[86], стоял т[ак] н[азываемый] городовой деревянный острог, окруженный деревянным палисадом.[87] Богадельни, аптеки Розенплентера[88], телеграфной станции и прочих домов, составляющих этот квар-

тал, совсем не было. Телеграфа, а тем более телефона и в помине не было. Каменных зданий – фельдшерской школы[89], мужской гимназии, женской гимназии[90], Александровского женского пансиона, казармы резервного батальона и деревянного дома военного ведомства, тянущегося по горе, равно как и театра[91], не было и в помине. Не существовало каменной часовни[92] на горе. Крепость обнесена была валом, и крепостные здания существовали почти полностью и тогда, а площади не было видно совсем. Только и торчал из-за вала частокол так называемого крепостного острога[93], известного по заключению и описанию Ф.М. Достоевского «Мертвого дома». Генерал-губернатор тогда еще жил в маленьком доме, занимаемом теперь начальником Окружного Штаба[94].

Украшения Кадышевского и Бутырского форштадтов составляли единственные торговавшие тогда посреди прочих мизерных деревянных домиков – здания Главного управления Зап[адной] Сибири (без архивной пристройки) и Комиссариатской комиссии[95] (нынешнее окружное Интендантство), Военной гимназии были далеко меньше, Городской больницы также не было.

Второй части не было. Жен[ской] прогимн[азии] не было[96]. Каменного дома Терехова, Волкова и проч[их] не было. Вообще все дома Кад[ышевского] и Бут[ырского] форш[тадтов] были несравненно меньше нынешних. Размер и простр[анство] самих форштадтов были тоже

Улица Тарская. Панорамный вид с колокольни Крестовоздвиженской церкви. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 220.

меньше. Кадыш[евский] фор[штадт] далеко не достигал убежища[97], да и самого-то убежища еще не было. Не было Крестовоздвиженской каменной церкви[98]; не было каменного острога[99], не было Кадышевской кузнечной слободки; не было Губаревского дома[100] с садом и т. д., и т. д. Только Загородная роща с своим вокзалом[101] кажется были те же, что теперь. Но в них не было и помина о нынешнем питомнике для растений. Школ в Омске было до крайности мало. Построек на левой стороне Иртыша не было никаких. Зато теперь уничтожен т[ак] н[азываемый] Артиллерийский войсковой сад. Наполовину обездолен и хутор войсковой.

Таким был Омск – маленький, грязный, темный, не оживленный… но он мне казался столицей.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 354 а. Л. 1 – 4 об. Подлинник. Рукопись.

Из «Воспоминаний за шестьдесят пять лет моей сознательной жизни и наблюдений в Сибири с 1855 по 1921 годы»

В Кадетском корпусе

[1921 г.]

В 50 – 60-х годах прошлого столетия Омский (Сибирский) кадетский корпус[102] делился на роту и эскадрон. В первую поступали дети офицеров и чиновников, служащих и служивших в Сибири, а во второй (эскадрон) – дети офицеров Сибирского казачьего войска и султанов Киргиз-кайсацкой орды. Рота, очевидно, считалась состоящей как бы из детей дворян, хотя большинство детей тогдашних офицеров и чиновников Сибири были не потомственные, а личные дворяне (дети старых поручиков, коллежских секретарей и проч.). Эскадрон же заполнялся исключительно казачатами, детьми казачьих офицеров. Не забуду здорованья первого из бывших при мне директоров корпуса генерал-лейтенанта Павловского с воспитанниками роты и эскадрона. Обращаясь к первым, он всегда говорил: «Здравствуйте, дворяне!», а обращаясь к нам, эскадронным: «Здорово, казаки!».

С нами, казачатами, в те времена, несмотря на то, что степь была казаками завоевана и порядок в ней поддерживался исключительно ка-

заками же, обращались без особых церемоний. «Офицерским казачьим детям» тогда велся особый список в канцелярии наказного атамана, которая по достижении включенных в этот список детей казачьих офицеров 11 лет посылала по станицам и отрядам приказ немедленно же доставить их в Омск самими родителями названных казачат или особо командированными для сего войсковым начальством урядниками.

Сколько таких казачат, нередко даже вопреки желанию самих родителей, особенно сердобольных маменек, было взято этими неумолимыми урядниками прямо из игры в бабки!

Приезжает урядник в станицу, где проживает такой «офицерский малолеток», и предъявляет местному «станичному начальнику» предписание войскового начальства доставить к такому-то числу августа месяца «текущего года» сына, проживающего в станице сотника Терехова Егора, и дело готово.

Берут этого сотницкого Егора в чем он был и везут куда-то далеко-далеко в Омск, в корпус учиться. Горько плачут матери, провожая «куда-то» своих любимых детушек, но что поделаешь, «так велено», и покоряются.

В памяти моей масса таких насильных увозов «в науку», увозов людей, потом сделавшихся «интеллигентами» в полном значении этого слова. Так были увезены: всюду известный ученый и путешественник Гр[игорий] Ник[олаевич] Потанин, Фед[ор] Ник[олаевич] Усов, Андр[ей] Пав[лович] Нестеров (редактор первой сибирской газеты «Сибирь»), братья Алемпидист и Мефодий Калачевы и проч., проч.

Я составил сравнительно редкое исключение: меня увезли в корпус без урядника на средства самого отца, который отправил меня в Омск прямиком через почти необитаемую в те времена степь от Акмолов на реки Уленты, Селеты, озеро Денгиз, Теке и проч. Спутницей и менторшей моей до самого Омска была решившаяся ехать этим путем капитанша Тузикова, а провожатым – толмач Устиньев – сословный казак, по профессии «толмач» – переводчик, родной брат первой жены моего отца, отлично владевший киргизским языком.

Смутно теперь представляются мне тогдашние проводы мои в корпус с массой приглашенных знакомых… кто пил, кто плясал, кто пел…

Отец заливал горькую, но был серьезен, то и дело обращаясь ко мне с нравоучениями вроде следующих: «Ну вот, Егорка, ты теперь идешь в науку… старайся… я тебя благословляю… будь генералом, либо ученым… ученье свет… хорошо, если достигнешь топографа… Топогра-

фия – это не всякому дается, нужно учиться, учись» и т.д., и т.д. Мать заливалась слезами.

Когда мы с Тузиковой тронулись с проводов в путь, отец проскакал за нами верхом, провожая меня таким образом верст пять.

В последний раз поцеловавшись с отцом, я поехал в неведомый путь, руководимый «дядей» Устиньевым и прикрываемый тарантасом капитанши Тузиковой.

Не знаю, на который день мы добрались до левого берега реки Иртыша против Омска. Невиданная ширина реки и плывущие по ней плоты, ранее мною не виданные, конечно, поразили меня.

Еще более поразило «величественное» здание кадетского корпуса, составлявшего в то время не более двадцатой части теперь существующего здания, и два-три кадета в парадной форме, стоявшие на крыльце этого здания (день был предпраздничный и царский). «Неужели, – думал я, – меня, захолустного мальчика, каркаралинца, примут в это святилище?»

Остановились мы на «Мокром»[103] – в маленьком доме, где проживал сын Тузиковой, малец лет 16.

Беседа с этим мальцом, не принятым в корпус (по невыдержанию испытания) года два тому назад, еще более укрепила меня в мысли, что не для таких «необразованных» мальчиков как я существует кадетский корпус. Грустный, в сопровождении того же капитанского недоросля отправился я под вечер того же дня отыскивать дом бывшего моего учителя помянутого родственника Александра Дмитриевича Пономарева на Кадышевском форштадте города. Нашли. Приняли меня радушно.

На другой же день в сопровождении старшего брата бывшего учителя Ивана Дмитриевича Пономарева отправился я без всякого отдыха и подготовки в кадетский корпус на экзамены. Опоздай я еще на день, и прием был бы закрыт. Не буду описывать впечатления, произведенного на меня торжественностью обстановки: генерал-директор, полковник-инспектор, соборный протоиерей, мундирные учителя (более высших посетителей в те времена в корпусе не бывало) произвели на меня непривычно ошеломляющее впечатление… Но это не было впечатление угнетенности, напротив, это меня воодушевило. Я был бойкий мальчик. И потому на все предлагаемые мне вопросы самоуверенно «громко» (как учил меня Степан Степанович Левантуев) отвечал… и иногда, даже не давая себе точного отчета в том, правильно ли я отвечал или неправильно. Впечатление, тем не менее, на экзаменующих было решаю-

щее. Я был признан «выдающимся». И потому экзаменационная комиссия и педагогический комитет кадетского корпуса постановили принять меня помимо существовавшего тогда в корпусе «приготови <…>*

<…> говорится «новичок» был признан по старшинству пятым; выше меня, несмотря на двух- и даже трехлетнее пребывание в корпусе, из «вторичков» оказалось только трое, остальные два-три десятка были посажены ниже меня. Четвертым учеником оказался мой соперник из новичков Орлов. С не меньшим успехом пошли и мои дела по фронту[104]. К великой моей радости, проснувшись как-то утром после общей «побучки» рожком кадетского горниста и взявшись за лежавшую около моей кровати на табурете курточку, чтобы надеть ее, я ахнул от изумления и радости! На ней были нашиты красные с белыми кантами погоны! Это была первая полученная мною награда «за успех по фронту». Все новички в те времена первые два-три и более месяца, смотря по успехам, носили куртки без погон. Я, оказывается, первым из всех своих сверстников в первый же месяц пребывания в корпусе получил этот знак отличия принадлежности к воинскому званию. Можно себе ввиду этого представить, с какой гордостью я первое время посматривал на своих сверстников, нося этот знак воинского отличия, в то время как все они еще ходили без погон непризнанными воинами.

Перехожу к описанию порядка дня тогдашнего корпуса по временам года. Для ясности еще раз повторю, что помещения корпуса в то время были сравнительно меньше, чем теперь.

Собственно каменный корпус состоял только из двухэтажного флигеля с колоннами, где теперь помещаются церковь, квартира директора и столовые. Не было еще ни четырехэтажного корпуса аудиторий, рекреационных залов и спален с лазаретом; не было и большого корпуса воспитательских и инспекторских квартир; не было каменного флигеля, что на берегу Иртыша и каменных. Нечего говорить о водопроводе, о котором в те времена не имели и понятия. Место, где теперь высится новое каменное здание лазарета и других корпусных служебных помещений, корпусу не принадлежало. Тут находился большой деревянный дом с мезонином наказного атамана Сибирского казачьего войска. Там, где теперь воспитательский корпус, в первые годы моего кадетства ютились вросшие в землю и покосившиеся на бок домишки частных лиц, б[ольшей] ч[астью] казаков. Потом на этом месте возвели длин-

* Страницы пропущены. – Прим. сост.

ное одноэтажное здание классов, теперь тоже уже, если не ошибаюсь, с 1878 года не существующее.

Классы вначале помещались отдельно от каменного двухэтажного корпуса с открытым ходом через плац в особом глаголеобразном одноэтажном полуразвалившемся деревянном флигеле. Также отдельно с ходом через плац помещалась около подгорного садика деревянная столовая с кухней. Все служащие кадетского корпуса, начиная с директора и инспектора корпуса, ротный и эскадронный командир, отделенные офицеры, преподаватели и все проч., за исключением служительской команды, размещались в городе на частных квартирах.

Здание Сибирского кадетского корпуса. Конец XIX века. ГИАОО. Фотофонд. № 347.

В каменном двухэтажном флигеле с колоннами, как и теперь, находилась корпусная церковь. В нижнем этаже этого же здания помещался эскадрон, а в верхнем – рота кадетов. И ротное, и эскадронное помещения представляли сплошные спальни, без рекреационных и гимнастических залов, даже без особых комнат для приготовления уроков. До такой роскоши в те времена еще не доходили. Все кадеты размещались по комнатам, где были расставлены вдоль стен кровати, обыкновенно по две с разъединительными щитами между ними. На каждых двух воспитанников полагался особый стол для занятий и размещения учебных книг и пособий. В ногах каждой кровати помещался табурет с уложенной на него шинелью (серого солдатского сукна), а по ночам на эти же табуреты аккуратно каждым из кадетов укладывались принад-

лежащие им курточки, брюки и поверх всего – подштанники. Спанье в подштанниках строго преследовалось. Кровати были металлические, с постланными на них волосяными (а кто мочился под себя - мочальными) тюфяками, прикрытыми двумя простынями и байковым одеялом. В головах – подушка с длинным металлическим шестом, на котором вешалось полотенце, а сверху прикреплялся особый овальный металлический «цигель», покрашенный зеленой краской с белой надписью – фамилия кадета, помещающегося на этой кровати. У кадет, имевших звание ефрейтора, цигельный ремень, на котором обозначался номер кадета, окрашивался красной краской; у унтер-офицеров весь цигель был красный, у фельдфебелей и вахмистров – цигель весь позолоченный. Так что для всякого стороннего посетителя и должностных лиц корпуса при взгляде на кровать сразу видно было, что за особа и чин на ней помещается.

В каждой комнате в числе других обитателей-кадет всегда имелся один «старший», обыкновенно унтер-офицер или ефрейтор старших классов. Этот «старший» наблюдал за порядком комнаты и в качестве такового пользовался даже некоторою дисциплинарною властью над остальными, доходившей до постановки провинившегося на некоторое время на выстойку около кровати или лишения третьего блюда за обедом и т. д.

По каждой из комнат ежедневно по очереди назначался дежурный кадет; независимо от этого по всей роте и особо по эскадрону назначался особый дежурный из числа «старших». По всему корпусу дежурил один из числящихся при роте и эскадроне отдельных офицеров.

Каждый день зимой в шесть часов утра на площадке лестницы, соединявшей нижний этаж корпуса с верхним, игралась на трубе или рожке, или выбивалась на барабане особо имевшимися при корпусе нижними чинами сначала «повестка к вставанию», а через четверть часа и сама «побудка»… По «повестке» должны были вставать все дежурные по роте, эскадрону и комнатам, идти умываться, чистить сапоги и вообще приводить себя в порядок, а по побудке все эти дежурные должны были будить и поднимать с кроватей наиболее ленивых и заспавшихся.

Вставая, каждый прежде всего должен был убрать свою постель, расправить простыни, покрыть их одеялом, взбить подушку и потом, опоясавшись полотенцем, идти в умывальную, вычистить себе сапоги, приготовленные служителями (дядек тогда еще не было), щетками и ваксою, потом умываться из общего, в несколько кранов, умывальника.

В это же время обыкновенно кадеты приводили себя в порядок и во всех прочих отношениях. Уборная или, вернее сказать, «отхожее место» помещалось в том же здании, через коридор. Устройство его было самое примитивное. Посередине – большая труба, окруженная десяткомдвумя стульчаков со сквозными дырами для большого сидения. Ни выносных стульев, ни дезинфекции, исключая постоянно горящей печки, не было. Помещение это служило вместе с тем и некоторого рода клубом для веселых бесед и потайного курения старших воспитанников (открытое курение преследовалось).

Часов в 7 игрался сигнал «на молитву». Все выстраивались во фронт по своим комнатам. Старшие осматривали, хорошо ли вымылись подведомственные им кадеты, чистые ли уши, нет ли грязи под ногтями, вычищены ли сапоги, целы ли подошвы (т. е. отданы ли были кадетом своевременно сапоги для поправки) и т. д. Фельдфебели и вахмистр, в свою очередь, обходили все комнаты, проверяя наблюдения старших. В случаях крайности на неисправных налагались соответствующие взыскания.

Еще последний обход комнат фельдфебелем и вахмистром и приказание дежурным по комнатам громко читать установленные утренние молитвы: молитву Господню и молитву за царя с коленопреклонением в последнем случае. После – общая команда «Вольно!» – «Надевай шинели», если погода холодная и ненастная. Все кадеты это исполняют и, ведомые своими старшими, идут в большую сборную комнату, где после того, как они займут свои места, фельдфебель и вахмистр по своему ведомству командуют: «Налево!» или «Направо!» и ведут своих подчиненных через плац, какая бы ни была погода, в столовую.

Здесь, разместившись по столам (каждый стол предварительно посчитан, и наряд сделан), со старшими по столу поют общую молитву: «Очи всех на тя, Господи, уповают…», – садятся утреничать.

Утренник состоит обыкновенно из половины французской полукрупчатой, полупшеничной булки и кружки вареного молока или сбитня (по постам).

Потом общим фронтом шли через плац (опять-таки при какой угодно погоде – в мороз, в 30-градусный буран, дождь и т. д.) «в классы».

Здесь, не более чем через четверть или двадцать минут, раздавался опять сигнал «Занятия!». И мы садились по местам. Приходили учителя. Начиналась учеба.

Не касаясь пока объема и характера преподавания, буду продолжать описание порядка тогдашнего кадетского дня.

Классные занятия тогда во всех классах разделялись на две половины: одну – до обеда и другую – после обеда. Утром было по два полуторачасовых урока и вечером тоже по два таких же, с четвертьчасовым перерывом.

Не смею спорить, часовой или полуторачасовой урок лучше. Быть может, первый лучше, особенно в младших классах.

Мы в те времена полуторачасовое сидение за одним и тем же предметом выносили терпеливо. Да и сами преподаватели к нему приноровились, облегчая наше переутомленное внимание разного рода переменой занятий.

Примерно в 11.30 часов барабанщик бил «конец» классных занятий. Мы шли в комнаты.

Там нас ожидал уже к этому времени соблазнительный завтрак в виде разложенных по подушкам воспитанников хорошо просоленных ломтей черного ржаного хлеба. Мы его жадно пожирали и через полчаса, поправившись немного и отдохнув после трудов праведных, «строились» на внеклассные «занятия», заключавшиеся частью во фронтовых упражнениях, частью в гимнастике, танцах, и раз в две недели в эти же часы ходили в баню.

Фронтовые занятия устраивались обыкновенно (зимой) только для новичков и малоуспешных. Руководителями этих последних были два унтер-офицера. В роте – отставной гвардеец, а у нас из казаков, простой (тоже отставной), в звании унтер-офицера.

С маленькими, приспособленными по возрасту ружьями мы под команду этих «ундеров» проходили «повороты», «фланговые захождения», «маршировку» и «ружейные приемы» с заряжением «на двенадцать темпов!». Нужно иметь ввиду, что в те времена металлических патронов, винтовых стволов, полета пуль на несколько верст еще не было. Патроны были в бумажках, пули круглые, летели сколько-либо правильно всего на 200 шагов, заряжение было не с кормы, а с дула, скорость стрельбы не 60 и более пуль в минуту, а всего одна-две… Любимая поговорка того времени была суворовская: «Пуля – дура, штык – молодец!».

И вот мы эту самую «дуру» под командой «ундера» вгоняли в дуло гладкоствольного ружья на двенадцать темпов!!! «Куси патрон!», «Патрон в дуло!», «Насыпь!», «Зашомполи!», «Наставь!», «Прибей!», «Раз-два-три, шомпол вложь!», «Взведи курок!» и т. д. – я уж и забыл теперь все эти премудрости, а тогда хорошо знал. Недаром и погоны на куртку получил вне очереди!

Гимнастические упражнения за неимением других помещений производились в столовой, которая, как сказано, помещалась в отдельном деревянном здании, куда мы, прикрывшись серыми шинельками, следовали через плац. Не знаю, как теперь (говорят, хорошо), но у нас гимнастика не только поощрялась начальством, но и была любима самими кадетами.

Были удивительные искусники, перескакивавшие через веревку, казалось бы, на недосягаемую высоту, и через «кобылу» со всевозможными малыми, средними, большими и высочайшими колпаками. Были любители, которые, придя с гимнастики или других занятий в «комнаты», продолжали скакать вместо деревянных «кобыл» через табуреты, составленные в несколько ярусов и т. д. Были и недурные танцоры – «просто» и «с фигурами».

Лично я не был ни выдающимся гимнастом, ни танцором. Шел, как говорится, в середине. Не заслуживал ни особой похвалы, ни порицания. Особенно в старших классах, когда мне эти занятия под влиянием так или иначе залетевших в наше «закрытое» учебное заведение учений извне начинали казаться «неприличными». Нужно помнить, что это были памятные в истории России шестидесятые годы!!!

Строевые занятия во дворе Сибирского кадетского корпуса. 1913 год. ГИАОО. Фотофонд. № 356.

Я уже и в последнее время пребывания в корпусе, и еще долго до выпуска из него, в годы прохождения потом курса Петровской земледельческой и лесной академии, долго еще чувствовал на себе настроения того возбужденного времени.

Послеобеденные полуторачасовые с пятнадцатиминутной переменой занятия идут тем же чередом.

А потом, после получасового отдыха, так называемые вечерние часовые занятия «по кроватям», у своих столиков, освещенных сальными свечами. «Старшие» и дежурные наблюдали, чтобы во время занятий была тишина, и никто бы не мешал занимающимся усваивать заданные уроки.

Время после вечерних занятий до «ужина», примерно в течение часа, предоставлялось в полное наше распоряжение. Каждый занимался тем, чем хотел: одни играли, другие боролись, третьи продолжали заниматься, сидя у своих столиков, четвертые писали сочинения на заданные темы, пятые беззаботно играли в «липки», шестые пели хором песни, седьмые вели ученый спор о достоинствах Пушкина и Гоголя, восьмые с грустью вспоминали о своих станицах с рыбной ловлей на Иртыше; кое-кто рассказывал сказки, читали повести Тургенева, «Горе от ума» Грибоедова и прочие книжки, полученные из эскадронной и «фундаментальной» библиотек; рисовали копии с картин, скакали через табуреты и т. д. Все это в одном и том же ротном или эскадронном помещении, в одних и тех же «комнатах».

В известный час (не помню, какой именно) раздавался сигнал «к ужину». Все становились во фронт с накинутыми на плечи «плащами» и обычным порядком следовали опять через плац в столовую. Ужин обыкновенно состоял из двух блюд: супа или щей и каши (просовой, гречневой крупой и розмарин, манной и проч.).

Через полчаса после ужина все укладывались спать, сложив установленным порядком на табуреты при кроватях всю свою верхнюю одежду и подштанники.

Воспитанникам старших классов и некоторым из младших (по особому приказу) разрешалось заниматься чтением и приготовлением уроков, лежа в кровати. В 10.30 часов все огни тушились; водворялась полная тишина и темнота, нарушаемая лишь расставленными на полу в дверях «ночниками» (сальными свечами, вставленными в особые трубки – подсвечники, наполненные водой).

Ни электрического, ни газового, ни керосино-калильного освеще-

ния в те времена не полагалось; да его и вообще еще нигде не существовало. Стеариновые свечи составляли исключение; а в классах во время послеобеденных занятий зажигались особые «вонючие» лампы с каким-то маслом. Служители, нижние чины в особых кожаных фартуках, время от времени появлялись в классах, чтобы поправить плохо горящие лампы и снять накопившийся на сальных коптилках нагар особыми «съёмами».

На завтра, послезавтра и во все прочие зимние будничные дни повторялось изо дня в день то же самое. По субботам и накануне других праздников по вечерам после уроков производился роспуск кадет в отпуск с присланными за ними от родных и доверенных лиц «провожатыми», т. е. обыкновенно кучерами, горничными, самими родственниками и проч.

«Неотпускные» шли в корпусную церковь[105] ко всенощной, по окончании которой расходились по своим «комнатам» и по личному усмотрению занимались, чем им угодно. Мне обыкновенно приходилось оставаться на всенощную в корпусе, так как волею начальства я зачислен был в певчие на амплуа «альта». В отпуск уходил обыкновенно без провожатого «до казачьей церкви», где священником был родной брат моего бывшего каркаралинского учителя Александра Дмитриевича Пономарева отец Петр. К нему меня и отпускали. У него же я проводил и все праздники – малые и большие, короткие и продолжительные, занимаясь в младших классах большую часть времени любимой игрой в камушки, а в старших – чтением всего, что подворачивалось под руку. Частью это были книги «для чтения», приносимые мною из корпуса, а большею частью то, что я находил в семье Пономаревых: это были частью новейшие номера иллюстрированного журнала «Всемирная иллюстрация» и Курочинская «Искра» (60-х годов!), даваемые для прочтения капитаном – топографом Захаровым (родственник Пономаревых), очень интеллигентным человеком, прошедшим по окончании курса Сибирского кадетского корпуса, курс Академии Генерального штаба (по происхождению тоже сибирский казак) и частью тоже «кладезь» великого рода интереснейших книг и карт, наполнявших в передней и кладовых семьи Пономаревых и оставшихся в наследство от их отца, знаменитого протоиерея Собороо-Воскресенской церкви Дмитрия Пономарева. Чего, чего тут не было? Большинство книг относилось к концу XVIII и началу XIX столетий. Книги были частью серьезные, частью ученые, а частью прямо ку-

рьезные. Многие с картинками, портретами, чертежами и проч. Чем глубже я разрывал «кладезь» этих ларей, тем больше увлекался их содержанием. И теперь помню, какое наслаждение доставляло мне чтение в русском переводе «Плутарха», изданий начала XIX столетия с изображениями Гомера, Цицерона, римских императоров и проч., и проч. «Всемирной» географии конца XVIII столетия с удивительными картами «Гишпании» «Великого курфурства Поморании (Пруссии)», мистического сборника удивительных рисунков с поучительными и не менее мистическими подписями к ним (упоминаемого в одном из произв[едений] И. Тургенева, в качестве особо замечательной книги мистиков и масонов старого времени) и проч., и проч.

Куда все это делось и где находится теперь, не знаю. Вероятнее всего, порвано и сожжено в печах под топку. А интересно бы видеть их теперь.

Неотпускные кадеты по выслушивании на другой день литургии проводили его по собственному усмотрению, занимаясь чем угодно (кроме, конечно, запретного).

Летнее время распределялось несколько иначе. Начиная с того, что в мое время кадет на летние каникулы совсем не распускали по домам, за исключением лишь больных. Все мы в мае, июне и июле находились в кадетских «лагерях».

День выступления в лагеря был для нас праздничным, ибо в этот день мы показывались перед омской публикой в полном параде. Уже с раннего утра мы начинали взбивать свои папахи в мелкие кудряшки особого рода веничками и чистили свои эполеты. Нужно заметить, что форма кадет того времени строго разделялась на обыкновенную и парадную. Обыкновенная состояла из фуражки-безкозырки с красным околышем, куртки с красными погонами и воротником, застегнутой у ротных на пуговицы, а у нас на крючки (по-казачьи), и брюк – летом белых, холщовых, зимою суконных, черных навыпуск; сапоги с голенищами.

Парадная в роте: каска с белым султаном, мундир армейского образца, двубортный с петлицами и красными погонами, пояс-ремень с гербом, брюки – летом белые, зимою суконные черные с красным кантом; сапоги, тесак и пехотное ружье со штыком по росту. В эскадроне: головной убор – папаха черной мерлушки с красной верхушкой и кокардой, мундир казачьего образца с петлицами на красном воротнике, чешуйчатые эпо-

леты (медные) кавалерийского образца, красный кушак, шаровары с красными лампасами, сапоги со шпорами, шашка через плечо и ружье без штыка. При фронтовом ученье, «по конному», полагалась и пика.

Пройтись по городу до лагерей под музыку в таком наряде представляло для нас величайшее наслаждение. Мы шли, отчеканивая шаг, в такт музыкантам, прямо-таки героями или победителями.

В лагерях мы отдыхали на вольном воздухе. Занятиями нас особенно не обременяли. Каждый день, тем не менее, утром и после обеда для всех, больших и маленьких, – ротное и эскадронное ученье с ружьями и шашками; у нас в эскадроне: маршировка, равнение, повороты, ружейные и шашечные приемы, рубка шашками и фланкировка пиками, фехтование на рапирах и рубка на эскадронах.

Начиная с 3-го класса, очередная езда верхом, сначала на попонках, без седел, потом в седлах, со скачкой через барьер, рвы и другие препятствия.

Лагерная роща Сибирского кадетского корпуса.
Конец XIX в. ГИАОО. Фотофонд. № 2854.

Начиная с 5-го класса, нас водили на практическую стрельбу по мишеням из нарезных винтовок. В числе других я считался одним из лучших стрелков, а при выпуске даже получил за это приз.

Для выпускных кадетов производилось так называемое «восьмирядное» ученье с шестами, где они в качестве будущих офицеров должны были командовать взводами; ротные в батальонном пешем

строю; эскадронные – в конном. Водились они также время от времени на практическую артиллерийскую стрельбу по мишеням.

Остальное время обыкновенно проходило совершенно свободно, вне ближайшего надзора отделенных офицеров («воспитателей» тогда еще не было). Мы играли, пели, бегали, ловили зверьков (польских кошечек-сусликов, тушканчиков, юмуралок, которых теперь около Омска уже нет), гоняли шары в кегли, разбивали городки, состязались в борьбе, лазали по гимнастическим приборам и проч., и проч. Многие просто ничего не делали или занимались вольным чтением. Ближайшего «воспитательского» надзора за нами в этих случаях, сколько я помню, не замечалось.

Изредка устраивались естественно-исторические экскурсии, поездки на рыбную ловлю, катанье в лодках. Старшие классы, начиная с четвертого, выходили в определенные (очередные) дни в поле для практических занятий по рисованию с натуры, решению геометрических и тригонометрических задач, топографических съёмок – эккером, буссолью, астролябией и мензулой. В конце концов, перед самым выпуском старших кадет производилась маршрутная съёмка с «гулянкой» в заключении. Я, могу похвалиться, был одним из лучших топографических съёмщиков, хотя по гимнастике, танцам, ручному труду и некоторым другим приёмам физического и практического развития, несмотря на мое всегдашнее завидное здоровье, я особенно не преуспевал. Основные причины этому отчасти выяснены выше. Я считал это, особенно танцы, находясь в старших классах, занятиями «недостойными» серьезного человека.

Программа учебного курса во время моего пребывания в Сибирском корпусе мало чем отличалась от нынешней, хотя весь общий курс проходил всего не в пять лет, а, считая с приготовительным классом – в шесть; специальный же класс был всего один. Достигалось столь быстрое усвоение всего курса (в шесть-семь лет вместо теперешних девяти) не столько сокращением программы самого курса, сколько конспективностью изложения, отсутствием повторительных курсов и, главное, тем, что усваивалось преподаваемое не столько аналитически, сколько синтаксически. Спрашивалось больше: не почему, а как?

Если к этому добавить, что из иностранных языков тогда каждым из учеников усваивался только один, а не два, как теперь (ротными – французский, а эскадронными – татарский), а, следовательно, и време-

ни на прочие предметы оставалось больше, да и сама продолжительность классных занятий была тоже дольше (по пять и по шесть часов ежедневно), не считая внеклассных занятий фронтом, гимнастикой, танцами, то такая быстрая усвояемость всего кадетского корпуса становится совершенно понятной. Независимо от этого нужно помнить, что продолжительность годового, чисто делового, а не каникулярного курса, в то время была на два месяца больше, чем теперь. Летних каникул у нас, столь льготных, как теперь, не было. Лагерное время с конца мая месяца до начала августа мы все проводили, как выше сказано, не дома, не в отпуске, а в корпусных лагерях. Время это у нас шло «в учебу» – положим, не классную, не книжную, но во всяком случае производимую: занятия фронтом, гимнастикой, верховой ездой, фехтованием, топографическими съемками, рисованием, естество-историческими экскурсиями, плаванием и проч., и проч.

Преподавания в общих классах:

По русскому языку, как и теперь, грамматика с этимологией и синтаксисом русской речи, теория словесности в связи с краткой теорией русской литературы печатного, одобренного военно-учебным управлением руководства по грамматике и словесности не было. Курсы со слов преподавателей записывались самими кадетами.

По математике проходила арифметика без учебника со слов и показа преподавателей в том же размере, что и теперь. Алгебра – первые четыре арифметических действия, алгебраические дроби, пропорции, уравнения первой, второй и третьей степени, квадратные уравнения, прогрессия, логарифмы. По рассказу и показу преподавателя с печатными задачниками и логарифмами.

Геометрия – на плоскости и в пространстве по запискам и дикту преподавателей в размере том же, как и теперь.

Приложение алгебры и геометрии:

Тригонометрия – в размерах тех же, что и теперь.

Физика – тоже без печатного учебника, по запискам преподавателей. Преподаватель Ф.Л. Чернавин стоял в уровень с тогдашними сведениями по этой науке, но, конечно, нам не сообщали в то время ни о телефоне, ни о фонографе, граммофоне, чудесах электротехники в виде трамвая, автомобиля, электроосвещения и проч., ни о полете тел течением воздуха и т. д., ибо в то время все это еще не было ни открыто, ни усовершенствовано.

Химия – элементарные понятия о химическом строении тел и за-

конных соединений, главнейших из основных элементов. Опыты – по рассказу и запискам преподавателя.

География – по запискам преподавателя: всеобщая география, география России и, в частности, Сибири.

Статистика – России.

История всеобщая и русская по печатным учебникам в размере приблизительно том же самом, что и теперь.

Закон божий – исключительно со слов преподавателя – Древний завет. Новый. Православный катахизис. Главные основы истории Вселенской и русской церкви.

Иностранные языки. Для кадет, зачисленных в «роту», преподавался только один «французский» язык – с теми же несовершенствами как и теперь. Для казаков преподавался только «татарский» – о результатах изучения этого последнего изложено ниже.

Гражданская архитектура – так как всех нас приготовляли к службе исключительно в районе Западной Сибири и в киргизских степях, где никаких строителей-техников в те времена не было, то считалось необходимым посвятить в это искусство будущих офицеров этого края, которым, смотря по обстоятельствам, приходилось быть и военачальниками, и гражданскими устроителями. Учебником были рукописные «записки» – сочинения преподавателя.

Естественная история – ботаника и зоология по учебникам, занимавшимся не столько классификацией растительного и инвентарного мира по классам, семействам и родам, сколько особенностями их жизни и свойств с точки зрения полезности и вреда в жизни человека.

Рисование – с натуры геометрических фигур, моделей и картин – карандашами, углем, тушью и акварелью.

Чистописание и скоропись – писали гусиными перьями.

Законоведение – в 5-м классе – гражданское, а в специальном – военное в связи с военной администрацией.

Топография – теория и практика с экером, буссолью, астролябией и мензулой в том же размере, что и теперь преподается в воинских училищах.

Тактика – по учебникам кадетских корпусов Европейской России с некоторыми сокращениями в частностях.

Артиллерия – так же, как и тактика.

Фортификация – полевая и долговременная, по таковым же учебникам специальных классов кад[етских] корп[усов] Европейской России.

Ввиду крайней ограниченности числа имевшихся на руках у кадет печатных учебников и писанных со слов преподавателей, а по некоторым из предметов и полного отсутствия таковых и других – усвоение преподавания производилось во многих случаях посредством деления учащихся на так называемые отделения или группы человек в пять-шесть во главе со «старшими» или «репетиторами» из числа наиболее успешных учеников. Эти последние обязаны были усвоить заданное, прорепетировать его и с кадетами своей группы. Особенно часто этот способ заучивания заданного практиковался в младших классах корпуса. Бывали нередко случаи, когда на «старшего» или репетитора за малую успешность учеников подведомственной ему группы сотоварищей налагалось взыскание в виде лишения за тот или иной факт отпуска, ограничений в баллах за поведение, лишения «старшинства» и т. п. Более успешные кадеты обязаны были, таким образом, «помогать» малоуспешным товарищам – «выручать» их.

Состав тогдашних преподавателей Сибирского кадетского корпуса, за некоторыми исключениями, в общем, был вполне удовлетворителен, а в лице некоторых из них даже прямо-таки хорош.

Явление это, конечно, не было случайным и вполне зависело как от направления, даваемого сверху из Петербурга, так и на месте директорами и инспекторами классов корпуса. Не меньшую, если не большую, роль в ходе и направлении всей учебно-воспитательной части нашего учебного заведения играло в то время и то повышенное настроение русского общества, которое отражалось на всем. Не надо (опять скажу) забывать, что это было в первую половину 1860-х годов!

За время моего пребывания в Сибирском корпусе в нем было два директора: генерал-лейтенант Ал[ександ]р Михайлович Павловский и генерал-майор Константин Александрович Линден и два же инспектора классов полковники – Иван Викентьевич Ждан-Пушкин и Алексей Петрович Тыртов, оба впоследствии генералы в директории кадетских корпусов: первый – в 1-м Московском, а второй – в Полоцком.

Генерал Павловский при мне директорствовал всего лишь полтора года. В памяти моей он рисуется старым ворчуном, весьма редко появлявшимся в среде кадет, большей частью для того, чтобы распечь кого-либо из провинившихся или прочесть нотации тому или иному классу. Тон всему задавал, главным образом, не он, а ближайший его помощник, инспектор классов, вникавший не только в учебно-воспитательную часть, но и во все внутренние распорядки корпуса. Полагаю, лучшей

похвалою и благодарной памятью к нему с моей стороны будет сослаться в этом месте моих воспоминаний на сказанное вскользь знаменитым питомцем нашего корпуса Г.Н. Потаниным – в одном из сибирских сборников: «В кадетском корпусе в Омске был в то время (т. е. в 50-х – 60-х годах прошлого столетия) лучший во всей Сибири учебный персонал, подобранный инспектором классов Ждан-Пушкиным, превосходным педагогом».

И действительно, по тому времени Иван Викентьевич Ждан-Пушкин был человек далеко незаурядный. При широком образовании он обладал и замечательной выдержкой характера, делавшей его участие в деле, на которое он обращал внимание особенно, значительным и ценным. Как теперь помню его видную выразительную фигуру, мирно расхаживающую по длинному классному коридору (обыкновенно с записной книжкой и табакеркой в руках), то заглядывающую в дверные оконца классов, то заходящую в самые классы, чтобы посмотреть и послушать, что там делается.

Присутствие его в классе во время урока было обыкновенно наиболее производительным временем классных занятий, ибо при нем и учителя подтягивались, и ученики были внимательнее; да и сам он своими наводящими вопросами и собственными разъяснениями пройденного или чаще всего по поводу проходимого всегда вносил много нового, поучительного, чего обыкновенно и в учебниках не было, да и преподаватели нам не сообщали.

Глаз инспектора проникал всюду. И горе бывало тому ученику, а иногда и преподавателю, когда Иван Викентьевич, обратив на него внимание (обыкновенно по случаю какого-либо упущения), вступал с провинившимся в нравоучительную беседу. «Тут хоть сквозь землю провались», – говорили потом «достукавшиеся» до такой беседы с Иваном Викентьевичем. До слез, бывало, доведет, а придет «суббота» – еще и того хуже.

Наказание розгами в первые годы моего пребывания в корпусе еще существовало. Розга, как ни либеральны были взгляды на ученье тогдашних передовых педагогов, все-таки еще существовала как надежнейшая панацея от всех детских прегрешений. Не чужд был от признания «целебных» свойств розги и высокогуманный Иван Викентьевич.

---

* О нравственных, образовательных и служебных их качествах будет сказано ниже.

Да и ученики того времени еще не доросли до понимания телесного наказания как «позора» и «оскорбления личности».

Смотрели на это дело и педагоги, и сами наказуемые только лишь как на «причинение боли». А так как испытывать физическую боль никому не приятно, то и старались все по возможности ей не подвергаться. Для этого нужно было строго исполнять требования начальства (не рассуждая о себе и о степени их целесообразности и справедливости) и главное – хорошо учить уроки. И мы их учили, исполняли волю наставников над нами в большинстве не только без возражений, но и с охотой.

Иван Викентьевич знал, в какой среде ему приходилось действовать, знал настроение учащихся (в первые годы моего пребывания в корпусе) и полную педагогическую неподготовленность ближайших его сотрудников и наших руководителей (ротного и эскадронного командиров и отдельных офицеров)* и потому не гнушался помощи легчайшего из педагогических способов физического, взамен нравственного, воздействия на подведомственных ему малолеток. В старших классах и в его время телесного наказания уже не было. Я, к великому моему счастью, за все время пребывания в корпусе ни в младших, ни в старших классах ни разу не подвергался этому позорному наказанию. Единственное, достаточно тоже позорное наказание по учебной части, которому я подвергался, было в 4-м классе по курсу алгебры. Была письменная репетиция. Велели нам рассадиться по скамейкам рядом один с другим, затылок в затылок. Парты тогда были длинные – на пять-шесть голов каждая. Нашему ряду задали что-то, не помню. Как мы ни ломали голову, как ни изловчались, а решения ни у кого не выходило. Сидим в унынии… Как сдать листок, в котором ни начала, ни конца, сколько-либо показывающего удовлетворительный намек познаний по алгебре наших. Кому-то впереди или сзади меня сидящему пришла несчастная мысль «подменить» задачу. Всему ряду, в том числе мне, была передана к исполнению новая задача с кратким изложением всего хода ее решения (по тому же сборнику задач, из которого нам предложены были прочие задания класса). С общего согласия все кадеты вписали импровизированное задание и решение и подали его преподавателям. Ждём дней пять-шесть результата нашего подвига. На седьмой день является представитель с результатами решения задания за письменную репетицию по алгебре. Раздает всем листки с решением задач и отметками на полях: 7-ми, 9-ти, 11-ти, 6-ти баллов и т. д. Наших всех тетра-

дей нет. Кажется, Степанов, Игнатов, Грязнов и т. д. Вызывает преподаватель наш ряд.

- Откуда вы взяли эту задачу? – спрашивает он.

- Из Вашего задания, – отвечаем мы.

- Из моего задания? Не может быть, – отвечает тот опять, – Я вам этой задачи предложить не мог, так как именно её я и избегал, так как она совершенно ошибочно попала в разряд преподанных вам правил… вы не могли решить ее по одному тому, что правил решения я вам еще не передавал. – Картина!

Результат: приказ по корпусу: кадет Катанаев, Степанов и т. д. – за то, что позволили себе на письменной репетиции взамен задачи по алгебре, которую не умели решить, подменить ее другой – наказать лишением обеда (такого-то числа) и стоянием в течение оного у барабана на виду у всех воспитанников корпуса. Все это и было к великому моему горю и стыду исполнено; хотя по окончании обеда я из числа других своих сподвижников и был награжден от сочувствующих нам сотоварищей подношением «под полы» многих мясных порций, вполне вознаграждавших нас за официальное лишение обеда.

Совершенно иным духом повеяло, когда после генерала Павловского был назначен директором Сибирского корпуса Константин Александрович Линден. Мы были все на плацу, в полной парадной форме, чтобы встретить нового директора. Вот и он – человек среднего роста, благообразной наружности, очевидно, очень нервный, с подергивающимся лицом и плечами.

- Господа! – сказал он, – Государь Император во время милостивого приема перед отправкою сюда изволил сказать мне высокомилостивые слова: «Сибирский кадетский корпус, несмотря на свое немноголетнее существование, успел дать много полезных и дельных офицеров – постарайтесь держать репутацию корпуса». Я счастлив передать вам эти высокомилостивые слова Государя Императора в надежде, что все вы оправдаете их. Сознание важности возложенного на меня дела и переезд в Сибирь долго перед этим были тяжелыми моими думами… но всемилостивейший лестный отзыв о корпусе Государя Императора и рекомендации предшественника моего генерал-лейтенанта Павловского, отозвавшегося с большой похвалой как о воспитанниках, так и о воспитателях, ободрил меня. Я берусь за дело ободренный… но не думайте, что стремления мои будут направлены только в поддержание

того хорошего, что я нахожу здесь: нет, мы будем стремиться с вами к дальнейшему улучшению; нет той точки в жизни человека, оставаясь на которой, он мог бы сказать, что он сделал все, что мог, – вся жизнь человека должна быть непрерывным самоотвержением».

Слова эти, как оказалось впоследствии, не были фразой и следовательно приводились им в сознание и жизнь учащих и учащихся за все время его пребывания во главе нашего корпуса.

Новые «линденовские» влияния начались прежде всего с искоренением розги, несмотря на множество сторонников ее, еще бывших тогда в корпусе (И.В. Пушкин в это время уже был переведен в Москву). Гуманные взгляды нового начальника корпуса отразились и вообще на отношении ближайшего ротного и эскадронного начальства к подведомственным им воспитанникам. Слово «ты» в обращении начальства и преподавателей к кадетам старшего третьего класса постепенно вывелось из употребления. В кадетский обиход стали постепенно входить неслыханные ранее слова: «гуманность», «солидарность», «долг», «обязанность», «развитие» и т. д.

Прослыть за «развитого» человека становилось верхом кадетских стремлений и мечтаний. Важнейшим средством в достижении этого служило так называемое «самостоятельное чтение» просветительных книг и сочинений, усиленно поощрявшееся при Линдене. Нам свободно предоставлялось когда угодно брать для самостоятельного чтения любую из книг ротной и эскадронной библиотек[106], а по особой записке от кого-либо из преподавателей или ротного и эскадронного командира и любую из книг т[ак] наз[ываемой] «фундаментальной» учительской библиотеки. В целях еще большего приучения нас к самостоятельному чтению в последние два года моего пребывания в корпусе даже установлено было полуобязательное посещение двух старших классов фундаментальной (преподавательской) библиотеки.

Для этого три раза в неделю нам рекомендовалось бывать в библиотеке, где специально для нас был устроен особый кабинет для чтения, и к нашему приходу на особом обширном столе выкладывались последние книжки ежемесячных журналов и новейшие номера ежедневных газет. Тут был и «Современник», и «Отечественные записки», и «Вестник Европы», и «Дело», и «Русский вестник», и «Всемирная иллюстрация», и «Санкт-Петербургские ведомости», и сатирическая «Искра». Всё это было к нашим услугам в течение полутора часов занятий в библиотеке. Кроме периодических изданий каждому из посетителей-кадетов раз-

решалось брать для чтения тут же и другие книги: сочинения русских писателей, путешествия, научные сочинения, из которых в особом ходу и моде в то же время были труды по естествознанию. В читальном зале присутствовал библиотекарь, а нередко заходили и директор корпуса, и инспектор, и преподаватель русской словесности Василий Петрович Лободовский. Я был, кстати сказать, одним из усерднейших чтецов и посетителей этих вечерних библиотечных занятий. Глубокое спасибо Константину Александровичу Линдену и В.П. Лободовскому за эти вечера; многим мы им обязаны, и для многих из нас они послужили началом и толчком к дальнейшему умственному развитию и деятельности в сфере служебной и общественно-научной. Многие из нас, благодаря этому, получили возможность достаточно хорошо ознакомиться с русскими писателями не по образцам из хрестоматий Галахова и отрывкам из учебника русской словесности, но и по самим подлинникам в полном их объеме. Высшая благодарная память Константину Александровичу и Василию Петровичу. К характеристике того и другого привожу выписку из Акмолинских ведомостей за 1874 год № 23, где приведена прощальная речь Лободовского над телом умершего в том году Линдена:

«Вот непредвиденная для нас смерть и быстрое разрушение лица близкого нам; лица долго смотрящего с главы учебных и воспитательных сил заведения. Умерший с кротостью и любовью относился к ним – всмотримся же в последний раз в его черты, чтобы сохранить их в памяти. Что же скажет нам добрый начальник в заведении юношам, которых неожиданно ты оставил? Ты перешагнул границы земного мира, для тебя уже разрешены все вопросы жизни и твой завет из гроба для впечатлительных юношей мог бы иметь обязательную силу девиза. Я знаю, тебе были доступны все самые высокие и благородные движения души человеческой; знаю, это для твоего ума не безынтересны были самые жгучие вопросы из области правительственной, сверх того, я очень хорошо понимаю, кто всю жизнь носил на своем лице глаза грусти, несмотря на всю видимую благоприятную жизненную обстановку, в том естественно было нечто, чего во многих других нет, в том не изгладились, не стерлись, а жили идеальные стремления неудовлетворительности, которая выражалась печатью раздумья. Знать все это я могу за тебя, безмолвного, отвечать по человеческой логике. Ты сказал бы ответы: всмотрись в мое страдальческое лицо, в нем сохранилось выражение разумного существа, это печать духа, которую он непобежденный наложил на материю, несмотря на весь гнет тяжелой болезни главной

ее грани (мозга). А если один дух был жив при разрушении бренной его оболочки то естественно сам собою формулируется для юношества девиз: стремления духа предпочтительнее всего уважать и развиваться. Стремление к правде, ко всему доброму и нравственному, что возвышает и облагораживает натуру человека и мира его с краткостью и разными невзгодами армейского поприща, и пусть не смущается юность тем, что на весах человеческого суда ложь нередко перевешивает правду. Медлит человечество освободиться от грубых инстинктов животной натуры, но это оно и в этом отношении идет впереди в том нам напоминании для людей, умеющих читать историю и сравнивать прошлое с настоящим. Прости мне, добрый начальник, что я за тебя шлю завет юношеству, к которому ты относился с теплым сочувствием и простотою. По результатам человеческой мудрости даже всякая добродетель должна проявляться в известных границах, не должна переходить известных пределов, чтобы не сделаться в глазах людей слабостью; но твоей мягкой, кроткой, незлобивой душе удобнее было выполнить требование высшей премудрости всепрощения в честь Спасителя, повидавшего муку, безграничную любовь, кротость, терпение и снисходительность к ближнему. Не суд и осуждение несем на твою святую могилу, но всепрощающую любовь и теплую молитву к богу. Да удостоит Он тебя принять в ложу избранника своих. Прости нас всех».

Эти глубоко прочувственные слова вызвали немало слез у всех бывших при этом.

Речь эта представляет конспект того, что нам, кадетам его времени, приходилось выслушивать от Лободовского как «учителя» во всех значениях этого названия.

Благодаря, главным образом, руководительству Василия Петровича Лободовского, преподавателя русского языка и словесности, многие из нас прочли все, что к тому времени вышло из сочинений Тургенева, Достоевского, Толстого, Гончарова, Грибоедова, Некрасова, Писемского и прочих, не говоря уже о таких корифеях русского слова, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Был между нами кадет Власов, который прочел все тома сочинений Белинского, а том VIII о Пушкине знал чуть ли не наизусть. «Сочинения» его, классные и внеклассные, показывались и читались В.П. Лободовским и учителями, и учащимися как образцы стилистики, владения русской речью и осведомленностью в русской литературе (кадет этот вступил в жизнь в чине казацкого хорунжего, не расцветши отцвел и, попросту говоря, спился в сфере, не имевшей ниче-

го общего с теми идеалами, которые у него создались при чтении Белинского, и умер года через три-пять после выпуска из корпуса). Лично я тоже был не из последних «словесников» и «сочинителей». Никогда не забуду того, как в один прекрасный день Василий Петрович, придя в наш класс (кажется, 5-й) с пачкой наших классных сочинений на тему «Город Омск», торжественно объявил: «Лучшее из сочинений на заданную тему подано Катанаевым! Это, я вижу, очень развитой молодой человек… очень рад, очень рад за него!».

Можете себе представить впечатление этих слов на класс, сказанных никем иным, как самим Василием Петровичем! Шутка сказать, «развитой!» человек… Выше этой похвалы не могло быть. И я сразу сделался «видным» товарищем в своей среде. Все классные товарищи, лучше меня преуспевающие по учебникам «математики» и вообще-то классной обязательной «учебы», должны были сократить свое самомнение и главенство в классе. Такое было значение в то время отзывов об учениках Василия Петровича Лободовского.

Ближайшим же образом это сказалось на избрании меня «редактором» издававшегося в старших классах корпуса юмористическо-литературного журнала «Булавка». Положим, журнал этот (бесцензурный) вышел всего лишь в количестве двух номеров, но … все-таки «журнал»… Начальство наше во главе с директором и сотоварищи по старшим классам читали наше детище и довольно улыбались. Юмор был в этом журнале, конечно, самый добродушный, карикатуры (из кадетской жизни) еще более добродушные, а рассказы и передовые статьи поучительные и наивные. Философия – книжная (по Белинскому).

Замечательнее всего, что и младшие классы: второй, третий, четвертый издавали тоже свой журнал. Не знаю, что и как к нему писалось.

Журналистика того времени и текущая беллетристика не были нам чужды. Василий Петрович Лободовский, читая нам в классах соответствующие возрасту образцы произведений, не обижал и текущую тогдашнюю детскую литературу в виде журналов «Подснежник», «Чтение для детей» и т. п., а в старших классах и таких, как «Современник», «Дело» и прочие с критическими и публицистическими статьями Писарева, Чернышевского, Добролюбова, с соответствующими, конечно, к ним объяснениями самого преподавателя.

Сочинения соответствовали возрасту учащихся, писались сначала в виде пересказа своими словами прочитываемого учителем в классе, потом задания переходили на продолжение рассказов или описание осо-

бенно понравившихся каждому кадету из книг, прочитанных им по собственной инициативе. Далее следовали описания с натуры по данным личного наблюдения и воспоминаний, например, как уже выше было сказано: «Описание города Рима» – «Как я провел праздники» или «каникулы» – еще дальше надвигаясь к старшим классам: «Идеалы героев и героинь романа Тургенева «Накануне» – «Что хотел сказать Тургенев повестью «Рудин»? – «Русская женщина по поэме Некрасова «Мороз красный нос» и т. д.

Натаскиваясь таким образом на изложениях такого рода, мы мало-помалу вырабатывали привычку «писать», довольно правильно излагать свои мысли, а некоторые (если не сказать многие) даже настолько втянулись в это занятие, что не раз в той или иной форме проявляли это впоследствии и в печати. Произведения наши, положим, ни у одного из нас в большинстве не выходили из разряда «заурядности» – в виду того, что нас готовили не в писатели, а в офицеры, и что нас в общем не было много (за все время моего пребывания в корпусе из него было выпущено не более 140 человек) процент таких «средних» писателей следует признать немалым. Мне из числа таковых известен, например, упомянутый уже выше Власов (вскоре по выпуску спившийся), Плотников (тоже спившийся в чине есаула), Кирьянов (полковник), Шайтанов (полковник), Путинцев Михаил (впоследствии протоиерей), Путинцев Василий (войсковой старшина), Симонов (генерал от кавалерии), Воинов (генерал-лейтенант), Шипилов (генерал) и мн[ого] других однокашников, литературные труды которых и случайная причастность к литературе мне не известны. Особо от всех перечисленных лиц следует поставить Н.Ф. Анненского, тоже ученика В.П. Лободовского, вышедшего из нашего корпуса в год моего поступления в него. Литература или, вернее сказать, журналистика, сделались его призванием, специальностью и впоследствии исключительным родом занятий. Вскоре по окончанию курса в корпусе он поступил вольным слушателем в Петербургский университет и по окончании в нем курса двух факультетов посвятил себя исключительно литературе и журналистике, вступив в состав руководящих кружком тогдашней молодежи, будучи «шестидесятником» чистейшей крови, он таковым же остался и до глубокой старости и самой смерти впоследствии в 1912 г. В последние годы он вместе с известным Короленко был главн[ым] руководителем редакции журнала «Р[усское] бог[атство]» и литературного кружка «прогрессистов». В большинстве изданий по смерти его помещ[ались] его некрологи и

портреты. В «Рус[ском] Словаре» над его портретом было написано: «Н.Ф. Анненский постоянный сотр[удник] «Р[усского] бог[атства]» – один из самых уважаемых наших публицистов, в течение долгого ряда лет стоявший в первом ряду журнальных деятелей и с честью державший славные традиции 60-х годов. В лице его русская журналистика понесла тяжелую, трудно вознаградимую утрату».

Лично я также, как известно, не безгрешен в пристрастии к писательству.

Выше я уже упоминал, что, ещё не поступив в кадетский корпус, я начал писать «Историю» моих народов, в корпусе я продолжал до четвертого класса включительно. Параллельно я с 3-го класса начал писать мой «Дневник» – и продолжал его писать все время пребывания в корпусе, и потом в первый год выпуска в офицеры и поступления в Петровскую земледельческую и лесную академию Москвы. Первые два погибли где-то при переезде моей матери из Акмолинска в Новоникольск, а «Дневник» (XI томов) арестован был у меня жандармами в нечаевские времена академии и не возвращен мне до сих пор. С того времени я и не вел дневник. Много бы я дал за возврат моей детской «Истории» и «Дневника».

Перечень и краткое содержание последующих моих литературно-научных трудов, печатавшихся в редких периодических изданиях и особыми оттисками, читатель найдет и в гл[аве] XIV настоящих воспоминаний, носящей название «Научная, литературная и общественная моя деятельность».

Переходя от поэзии к прозе, попросту говоря, к русской грамматике, правописанию (диктовки), «словесности» (по учебнику) – должен сказать, что это было у нас не в авантаже. Писали мы грамматически, как и теперь, неплохо, хотя Василий Петрович, усваивая нам первую (грамматику), нередко выходил из себя, доходя почти до боев, с возмущением нашим грамматическим невежеством. Не берусь судить, насколько он был прав, сваливая всю вину за нашу безграмотность исключительно на нас. Думаю, однако, что в этом был виноват и он сам. Русская грамматика нами записывалась со слов преподавателя (других печатных «утвержденных» учебников по этой части у нас не было); она была с сокращением. Вдобавок к ней предлагалось аккуратное ежедневное переписывание с книги по пяти-шести печатных строчек. Мы это выполняли. И вот, в конце-концов этой системы я все же получал единовременно за «правописание» – 5 баллов, а за «сочинение» – 11!

Как-то на днях мне попалась на глаза одна из уцелевших тетрадок моего «дневника» за время пребывания в специальном классе корпуса и, признаюсь, я прямо-таки пришел в стыд и ужас от тогдашнего моего грамматического письма.

«Русская словесность» проходила также сокращенно, исключительно для экзаменов или формы. Лободовский демонстративно игнорировал «учебную словесность». Занимаясь с нами в течение всех пяти-шести лет чтением, беседами по поводу прочитанного и письменными работами, он не более чем за полгода до выпускных экзаменов принимался за изложение и диктовку своего курса русской «словесности» и краткой истории русской и иностранной литературы. Понятно, что в столь краткий срок мы успевали кое-как усвоить не словесность и историю литературы, а одну лишь номенклатуру той и другой.

Зато, опять-таки повторю, выходили мы из корпуса, надевая офицерские эполеты, сравнительно начитанными по русской литературе и не по образцам только хрестоматийным, а по оригинальным, не в сокращенном виде, а в полном, и не «до» Гоголя и «до» Пушкина, как тогда установлено было в большинстве других средних учебных заведений, а по день выпуска нашего из корпуса, до самых последних произведений Достоевского, Толстого, Тургенева, Гончарова, Писемского, Некрасова, Помяловского, Успенского, Островского (все они тогда еще были живы). Из иностранных поэтов и писателей мы знали главнейшие произведения: «Иллиада» Гомера в переводе Гнедича, «Одиссея» по Жуковскому, Вергилиеву «Энеида», «Психея и Амур» или вернее «Душенька» по Богдановичу, «Дон-Кихот» Сервантеса, Дантов «Ад», «Гамлет», «Отелло», «Король Лир» Шекспира; наиболее популярные произведения Лопе де Вега, Шиллера, Гёте, Гейне, Байрона, Беранже...

Драматические писатели иллюстрировались и домашними кадетскими спектаклями под руководством Василия Петровича в рождественские и пасхальные праздники и каникулы. Помимо них мы разыгрывали на нашей сцене комедии Гоголя – «Ревизор», «Женитьба», Островского – «Не в свои сани не садись», «Свои люди – сочтёмся», «Доходное место», Сухово-Кобылина – «Свадьба Кречинского».

Водили нас, конечно, и на любительские спектакли в «Манеж» и «Общественное собрание», которое, кажется, тоже именовалось «Благородным». Не только постоянного театра, но даже и случайных представлений в гор. Омске профессиональных драматических трупп тогда тоже еще не было.

Об опере и балете имели конечно самые смешные, иногда даже совершенно искаженные понятия, так как и тех, и других в Омске в то время не было возможности поставить даже в самом жалком виде. По крайней мере у меня, у «развитого» (по словам Лободовского) кадета, до самого приезда в Москву (1867 г.) балет представлялся не иначе, как фейерическим сочетанием исключительно соблазнительной чувственности танцев.

Г.Н. Потанин (1835 – 1920) – географ, этнограф, публицист, фольклорист, ботаник, один из основателей сибирского областничества. ГИАОО. Фотофонд. № 1914.

Был еще один род литературно-словесных, рекомендуемых нам Василием Петровичем и осуществляемых директором Константином Александровичем посещений это время от времени организуемых тем же Василием Петровичем или только что образовавшимся тогда в Омске кружком «Молодых сибиряков» – литературно-музыкальных вечеров в Общественном собрании и в нашем корпусе. В корпусе Лободовский в собрании «Молодые сибиряки» – в числе их были бывшие питомцы нашего корпуса Григорий Николаевич Потанин (впоследствии знаменитый географ и путешественник по Средней Азии и Китаю), Николай Михайлович Ядринцев, уроженец города Омска и известный сибирский публицист, Федор Николаевич Усов, питомец корпуса, писатель этнограф, Ник[олай] Ив[анович] Наумов – автор «Беллетристических очерков из Сибирских низин»

Были мы свидетелями известного чтения Потанина, озаглавленного «Современный Яик» (Современное казачье войско) и пламенной речи Н.М. Ядринцева о необходимости открытия Сибирского университета – «Будет! Будет Сибирский университет!» – слагали мы вместе с другими сибирскими энтузиастами знаменательных вечеров заклинательные слова Ядринцева.

Вторым преподавателем сначала русского, а под конец моего пребывания в корпусе татарского языка был Николай Федорович Косты-

лецкий, по рождению сословий сибирский казак, прошедший сначала курс войскового училища до преобразования его в кадетский корпус, а потом Казанский университет по восточному факультету. Я застал его уже в период упадка, когда он понес всякого рода невзгоды, пристрастился к спиртным напиткам, опустился, как теперь говорят, чуть не «на дно». А, говорят, был в свое время «передовик». Страстный поклонник Белинского, он в корпус явился проповедником его идей, встреченный крайне несочувственно тогдашним директором корпуса генералом Шраммом.

Про этого генерала в наше время ходило множество анекдотов, рисующих с одной стороны его научное невежество, а с другой – прямую, доходящую до сплошной, глупость. Не знаю, насколько все эти анекдоты были правдивы, но во всяком случае отношение его к Николаю Федоровичу было непозволительно. Начиная с того, что генерал Шрамм никогда не забывал при встрече с Костылецким, что перед ним стоит не только преподаватель русского языка, но и сословный казак (кажется, еще не пользовавшийся правами своего образования), с которым он может проделать что угодно. И потому немудрено, что третируя поклонника Белинского как угодно, он при случае будто бы говорил: «Молчать! Молчать, когда я говорю. Я генерал, а «ты» кто такой? Казак. Велю выпороть – и выпорют тебя…». Только энергичная поддержка приехавшего в это время в корпус в звании инспектора классов Ивана Викентьевича Ждан-Пушкина выручила Николая Федоровича от «усмотрений» названного директора.

Немудрено поэтому, что «оппозиционное» направление выработало в Костылецком и дальнейшее отношение его к службе, товарищам по учительству и ученикам.

Я у него учился (в старшем классе) уже не русскому языку, а татарскому, после другого, оказавшегося никуда негодным преподавателем этого языка, тоже бывшего ученика Войскового училища и студента Казанского университета Ташмамета Гассановича Сейфуллина. Язвительно отзываясь и о своем предшественнике преподавания татарского языка, и о сотоварище по учительству, и частью о высшем начальстве, он восхищал нас не столько образцами тюркско-татарской литературы, сколько образцовым чтением современных русских авторов. Никогда и нигде впоследствии я не слышал такого чтения.

Необычный сарказм отношения ко всему окружающему никогда его не оставляли. Зайдет ли, бывало, говоря о предстоящих выпускных

экзаменах по татарскому языку, он спросит, и сам же отвечает: «А кто будет экзаменовать? – Ташмет со своими сородичами? Придет невежественный мужлишка … Кобылятиной будет отрыгать и вас спрашивать…» и т. д.

В других случаях вдруг во время урока он воспылает ненавистью к общему режиму и начнет издеваться над нами, учениками. – Были у нас двое: Бутаков, почему-то косивший, короткие волосы, зачесанные ершом, человек непокладистый; другой – Березовский – «Ваничка» – совершенная ему противоположность. Никогда Николай Федорович не переносил их сидения рядом на одной скамейке. Пользуясь всяким удобным, а иногда и неудобным случаем, он говорил первому с иронией, переходившей в сарказм: «Ты что это, Бутаков, зализался таким ершом? И в жизни хочешь выступить таким же ершом-недотрогой! Смотри, брат, по собственному опыту говорю, далеко не пойдешь… Ты вот бери пример с твоего соседа «Ванички», он даром что глупый, а в гору пойдет… потому смирный, дабы не замутить… ты ему хоть плюй в глаза, а он все будет говорить «божья роса» – такие идут в ход, а ты не пойдешь!»

Тем не менее, а может и благодаря этому, из учеников, когда еще он был преподавателем русской словесности, вышло немало людей, любивших повторять свои мысли и наблюдения в книгах и печати. Не знаю, в какой мере они обязаны ему собственно или влиянию других преподавателей и наставников того времени. Знаю только о самых выдающихся из этих учеников: знаменитый впоследствии ученый и путешественник Григорий Николаевич Потанин как устно (в том числе мне), так и печатно не раз заявлял свою признательность воспитавшему его кадетскому корпусу и в особенности преподавателям геометрии – Я.Н. Кучковскому, словесности – Н.Ф. Костылевскому и географии – Егору Ивановичу Старкову (о котором будет подробнее написано ниже). В одном из сибирских сборников новейшего времени (1912) Потанин в статье, носящей название «Культурно-просветительные организации Сибири», описывая учебные заведения 50-х и начала 60-х годов прошлого столетия, пишет: «…в кадетском корпусе в Омске был в то время лучший во всей Сибири учебный персонал, подобранный инспектором классов Ждан-Пушкиным – превосходным педагогом».

Позволю себе несколько остановиться здесь на некоторых из лично известных учеников этого «лучшего во всей Сибири учебного персонала», так как некоторых наиболее выдающихся преподавателей тех

времен (в том числе Ждан-Пушкин, Старков, Костылецкий, Сулоцкий, Кучковский) были в корпусе преподавателями при мне.

Начну с Григ[ория] Николаевича Потанина, которому я многим обязан лично, как об этом подробно будет сказано в следующих главах моих воспоминаний, особенно в 3-й, 4-й и 14-й.

По происхождению сибирский казак, уроженец поселка Ямышевского, Потанин окончил курс кадетского корпуса в 1852 году хорунжим и в том же году попал в военную экспедицию в Заилийский край, занимаясь изучением большей части этого края и заложением на месте бывшего Таучубекова крепления города Верного, ныне областного города Семипалатинской области. Уже тогда в Григории Николаевиче с непреодолимой силой проснулись влечения путешественника и натуралиста. «Когда военная экспедиция переходила впервые реку Или, – пишет П.П. Семенов-Тянь-Шанский в предисловии к книге Потанина «Тангутско-Тибетская граница Китая и целинной Монголии», – перед восприимчивым юношей показалась внезапно из тумана великолепная цепь Заилийского Алтая с ее седыми снежными вершинами, никому еще неизвестная, никому невиданная…, будила в талантливом юноше жажду знаний и стремление к исследованию стран невиданных…». Возвратившись в Омск, он прикомандировывается к Штабу отдельного Сибирского корпуса и в свободное время усиленно занимается самообразованием и извлечением исторических данных о Сибири из местных архивов. Осведомленность его об этой странице края уже в это время, очевидно, была настолько велика, что проезжавший через Омск в 1856 году в свою Тянь-Шанскую экспедицию П.П. Семенов считал необходимым познакомиться со скромным казацким офицером Потаниным. Много лет спустя М.Н. Ядринцев как-то показывал мне ту трехоконную хибарку (которая теперь уже совершенно вросла в землю), где в те времена проживал Потанин, и где, сидя под окном, он и Семенов неоднократно подолгу беседовали о далеком крае, Алтае и Сибири. Беседы эти настолько их сблизили, что и впоследствии во всю их продолжительную жизнь близость эта не прерывалась, не прекращалась даже и тогда, когда П.П. [Семенов] стал уже сенатором и вице-президентом Императорского географического общества, а Потанин волею судеб очутился узником Свеаборгской крепости.

Благодаря этому знакомству, завязавшемуся впервые в Омске в 1856 году, наука Сибири и России вообще (как будет сказано ниже) получила возможность приобрести в лице Гр[игория] Ник[олаевича] По-

танина исследователя Азии, писателя и публициста, несмотря на его запятнанную уже в 1861 в политическом отношении репутацию.

В 1852 году Гр[игорий] Н[иколаевич] Потанин в чине сотника вышел в отставку, а в следующем поступил вольнослушателем в Петербургский университет по физико-математическому факультету.

Здесь впервые завязывается столь чреватое последствиями его знакомство с Н.М. Ядринцевым, Н.Н. Наумовым, Ф.Н. Усовым.

События 1861 года выдворяют всех из Петербурга обратно в Сибирь, а в частности в Омск.

Еще не имея репутацию литераторов и публицистов, все они фигурируют в Омске в качестве сибирских патриотов. Выше уже сказано, как мы, кадеты Омского корпуса, отнеслись к призыву этих людей за сибирский университет.

В 1863–1864 годах Гр[игорий] Н[иколаевич] принимает ближайшее участие в разграничительной с Китаем экспедиции К.В. Струве, результатом которой явился между прочим первый напечатанный в «Записках» географического общества научный труд Потанина об озере Зайсан и рыболовстве на нем. Благодаря этому труду автор его по ходатайству Струве перед генерал-губернатором Западной Сибири Дюгамелем делается в конце 1864 г. секретарем Томского губернского статистического комитета. В Томске он организует кружок сибирских мечтателей, которые все во главе с самим организатором в 1865 году арестовываются и препровождаются в Омск, где на них возбуждается политическое дело о злонамеренных действиях некоторых молодых людей, стремившихся к исправлению существующего в Сибири порядка управления и к отделению ее от империи…

Здесь во время предварительного заключения «сепаратистов» на Омской главной гауптвахте и я познакомился поближе с Григорием Николаевичем и некоторыми из его сотоварищей по заключению – Ядринцевым, Наумовым, Шашковым, Колосовым и др. (но об этом подробнее в следующей главе 3-й и 14-й настоящих воспоминаний).

Здесь во время заключения Потаниным приведены в порядок и дополнены собранные еще ранее в омских архивах материалы по истории Сибири, тогда же напечатанные в известиях Императорского общества истории и древностей России при Московском университете. Здесь же обработано основание тех же архивных материалов, солидный его труд «О бухарской торговле в Сибири в XVIII столетии». Наконец, отсюда же им через меня доставлена в Москву известному ученому словисту

и профессору Осипу Максимовичу Бодянскому «Домовая летопись капитана Андреева», напечатанная потом в «Чтениях» и послужившая ценным материалом для многих сибирских исследователей, касавшихся пограничных дел и быта обитателей сибирско-степной окраины во второй половине XVIII столетия.

В 1867 году, во время нахождения моего уже в Москве, дело о «сепаратистах» было закончено, и все они были разосланы в отдаленные места Архангельской губернии, а Потанин заключен в каторжную тюрьму при Свеаборгской крепости (о переписке моей с ним во время Свеаборгского сиденья в гл[аве] 3-й и 4-й настоящих воспоминаний).

В 1873 году Потанин (на другой год после того, как мы с А.П. Нестеровым, возвращаясь из Москвы и Петербурга в Сибирь, посетили его в Тотьме и Никольске Вологодской губернии) по ходатайству Императорского географического общества во главе в это время ставшего уже сенатором П.П. Семенова, Гр[игорий] Ник[олаевич] получает полное помилование своих грехов и возможность отправиться в Петербург для научной работы. Четыре года, проведенные в Петербурге, дают ему возможность по поручению того же П.П. Семенова разобраться в той части Риттеровой «Азии», которая касается Западной Сибири и киргизских степей. Как знаток этих мест Гр[игорий] Ник[олаевич] освещает их в целом томе в 172 страницы «Примечаний» к Риттерову труду, который, проредактированый П.П. Семеновым в 1877 году, выходит в свет в виде 4-го тома «Азия».

Эта работа дала возможность П.П. Семенову возбудить перед географическим обществом вопрос командирования Потанина во главе экспедиции для изучения в Западную Монголию. Ходатайство это было удовлетворено, и Григ[орий] Ник[олаевич] после этого в течение более десятка лет руководил 1-й, 2-й, 3-й и 4-й экспедицией в С[еверо]-Западную и Центральную Монголию, Тибет и часть центрального Китая по 1893-й год, когда он вследствие смертельной болезни жены был вынужден возвратиться через Сибирь в Е[вропейскую] Россию.

Результатом этих экспедиций в Китай было появление в свет на счет географического общества нескольких томов, трудов Григория Николаевича и его спутников с массой естествоисторических коллекций, обогащающих музеи его общества и Академии наук. Для людей той сферы, к которой я принадлежу, трудно оценить значение трудов Григория Николаевича в области всестороннего исследования посещенных им стран, но не подлежит сомнению, что они займут почетное место в

трудах всех ученых по познанию не вполне еще понятых европейцами мест. Теперь, когда я пишу эти строки, Григорий Николаевич пережил почти всех своих сверстников, утроился в Томске, где и сейчас проживает в общении с лучшими научными силами родного края.

Будучи одновременно и ученым, и литератором, и общественным деятелем, Гр[игорий] Ник[олаевич] Потанин за долгую свою жизнь написал многие десятки своих научных и малых трудов, литературно-публицистических статей и заметок во всевозможных изданиях – «Военном Сборнике», «Старой и Новой России», «Журнале Министерства народного просвещения», «Вестнике Европы», «Всемирной иллюстрации», «Азиатском вестнике», «Живописной России» изд. Вольфа под ред. П.П. Семенова; «Чтениях Импер[аторского] Общества истории и древностей Российских», «Записках» и «известиях» Императорского Русск[ого] географ[ического] общества и его сибирских отделов, в Восточном обозрении, в Волжско-Камской газете и других сибирских повременных изданиях сборников.

Другим замечательным учеником Николая Федоровича Костылец-

Заседание членов ЗСОИРГО в связи с 80-летиим Г.Н. Потанина. 1915 год. ГИАОО. Фотофонд. № 1915.

кого (по русскому языку и словесности) и Егора Ивановича Старкова (по географии) был киргиз Чокан Чингисович Валиханов, вышедший из корпуса в 1853 году при генерал-губернаторе Западной Сибири Гасфорде, который принял его под ближ[айшее] свое покровительство (как киргиза) и офицера Сиб[ирского] каз[ачего] войска, игравшего в те времена выдающуюся роль по расширению наших границ со средней Азией и степей русских.

Лично его я мало знал, но был хорошо на товарищескую ногу знаком с родным братом его Махмудом Валихановым, одновременно со мной выпущенным из кадетского корпуса.

Как и Г.Н. Потанин, сблизившись в Семиречье с П.П. Семеновым, он после восприятия в корпусе уроков Е.И. Старкова по географии воспламенел желанием проникнуть в недоступный тогда для русских Кашгар, и тогда же в 1858 году получает поручение собрать в этих странах необходимые для правительства сказания. Переодевшись бухарским купцом, он проникает в Кашгар с одним из караванов и исследует его. С удивительным для киргиза уменьем владеть русским языком он подробно описывает путешествие и результаты своих наблюдений в «Зап[исках]» геогр[афического] общ[ества] 1861 г. под названием «Алтышар» и «Очерки Джунгарии». Находясь в Петербурге для разработки собранного и научных сведений, он поступает в Петербургский университет вольнослушателем, но неожиданно умирает в 1866 году[107].

Были и еще ученики Николая Федоровича Костылецкого и Старкова, так или иначе оставившие следы по своей причастности к русской грамоте и словесности. В числе их отмечу упомянутого уже выше Ф.Н. Усова, брата его Ив[ана] Ник[олаевича] Усова, Павла Никифоровича Иванова и Андрея Павл[овича] Нестерова (о котором тоже выше упомянуто). Всё это по происхождению сибирские казаки. Извиняюсь, что не могу привести имена других его учеников, не казаков, мне они не известны, вероятно потому, что жизненные и служебные дороги наши слишком разошлись в разные стороны, чтоб мы могли иметь друг о друге наблюдения для этого сведения.

Федор Николаевич Усов хорошо был мне знаком. Выпущенный из корпуса в 1856 году с чином сотника он сразу же обратил на себя внимание войскового начальства и тогда же начал подготовку к поступлению в Академию Генерального штаба. Самым трудным предметом подготовки для него был французский язык, так как этому языку в то время, как и во время моего пребывания в корпусе, казаков не обучали.

Остальное ему далось легко, и он поступил в академию из числа первых. Окончание курса ему однако не удалось, так как известное брожение 60-х годов захватило и его.

Он, Ядринцев, Потанин и Наумов были одновременно высланы из Петербурга и очутились в Омске. Это было как раз то время, которое мною описано выше, когда и мы, кадеты Сиб[ирского] кад[етского] корпуса, прислушивались к голосу передовых людей, тоже волновались и кричали на публичных лекциях названных сибиряков – «Будет! Будет Сибирский университет!». Волею судеб однако же ему, как и сотоварищам его Потанину, Ядринцеву, братьям Григорию и Гавриилу Усовым и некоторым другим из проживавших в Омске и других городах Сибири казачьих офицеров и частных лиц, пришлось опять попасть сначала на Омскую военную гауптвахту, а потом в ссылку. В 1873 году он был помилован и возвращен в Омск, где я с ним и познакомился. Службой своей и научными работами он заставил забыть свое прошлое увлечение и по ходатайству незабвенного в истории Сибири основателя Сибирского университета Николая Геннадьевича Казнакова ему был возвращен прежний воинский есаульский чин, а потом и положение. В 1888 году он в чине полковника и в звании атамана 1-го военного отдела Сиб[ирского] каз[ачьего] в[ойска] умер в станице Кокчетавской, где и погребен.

Память его по предложению тогдашнего Степного генерал-губернатора, также памятного в центре Степного края, Герасима Алексеевича Колпаковского почтена была панихидой в Омском войсковом соборе и во всех станицах Сибирского казачьего войска.

Очень скромный по своей натуре, он никогда не рекламировал себя, и большинство его литературно-географических и статистических трудов осталось неизвестными, так как не были им подписаны. Мне лично известно только «Историко-статистическое описание Сиб[ирского] каз[ачьего] в[ойска]» и отчет о его состоянии, послужившее образцом для таковых же описаний и образцов всех казачьих войск за многие последующие годы. Историко-географические очерки его по Сибири, и в частности по Сиб[ирскому] каз[ачьему] войску, печатались в местных органах, а статьи по более обширному району – и в столичных изданиях.

Андрей Павлович Нестеров, так же как и Усов, вышел из корпуса в Сиб[ирское] каз[ачье] войско с чином сотника. Некоторое время при мне был отделенным офицером в эскадроне кадетского корпуса.

А потом по «каким-то» обстоятельствам очутился временно в отставке. В бытность в Петербурге за это время пристроился к либеральному литературному кружку. Написал в «Азиатском вестнике» обращенную на себя статью, забыл как ее название, но общий смысл ее был таков: «вы считаете современное качество «вольным» сословием, а между тем оно, особенно Сибирское, всегда было и есть наиболее несвободное и рабское – рабское в служении Государству». Это не помешало ему однако же достигнуть в конце концов чина полковника, опять выйти в отставку «по особым причинам» и стать во главе первой издававшейся в Иркутске сибирской газеты «Сибирь» в звании ее редактора. Что принадлежало в этой газете ему лично и что значилось за редакцией, не знаю.

Иван Николаевич Усов – младший брат вышеупомянутого Федора Николаевича, тоже опять-таки сибирский казак, дослужившийся в войске до чина войскового старшины; два раза бывший в отставке и волею судеб ставший во главе издававшейся в Омске в печать 1900-х годов газеты «Степной край».

Павел Никифорович Иванов – тоже казак – полковник, получивший при отставке чин генерал-майора. Лично мало выступавший как автор тех или иных статей, появившихся в повременных изданиях, но всегда вращавшийся в литературных кружках, и одно время бывший даже в составе редакции издававшегося Ядринцевым в Петербурге «Восточного Обозрения».

Кто из учеников Николая Федоровича и Егора Ивановича так или иначе были причастны к русской «словесности» из состава «роты» за то время, мне, к сожалению, не известно.

Нельзя не сказать здесь несколько строк и о глубоко уважаемом мной наставнике не раз уже выше упомянутом преподавателе географии Егоре Ивановиче Старкове – тоже по рождению казаке и воспитаннике Сибирского кадетского корпуса, тогда еще именовавшегося Войсковым училищем.

Это был в истинном смысле «самородок». В молодые годы слыл «волтерианцем» и безбожником; в мое время известен был своей историко-географической начитанностью и неподдельным патриотизмом, выражавшемся в горячей похвале всему русскому.

За неимением печатного руководства по географии мы изучали эту науку по рукописному курсу, составленному самим Егором Ивановичем. Каждый его урок обыкновенно и начинался с учебника, читаемого

вслух каким-либо учеником. Остальные слушали и следили по своим тетрадям, а Егор Иванович, ходя по классу, приговаривал: «Так, так... там не так, тут нужно изменить, теперь в Киеве уже не 50, а 55 тысяч жителей». – Чтение продолжалось. – «Так... так... у Воронежа добавьте: «Здесь Петр Великий в первые годы своего царствования перед вторым Азовским походом подготовлял галеры и досчаники для русских войск под осаждаемым Азовом...» – Мы все это добавляли и изменяли записанное ранее. Вообще Егор Иванович любил соединять географию с историей. Говорилось ли, например, о городе Нанты во Франции, всегда к прочим сведениям о нем прибавлялось: «Известен Нантским эдиктом 1598». Говорилось ли о Полтаве, всегда прибавлялось в числе ее собственной «о битве великого Петра с Карлом XII, где русские одержали победу над шведами» и т. д., и т. д.

Им же был составлен для нас и курс «Статистики». Оба курса, однако же, в печати не появились. Сам ли он этого не желал, или по каким другим причинам они не печатались, не знаю. Нужно думать, что, во всяком случае, не по тому, что они были забракованы, ибо не подлежит никакому сомнению, что автор их в свое время был передовым преподавателем географии и поражал всех собеседников своей географической осведомленностью, часто вводивший их в заблуждение о том, что он им сообщает не личные свои наблюдения, а то, что им вычитано из книг. Черчение карт, признанное впоследствии столь необходимым для усвоения географии, в его время было уже в полном ходу. Умея великолепно чертить все части света и государства, он и в среде учеников образовал много артистов этого дела. Для легчайшего запоминания вычерчиваемых стран Е.И. Старковым были придуманы самые простейшие геометрические фигуры, намечавшие главнейшие пункты этих стран. Некоторые из этих фигур остались в моей памяти и по настоящее время. Географию у него ученики знали в общем весьма обстоятельно, были даже особо тщательные любители этой науки; к числу их относился и я. Вплоть до пятого класса я не имел по этому предмету менее 10 баллов. Один непредвиденный, но характерный для Егора Ивановича случай, однако же, поссорил нас на целый год. Как теперь помню, дело шло о северных обитателях Европейской России. Речь зашла о лопарях[108]. Я сидел на первой скамье недалеко от чертившего в это время на доске северную полосу России Егора Ивановича. «Слушай, – сказал я полушепотом рядом сидящему товарищу, когда учитель вычерчивал Кольский полуостров, завел речь о лопарях, –

Вот сейчас начнет их выставлять идиотами…» Не успел я закончить фразы, как вдруг Егор Иванович, что называется, взбеленился: «Кто это? Кто сказал, что я буду поносить лопарей? А… Это вы, Катанаев? Вы?... Либералист заершенный… Буду ругать за то, что они не русские? Да, да, буду… А Вы как думали? Я русских буду ругать? Нет, никогда этого не будет. Мы, слава богу, не лопари, не карелы, не чухонцы… мы Великий народ… мы… этого не могут понять вот такие либералишки, как ты… Пожалуйте к доске! Пожалуйте! Вот, я посмотрю, какой вы русский; как вы знаете единую Русь, я вас спрошу… Извольте отвечать!!!» – и пошел, пошел. Как я ни хорошо знал все нам преподаваемое и даже более того, а в конце концов над целым потоком самых разнообразных вопросов, посыпавшихся на меня, спасовал. Этого только Егору Ивановичу и нужно было.

- Ага! Не знаешь, а берешься рассуждать не по разуму…

Так после того и пошли у меня неудовлетворительные [баллы] по географии вплоть до выпускных экзаменов, когда я высказал пристрастному учителю, что я его предмет знаю лучше большинства его учеников. [Если бы] не «придирался» ко мне стр[астный] русофил, то должен был в конце концов после прекрасного ответа о Сибири поставить мне вместо курсовой пятерки сразу 10 баллов. Добрые отношения наши после этого, однако же, так и не наладились.

Предмет свой Егор Иванович любил до страсти и старался передать эту страсть и нам. «Ах, господа, господа! – говорил он, бывало, после дурных ответов кадетов, – Как вы плохо это знаете! А ведь предмет-то какой! Сколько замечательного! Мир Божий постигаете, человека изучаете, природу… узнаете ее таинства… а вы ленитесь, не хотите проникнуть в эти тайны. Стыдно, стыдно…».

Любя однако же географию и географические карты, мы, пользуясь его добротой, нередко дозволяли себе в отношениях с ним непростительное школьничество. Было бы слишком много перечислять здесь, что мы с младших классов выделывали в его уроки. Укажу лишь время, когда он, лишившись красавицы жены, несколько месяцев ходил как помешанный, ничего не слушая, не различая. Тут мы ему болтали, отвечая у карты урок, что только вздумается – и «красна Империя» – и «тут земли» и «Московская-ская, ская – овская» и проч., а он, вертя в руках бумажку и не следя за ответом, обыкновенно только приговаривал: «Так, так… дальше» – а дальше следовала ни в нос, ни в рот нелезущая галиматья.

В общем, тем не менее, Егора Ивановича нельзя не вспомнить как человека, больше чем незаурядного.

Кем только он не работал за время своего учительства? И учителем танцев, и отделенным офицером, и режиссером кадетских спектаклей, и произносителем речей в торжественных случаях... Любовь к родным у него всегда выражалась какими-либо ласкательными по их адресу словами. Сибирь он иначе не называл как «Матушка Сибирь», сибирские реки – «матушка Обь», «батюшка Иртыш», «родная Омь» – и т. д. Описание Сибири в его время составляло отдельный курс и ему посвящалось целое полугодие.

Часто любил Егор Иванович рассказывать про посещение «великим» Гумбольдтом в 1828 году Войскового училища во время путешествия по Сибири, когда Егор Иванович еще обучался в этом училище. При Гумбольдте он был вызван к доске для ответа по географии и был обласкан великим учителем! Мы с завистью слушали нашего учителя, удостоившегося такой чести. У нас в те времена было развито поклонение к разным ученым и неученым божествам.

Умер Егор Иванович уже после моего отъезда из Омска во время нахождения в Петербургской земледельческой и лесной академии, что теперь Московский с[ельско]-хоз[яйственный] институт.

Трогательна, говорят, была его кончина и прощанье с обширной по тогдашнему времени и его ограниченными средствами библиотекой. За несколько часов до смерти, говорит легенда, он приказал перенести себя в его кабинет и долго-долго любовался на стоящие в шкафу дорогие для него книги. Что он думал в эти минуты?

Эдуард Карлович Зедергольм – преподаватель истории. Не менее чем Егор Иванович нами уважаемый.

Бывший студент Московского университета (по историко-филологическому факультету), ученик историка Соловьева (о чем Э[дуард] К[арлович] любил упоминать). Человек несомненно высоко просвещенный, говоривший и писавший на многих языках. В младших классах кадеты обычно смеялись над его несколько карикатурной фигурой с тонкими ножками, называя его «петушьей ногой» но старшие классы по мере прохождения курса все более и более проникались уважением к нему, извиняя многие его недостатки, при которых главнейшим было пристрастие к водке. Не забуду, как мы в старших классах ожидали его «лекций» (а не уроков), зная, что «сегодня он будет не спрашивать, а «читать». С этими ожиданиями могут сравниться лишь ожидания универси-

тетским студентом лекций любимейших своих профессоров. В безмолвной тиши просиживали мы в классе, целых полтора часа слушая плавный и увлекательнейший рассказ своего учителя-профессора.

Да и нельзя было не слушать, когда, излагая, например, историю провозглашения Меньшиковым после смерти Петра Великого императрицей Всероссийской, невежественной сожительницы [по] имени Екатерина I, Эдуард Карлович «не по учебнику» грустным голосом вещал: «Еще таковая же тень Великого Императора ...* падь осиротелой Русской земли. Как во дворце светл[ейшего] временщика новейшего Государя князя Меньшикова собиралась стая хищников, готовых ради собственных интересов поставить на Российский престол какую угодно куклу покорную». Или заключительную его лекцию по истории России, начинавшуюся глубоко грустными словами: «Еще одно последнее сказанье, господа, и летопись окончена моя».

Для полной характеристики обстоятельств нужно заметить, что к лекциям Эдуарда Карловича нас привлекало не одно увлекательное изложение исторических событий, но и то, как освещались эти события и те вставки, которыми не занимались ни в одном из допущенных тогда к употреблению учебников. По немецкому подлиннику он читал нам по-русски целые главы истории Шлоссера; с французского переводил философский рáссказ из жизни императора Павла Петровича; читал «причины великой французской революции» и т. д. «Записывайте, записывайте, господа, – говорил при этом, – того, что я вам сообщаю, вы нигде в другом месте не найдете…». И мы усердно все это записывали. Мы знали такое, что он был в переписке с самим Герценом! Это еще более усиливало интерес к тому, что он нам сообщал, независимо от «утвержденных» учебников истории.

Не нужно однако же думать, что все это не пропущенное официальной цензурою носило непозволительный для средне-учебного завед[ения] характер… Напротив, как человек, близко принимавший к сердцу все «великое», он увлекался всем выходившим из ряда обыкновенного: Наполеоном, Петром Великим, Кромвелем, Лафайетом, Николаем I и проч. За Кромвеля я на письменной репетиции получил единицу, а за Петра Великого – одиннадцать баллов. Не забуду, как раз вбежал он к нам в класс необычайно взволнованный после разговора в «инспекторской» с Егором Ивановичем: «Господа! Я сейчас получил

* Неразборчиво. – Прим. сост.

оскорбление от одного из моих сотоварищей, от ваших преподавателей. Он назвал при мне великого Наполеона «сереньким капралом»! Великого Наполеона?! Лучше бы он дал мне пощечину, чем оскорблять так память этого колоса, властителя сердца и ума всего человечества!..».

Правда, в тот день он был немного «выпивши», но случай все-таки довольно для него характерный.

Увлекался он и тогдашним императором Александром II как освободителем крестьян…

Благодаря своей «слабости» он, однако же, должен был в конце концов раньше времени оставить кадетский корпус. Года через три-четыре после этого я встретил его в Москве будучи уже студентом Петровской академии. Он проживал в знаменитой в то время гостинице «Кокорева» – что за Московским Кремлем.

Пока я снимал калоши в передней номера, он, сидя в глубоком кресле как раз напротив входа, зорко ко мне присматривался, а когда я, повернувшись к нему, пошел навстречу, он, видимо узнав меня, поднялся с кресла и, ковыляя на тонких расслабленных ногах, со слезами бросился меня обнимать.

- Сибирь, Сибирь! Родная! Как она сюда попала?.. – лепетал он. – Да, да, я знал, что лучшие мои ученики никогда меня не забудут! Как я рад, как я рад! – и т. д. и т. д.

Он, как ребенок, расплакался и стал мне рассказывать грустную историю его полупьяных скитаний после ухода из корпуса. Жена его, бывшая сибирская богатейка (по рождению полубурятка), оставила ему порядочное наследство, ограничив тем не менее получение денег разными условиями в целях его отрезвления.

После этого мы часто с ним виделись и беседовали на интересные политические и исторические темы. В хорошие минуты он был настоящим в очень интересных рассказах и анекдотах об историческом прошлом России и Сибири. Я внимательно слушал бывшего своего «профессора» и временами чуть не заливался слезами, а временами задыхался от хохота.

Исполняя просьбу бывшего своего классного наставника, я во время своих посещений зорко следил за тем, чтобы он, воодушевляясь рассказами о исторических героях, «не пересаливал» в употреблении крепкие напитки. Ради этого, собираясь как-то в заграничную экскурсию, он пригласил меня быть спутником в странствиях по Европе.

- Я буду вас возить с собою, пояснять все для Вас неведомое и инте-

ресное (как сказано выше, он владел в совершенстве несколькими европейскими языками), а Вы будете моим «ангелом-хранителем» от всяких дорожных случайностей и денежных просчетов… я Вам доверяю свой денежный портфель.

Мечте его и моей о заграничном путешествии однако же не суждено было осуществиться, так как в одно из моих продолжительных непосещений Эдуарда Карловича, он настолько погрузился алкоголем, что я застал его уже в таком положении, когда всякая помощь бесполезна. Он умер.

Федор Леонтьевич Чернавин. По происхождению сибиряк, бывший питомец Казанского университета, у нас – преподаватель математики, физики и химии, а впоследствии, ко времени генерал-губернаторства Казнакова, Омский городской голова, портрет которого и доселе в предание потомкам висит на стене зала заседаний Омской городской думы.

Несомненно, также, как вышеупомянутые преподаватели кадетского корпуса тех времен, человек выдающийся по способностям той работы, которую он нес на себе в интересах того учебного заведения, к которому принадлежал. Федор Леонтьевич стоял в курсе дел, на него возложенных.

По математике: алгебре и геометрии – он был передовым преподавателем. По физике он являлся также новатором, так как составил первый появившийся на Руси физический задачник. Мы, кадеты, не столько ценили его как преподавателя математики и физики, сколько как вообще умного и осведомленного человека, дававшего нам независимо от классных уроков еще и внеклассные. Этими последними мы и пользовались как в производительную, так и в «малопроизводительную» в научном отношении сторону. Зная пристрастие к общенаучным делам, мы в дни, когда предполагалась проверка наших знаний по математике и особливо по физике, засыпали его самыми интересными вопросами по математической технике, сельскохозяйственному производству, фабричному и проч., и проч.

Особенно ловок был в задавании этих вопросов кадет Воинов, «гуттаперчивое брюхо» – впоследствии генерал-лейтенант и ближайший сотрудник за время пребывания в Киеве генерал-адъютанта Драгомирова.

Федор Леонтьевич, идя навстречу интересным вопросам, увлекался разъяснениями последних слов науки и техники, а мы слушали и чувствовали в то же время, как минута за минутой время шло, а вместе с ним кончался и урок.

Краткая биографич[еская] заметка о нем из Акмол[инских] обл[астных] ведомостей (Детство и юность Чернавина).

Владимир Яковлевич Рейнталь – тоже преподаватель алгебры, геометрии и специальности артиллерии. Бывший питомец Сибирского кадетского корпуса, выпущенный в подпоручики Сибирского казачьего войска. Потом слушатель Артиллерийской академии, офицер Гвардейской конной артиллерии – в конце-концов начальник всей крепостной артиллерии и в чине генерала от артиллерии член Воинского Совета.

В моё время это был очень интересный гвардейский офицер с «ученым аксельбантом». Местные барыни и барышни (он был преподавателем физики в женской гимназии) ему поклонялись; он в среде их имел большой успех. Тем не менее это не мешало ему быть и очень хорошим преподавателем избранных им предметов. Изложенный выше случай в письменную репетицию по алгебре, имевший последствия в постановке меня «к барабану» во время обеда «за алгебру», был именно в урок Вл[адимира] Як[овлевича] Рейнталя.

По артиллерии мы, благодаря руководительству Владимира Яковлевича, весьма сносно справлялись с баллистикой и траекторией полета снарядов. Умели довольно порядочно чертить пушки разных калибров, лафеты и все принадлежности к ним.

В воспитательном отношении он не пользовался особым влиянием.

Два других преподавателя математики – полковник Домалевский и подполковник Кубракевич – не заслуживают того, чтобы на них останавливаться особо; в общем же и они, конечно, не были ниже преподавателей этой специальности в других средних учебных заведениях того времени, да и нынешних учителей тех же училищ.

Протоиерей Александр Иванович Сулоцкий – наш законоучитель и настоятель кадетской церкви; магистр богословия.

Типичнейшая фигура старого «истинно верующего» законоучителя и священника. Не мудрствуя лукаво и не философствуя, мы проходили молитвы, священную историю Ветхого и Нового завета, порядок и смысл священнослужения, православный катарсис по Филарету и историю вселенской и русской церкви. Мы больше «верили» и не «постигали», отлично помня, впрочем, что и «вера без дел мертва есть». Система деления учеников на десятки и пятки (о которой было сказано в начале этой главы) с ответственным главенством кадет «репетиторов» наиболее практиковалась им, особенно в младших классах корпуса.

В истории русской церкви мы особенно сведущи были в проповеди

христианства и православия в Сибири, так как протоиерей Сулоцкий был не только законоучитель, но и историк Сибири, статьи которого украшали в свое время не одни провинциальные народнические издания, но и всероссийские. Большинство этих статей начиналось с водворения христианства в Сибири и исторических достопримечательностей этого края. Как знаток старой Сибири Сулоцкий в звании «членоучредителя» основал в Омске в 1876 году Зап[адно]-Сиб[ирский] отд[ел] Имп[ераторского] Р[усского] г[еографического] общества, вступил в ряды этого учреждения[109].

Двое из учеников Сулоцкого по кадетскому корпусу (два казака) Путинцев Михаил Петрович и Шарапов Александр Михайлович, выйдя из корпуса хорунжими, вскоре же выявили желание перейти в духовное сословие, что и было удовлетворено. Оба они были посвящены в священники, и один из них (Путинцев) очень скоро возведен в сан протоиерея как выдающийся духовный пастырь и писатель. Писанье его касалось большей частью дел религиозного характера, но частью и местного быта. Статьи его, по-моему, издавались в духовных журналах – «Странники», «Духовная беседа» и т.п., а часто и в таких, как «Военный сборник», где было, по-моему, несколько статей, касающихся быта служащих казачьих офицеров в степи и на далеких окраинах. Протоиерей Шарапов в последние годы своей жизни был преподавателем Закона Божьего в только что основанной в конце [18]70-х годов мужской гимназии в Омске. Оба учились в кадетском корпусе одновременно со мной в составе эскадрона; они были лет на пять старше меня.

Естественная история. В мое время преподавателями этого предмета были Михаил Евграфович Попов и Иван Яковлевич Словцов. Я, собственно, учился у первого из них, второй же прибыл в корпус, когда я был в старших классах, где естественная история не преподавалась. М[ихаил] Ев[графович] Попов – питомец Горецкого земледельческого института. В голову, конечно, ни ему (преподавателю), ни мне (ученику) не приходило тогда, что одна из дочерей его Мария сделается моей женой, а я сам поступлю по окончании курса кадетского корпуса в Высшее земледельческое училище, перенесенное из родных ему Горок в Петровско-Думское близ Москвы.

Это тоже был преподаватель не из заурядных. Мастер слова, он прекрасно умел заинтересовывать нас и растительным, и животным царством природы. Как и Эдуард Карлович Зедергольм (преподаватель истории), он любил иногда преподнести нам вроде чтения «лекций».

Хотя естественная история и тогда преподавалась только в младших и средних классах корпуса, до четвертого включительно, тем не менее мы хорошо понимали, что он говорит нам все и сверх обязательной программы и потому по окончании каждой из таких лекций дружно всем классом вставали с места и приветливо низко ему кланялись. Преподавание зоологии обыкновенно заключалось не в строго систематическом делении животных по отрядам, классам и семействам с пересчётом у них зубов, разных наименований и проч., а в чтении из только что появившихся тогда трудов Брема и других натуралистов описаний жизни зверей и охоты на них…

В лишнее время мы с преподавателем часто ходили на ботанические экскурсии и охоту за весьма еще распространенными тогда в окрестностях Омска тушканчиками (тарбагатами), польскими кошечками (сусликами), омурялками (зенгорскими байбачками), кротами и т. п

О другом естественнике – Иване Яковлевиче Словцове – человеке большого ума и широкой образованности и учености скажу подробнее ниже в гл[аве] 5-й, когда перейду к описанию моего пребывания в Сибирском корпусе в качестве воспитателя и преподавателя после переименования корпуса в Войсковую гимназию. Скажу здесь только, что это был человек весьма замечательный, имевший громадное влияние на своих учеников и воспитанников, оставивший в наследие корпусу большие со-

Деревня в окрестностях города. Начало XX века.
ГИАОО. Фотофонд. № 76.

брания лично им собранных прекрасных чучел млекопитающих и птиц, и только теперь, по прошествии 35 лет после ухода из корпуса и смерти, по достоинству оцененный труд по «сравнительной географии», принятый в корпусе и во многих других средних учебных заведениях как обязательное пособие (о других его научных трудах, исследованиях, путешествиях и педагогической деятельности будет сказано ниже).

Останавливаться долго на других преподавателях корпуса, менее выдающихся, не выходивших из рядов тех, которых и теперь много, не буду. Это было бы и скучно, и бесполезно. Пусть они мирно спят в своих могилах. Большинство из них мы лихом не вспоминаем. Спасибо им и за то, что они могли и умели преподать нам по гражданской архитектуре, законоведению гражданскому и военному (администрации), рисованию, чистописанию и проч., и проч.

Одного не могу равнодушно вспомнить – преподавания иностранных языков: французского и татарского. Очевидно, при установлении правила учить «ротных» одному французскому, «эскадронных» одному татарскому языку, предполагали, что ученики кадетского корпуса дальше Сибири и киргизских степей не пойдут. Что ни с немецким языком первым, ни с немецким и французским – вторым в жизни и службе столкнуться не придется. Между тем, это была грубая ошибка, так как многие из нас, питомцев Сибирского корпуса, получив вполне удовлетворительную подготовку по остальным предметам кадетского учебного курса, не могли удовлетвориться только тем, что предоставляла им тогдашняя Сибирь; им здесь было тесно и душно. Тесно, потому что при всей своей обширности тогдашняя Сибирь была не более как пустыня, где сознавался спрос не столько на интеллигентного человека, сколько на простого чернорабочего; душно, потому что в тогдашней сибирской «глуши» и «безлюдьи» человек, одержимый стремлением к «свету» и «воздуху», не находил их здесь; он задыхался. А сколько было таких «задохнувшихся?» – И почему? – Потому что они не имели возможности поступить в высшие учебные заведения, даже военные. – Почему? Потому что одни знали сколько-либо только французский язык, а другие не знали ни одного из европейских языков. Незнание этих языков преграждало путь в высшие учебные заведения. Только очень немногие из них, благодаря выдающимся способностям и характеру, сумели преодолеть это препятствие, «самоумом» усвоив и французский, и немецкий языки. Остальные застряли в сибирской глуши. Я «не застрял» только благодаря тому, что выбрал для себя по выходу из корпуса такое высшее

учебное заведение, где вступительных экзаменов совсем не требовалось. Но я поступил в высшее учебное заведение и, выслужившись затем по службе и в общественной деятельности на довольно видные посты, я часто и очень часто чувствовал, что я во многих случаях «немой» человек. Сколько раз мне приходилось испытывать жуткое чувство человека, не понимающего того, что говорили по вопросам, в которых я в этом случае был более сведущ, чем мои собеседники, только потому, что они ссылались на научные труды, которые не были переведены на русский язык, и т. д., и т. д.

Скольким из тогдашних питомцев Сибирского кадетского корпуса приходилось испытывать чувства и порывы орла, у которого подрезаны крылья?!

Военные предметы. Тактику при мне преподавал известный впоследствии своими путешествиями и многообразными учеными трудами по географии Азии и военному обзору границ Сибири капитан (потом полковник или генерал) Генерального штаба М.В. Венюков. У него я уже не учился. Моим преподавателем по тактике был полковник Тыртов, прошедший курс академий артиллерийской и Генерального штаба. Он же был после В.В. Ждан-Пушкина и инспектором классов в корпусе. Потом, с производством в генералы, переведен директором Полоцкого кадетского корпуса. Если не ошибаюсь, старший брат его, адмирал Тыртов, в конце 1890-х годов был морским министром. Откровенно говоря, человек ничем особенно не выделявшийся и потому не бывший предметом нашего поклонения. Но и поставить ему что-либо в упрек как инспектору и преподавателю, я не могу. Как инспектор он вел свое дело хорошо. Мы чувствовали это по учебной части, как над нами, так и над нашими преподавателями есть надзор, а может быть даже и руководство. Но поклонения этому руководительству, как при Пушкине, не было. Как преподаватель тактики он не уступал большинству преподавателей других кадетских корпусов и военных училищ. Он любил свой предмет. И мы не относились к этому предмету равнодушно. Могу сказать это, по крайней мере, о себе. Впервые при нем по этому предмету введены были периодические репетиции по целым отделам тактики, а не поурочно.

Артиллерия. Как уже сказано, преподавал Рейнталь.

Фортификацию полевую и долговременную преподавали местные военные инженеры; в нашем же классе – Генерального штаба капитан Лыков, кажется, тоже бывший инженер.

Военная администрация и уставы о внутренней службе и службе в гарнизоне преподавались вместе с законоведением старшими преподавателями при корпусном и окружном штабе или каким-либо из служащих в Гл[авном] упр[авлении] Западной Сибири чинов из окончивших курс университета по юридич[ескому] факультету.

Военная топография читалась капитаном военных топографов Николаем Львовичем Боярским, бывшим воспитанником войскового училища по топографическому отделу. Он же был и учителем чистописания. Человек весьма ограниченного ума, он тем не менее знал свой предмет практически превосходно. Его трудами и уменьем сняты многие планшеты, планы и маршрутные карты киргизских степей во время воинских поисков за известным султаном Кенисарою Касымовым в 30-х и 40-х годах прошлого столетия; он же в качестве опытного съемщика участвовал в научной экспедиции Чихачева на Алтай.

Уместно будет здесь спросить и подвести некоторые итоги тому, каких офицеров дал Сибирский кадетский корпус того времени. Каких военных людей.

Уместно, потому что уже выше мною неоднократно указывалось на то, что корпус дал немало ученых, путешественников, администраторов, литераторов, общественных деятелей, профессоров (горных и иных инженеров, агрономов, лесоводов) и т. д. Но все это, так сказать, вне программы, вне прямого назначения корпуса как военно-учебного заведения. Что же он дал государству по прямому его назначению?

Конечно, более всего дал военных, обер-офицеров, штаб офицеров и генералов до полных включительно. Но сколько именно и каких? Ответить на этот вопрос достаточно подробно не могу за недостатком материалов, да это и не входит в задачи настоящих моих записок и воспоминаний. Скажу лишь несколько строк о том, что мне известно по этой части, и более всего о выпусках, ближе ко мне стоявших.

Сибирский корпус, как известно, не из больших и чуть ли даже не самый маленький из всех 30 бывших и теперь существующих кадетских корпусов.

Поэтому понятно, что сравнительно с другими корпусами – его сверстниками, он как прежде, когда из него выходили прямо в офицеры, так и теперь, когда он дает только юнкеров разных военных училищ, дал армии сравнительно немногих служак-воинов. Я, вероятно, не сделаю особой ошибки, если, кладя в среднем по 25 человек на выпуск,

скажу, что с 1820 по 1913 годы он выпустил до 2500 выпускников, прошедших в нем полный курс учения.

Если предположить, что к сорокалетнему возрасту из всего этого числа выпущенных осталось на военной службе 1500 человек, а остальные, не достигнув этого возраста по тем или иным причинам, оставили военную службу: по болезни, за избранием другого рода занятий, из-за преждевременной смерти, погибели на войне и в походах, и пр., и пр., то вот эти полторы тысячи и составляют настоящее ядро того, что дал Сибирский корпус русской армии; это люди, посвятившие свою жизнь так сказать всецело военной службе. Что же мы о них знаем? Да в сущности очень мало. Знаем только, что почти все питомцы корпуса, вышедшие из него с самого его основания до 1867 года, когда корпус переименован был в военную гимназию, а окончившие этот курс стали отправляться в Москву и Петербург, всю свою офицерскую службу проводили в Сибири и в киргизских степях, в большинстве не имея возможности выехать из Азии в Европу даже на самое короткое время. Лишь весьма немногие счастливцы успевали, благодаря участию российских родственников, перебраться за Уральский граничный хребет и присоединиться к войскам, штабам и управлениям Европейской России. Другие счастливцы, благодаря своим исключительным дарованиям, несмотря на знание одного лишь европейского языка (ротные), а казаки – даже ни одного, находясь по разным захолустьям Сибири и степи, изучали эти языки и прочие науки самоумом и поступали в академии и университеты, и треть «счастливцев», хотя и не выпускали из Сибири, попадали в такие города или правильнее сказать – городки, как тогдашние Тобольск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск. Все остальные и главная масса питомцев корпуса по окончании курса попадала на всю жизнь в захолустные конвойные и местные команды, этапы, отряды, караулы, пограничные пикеты и т. п., разбросанные на сотни и тысячи верст один от другого по обширной пустынной Сибири и киргизским степям. Нужно поистине удивляться тому закалу, какой питомцы кадетского корпуса получали в нем, чтобы, попавши потом в какой-нибудь Баян-Аул, Каркаралы, Кутнурун, Сургут, Озеро-Ханка, Усть-Ламинск, Готопутов, Верхоленск, Зашиверск и проч., и проч., в течение многих лет сохранить образ человеческий. Мало этого, даже выдвинуться какими-либо заслугами, дающими право на штаб-офицерский и даже генеральский чин, как об этом будет сказано несколько подробнее ниже.

Мой выпуск был последним, завершившим 53-летний цикл лет,

приковавших питомцев Сибирского кадетского корпуса исключительно к Сибири. С преобразованием корпуса в военную гимназию и в последние годы, вплоть до наших дней, кадеты-сибиряки ни по образовательному курсу, ни по праву на поступление в то или иное военное училище, ни по праву вступить в них или иные войска Европейской и Азиатской России ничем от других кадетских корпусов не отличаются. Замечательно, однако же, что в этот период «свободы» выбора карьеры питомцы Сибирского корпуса по окончании курса специальных военных училищ (в Петербурге, Москве, Киеве) в большинстве выходят не куда-либо в войска Европейской России, а к себе в родную Сибирь. Такова сила традиций и привычек!

До шестидесятых годов прошлого столетия служба питомцев корпуса, вышедших в пехоту в западно-сибирские и восточно-сибирские линейные батальоны к местным командам, носила характер почти исключительно службы в гарнизоне; в отнесении караульной службы при местных гауптвахтах и тюрьмах; в сопровождении разного рода казенных оказий, транспортных обозов и арестованных партий. Только в губернских городах и других более крупных пунктах Сибири, где сосредотачивались линейные батальоны в полном составе рот и даже по два, по три батальона, представлялась возможность уделять время помимо несения гарнизонной службы также и чисто строевым занятиям с маневрированием частей в полк, иногда даже отрядами в составе всех трех родов оружия. Сюда-то обыкновенно и стремились бывшие питомцы Сиб[ирского] корпуса. Но опять-таки повторяю, таких крупных центров было всего пять-шесть на всю Сибирь. А в остальных трущобах и захолустьях этого края стояли лишь маленькие гарнизонные и конвойные команды.

Сословные казаки, выходившие из училища и корпуса в состав конных полков и батарей Сибирского линейного казачьего войска, размещались частью по городам, крепостям, форпостам, редутам и станциям по пограничным с Киргизскою степью линиям (Пресновской, Иртышской и Ейской), а часть, как сказано уже в 1-й главе моих воспоминаний о раннем детстве, внутри Киргизской степи – по тамошним отрядам, укреплениям и пикетам.

Вот как, между прочим, описывает в одном из своих представлений в Петербурге бывший командир отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири Вельяминов службу казацких офицеров в связи со службою войска: «Такое состояние линейного вой-

ска, – говорит он, перечислив все разнообразные обязанности, лежащие на казаках, – показывает разность от других казачьих войск, которые исполняли по очереди обязанности службы, возвращаются в дома свои единственно для сельского хозяйства и не наряжаются на службу иногда 10 и более лет; тогда как здешние офицеры, служа беспрерывно и не зная никакой очереди, ежечасно готовы по первому приказу на службу или в поход куда бы то ни было; а штатом 1808 года и срока службы им не полагается. Офицеры сего войска, будучи большей частью из воспитанников войскового училища, имеют достаточные теоретические сведения в науках и хорошо приготовлены к строевой службе. Они, служа там, где укажет необходимость, не знают домов своих. Жалованье получают по штату 1808 года (подполковник – 215 руб. хорунжие – 71 р. в год) и, прослужа, так сказать, всю молодость большей частью в отлучении от домов своих, при старости и дряхлости своей увольняются уже (только) как неспособные и, следовательно, ненужные службе, в отставку без всякого права на пенсию – единственную подпору и надежду служащих, и тогда нищета и лишение прав офицерского звания остаются им в наследие».

После этого как опять не воскликнуть: какой нужно было вынести из училища и корпуса «закал», чтобы, несмотря на невозможные условия тогдашней сибирской и степной службы, сохранить в себе образ человеческий?! Мало того, даже нередко выдвинуться из рядов заурядных граждан и офицеров!

Вся первая половина XIX столетия в Сибири, как известно, отличалась вплоть до 60-х годов глубоким миром, и потому питомцам корпуса приходилось (пенсии офицеры Сибирского войска начали получать только в 1877 г.), как только что сказано, нося звание офицера, ограничиваться мирной муштрой и отбыванием караулов. Некоторое исключение из этого «мирного жития» представляла лишь служба казачья.

Занимая сначала пограничные с киргизами линии, а потом придвинувшись и внутрь степей, они волею – неволею вступали в непосредственные отношения с киргизами, далеко еще тогда не мирными. Приходилось нередко вступать с ними в бой и гоняться за хищниками за сотни верст. Так как киргизы народ кочевой и хищные партии их нападали на наши границы и степные укрепления на конях, то понятно, что и погони за ними могли быть производимы только конными отрядами, т. е. казаками. Так и было вплоть до начала 60-х годов, когда мы, постепенно расширяя свои границы, вступили в непосредственное соприкос-

новение не только с конными киргизами, но и с кокандами, бухарцами и хивинцами, которые имели не одну конницу, но и пехоту, и артиллерию, принимавшие бой не только в полк, но и за крепостными стенами. Только тогда пришлось включить в состав экспедиционных отрядов и пехоту, и более тяжелую и дальнобойную артиллерию, чем легкая казачья.

С первых же лет выпусков из основанного генерал-поручиком Глазенапом войскового училища питомцам его совместно с вступившими в состав этого училища несколько позже учениками Омской азиатской школы и топографическим отделением пришлось проявить себя как в качестве боевых офицеров, так и переводчиков с азиатских языков и искусных съемщиков.

Нельзя не упомянуть в числе их, начиная со старейших по выпускам, Путинцева, Бубенкова и Назарова.

Первый из них в составе торгового каравана, конвоированного каза[ка]ми, проник чрез неподвластные еще тогда России киргизские степи между озер Зайсана, Ала-Куля и Эби-Нар до китайской Кульджи, составил подробное описание своего пути и всего виденного и слышанного за этот путь. И в Кульджи Бубенков вместе с сотником Старковым (кажется, отцом учителя Егора Ивановича) проникли с рекогносцировочным отрядом еще далее за Тянь-Шань в Анед, Яркенд и Кашгар. Назаров с казачьим конвоем сотника Безъязыкова прошел в Коканд, составил маршрут своего пути и описание ханства.

В 1829 году сотник Потанин (отец знаменитого Григ[ория] Ник[олаевича] Потанина), также бывший питомец войскового училища, во главе казачьего отряда провожает торговый бухарский караван из Петропавловска в Ташкент и Коканд. Почти весь путь караван преследуют конные шайки хищников киргиз, от которых Потанину пришлось отбиваться, а при переправе через р. Чу даже выдержать продолжительную осаду, окончившуюся разгромом хищников. Очень интересное описание этой торгово-военной экспедиции и разведок, произведенных Потаниным за время пребывания в Ташкенте и Коканде, помещены в «Записках» Импер[аторского] Рус[ского] географ[ического] общ[ества] в 40-х годах прошлого столетия.

Вся вторая четверть XIX столетия прошла в делах подведения киргизских степей «под высокую Царскую руку», как выражались в XVI и XVII столетиях, или «в русское подданство», как говорят теперь.

На долю сибирских казаков, в рядах которых большинство офицеров состояло из бывших воспитанников войскового училища и Сибирского

кадетского корпуса, выпала в этом деле первенствующая роль. Объясачение киргиз и подавление возникших в среде их антирусских волнений было делом этих казаков. Нельзя не отметить в числе их сотника Карбышева, быстрым и искусным движением своего конного отряда предупредившего соединение скопищ предавшегося китайскому правительству султана Габайдулллы Валиханова с вооруженным отрядом китайцев. Габайдулла был обезоружен, взят в плен и доставлен в Омск, а китайский отряд вынужден был без боя возвратиться в свои пределы. Тот же Карбышев в 1825 году, преследуя другого непокорного султана Сарыджана Касымова, настигает его при озере Кургаладжан, разбивает и захватывает несколько тысяч скота и до тысячи кибиток киргиз.

В следующем 1826 году тот же Карбышев настигает скопища султана Саржая Чингизова, разыскивает их, а сотник Чириков с боя захватывает самого Саржая и доставляет его в Омск.

Неугомонный Саржай тем не менее продолжал будировать в среде киргиз и неожиданными нападениями на мелкие казачьи отряды ставить их нередко в затруднительное положение.

Для примерного наказания его и киргиз, приставших к нему в 1827 году, снаряжается достаточно сильный конный отряд под командой войскового старшины Лукина, который в течение двух месяцев огнем и мечом проходит всю степь Средней Орды, доходит через голодную Бетнак-Дала до р. Чу и возвращается на казачью линию. Страх, наведенный на киргиз этим лихим набегом, был неописуем. Трупы людей и всякого скота с брошенными киргизами юртами и всяким домашним скарбом сплошь устелили путь Лукина.

Поддержанные кокандцами киргизы однако же не скоро смиряются. Несмотря на последовавшие за основанием Баян-Аульского, Каркаралинского и Кокчетавского укреплений внутри степи еще таковых же на реке Аягуз, впадающей в озеро Балхаш, и других опорных пунктах, киргизы, предводимые сначала упомянутым уже выше Сарыджаном Касымовым, а потом знаменитым братом его Кенисарою, еще целых двадцать лет продолжают отстаивать свою независимость и свободу.

Пришлось поставить на ноги почти весь служилый состав Сибирского казачьего войска. Не останавливаясь на сколько-либо подробном изложении всех событий этого беспокойного в степи времени, скажем только, что на долю бывших питомцев Сибирского кадетского корпуса в деле умиротворения киргизских орд выпала выдающаяся своими последствиями роль. Поименно укажем лишь опять на тех же Карбышева, Лу-

кина и Чирикова, неоднократно имевших случай проявить свою боевую отвагу и находчивость, на есаула Симонова, разрушившего на р. Сарысу укрепления кокандцев, выступивших было на поддержку взбунтовавшихся киргизских султанов; на хорунжего Рытова, убитого в трехдневном героическом бою казаков с самим султаном Кенисарою Касымовым; на того же Чирикова, как упорного защитника акмолинского укрепления от многократных нападений Кенисары; на экспедициях полковника Горского против того же Кенисары; на смелых поисках сотников Волкова (впоследствии генерал-лейтенанта), Рыбина, Реброва и др.

В 1840-х годах Кенисары был изгнан из степей Сибирского ведомства и Средняя киргизская орда, признав свое бессилие, успокоилась навсегда.

В 1849 году Высочайшим указанием, последовавшим на имя Военного министра «Государь Император в справедливом внимании к постоянно верной и усердной службе сибирского казачьего войска, ознаменованной охранением Сибирской линии на протяжении двух тысяч верст, всемилостивейше пожаловал чинам войска права и преимущества чинам армии предоставленные». В переводе на обыкновенный язык это обозначает, что только в этом году бывшие питомцы войскового училища и Сиб[ирского] кад[етского] корпуса, принадлежавшие к сословию казачьего войска, получили право, имея чин хорунжего, сотника, есаула и т. д., приравниваться не к «зауряд» офицерам, а к настоящим прапорщикам, поручикам и т. д. армий, но с 17-ю рублями ежемесячного жалования и без права на пенсию!!!

В 40 – начале 50-х годов прошлого столетия казачьи конные отряды и частью пехота постепенно занимают южные части Акмолинской и Семипалатинской областей и северную часть Семиреческого края, основывают здесь укрепления Атбасарское, Улутовское, Кокпектинское, Копальское и станции Урджарскую, Лепсинскую и проч.

Организовавшееся уже к этому времени в довольно сильное Среднеазиатское ханство Кокандское всеми силами старается противодействовать нашему движению внутрь Азии. Но сильнейший русский отряд в составе уже всех трех родов оружия сибирских войск, предводительствуемый не раз выше упомянутым питомцем войскового училища Карбышевым, в это время уже в чине полковника, разрушает сначала считавшееся неприступным кокандское Таучубеково укрепление, а потом устраивает взамен его русское Алматинское укрепление, ныне Верный – областной город Семиреченской области. Одновремен-

но с этим производятся большей частью конные экспедиции и поиски внутрь киргизской «Большой» орды в регионы, покровительствуемые кокандцами. Здесь отличаются в числе других питомцы войскового училища и корпуса Абакумов (Абакумовский перевал[110]), и Шайтанов (впоследствии генерал-лейтенант). В Голодной степи отличается есаул Котыбаев, в 1856 году разбивает какандцев при озере Айнагуз в Голодной степи, а в 1857 г. с двумя сотнями казаков при урочище Кок-Мурук обращает в бегство кокандский отряд силою до 4000 человек. При этом после 10-часового боя неприятель оставил на месте 500 человек убитыми, 7 горных пушек, 10 знамен.

В начале 60-х годов дела с кокандцами и дикокаменными киргизами настолько осложняются, что туда приходится командировать не одни только мелкие казачьи команды, но и довольно значительные отряды из всех трех родов оружия.

В 1861 году один из таких отрядов, предводительствуемый полковником Циммерманом (известным впоследствии командиром корпуса, занимавшим в турецкую войну 1877 г. Добруджу), зарубил близ р. Кастек многочисленный кокандский отряд, а затем взял и разрушил два кокандских укрепления Токмак и Лишнек, взял при этом в плен их комендантов, более 600 ч[еловек] гарнизона, 4 знамени и 18 пушек, и множество ружей.

Помню, с каким восхищением и гордостью я и мои товарищи (тогда еще кадеты) смотрели на эти трофеи побед, когда их с музыкой и барабанным боем по традиции тогдашнего командира Отдельного Сибирского корпуса Г.Х. Гасфорда возили и носили по улицам города Омска.

Урок, данный Циммерманом, однако же, оказался для кокандцев недостаточным. Не успело еще русское начальство расформировать экспедиционный отряд Циммермана (который в это время находился уже в Омске), как кокандцы в громадных силах, достигавших до 20 тысяч человек, под начальством Сардара Канаат-Ша вновь вторглись в Семиречье. Поддержанные скопищами киргиз они направились на только что основанные тогда в Семиречье казачьи станицы Больше-Алматинскую (гор. Верный) и др.

Тогдашний начальник Алатовского округа подполковник (впоследствии, как о том будет подробнее сказано в настоящих моих воспоминаниях) Степной генерал-губернатор Колпаковский быстро организовал оборону этих станиц с отрядом, состоявшим всего из 2-х рот пехоты и 4-х сотен казаков при 4-х конных орудиях, идет на встречу на Канаат-Ша.

При урочище Узун-Агач (в 70 верстах от нынешнего города Верного, а тогда только станицы Больше-Алматинской) оба противника встретились и между ними завязался неравный бой, длившийся однако же три дня и закончившийся поражением кокандцев и изгнанием их из пределов Семиречья (на месте Узун-Агачского боя теперь воздвигнут памятник).

Более или менее крупные столкновения наших воинских отрядов с кокандцами продолжаются и в ближайшие после этого годы, пока, наконец, западносибирским военным начальством не снаряжается серьезная экспедиция тогда еще только простого полковника, а потом общеизвестного Михаила Григорьевича Черняева. Западносибирские отряды одновременно с таковыми же, идущими от Оренбурга, после нескольких набегов под кокандцами встречаются и общими силами берут сначала Аул-Ата, Чемкент, а потом и сам Ташкент.

Многие из бывших питомцев Сиб[ирского] кад[етского] корпуса при этом отличаются, многие гибнут убитыми и тяжело ранеными. Никто из них в то время еще не занимал видных постов (за исключением разве только Шайтанова и Бутакова) для того, чтобы увековечить своими подвигами доблестные страницы истории Сибирского кадетского корпуса.

Затем последовательно идут орошенные кровью западносибирских войск и питомцев Омского кадетского корпуса бои при занятии в 1871 г. Кульджи, в 1872 – [18]73-м годах под начальством генерал-адъютанта Кауфмана – Самарканда и Хивы. Наконец в 1873 и 1876 гг. питомцы Сибирского кадетского корпуса в составе западносибирских и туркестанских войск под общим предводительством Кауфмана и частным командованием многоуважаемых полковника Скобелева и капитана Куропаткина занимают весь Коканд и часть Бухары.

Повторяю еще раз, что во всей этой многолетней истории занятия Россией Средней Азии и киргизских степей питомцы Сиб[ирского] кад[етского] корпуса занимали если не главенствующее, то во всяком случае весьма видное положение.

Все это были дела, близкие к родному мне корпусу. Не буду говорить здесь о турецкой войне 1877 года, где питомцы Сиб[ирского] кад[етского] корпуса и гимназии шли в рядах не Сибири только, а общероссийских войск, о китайской кампании 1900 года, о Русско-Японской войне 1904 – 1905 годов, где Сибирские 1-й и 4-й корпуса покрыли себя неувядаемою славой воинских подвигов в Порт-Артуре, Вафангоу, Да-

шигяу, Ляояни и др., завершившихся пожалованием этих частей Георгиевским знаменем и многих других воинских отличий.

Если пожалование в генеральский чин может служить некоторым показателем заслуг той или иной воинской части, то Сибирский кадетский корпус за тот период его существования, в который я был в числе его питомцев, можно сказать, что он был в числе выдающихся. Несмотря на захолустность положения сибирских воинских команд того времени, на невозможность даже для более способных питомцев корпуса выбраться в европейские войска России и в академии Генерального штаба, артиллерийскую, инженерную и проч., на нищенское денежное содержание...* начальника Главного штаба в министерство Д.А. Милютина. Лосев, Войцехович, я и т. д.

Генерал-майоры – Шайтанов (сын), Бориславский, Козлов, Шишкин, Фурсов, Крохалев, Ягодкин, Плитков, Валиханов, Бржезовский, Носонов, двое Кириковых, Чириков, Черногин, Стерлигов, Грызов, Урядов, Краснокушский, Волков (Ив[ан]Сем[енович]), Щербаков и пр., и пр.

Не перечисляю всех прочих генералов позднейшей эпохи, когда питомцы Сиб[ирского] кад[етского] корпуса и военной гимназии получили широкое право служить и совершенствоваться повсюду в России, во всех войсках и высших военных и гражданских учебных заведениях. Когда они совместно с питомцами других кадетских корпусов и военных училищ России участвовали в Турецкой войне 1877 года, в Китайской войне 1900 года и в Японской войне 1904 – 1905 гг.

Полученные 1-м и 4-м Сибирским корпусами и Сибирской и Забайкальской казачьими дивизиями генеральские знамена и множество других знаков военных отличий, где больше генерал-штаб и обер-офицеров были питомцами Сиб[ирского] кад[етского] корпуса, как нельзя более свидетельствуют, насколько этот корпус оправдал свое назначение как военно-учебного заведения.

В 1865 году я должен был окончить курс кадетского корпуса, и я уже начал было готовиться к выпускным офицерским экзаменам, как мне неожиданно объявили, что экзаменов я могу не держать, так как всё равно меня в офицеры не произведут «по малолетству» – ибо тогда мне было только 17 лет от роду; а таких молодых людей в офицеры не производили.

Волей-неволей пришлось остаться в корпусе еще на год. Ввиду это-

* Далее пропущен лист. – Прим. сост.

го я освобожден был от экзаменов и ранней весной того года уволен на все лето в отпуск к моей матери – вдове, жившей тогда в станице Котуркульской Кокчетавского уезда. Вопрос заключался только в том, на какие средства мне поехать за 500 верст от Омска, когда родитель мой, сдав меня на «казенное» иждивение, высылал мне в корпус «на пряники» не более 1-го – 3-х рублей в год, а мать после смерти отца даже и совсем прекратила высылку мне каких бы то ни было денег. Пришлось искать попутчика, который бы довез меня до Котура задаром. И я его нашел в лице одного котурского казака, прибывшего в Омск по какому-то делу и теперь возвращавшегося туда на своей лошадке в простой деревянной телеге. Другого выбора не было, и я поехал с ним; где рысцой, где шажком, а где и «на своих двоих» пешком.

Таким образом мы доехали до Петропавловска, а отсюда, присоединившись к обозу, следовавшему на Кокчетав, прошли пешком 250 верст до самого Котура.

Мать, конечно, не ожидала меня. Я пришел ночью. Всех перетревожил, но когда разъяснилось, кто «пришел», все обрадовались: мать, слепая бабушка, сестры, брат и т. д.

В Котуре у матери я пробыл больше трех месяцев, пользуясь полной свободой распределения временем и занятий «как хочу».

Мать, конечно, не могла нарадоваться на своего «образованного» Егорушку и, мечтая о будущем его и собственном счастье, присматривала мне невесту из местных красавиц поповских, зажиточных казаков и «торгующих». Я мало этим интересовался и по приветственной обязанности «образованного» человека принялся за «образование» своих сестер и брата. Каждый день известное число часов посвящалось мною «занятиям» с сестрами, братом и некоторыми из приходящих учениц дочерей местных казачьих офицеров. Большая же часть времени посвящалась лежанию на боку и чтению всевозможной книжной макулатуры, оставшейся от отца и незадолго перед моим поступлением умершего котурского священника Орлова.

Каких только «ужасных» романов, повестей и рассказов не начитался я за это время!

Время от времени мы все ездили «в поле» – «по ягоды», а я, вместе с тем, и на охоту. Охотником я оказался, однако же, более чем неважным… и не потому, что плохо стрелял (я уже выше писал, что за стрельбу по мишеням в корпусе я получил первый приз), а потому, что по наклонностям своим оказался исполнителем заповеди «не убий».

Как-то в поездке на озеро Джукей и на «катанаевские» по берегу его сенокосные пайки я, вооруженный дробовиком, подкрался к семье уток (селезня и утки) и удачным выстрелом убил селезня и, схватив в руки тяжело раненую утку, проколол ей выдернутым из ее же крыла пером голову. Приколов и того, и другую в торока к седлу, я как триумфатор поехал домой… Но боже мой! Что за чувства испытывал я, везя эти трофеи… «И за что я лишил их жизни?» – спрашивал я себя, поглядывая время от времени на привязанную к седлу парочку уток. «Что они мне сделали?» – «Неужели дома у меня не найдется чего поесть, кроме этих убитых мною уток?» и т. д. Утки тем не менее были сжарены, поданы на стол, но я их не ел. Вообще, уже и в это время я отличался многими «странностями»: водки и никаких вин я не пил, в карты не играл, папирос, вопреки всем кадетским традициям, не курил и проч. Одним словом, являлся в деревенском обществе самым неприятным человеком, а для хозяев дома, в котором происходил прием гостей, даже прямо «нестерпимым». Зато с каким умилением посматривали на меня местные «маменьки». Даже «кумушки» не смели на мой счет злословить.

Так прошло лето, и в начале августа я вместе с другими кадетами, находившимися в Кокчетаве, возвратился «на почтовых» в Омск для окончания курса кадетского корпуса.

Здесь меня ожидал сюрприз. В корпусе за мое отсутствие обнаружена была «крамола». – Один из отделенных офицеров эскадрона, осматривая столики кадет в целях обрести в них запрещенные папиросы или что-либо в этом роде, совершенно неожиданно нашел в них вместо папирос – «прокламации»!!! Что, как, почему? Дошло до жандармского управления. Начались аресты. Арестовали Есаула Фед[ора] Ник[олаевича] Усова, брата его Григория и несколько других казачьих офицеров, проживавших в Омске; вытребовали проживавших в Томске Потанина, Ядринцева; из Красноярска Шашкова; из Иркутска Щукина, Щапова и т. д., и т. д. Из кадетского корпуса забрали моего товарища вахмистра эскадрона Кирьянова, младшего брата Усовых Гавриила, Самсонова, Чукреева и, кажется, еще кого-то. Кадеты оказались виновными в том, что, бывая в квартире Усовых, захватили с собой одно из писем Ядринцева, где последний со свойственным ему увлечением обращался «к Сибирской молодёжи» с воззванием помнить, что они «сибиряки» – дети той страны, где никогда не было «рабства» (т. е. крепостного права), что и теперь им подлежит отстаивать «свободу» своей родины от экономической зависимости «от Москвы» и т. д.

Этот, в сущности дерзкий, призыв молодого сибирского энтузиаста был принят за что-то очень серьезное, и все они были привлечены и заключены на омскую гауптвахту по делу «О злонамеренных действиях некоторых молодых людей, стремившихся к ниспровержению существующего в Сибири порядка и управления и к отделению ее от Империи».

Бедные кадеты были виноваты лишь в том, что они бывали в квартире Усовых, списали для себя показавшееся им любопытным письмо Ядринцева. Тем не менее, и они в числе других вольных или невольных «сепаратистов» к моему приезду из Котура были заключены на омскую гауптвахту. Ни на минуту не сомневаюсь, что и я, будь я не в отпуске у матери, как знакомый Усовых подвергся бы той же участи.

Весь этот год, тем не менее, прошел для меня совершенно благополучно, и 8 августа 1866 года я по окончании курса кадетского корпуса был произведен в хорунжие Сибирского казачьего войска.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 358. Л. 3–83. Подлинник. Рукопись.

Дополнение
«К моим воспоминаниям о Сиб[ирском] кад[етском] корпусе и характеристика отношения к нему бывших его питомцев»

[1921 г.]

Тост-стихотворение, сказанное Ник[олаем] Ал. Михайловым на обеде бывших кадет[ов] этого корпуса в Омске 24 ав[густа] 1891 г.

Не ношу я амуниций
Я ведь статский, господа;
Но кадетские традиции
Не забуду никогда.
Я – кадет; ни фрак, ни звание,
Не сотрут окраски той,
Что дало мне воспитание –
и оно умрет со мной.
Школа пройдена суровая…
Что ж об этом спору нет…
Но там сила в нас здоровая

Зрела с самых юных лет.
Сила эта – дружба верная,
Светлый разум, здравый толк
И к Царю любовь безмерная –
Этот первый высший долг.
Господа, из солидарности
С тем, что я сейчас сказал,
Каждый с чувством благодарности
Пусть осушит свой бокал.
За родное заведение,
Слава, честь ему, хвала! …
Не скрывая чувств волнения,
Грянем в честь его «Ура!»

На этом же обеде по предложению другого статского кадета Фед[ора] Ал. Каталбаева была устроена подписка на приход[ящую] стипендию в корпус имени Его Выс[очества] Наслед[ника] Цесаревича Н[иколая] А[лександровича], только что оставившего в этом году (в июле месяце) город Омск, своего путешествия на Восток и проезда через всю Сибирь.

На этом обеде присутствовал и Ан. Вас[ильевич] Калачев.

Составить о них краткую характеристику.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 51–51 об. Подлинник. Рукопись.

«К 25-летию Сибирского университета Из воспоминаний об инициаторах учреждения этого университета»

11 декабря 1913 г.

Двадцать второго октября 1913 года исполнилось 25 лет со времени открытия первого в Сибири университета в городе Томске. Вся громадная окраина, начиная с ближайшего Запада и кончая ее крайним Востоком, почтила этот знаменательный в ее истории день массой приветственных телеграмм университету, торжественными заседаниями с чтением рефератов о роли этого заведения в жизни Сибири, банкетами, товарищескими и общественными собеседованиями и проч., и проч.

Пользуясь этим случаем, позволяю себе и я поделиться с читате-

лями Исторического Вестника некоторыми личными моими воспоминаниями, относящимися к истории возникновения этого первого в Сибири высшего учебного заведения, благо судьбе угодно было послать на мою долю счастье стать в довольно близкие столетия к главнейшим инициаторам учреждения этого научного центра обширной страны, в эпоху наиболее горячей пропаганды идеи его основания и самого осуществления этой идеи. Я буду говорить о покойном генерал-губернаторе Западной Сибири Николае Геннадьевиче Казнакове и известных сибирских деятелях и публицистах: Николае Михайловиче Ядринцеве (тоже уже покойном) и поныне здравствующем местном писателе и путешественнике по Монголии и Китаю Григории Николаевиче Потанине.

Впервые я увидел и отчасти познакомился с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым в 1864 году в гор[оде] Омске, когда я еще был в предпоследнем классе тамошнего кадетского корпуса. К этому году в Омске (тогда имевшем не более 20 тысяч жителей и бывшем исключительно чиновничьим и военным городом) появилась целая плеяда молодых сибиряков-энтузиастов, бывших студентов и слушателей петербургских высших учебных заведений, оставивших эти заведения после известного разгрома их в начале шестидесятых годов. Во главе этой плеяды, усиленной к этому времени и местными силами, стояли: бывший казачий офицер и воспитанник Омского кадетского корпуса Гр[игорий] Ник[олаевич] Потанин, уроженец гор[ода] Омска Н.М. Ядринцев, Ник[олай] Ив[анович] Наумов, (известный впоследствии своими рассказами из сибирской казачьей жизни), Фед[ор] Ник[олаевич] Усов (сибир[ский] казак, уволенный из Академии Генерального штаба) и др. Продолжая и здесь, как в бытность в Петербурге в студенческих кружках, увлекаться и разрабатывать любимые темы о любви к родине (Сибири), о служении ей своими знаниями и способностями, о всестороннем изучении ее, об экономическом развитии и освобождении от «Московского капитала», о народном просвещении и т. д., они в самое короткое время сгруппировали вокруг себя немалый кружок прозелитов[111] из местной молодежи (большей частью из казачьего офицерства). Распространилось их влияние и на кадетский корпус, в котором я тогда еще учился. Мы, старшие кадеты, знали об этом кружке и интересовались им. Многое из того, что там говорилось, тем или иным путем доходило до нас*. Отчетливо до сих пор помню о литературном ве-

* Нужно заметить, что в то время кроме кадетского корпуса в Омске ни гимназий, ни каких-либо других средне-учебных заведений еще не существовало.

чере, устроенном этим кружком сибиряков-энтузиастов в Омском общественном собрании, куда допущены были и мы, кадеты старших классов. Я был в числе их. Участвовал в вечере, между прочим, один из наших корпусных преподавателей, пользовавшийся большой популярностью среди молодежи, В.П. Лободовский, прочитавший что-то из [Салтыкова-]Щедрина, тогда только что начавшего воздействовать на публику своими «Губернскими очерками» и проч. Читала какая-то толстая барыня из Томска Гуда «Песнь о рубашке». Читали многие другие на тогдашние злобы дня (нужно помнить, что это было время начала знаменательных шестидесятых годов); играл казачий струнный оркестр под управлением «Казака Михайлова», сочинившего к этому времени какой-то марш на местные мотивы. Читал и сам Потанин на тему: «Современный Яик» (Урал), который он только что перед этим посетил (основная тенденция доклада, красной нитью проходившая через весь доклад, была: нужно совершенствоваться самим в себе и стать независимыми или свободными от гнета других). Все доклады и чтения покрывались громом рукоплесканий присутствовавшей публики. С особым энтузиазмом был встречен, выслушан и закончен доклад Н.М. Ядринцева «О Сибирском университете». Со свойственным Ядринцеву увлечением он, тогда еще очень молодой человек, развил перед публикой мысль о гибельности для Сибири абсентеизма[112] образованной ее молодежи, заменяемой на всех требующих образования местах, должностях и занятиях наезжими из внутренней России лицами, не имеющими никакой связи со страной и покидающими ее, как только ими будет выслужен обязательный срок, дающий право на повышение по службе, на увеличенное содержание и пенсию; указал на крайнюю непродуктивность и несогласованную с действительными потребностями случайность их работ на пользу чуждой для них страны; на малую ее исследованность и разработанность богатств страны; на темноту народных масс и т. д., и т. д. «Единственным средством избегнуть всего этого, единственным средством возродить страну к новой светлой разумной жизни будет создание в ней местного высшего рассадника знаний, где бы местная интеллигентная молодежь научилась любить свою родину и служить ей. Этот высший рассадник знаний – университет!.. И так: да будет в Сибири университет! Будет!!!»

- Будет!!! Будет!!! – кричала восторженная публика, хлопая в ладоши сходящему с кафедры лектору.

- Будет, будет университет!!! – кричали и мы, кадеты, сидевшие на

хорах собрания и отбивавшие до боли свои ладоши неистовыми аплодисментами.

Брошенная Ядринцевым мысль об университете пала, как оказалось, не на бесплодную почву; о нем стали говорить и писать во всех концах Сибири.

Недолго, однако, продолжалось это пиканье и говор. Не прошло после этого и года, как Потанин и Ядринцев, переселившиеся к этому времени в Томск, были арестованы и возвращены в Омск с заключением сначала их в тюрьму, а затем на главную гауптвахту в крепости, вместе с ними туда же были засажены и все члены омского кружка «сибирских патриотов». Против них возбуждено было «дело» – «О злонамеренных действиях некоторых молодых людей, стремившихся к ниспровержению существующего в Сибири порядка управления и к отделению ее от Империи».

Возвратившись в августе 1865 года из загородного отпуска в Омск, я к великому моему удивлению узнал, что в числе арестованных находятся и некоторые из моих товарищей – кадеты не только старших, но и средних классов.

Несоответствие предъявленного к заключенным обвинения с тем, что было известно об их деятельности широкой публике, естественно возбуждало к ним сочувствие. В публике появились карточки с изображением главнейших из «мучеников любви к родине». Особенно часто встречались портреты Потанина, известного уже в то время несколькими научными трудами, каковы «Материалы к истории Сибири», и путешествиями совместно со Струве на озеро Зайсан и Черный Иртыш, находившимся тогда еще вне пределов России, и совместно с будущим вице-президентом Императорского географического общества П.П. Семеновым (Тянь-Шанским) в Причуйский край и Заилийский Алатау. Стали из рук в руки передаваться списки с некоторых набросков и стихотворений Ядринцева на сибирские темы.

Вот, например, несколько сохранившихся в моей памяти строф из его стихотворения «Родина», написанного им, по-видимому, еще в бытность в Петербурге:

Я рожден в стране далекой,
К чьим гранитным берегам
Вечно хладною струею
Плещет грозный океан.

Я рожден в стране обширной,
Где границ пространствам нет,
Где от моря и до моря
Расстелился белый свет.
Я из той страны привольной,
Где начала нет рекам,
Где зелеными морями
Лес бушует по долам.

...

Я из стран, в которых соболь
С давних пор ведет свой род,
Где лисица с горностаем
Драгоценный мех дает.
Где олень стадами бродит,
Где бобер родится сед,
Я из той страны, чьей краше
И пушистей белки нет.
Я оттуда, где роскошно
Расстилаются луга,
Что со временем поточат
Реки меда и млока.
Я из той земли, чьи недра
Драгоценный держат клад.
Для дворцов порфир и мрамор,
Малахиты для палат.
и т. д., и т. д.
И я слышу чутким сердцем,
Что великою судьбой,
Начинает уже веять
Над моим далеким краем,
Над страной моей родной.

Как бы в [...]* и дополнение к этому появилось и другое его же стихотворение «Сибирским пионерам». Из всего довольно длинного стихотворения в памяти моей смутно сохранилась лишь одна строфа:

Вперед, друзья, туда,
Где текут ручьи живые,

* Слово неразборчиво. – Прим. сост.

Где представителей труда
Застучит топор впервые…

И через каждые несколько строф припев:

За работу же скорее,
Пионеры молодые!

Припев, замененный потом кем-то уже в Омске после ареста Ядринцева и его товарищей бравурным:

Марш вперед, марш вперед,
За Потаниным вперед!

Припев этот дал возможность помянутому уже выше музыканту «Казаку Михайлову» в такт ему переложить все стихотворение в довольно музыкальный «марш», который нередко кое-где напевался.

Несомненной поэзией и чувством дышали и нижеследующие строфы стихотворения, написанного Николаем Михайловичем во время «Омского сидения».

«Ветрянка»*[113]
(И родным цветам)

Снег обогрело, ручьи зажурчали,
Ранней весной выхожу я на поле:
Надо взглянуть, как природа цветет;
Грудью больной надышу я на воле.
Поле пустынно, но символ весны,
Первый цветок уже вышел наружу,
Скромная «ветрянка» робко взошла,
Робко взошла и поникла пред стужей.
Холод ручьи леденит вкруг нее,
Мелкая травка едва выползает,
Ветер цветок пригибает к земле,
В желтую чашечку снег наполняет.
С видом отчаяния шепчет цветок:
«Страшно цветам, что всех раннее зреют,
Много несчастных погибнет пока
Солнце поля обогреет.

* Роскошный бледно-желтый цветок сибирских равнин, появляющийся первым из всех цветков лесостепной равнины Западной Сибири; в то время, когда снега и непогоды еще не уступают своих прав наступающей весны.

Счастливы будут другие цветы,
Гордо взойдут они в жаркое лето,
Пышный, разряженный их хоровод
Встретит природа приветом.
Жизнь их начнется в веселой семье
Нежною дружбой, любовью согрета,
Лето поведает много им чар,
Тайны и жизни, и света.
Мы ж одиноко стоим среди бурь,
Ветер холодный в лицо наше веет,
Смерть наступает в то время, когда
Все на земле молодеет».
Ветер холодный вдруг тут пахнул,
Снег понесло и цветок увядает,
Будто чахоточный в пору любви
Ранней весной умирает.
Эта весенняя тихая смерть
Странное чувство во мне пробуждала:
В раннем цветке я свой жребий проник,
В поздних цветах счастье Родины милой.

Тем или иным путем эти запрещенные плоды творчества заключенных «сибирских патриотов» попадали, как сказано, и к нам в кадетский корпус. Запрещенный плод, известно, сладок и приятен. Поэтому понятно, что между нами находилось немало охотников откушать этого плода. К числу их принадлежал и я.

К чести заключенных и вопреки кое-кем распространенным слухам, должен засвидетельствовать, что в числе этих запрещенных плодов не было ни одного такого, который бы по нынешним (да и тогдашним) цензурным требованиям не подходил бы к разряду тех, которые совершенно свободно допускаются в общее обращение.

Вся запрещенность их заключалась лишь в том, что они писались на «местные» темы: те самые, что теперь свободно обсуждаются в местных сибирских газетах. В те времена в Сибири не было еще ни одного повременного печатного органа. Большую часть времени заключенные, как я потом узнал, посвящали частью пополнению своих знаний в литературе, языках, науках. Те, которые были более подготовлены, занимались разработкой специальных, касающихся Сибири вопросов: Потанин заканчивал свое исследование бухарской торговли в Сибири за XVIII столетие, обрабатывал «Домовую летопись Андреева»[114] и подбирал сырой материал на специальные сибирские темы. Шашков обрабатывал и подготавливал для печати свои известные монографии «О рабстве в Сибири», «История сибирской женщины» и проч.[115] Ядринцев помещал материалы по истории ссылки, легшие потом в основу его книги «Сибирь как колония»[116], «Сибирь и ссылка» и проч., и проч.

В августе 1866 г. я был произведен в офицеры. Мне тогда было всего 18 лет от роду. Предавшись на первое время вне корпусной свободы праздным утехам молодой жизни, я вскоре соскучился по более идейному провождению времени. Чаще и чаще, проходя мимо главной гауптвахты, где томились сибирские узники, я задавался мыслью побывать в среде этих необычных людей. Следствие над ними в это время было уже закончено и представлено «на благоусмотрение» в Петербург. Всем им разрешен был не только свободный переход друг к другу из камеры в камеру, но и сношения с внешним миром как посредством получения книг и столичных периодических изданий, так и непосредственных бесед с людьми, живущими на свободе. Один из моих знакомых и бывших товарищей Потанина по корпусу взялся ввести и меня в этот облеченный таинственностью круг.

В один из вечеров я предстал пред очи Потанина, Ядринцева, Шашкова, трех братьев Усовых, Ушарова, Галкина, Шайтанова и проч., и проч.

Представляя меня Потанину, мой ментор сказал: «Ну вот, Григорий Николаевич, представляю Вам прекрасного молодого человека, начинающего портиться».

Потанин, сидя на каких-то нарах, поджавши под себя ноги, с обычным своим спокойствием, поправляя на носу очки, спросил меня:

- А почему это Вы, молодой человек, начинаете портиться?

Смутившись несколько, я ответил:

- Вероятно, потому, что делать нечего.

-Займитесь делом, – сказал он опять столь же спокойно-добродушно, но внушительно.

- Каким?

- Учитесь.

- Учиться... но в академию Генерального штаба меня не пустят ранее выслуги трех лет.

- А разве кроме военной академии нет других высших учебных заведений? Есть технологический институт, университет…

- В университет требуется аттестат зрелости, знание латыни… чего у меня нет.

- Есть высшие учебные заведения, где знание латыни и не требуется… Вот, например, только что открылась под Москвой Петровская земледельческая академия, поезжайте туда.

- Я с программой ее курса не знаком.

- Я Вам ее достану.

Не прошло и недели после этого свидания и разговора, как при следующем же посещении главной омской гауптвахты я получил от Потанина необходимые сведения об условиях поступления в Академию и общий обзор того, что там преподается. Посмотрел я этот обзор программ, и дух у меня захватило от восторга: химия неорганическая, органическая, анатомическая, агрономическая; физика и метеорология; морфология, систематика и физиология растений; минералогия, геология и география; сравнительная анатомия и физиология животных, зоология; земледелие общее и частное, почвоведение; геодезия, технология сельскохозяйственных производств; животноводство всех видов и родов; лесоводство, сельскохозяйственная экономия, политическая экономия и т. д., и т. д. В глазах зарябило. Это было именно то, что в начале 60-х годов было наиболее модным и ходовым.

Вид с плаца на здание Гауптвахты и Военного собрания. Конец XIX – начало XX века. ГИАОО. Фотофонд М.В. Горохова. № 1251.

Решено было ехать, и ехать как можно скорее. В тот же 1867 год осенью я и поехал в Москву.

Напутствуя в новую жизнь, Потанин снабдил меня рекомендательными письмами: к известному словисту и славянофилу, профессору Московского университета Ос[ипу] Макс[имовичу] Бодянскому, к которому я вместе с письмом Потанина повез для напечатания в «Известиях Московского общества истории и древностей Российских» рукопись «Домовой летописи Андреева» второй половины XVIII столетия (из истории наших пограничных дел с киргиз-кайсацкой ордой), и к приват-доценту того же университета известному натуралисту и путешественнику по Туркестану Федченко (погибшему впоследствии трагической смертью в снежниках швейцарских Альп) с посылкой окаменелостей из окрестностей Омска.

- Смотрите, учитесь, – гóворил мне Потанин в напутствие, – сделаетесь ученым, да не вздумайте в России и остаться… Там хороших людей много и без Вас, а у нас их мало, возвращайтесь непременно в Сибирь и будьте полезны своей Родине. Пишите.

С этим я и уехал в Москву, твердо помня всё сказанное Григорием Николаевичем. О переписке моей с ним по вопросу о Сибирском университете и других тогдашних злободневных местных вопросах и нуждах скажу ниже.

В 1868 году дело «сепаратистов» было, наконец, рассмотрено и решено: Потанина, как главу всего кружка, по лишении всех прав состояния сослать в каторжные работы (не знаю на какой срок) в Свеаборгскую крепость, остальных сослать на поселение на разные сроки в северные губернии Европейской России (из Сибири – Ядринцева в Шенкурск[117], Федора Усова в Петрозаводск, Ал. Шайтанова в Пинегу и т. д.) Всех арестованных кадетов решено выпустить, зачтя им время пребывания под арестом в наказание, лишив, однако же, права обратного поступления не только в корпус, но и в какие-либо другие учебные заведения.

В конце 1872 и в начале 1873 годов все сосланные получили право свободного проживания вне мест своей ссылки, а Потанин был освобожден от каторги и выслан на жительство сначала в Тотьму, а потом в Никольск Вологодской губернии. В половине [18]70-х годов все они получили полное помилование с правом поступления на службу с теми же чинами и званиями, что имели до привлечения их к делу.

За все это время, исполняя данное Потанину обещание, я вел довольно деятельную переписку сначала только с ним, а потом и с Ядринцевым.

В задачи настоящих моих воспоминаний не входит более или менее подробное изложение этих писем, а потому я лишь вкратце коснусь того, что в них касается Сибирского университета и тем, близких к его осуществлению*. Щадя мое благополучие, ни Потанин, ни Ядринцев ни в одном из своих писем не касались сколько-либо щекотливых в политическом отношении тем.

Главное, о чем постоянно писалось, и очень много писалось, особенно Потаниным, это о Сибири и ее нуждах. Стараясь как можно более заинтересовать меня этой страной, они писали и о ее природе, и богатствах, о ее населении, специально на темы о сибирской женщине, о сибирской молодежи, о ее абсентеизме и нелюбви к родине, о необходимости возврата в Сибирь всех учащихся в столичных высших учебных заведениях сибиряков, о необходимости изучения этой страны, необходимости писать о ней как можно больше; намечались темы, на какие нужно писать: о народном образовании, об университете, гласном суде, земстве, о вреде штрафной колонизации, о бесчеловечности истребления и спаивания северных инородцев. Сообщались целые библиографические указатели о том, что писано и нужно читать о Сибири; делались те или иные собственные описания и характеристики разных слоев населения и т. д., и т. д. От меня взамен этого требовалось, чтобы я время от времени сообщал, что я делаю, что читаю, главнейшая же моя обязанность заключалась в том, чтобы давать возможно полные обзоры того, что делается на свете, в обществе, литературе и особенно о том, какие за описываемый период времени появились новые книги, сочинения и статьи о Сибири и ее делах с кратким изложением таковых, ибо сообщение Свеаборгской каторжной тюрьмы с внешним миром было крайне затруднено и производилось лишь украдкой. Доступ книг был совершенно воспрещен. Присланные из Москвы проф[ессором] Бодянским оттиски ста[ть]и Потанина «О Бухарской торговле в XVIII столетии» были сданы в тюремный амбар. «Хотя я, – писал Потанин, – объявил начальству, что я желал бы их пожертвовать в пользу Императорского географического общества, но начальство не решилось исполнить мою волю». Даже чтение и перевод евангелия с латинского язы-

* Письма эти, составляющие довольно объемную тетрадь, исписанную большей частью мелким-мелким почерком (ради сбережения места), по содержанию своему настолько общеинтересны, что весьма вероятно, сделаются со временем достоянием широкой публики.

ка не были допущены, ибо «как можно допустить чтение книг на том языке, которого мы сами не знаем». Тем не менее, как оказалось уже из писем Григория Николаевича ко мне, ему за время сиденья в Свеаборгской крепости удалось-таки тайком (по самоучителю) усвоить неизвестный ему дотоле немецкий язык до возможности без затруднений читать книги на этом языке.

Замечательно, что касаясь в своих письмах всех сторон внетюремной, главным образом, сибирской жизни, он почти не упоминал о собственной своей жизни. За исключением двух только что приведенных кратких выдержек, он только раз в виде примечания к своему письму сообщил мне: «Новость – вчера мне объявлена Высочайшая милость, я переведен в разряд исправляющихся, т. е., по-здешнему, получил право носить усы и есть гречневую кашу, затем освобожден от кандалов и с сего дня 10,5 месяцев будут считаться за год, т. е. я воспользуюсь тремя с половиной месяцами сбавки».

К тому же разряду личного благополучия и ощущений могут быть подведены и нижеследующие строки, написанные им в ответ на мое сообщение перед окончанием курса Петровской академии, что я решил ехать в Сибирь, работать в ней и по мере сил и возможности служить ее нуждам путем печатного слова.

«Ваши строки, – пишет он в своем ответе, – принесли мне столько радости, что не могу в начале письма не впасть в лирический тон и не раздаться «цевницей в небесах»... Стены иерихонские пали, решетки исчезли, все окружающее приняло другой вид: пол превратился в ямышевские луга*, потоки пролитых щей в тихие затоны, тенчущие займища и старицы (Иртыша), онучи[118] и сапоги – в пахучие лилии и розы, а керосиновая чадливая лампа, за одинокий свет свой прозванная у нас «волчьим глазом», – в африканское солнце Сибири. Без преувеличения, некоторые строки я читал с влажными от радости глазами. Во-первых, меня обрадовал Ваш мужественный голос... Во-вторых, что Вы не один, что Ваша армия формируется, а я опять перехожу в лирический экстаз: ой, дид ладо, нашего полку прибыло!** В особенности появление Г. Виноградова меня порадовало. Развиваясь одино-

* Ямышевская казачья станица на берегу реки Иртыша – родина Г.Н. Потанина.

** В том же моем письме я ему сообщал, что по моей инициативе из петровцев и студентов университета образовался сибирский кружок «землячество», собирающийся еженедельно для обмена мыслями и чтения книг и статей о Сибири и ее нужде.

ко, но преемственно, на счет доходов своего ума и сердца, он все-таки наш*. Да, эта мысль** лежит в Природе, а не есть изобретение праздного воображения, не есть елейной мысли раздражение. Семена ее засеяны в почве самим Богом, но весна наша начинается туго, а всходы медленны, пастёровы зародыши летают в воздухе, попадают в наши сердца и мозги; они еще молодые, но когда они станут старше, они станут опьянять. Над Сибирью совершается сошествие св[ятого] Духа, только не в виде ливня огненных языков, а отдельными искрами. Но скоро наступит день, когда языки эти польются чаще, как льются слёзы св[ятого] Лаврентия, и не маленькие воробьиные языки, а большущие слоновые, мамонтовы языки».

Вот пророческие слова человека, который в увлечении своими идеями, как мы видим, способен был доходить до экстаза.

В конце 1872 года я, заехав предварительно в Тотьму, где в это время уже под надзором полиции проживал Потанин, возвратился в Омск и в следующем же году по его настоянию, исполняя данное ранее обещание, впервые вступил на литературное поприще в качестве сотрудника и омского корреспондента во вновь возникшей тогда в Казани одной из первых частных провинциальных газет «Камско-Волжской газете». Редактором ее выступил некто Агафонов, а главное сотрудничество приняли: Лаврский, брат Александры Викторовны, впоследствии жены Григория Николаевича, Ник[олай] Мих[айлович] Ядринцев и его супруга Аделаида Федоровна, сам Гр[игорий] Ник[олаевич] Потанин, Андр[ей] Павл[ович] Нестеров (сделавшийся впоследствии после В.И. Вагина главным редактором первой сибирской газеты «Сибирь», издававшейся в Иркутске) и несколько других местных земцев, сельских учителей и священников. Потанин писал под псевдонимом «Авесов», Ядринцев – «Семилуженский», а я – «Жорж Бай» или просто «Ж.Б.».

Писал я, конечно, сначала на «напетые» Потаниным и Ядринцевым

---

* Я писал ему, между прочим, что во время одной научной экскурсии с профессором Стебутом по Тверской губернии, я в селе Единнове встретил в числе практикантов тамошней первой в России знаменитой Верещагинской артельной сыроварни молодого сибиряка Виноградова, пришедшего сюда специально для изучения молочного дела и перенесения его затем в Сибирь с ее обширными степями и лугами, как бы Богом данными для широкого развития скотоводства. Через полтора года после этого я встретил его после того, как он уже побывал в Америке, в окрестностях гор[ода] Вологды организовал собственное свое молочное хозяйство с сотней дойных коров. Куда он делся потом, я не знаю.

** Т. е. мысль о привязанности к родине (области) и служении ей.

мотивы, но как тот, так и другой в целях поощрения не скудились в своих письмах и отзывах на похвалы моим писаньям. Это мне, конечно, «духу придало», и я не постеснялся в конце 1874 года, когда редакция иркутской газеты «Сибирь» перешла от Клиндера к В.И. Вагину, принять ближайшее в ней участие.

1 января 1875 года на пост генерал-губернатора Западной Сибири вместо ушедшего Хрущева был назначен генерал-адъютант Николай Геннадьевич Казнаков, бывший незадолго перед этим Киевским губернатором. Первую весточку об этом прислал мне всё тот же Г.Н. Потанин с предуведомлением, что новый начальник Западно-Сибирского края принадлежит к числу людей очень незаурядных.

Нужно кстати заметить, что как Ядринцев, так и Потанин в это время находились уже на полной свободе и оба проживали в Петербурге.

Первый с головой и ушами ушел в столичный натуральный мир, а второй по поручению вице-президента географического общества П.П. Семенова погружен был в составление «дополнений» к 3-му тому Риттеровой «Азии»[119], составившей потом, как известно, 4-й том этого капитального труда знаменитого географа по всемирному земледелию.

В конце мая того же года я получил заслуживающее полного воспроизведения в печати письмо Г.Н. Потанина от 5 мая. Вот, что он мне писал:

«Спешу поздравить Вас с приятной для всей Сибири новостью, с университетом. В «Голосе» Вы, вероятно, прочли первое известие о нем, вот подробности. Назначая г[осподина] Казнакова на его пост, Государь поручил ему прочесть литературу о Сибири и представить ему Записку о ее нуждах. Генерал деятельно занялся чтением, говорят даже, что у него заболели глаза от чтения. Наконец, была написана им Записка для представления Государю. Когда писалась Записка, никто об этом не знал, вообще генер[ал]-губ[ернатор], по-видимому, будет самостоятельным администратором и сам будет писать проекты и отчеты. Государю в Записке положение Сибири было изображено темными красками, в заключении автор заявил необходимость дарования Сибири гласного суда, земских учреждений и университета *(курсив самого Потанина)*. Мотивируя последнее требование, генер[ал]-губ[ернатор] привел факт, что в Сибири всего 50 медиков. Против этого места Государь написал собственноручно: «правда» *(Курсив тоже Потанина)*. Так как по смыслу выходило, что это слово относилось к целой мысли, т. е., правда, что Сибирь не будет иметь медиков, пока не будет своего университета, то

г[осподин] Казнаков, ободренный благосклонным отношением Государя к мысли об университете, решился действовать энергичнее.

Он обратился к Рейтерну *(тогдашнему министру финансов)*. Тот сказал ему, что демидовский капитал*, возросший до 150 т[ысяч] рублей, растрачен и в наличности только 6 т[ысяч] рублей. Но что он, министр фин[ансов], сочувствует этому предприятию и согласен уделить 250 т[ысяч] р[ублей] на Сибирский университет из сумм государственного казначейства. Тогда Казнаков снова составил Записку Государю специально об университете. Государь сказал ему, что согласен дать Сибири университет и поручил Казнакову, чтобы исследовать этот вопрос на месте, собрать данные, приготовить материалы и вообще окончательно разработать предположение. В Записке Казнаков просил только два факультета: медицинский и юридический, так как нам прежде всего нужно (образованным) чиновников и медиков. О филологическом факультете, он сказал, нечего заботиться, ибо Томск, полагая в филологии корень всех наук, сам приклеит этот факультет. Затем местом университета назначается Томск. Записка Казнакова будет доставлена Николаю Михайловичу (Ядринцеву), ибо к осени газета «Голос» просит его написать три передовых статьи о нуждах Сибири. Когда Ник[олай] Мих[айлович] при свидании с генерал-губернатором не мог удержаться, чтобы не сказать, что он чувствует глубокую благодарность к Государю, Казнаков поцеловал его. Говорят, между прочим, что ген[ерал]-губ[ернатор] любит овации. Мы здесь боимся, что Сибирь деревянным обрубком пролежит при этом радостном известии об университете. Получив это письмо, пишите скорее корреспонденцию в газ[ету] «Голос» по поводу Сибирского университета. Выставите, что Сибирь страдает от абсентеизма, что гимназии ее и общества вспомоществования к высшему образованию способствуют только утечению даровитых личностей на службу в Европейскую Россию, где они остаются, увлекаемые как комфортом, так и умственным движением государственных центров. Сибирь же остается без (образованных) чиновников, техников, медиков и учителей… Вторая просьба заключается в следующем: напишите во все места, в Усть-Каменогорск, Павлодар, в Томск и проч., чтобы везде благодарили прежде всего за дарование университета; нужно, чтобы ген[ерал]-губ[ернатор] имел право пред-

* Известно, что в начале XIX стол[етия], кажется, в 1803 г. известный рудовладелец Сибири пожертвовал 50 тыс. руб. на учреждение университета в Тобольске.

ставить Государю, что повсюду встретил всеобщую радость по этому случаю в местном населении, и что оно повсюду свидетельствовало глубокую благодарность Государю…

От Вашей деятельности будет зависеть, будет ли ген[ерал]-губ[ернатор] встречен в Омске холодно или радушно. Он связал свое имя с именем Сибирск[ого] университета; теперь, конечно, его слава будет зависеть от того, осуществится или нет это предположение; университетский вопрос стал его личным вопросом. Растолковывайте всем, что искреннее желание ген[ерал]-губ[ернато]ра должно заключатся в том, чтобы всё ему помогало в осуществлении этой мысли. Он вполне заслуживает оваций с нашей стороны» и т. д., и т. д.

Конечно, не одному мне и не в одном Омске были написаны такие же ими письма. И Сибирь зашевелилась: стали с нетерпением ожидать нового начальника края.

Я, конечно, постарался в точности выполнить все данные мне наставления. Вооружившись всем материалом, какой накопился у меня по этому вопросу, и, настроившись, как приличествовало случаю, я настрочил большую статью, назвав ее «К вопросу о Сибирском университете» и отправил ее в Иркутск к Вагину для напечатания в его газете «Сибирь». Статья заняла целых пять номеров газеты. В статье говорилось и о богатствах Сибири, и об их малой исследованности, и об отсутствии сколько-либо разумной эксплуатации этих богатств, и о зависимости сибирского рынка от приказаний Москвы, и народном невежестве, и об абсентеизме сибирской молодежи, и о снабжении ее взамен лучших сил отбросами Европейской России – ссыльнокаторжными преступниками, и о вреде штрафной колонизации, и о «навозных» чиновниках, идущих в Сибирь за двойные прогоны и подъемные, для карьеры и наживы, и проч., и проч. И как панацея всего: «местный университет» – рассадник просвещения и научный центр, объединяющий интеллигентную Сибирь. С появлением первых же глав статьи на меня посыпались с разных сторон приветствия за «смелые» выступления. Однако, 4-я глава о «навозной интеллигенции» не была пропущена тогдашним генерал-губернатором Восточной Сибири бароном Фредериксом и, несмотря на все старания моих петербургских друзей, не была даже напечатано и в «Голосе». Заключительная шестая глава о месте для университета также не была пропущена, но уже не начальством, а самой редакцией газеты. Дело в том, что вопреки данным из Петербурга указкам, я впервые решился выступить самостоятельно и выставил

пунктом для основания первого Сибирского университета не Томск, а Омск. После некоторых настояний с моей стороны перед редакцией газеты мои доводы за университетский пункт были пропущены в «Сибири» в виде особого «предложения» под названием «Томск или Омск?» за полной моей подписью.

И досталось же мне за это! Насколько все мои читатели были благосклонны к выступлениям моим в первых четырех-пяти главах статьи, настолько же они стали во враждебное, если не сказать угрожающее, положение после прочтения главы «Томск или Омск?» Но об этом ниже, а теперь обращаюсь непосредственно к виновнику всей этой истории Николаю Геннадьевичу Казнакову.

В мае месяце 1845 года он, наконец, приехал в свою резиденцию в Омск. Конечно, ему устроена была надлежащая встреча. Тогдашний городской голова, человек далеко не заурядный, Ф.Л. Чернавин сказал приветственную речь и т. д. На другой день после приезда был назначен общий прием служащих всех управлений, учреждений и заведений, находившихся тогда в Омске.

Общее впечатление приема было необыкновенно благоприятное для вновь приезжающего. Красивая и импозантная наружность, королевски-изящные манеры и, главное, необычайная подготовленность, знакомство с положением дел и находчивость в обращении с каждым из представляющихся, очаровали всех. Несколько первых дней после приема только и разговору было, что о Николае Геннадьевиче: о том, как он красив, изящен, внимателен, всеведущ и т. д., и т. д.

Совершенно неожиданно для меня оказалось, что и моя фамилия ему небезызвестна. Остановившись около меня и узнав мою фамилию, он сказал:

- Слыхал о Вас, Вы Сибиряк!!!

И вся последующая его деятельность в Сибири, несмотря на кратковременность пребывания в ней, заставляла о себе говорить.

Вот общая весьма удачная характеристика этого человека, сделанная начальником штаба Западно-Сибирского военного округа Иваном Федоровичем Бабковым, проведенным в Сибири более 30 лет при шести генерал-губернаторах*: «Светлый ум, большая начитанность, превосходная память, сдержанность и такт, приобретенные постоянным

* См. И.Ф. Бабков. «Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859-1875)». СПб., 1912.

вращением в высшем обществе, изящные манеры, постоянная приветливость и деликатность в обращении были отличительными качествами Казнакова. Если же к этому присоединить красивую и симпатичную наружность, то про него можно сказать, что Прометей вылепил его из самой лучшей глины. Обладая блестящими способностями и занимая важные административные должности как по военной, так и по гражданской части, Казнаков вступил в управление войсками и краем будучи вполне определившимся государственным человеком, имевшим за собой опыт, знание дела и ясно определенную систему действий».

Всё приведенное в этой характеристике И.Ф. Бабковым не замедлило обнаружиться с первых же шагов пребывания Казнакова в Сибири вообще и в Омске в частности.

Я позволю себе остановиться несколько на этих шагах, полагая, что всё касающееся деятельности этого замечательного человека будет интересно и для лиц, специально интересующихся историей возникновения первого в Сибири университета.

С первых же дней приезда Казнакова в Омск для местного чиновничества Тобольской и Томской губерний и двух степных Акмолинской и Семипалатинской областей началась в буквальном смысле «страда». Желая ознакомиться поближе с лицами, которые являются более или менее видными сотрудниками по управлению обширным краем, Казнаков по старой профессорской привычке* произвел им в буквальном смысле письменный «экзамен» или «репетицию». Я не говорю о непосредственных его докладчиках членах Совета Главного управления Западной Сибири, начальнике штаба, директоре кадетского корпуса, губернаторах и т. п., которых он мог узнать по личным беседам с ними. Кроме них в Западной Сибири в то время было более 30-35 окружных исправников и уездных начальников степных областей, которые в то время в руках своих, за отсутствием земства, мировых и крестьянских учреждений и проч., и проч., являлись на местах своего рода «уездными губернаторами». Вот им-то и чинам для особых поручений при генерал-губернаторе и заданы были «сочинения». Первым – на темы, наичаще поручающиеся им при бывшем генерал-губернаторе Хрущеве, а вторым – описать кратко вверенные им районы Западной Сибири с приложением карт уездов, на которых должны быть означены границы уезда, границы волостей, наиболее притягательные пункты в торговом и иных отношениях, ведущие к

* Н.Г. Казнаков одно время был профессором Николаевской военной академии.

ним пути водные, почтовые, проселочные. В тексте же самого описания должны были быть обозначены количество и состав населения уезда по волостям, по сословиям, занятиям, народностям. Описаны главнейшие занятия населения, торговля, промышленность. Виды на будущее и главнейшие нужды. В конце примечание: как бы они полагали удовлетворить эти нужды. Это нужно генерал-губернатору, писалось в предписаниях и циркулярах, для ближайшего ознакомления с Высочайше вверенным ему краем и как руководство при предполагаемом объезде каждого из уездов. Истинная причина свалившейся на уездных губернаторов беды заключалась в стремлении нового начальника края произвести добровольную «чистку» местных администраторов. Они поняли его, и все, кто до сих пор в служебных действиях своих и отношениях к населению руководствовались лишь традиционными «держи» и «не пущай», покинули свои места. Остались на местах более даровитые, образованные, опытные и «хитрые».

Исполняя свое обещание «объехать» губернии и уезды, Н.Г. Казнаков вскоре же после своего приезда в Омск отправился в «объезд» вверенного ему края. Нужно однако же заметить здесь, кстати, что он не особенно верил в производительность своих «объездов». Нередко он говаривал: «Это почти потерянное для меня время. Сколько бы я не спешил, сколько бы я не гнал лошадей (других путей в Сибири тогда не было), а все-таки осмотреть всего и оценить по достоинству я не могу. Не хватает ни времени, ни человеческих сил. Я знаю, что, пользуясь недостатком времени для ревизии, от меня постараются скрыть все худое и показать только одно хорошее, но я все-таки считаю необходимым посещать возможно чаще и захолустья, которые, ожидая меня хоть раз в год-два, пообчистятся, подберутся, зачинят особенно кидающиеся в глаза прорехи и подметут грязный сор».

И он ездил, ездил, забираясь иногда в такие уголки, в которых до него никто из начальствующих лиц не бывал, ездил прямиком в дебри Алтая, плавал вверх и вниз по Иртышу и Оби, доплывая до Березова, Обдорска и проникая даже в самую Обскую губу до мыса Лидинзита, где в его присутствии [был] произведен первый обмен сибирских и заграничных товаров, проникших сюда возобновленным Норденшельдом, Виггинсом и Далем морским путем; через Карское море к устьям рек Оби и Енисея.

Февраль и март Н.Г. Казнаков ежегодно проводил обыкновенно в Петербурге, куда он ездил для скорейшего проведения своих ходатайств

и представлений в министерства, что ему при обширных связях в столице и личном знакомстве с тогдашними вершителями всероссийских дел обыкновенно и удавалось. Это тоже были целые путешествия, ибо нужно помнить, что в то время ближайшая к Омску железная дорога начиналась от Нижнего Новгорода. В один конец проезда до Петербурга требовалось не менее полумесяца. Я, например, от Омска до Москвы в 1867 году ехал 21 день.

Зимнее наиболее кипучее рабочее время с половины сентября до половины февраля месяца Казнаков всегда проводил в Омске.

Кажется, ни один из генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири, за исключением быть может Сперанского и Муравьева-Амурского, не умел так держать себя на своем высоком посту, как Казнаков. Сидя в Омске и не пользуясь услугами не существовавших еще тогда в Сибири железных дорог, телеграфа, телефонов и сколько-либо правильно действовавшего пароходства, он, кажется, все видел, слышал и чувствовал, что делается во вверенном ему обширном крае*. Его камертон и дирижерскую палочку все и вся чувствовали за сотни и тысячи верст, и все к ним присматривались и прислушивались.

Вот, например, как чувствовалось его «настроение» в ближайше-подведомственном ему Главном управлении Западной Сибири**:

Приходили на занятия младшие служащие в 9 часов утра, а старшие – в 10, и до этого часа или даже до 11-ти чувствовали себя «неопределенно», не зная, какова сегодня «погода», т. е. в каком настроении находится «сам». Но вот из дворца приезжает журналист Главного управления Знаменский с бумагами и резолюциями на них за текущий день самого начальника края. Все к нему.

- Ну каков сегодня?

- У-у!.. Не подходи!.. В тужурке. – (знак, что Николай Геннадьевич не в духе).

Все трепещут.

Или наоборот:

---

* Единственный однопроволочный телеграфный провод в то время шел только от Екатеринбурга до Тюмени (кажется, с ответвлением на Тобольск), отсюда на Омск, Каинск, Томск и Красноярск.

** Я временно был прикомандирован к этому Главному управлению и потому имел возможность присмотреться к его порядкам.

- Ну как?

- Ясен, как весеннее солнце, в сюртуке и при аксельбантах… поцеловал меня в щеку…

Все радостно сияют. Один из остряков замечает:

- То-то у тебя одна щека горит, только смотри, от поцелуя ли, а то, может быть, от чего другого?

Общий веселый хохот. Так будет продолжаться весь день. Зато, Боже упаси, если станет известным, что «он сегодня в тужурке»!

На одного из членов Совета Главного управления дейст[вительного] ст[атского] сов[етни]ка Л. обыкновенно в этих случаях, особенно если это был его докладной день, нападала медвежья болезнь.

- Вот, знаете ли, – говаривал он мне не раз, – ведь кажется и старый я воробей, видывал виды, а никак не могу приноровиться к Николаю Геннадьевичу. Уж чего-чего я не передумаю, готовясь к докладу, и те возьмешь с собой справки, и другие… все, кажется, предусмотришь, и как сказать, и на что сослаться, а как придешь к нему, все из головы вон, и ведь как нарочно, всегда спросит о том, к чему не подготовился. А он напустит на себя иронию и начнет тебя изводить… Нет, трудно служить при Николае Геннадьевиче… дай Бог, дотянуть еще до января месяца, а там и уйду…

Один из членов Совета Гл[авного] управления, тоже д[ействительный] ст[атский] сов[етник] Х. за неправильно и тенденциозно подведенную справку при докладе уволен был в отставку в две минуты.

Другой немощный и бестолковый старичок М., державшийся в Совете по какому-то недоразумению, в один из докладов был так напуган начальником края, что, можно сказать, лишился и последнего разума. Лепеча что-то непонятное, он стал со стула, сидя на котором докладывал, и, в страхе пятясь к выходным дверям, только беспомощно водил по груди от плеча до пояса… Казнаков, быстро сообразив, что значат эти маниакальные движения рук обезумевшего старца, быстро переменил тон и, почти улыбаясь добродушно, крикнул ему вслед:

- Хорошо, хорошо… получите и ленту, и звезду, только уходите… Немедленно же подавайте в отставку и уезжайте в отпуск, я уж похлопочу за Вас.

Совершенно другое обхождение было с членами Совета и начальниками отделений Главного управления, обладавшими умом и знанием. Относясь холодно-внимательно к одним из них, он с другими вел себя

совершенно по-товарищески. К числу последних относились Заборовский, Селиванов и Козлов. Кстати, замечу о последнем, что при всем своем уме, знании дела и неподкупной честности, он отличался удивительным чудачеством. Нелюдимый, необщительный, он вечно был занят бумагами. Служащих своих он видел только в Главном управлении, куда ежедневно заезжал на час-полтора времени, чтобы раздать к исполнению и рассылке рассмотренные им бумаги и дать краткие личные указания подчиненным. Дома у себя он никого и никогда не принимал, особенно просителей. Лакею его раз и навсегда было объявлено говорить всем приезжающим и приходящим или «дома нет», или «не принимает». За всякий пропуск посторонних с лакея вычитывалось по одному рублю из месячного жалованья, а если допущена была женщина, то по два рубля.

По установлениям еще Сперанского Главные управления как Западной, так и Восточной Сибири делились на пять отделений: распорядительное (Мин[истерство] внутр[енних] дел), земельное (Мин[истерство] госуд[арственного] им[ущества]), финансовое (Мин[истерство] финансов), судебное (Мин[истерство] юстиции) и казачье (Мин[истерство] военное).

Сознавая все устарелости этого учреждения, Казнаков с первых же шагов своего управления стал вести дело к преобразованию его на более новых началах, подобно тому, как это уже установлено было в Европейской России, т. е. к преобразованию 1-го отделения в канцелярию генерал-губернатора, 2-го – в Управление государственными имуществами, 3-го – в Казенную палату, 4-го – в соответствующие российским судебные и мировые учреждения, а 5-е отделение присоединить к Штабу Западно-Сибирского военного округа.

Были намечены и управляющие этих новых учреждений из числа начальников отделений и членов Совета Главного управления. Осуществление всего этого, однако же, последовало уже на другой год после оставления Казнаковым своего высокого поста, когда Главное управление было расформировано, а Западно-Сибирское генерал-губернаторство преобразовано в Степное с выделением из него Тобольской и Томской губерний и включением Семиреченской области.

Только одно казачье отделение было присоединено к окружному штабу еще в бытность Казнакова в Омске в 1877 году.

Совершенно неожиданно для меня и для военнослужащих генералов и полковников (претендентов на новый видный пост) начальником

вновь сформированного отделения с правом личного и непосредственного доклада дел командующему войсками округа был назначен я, хотя в то время я был лишь в чине казацкого сотника (поручика).

Расскажу вкратце, как это случилось, в виде характеристики и иллюстрации того, как вершились дела при Казнакове и как подбирались нужные ему люди.

Казнаков любил появляться в публике, но именно «появляться», а не «быть» в публике наравне с другими. Эти появления, с одной стороны, обозначали, что сегодня «особенный» день, а с другой, служили ему средством себя показать и с другими познакомиться. Никогда он не появлялся перед широкой публикой попросту, в сюртуке. Обязательно только в мундире при звездах. Генеральской ленты через плечо он не любил и потому редко ее надевал, очевидно, признавая слишком бутафорской принадлежностью своего чина и звания. Но звезды, звезды, ордена и всякого рода знаки отличий и принадлежности к той или иной государственной и общественной организации были его страстью. Всегда величественно-красивый, королевски либеральный и внимательный, появлялся он среди подобострастно настроенной, большей частью чиновной публики. В те времена в Омске не было еще ни газового, ни газо-

Здание Общественного собрания. Общий вид. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 88.

или керосино- калильного освещения, ни тем более электрического, ни городского телеграфа или телефона, ни даже самых обыкновенных комнатных электрических или духовых звонков… Но достаточно было появления «его», например, в передней Общественного собрания, чтобы вся присутствовавшая там и разбросанная по разным его комнатам публика, точно по электрическому току почувствовала, что «он здесь». Все бросали карты, бильярд, чтение газет, выпивку в буфете и проч. и бежали в зал, чтобы предстать пред его очи и показать свою готовность быть там, где он. Музыка играет встречный марш. А он, тихо двигаясь среди рядов приветствующих, идет, делая полунаклоны направо и налево и изредка удостаивая то того, то другого милостивым словом. Таково было официальное и полуофициальное его появление перед большой публикой. Желая, тем не менее, возможно ближе стать к нужным ему людям и прямо-таки ища таких нужных людей, он, независимо от редких свиданий в собрании и трех-четырех танцевальных за зиму вечеров «во дворце», через каждые две недели собирал у себя городскую и приезжую публику на так называемые «рауты». По-праздничному одетые гости обоего пола съезжались в генерал-губернаторский дом к 10-ти часам ночи и, пробыв там час или полтора, возвращались восвояси. Танцев и музыки в такие вечера не было, угощение состояло только в чае с печеньем, фруктах, сладостях и прохладительных водах. Ни пива, ни вина не подавалось. По обыкновению парадно одетый хозяин обходил гостей, находя для каждого несколько приветственных слов или фраз. Приглашенных на рауты бывало обыкновенно человек около двухсот.

Подходя то к одному, то к другому, он, скажем, заметил между прочих только что произведенного из капитанов майора в новеньких эполетах с кисточками:

- Очень рад Вас видеть в этих эполетах, – говорит Казнаков, протягивая тому руку, – кургузые обер-офицерские Вам не шли, Вы такой солидный…

Польщенный штаб-офицер кланяется и, улыбаясь, что-то скороговоркой бормочет, вроде «рад стараться».

- А, и Вы здесь! – обращается между тем Казнаков к рядом стоящему скромно одетому статскому господину. – С удовольствием прочел Вашу «Записку» о смежных запрудах, заходите завтра часов в 7 вечера, поговорим.

Идет дальше. Почти загородив ему дорогу, стоит вытянувшись в струнку с руками по швам полковник Н., директор существовавшей тог-

да в Омске военной прогимназии (финляндец, плохо говоривший по-русски).

- Здравствуйте, полковник, как Ваши дела?

- Слава Богу, Ваше высокопревосходительство, во вверенной мне прогимназии все обстоит благополучно.

- Да, я так и знал, – отзывается шутливо генерал, – ведь Вы в своей сфере маленький Клейнмихель[120].

Не замечая иронии в голосе генерала, Н., польщенный сравнением с когда-то всесильным министром, положительно кланяется и благодарит.

Не говоря ни слова, Казнаков проходит далее мимо господина в очках с длинными волосами, незаметно из-под казацкой шапки с султаном пожимая ему руку так, чтобы он это чувствовал, но рядом стоящий член Совета Главного управления, статский генерал этого не заметил, ибо двигаясь вслед за сим мимо этого последнего, генерал ни словом, ни движением не показывает виду, что он его замечает.

Но вот навстречу идет расфранченная «дама, приятная во всех отношениях», а за ней дама, хотя тоже приятная, но не во всех отношениях.

Николай Геннадьевич, вспоминая старину, быстро принимает вид галантного, еще весьма нестарого кавалера, с улыбкой в ее сторону говорит:

- Рад Вас видеть, Марья Ивановна, по-прежнему цветущей и радостной. Говорят, Вы были очень больны… очень жалел об этом… но теперь, слава Богу, Вы, как вижу, опять прежняя и даже, на мой взгляд, entre nous, лучше прежнего…

Та сияет, готовясь что-то ответить любезному генералу, но тот уже еще раз необычайно любезно улыбнувшись ей, с серьезным видом обращается к подошедшему к нему адъютанту с каким-то приказанием.

Шедшая сзади «просто приятная дама», видевшая, но не слышавшая разговор генерала с первой дамой, спрашивает ее:

- Что, что Вам сказал Николай Геннадьевич?

- Ах, это наш секрет, – отвечает та, жеманясь и интересничая.

И т. д., и т. д.

Так проходят все полтора часа, назначенные для свидания и разговоров в этот вечер. Продолжение в следующий раут через две недели.

Для Н.Г. Казнакова эти вечера были своего рода службой, и службой притом нелегкой. Нужно было быть по возможности внимательным и либеральным ко всем гостям хозяином и в тоже время гнуть свою

линию, знакомиться с нужными людьми, не стоящими в прямом ему подчинении, оказывать внимание усердным служакам и сотрудникам, сделать мимоходом то или иное замечание, дать приказание, напомнить об ускорении нужного дела, познакомиться с интересными людьми, услугами которых желательно воспользоваться, просто, наконец, позондировать почву и настроение публики по тому или иному назревшему вопросу, полюбезничать с дамами, имеющими влияние на дела своих мужей, и т. д., и т. д.

Не чуждался генерал бывать и как на клубных, так и театральных маскарадах. Окруженный масками, зачастую назойливо пристававшими к нему, он терпеливо и любезно выслушивал как их лесть и признания в любви, так и нередко горькие истины, которые ни одна из масок высказать бы открыто не решилась.

Не без покушений, конечно, было и целомудрие Николая Геннадьевича, тогда еще достаточно полного сил и красоты. Лавры супруги бывшего директора кадетского корпуса г[оспо]жи Шрамм при кн. Горчакове и иркутской полицейместерши, сделавшейся супругой тогдашнего генерал-губернатора Восточной Сибири барона Фредерикса, многим из местных мессалин не давали покоя. Каждой из них хотелось очутиться в роли губернской Помпадурши (или Клеопатры). К чести Николая Геннадьевича, однако же, должно сказать, что, дозволяя себе маленький флирт, он никогда не переходил на роли Марка-Антония, оказавшегося под сандалиями египетских и губернских цариц.

Если не ошибаюсь, на первом же его рауте во дворце произошло и первое мое знакомство с новым начальником края. Видимо, заинтересовавшись двух – трехминутным разговором со мной на вечере, он на другой же день заявился в кадетский корпус (тогда временно – военную гимназию), где я исполнял в это время обязанности воспитателя и преподавателя географии. Узнав, чьи идут уроки в час его посещения, он направился прямо в 4 класс, где был мой урок. Встретив его надлежащим образом и показав сначала, как и что я преподаю, а потом вызвав несколько учеников к карте Азии для ответа заданного урока, я, видимо, произвел на него весьма благоприятное впечатление.

На другой же день я был позван к генерал-губернатору на обед и там же получил от него предложение перейти из корпуса на службу в личное его распоряжение. Я согласился. И вот, состоя сначала в непосредственном распоряжении Н.Г. Казнакова, а потом, как сказано выше, в звании начальника казачьего отделения окружного штаба с правом

личного ему доклада, я и имел возможность настолько близко познакомиться с этим замечательным человеком, что решаюсь опубликовать здесь мои наблюдения за деятельностью его вообще и, главным образом, в связи с его просветительными начинаниями в Сибири и открытием Томского университета, в чем, как сказано уже выше и еще будет сказано ниже, одновременно с ним принимали деятельнейшее участие Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и их сторонники.

Не останавливаясь в дальнейшем изложении на деятельности Н.Г. Казнакова как администратора вообще, ибо главную мою задачу в настоящих воспоминаниях составляет характеристика его просветительных начинаний, скажу лишь, что служба при нем была поучительнейшей школой того, как нужно работать. Да и нельзя было, состоя при нем, не работать. Каждому давалось и от каждого требовалось исключительно то, что он может дать, и к чему он способен. Талант и прозорливость Казнакова в том и заключались, что он умел угадать в каждом, к чему он наиболее пригоден, где его главный конек, и насколько этот конек силен. Раз он найден и определен, на него возлагалось всё, что он может свезти по его силам. Средствами понуждения к работе служили самые разнообразные приемы: на одних действовалось угрозами и наказанием, на других – поощрением и наградами, на третьих – лестью их способностям, на четвертых – неустанным наблюдением за работой, на пятых – указаниями и помощью в самой работе, на шестых - денежными пособиями и т. д., и т. д. Никогда – никаких «разносов» и особенно «публичного поругания и унижения». Он знал, что для сколько-либо уважающих себя людей, самолюбивых и способных, такие разносы являются лишь стимулом озлобленности и жажды противодействия.

Людей слабых он щадил, но, желая от них отделаться, по возможности устраивал на соответствующие их маленьким дарованиям маленькие должности.

Излюбленным работникам говорил: «Старайтесь так излагать мои представления в министерства, чтобы было умно, красно, логично, обоснованно, ничего лишнего, ничего недоговоренного». И призванные к работе, как говорится, из кожи лезли, чтобы выполнить эти требования. Конечно, старания их не оставались и без должного вознаграждения. Сужу по себе. Пробыв до поступления в распоряжении Казнакова 11 лет в чине хорунжего (прапорщика), а за четыре года службы при нем дошел до чина майора (по-нынешнему, подполковника). Как это ему удалось устроить, его секрет.

Особенно охотно прибегал он к сотрудничеству «местных сил» «сибиряков», привлечение которых к делу, особенно из окончивших курс высших учебных, ставил в первую очередь свою задачу, хотя должно отдать ему справедливость, следуя завету великого Наполеона, он всегда предпочитал хорошо организованный ум туго начиненной голове.

Привлекая к себе на службу сибиряков, он не забыл и бывших «сибирских сепаратистов», в то время уже помилованных, даже более того, он их выставил в первую голову. Лишенный чинов Ф.Н. Усов был принят на службу с возведением в прежний чин есаула на должность штаб-офицера для поручений при Казнакове (а вскоре произведен в штаб-офицеры), другому Усову, Шайтанову, Кирьянову и др. тоже возвращены чины с назначением на соответствующие их способностям и знаниям должности. Выписан был из Петербурга и Ник[олай] Мих[айлович Ядринцев, получивший место чиновника особых поручений при генерал-губернаторе. В распоряжение Гр[игория] Ник[олаевича] Потанина, отправленного в это время географическим обществом в первую монгольскую экспедицию, был командирован один из лучших военных топографов, состоявших при штабе Омского военного округа (ныне начальник военно-топографического отдела Главного штаба). Иван Яковлевич Словцов из преподавателей военной гимназии назначается прямо директором вновь основанного реального училища в Тюмени[121]. Только что окончивший курс Московского университета сибиряк Ч. поступает в репетиторы и ближайшие наставники в науках детей Казнакова и т. д., и т. д.

Обращаясь к нам, сибирякам, Николай Геннадьевич не раз говаривал, предлагая для разработки то или иное дело: «Это ваше дело, господа сибиряки, разбирайтесь в нем сами. Мы, «навозные», как вы выражаетесь о нас, наезжих, только «гастролеры» здесь, поживем и уедем, быть может, наделав по мимолетному знакомству с делом много глупостей (как нередко и бывало), а вы останетесь здесь, это ваша родина, здесь ваше все… работайте же для нее… старайтесь обходиться без наезжих… все останется при вас…». Вот почему, между прочим, идея об учреждении местного для Сибири земства была для него не только не дика (даже в то время), но и симпатична. Не знаю, в какой форме и когда он признал бы возможным осуществить свои симпатии в этом направлении, если бы он пробыл в Сибири более… Тяжкая болезнь заставила его преждевременно покинуть наш край всего через пять лет после прибытия в него.

Наиболее излюбленной сферой его деятельности в Сибири было школьное дело и просвещение вообще.

Получив назначение в новую малознакомую страну, он, как выше приведено в выписках из письма ко мне Г.Н. Потанина, прежде всего занялся изучением края по тем книжкам и статьям, которые имел полную возможность достать, живя в Петербурге. Приехав в Сибирь, он, тем не менее, не мог удовлетвориться только тем, что им было вычитано за четыре месяца пребывания в столице перед приездом сюда. Начав личный объезд края, он в первое время также только изучал его, не решаясь принимать какие-либо решительные меры подобно многим из его предшественников, которые, будучи назначены начальниками края из бывших командиров кавалерийских или пехотных, бывших расположенных где-нибудь в Западном крае, и наскоро прочитавши перед отъездом в новый неведомый для них дотоле край две-три книжки о нем, являлись здесь уже все знающими вершителями судеб населения. Нужно помнить, что в те времена в Сибири не было еще ни независимого суда, ни переселенческих организаций, ни управлений земледелия и государственных имуществ, ни казенных палат, имеющих теперь непосредственные сношения с министерствами. Генерал-губернаторы в Сибири были тогда «всё».

Здание Казенной палаты, построено в 1833 – 1836 гг. архитектором Татариновым. 1905 год. ГИАОО. Фотофонд. № 105

Боже мой! Сколько ходит по Сибири передающихся из поколения в поколение удивительных анекдотов о преданных осмеянию подвигах этих вершителей судеб.

Не могу воздержаться, чтобы не привести здесь, кстати, несколько ссылок на такие анекдоты.

Рассказывают, например, что Капцевич, убежденный сторонник внедрения в крае знаменитых аракчеевских военных поселений, радея о вразумлении мужика, как-то проезжал в полдневную пору мимо поля, где мужик в поте лица на плохонькой лошадке пахал землю. Взволнованный столь несвоевременной работой попечительный начальник велел остановить свою тройку и, подозвав к себе оторопевшего пахаря, приказал сопровождавшим его конвойным казакам немедленно же растянуть его на той же ниве и всыпать ему полсотни горячих нагаек, приговаривая нравоучительно: «Не паши, дурак, пашню не во благовремении, не мучь лошадку в жару, для этого есть время поутру и под вечер, когда работать по холоду «спорее»…» – И, кончивши экзекуцию, уехал далее. Мужик, оправившись от порки и натянув на себя штаны, долго стоял, почесывая спину в раздумье, что ему теперь делать: продолжать ли начатую пахоту или, следуя вразумлению попечительного начальства, ехать домой.

Его последователи из фрунтовиков в более поздние времена серьезно учили мужиков, как надо пахать, а баб, как надо доить коров. Мужикам, имевшим деревянные постройки, приказывалось в целях сбережения лесов строить саманные или каменные избы, а хибарки, покрытые дерном (в целях сбережения почвенного покрова), обязательно перекрывать железом.

- Смотрите, – приказывало начальство, садясь в карету перед отъездом из таких деревень, – чтобы к будущему же моему приезду было все сделано, как я приказал, а то!!!

Трепещущие мужики, не зная, как понять это скоропалительное приказанье начальства, робко переглядываются между собой, не смея, впрочем, спросить:

- А что же, Ваше высокое превосходительство, на самое это железо будет от казны способье или своим коштом?

На моей еще детской памяти случаи проездов высшего начальства через казачьи станицы, когда дня за три до этого великого события по главной проезжей (видной начальству) улице поселка разъезжал верховой десятник и, постукивая в окна каждой избы, покрикивал:

- Эй, хозяйка! Послезавтра проезжает начальство, так смотри, чтобы труба была выбелена и крыша покрашена! А хозяину скажи, чтобы улицу подмел, да «сады» посадил перед домом!

И вот накануне проезда начиналась страда: бабы белили трубы, красили тесовые крыши (до первого дождя), а мужики шли в ближайшие рощи за «садами» и, вырубив на каждый двор по пяти-шести кустов, несли их в деревню, где и втыкали заостренными концами в землю перед домами «до проезда» начальства.

А это вот еще курьез более позднего времени.

В степи появилась кобылка, покрывшая миллионы десятин луговых трав и хлебных посевов. Народное бедствие. Благодетельное начальство шлет циркуляры за циркулярами по деревням, поучая мужиков, как следует бороться с нахлынувшей бедой. Шлются наставления, как следует отпугивать скачущую кобылку способами, употребляемыми против летучей саранчи: кричать, стрелять из ружей, бить в бубны и печные заслонки, трещать в деревянные трещотки, ловить кобылку пологами и складывать в мешки, за представление которых по начальству обещано платить по 20-25 к[опеек] с мешка и т. д. Мало того, само начальство двинулось в поход на кобылку, отправившись по деревням самолично.

Приезжает в первую. Мужики все в сборе.

- Ну что, как дела? – спрашивает начальство.

- Худо, Ваше высокое превосходительство, – отвечают мужики, – погибать приходится, кобылка все пожрала…

- Что ж вы не исполнили, что я вам приказывал?

- Как не исполняли, все исполнили, как в приказе… и в ружья стреляли, и в заслонки били, и трещали…

- Ну и что ж с кобылкой?

- Что? Известно что. Одно жрет себе, да и только, ничего не понимает.

- Ну, и в полога ловили, и в мешки ссыпали? – спрашивает несколько озадаченное начальство.

- И пологами ловили, и в мешки тискали… да что? – Её, проклятую, в мешки ловить, что ведрами море вычерпывать, сколько было, столько и осталось…

- Что?! – кричит обиженное начальство… – Ах вы, лентяи, ах вы, пьяницы! Вам бы только на боку лежать да казенный паек получать… Вот вам мой приказ: чтобы к возвращенному моему приезду вся кобылка была выловлена!

И идет далее, а мужики, свидетели этого мудрого распоряжения, недоуменно вздыхая, расходятся по своим избам, где их ждут голодные семьи.

Сзади за начальством идет наблюдательный «интеллигент» и, остановившись в поселке, спрашивает обывателей:

- Ну как, проводили начальство?

- Слава Богу, ничего, – отвечают те.

- Говорил с вами что-нибудь?

- Как же, много говорил обо всем.

- Ну, а об чем же больше?

- Да, как сказать… больше «матерился», пьяницами, дармоедами обзывался… Ну, да известно, на то оно и начальство, чтобы нашего брата-мужика вразумлять да материть.

Казнаков, к счастью для края, не принадлежал к числу таких смехотворных цивилизаторов. Сознавая, что не только он, вновь приезжий, но и местная интересующаяся благоустройством страны интеллигенция (тогда очень малочисленная) не могут с уверенностью сказать, что в данный момент наиболее необходимо и целесообразно для края, во многом отличающегося от коренной России, он в своих первоначальных мероприятиях был очень осторожен.

Первой своей задачей он поставил скорейшее и наивозможно всестороннее обследование страны, опираясь на которое он и последующие начальники Западно-Сибирского края могли бы вводить в страну необходимые реформы не по своей фантазии, возбудившейся в совершенно иной обстановке, а соответственно истинным ее потребностям.

Отсюда: учреждение в главном административном центре края Омске отдела Императорского Русского географического общества. Все научные силы края были, так сказать, мобилизованы и включены в состав вновь образованного ученого общества. Первое организационное заседание местного географического отдела происходило под личным председательством самого Казнакова. Помещение обществу, его библиотеке и зарождающемуся музею было отведено в одном из казенных зданий. В виде субсидий от правительства был исходатайствован ежегодный отпуск отделу в 2000 рублей.

Немедленно же начались заседания, чтения докладов и рефератов на научные темы. В первые же два года по открытию отдела на его средства были снаряжены экспедиции в Кокчетавский уезд под руководством И.Я. Словцова, в Барабу и Алтай Н.М. Ядринцева, на север

в Обдорско-Надымский край (зимой) Н.К. Хондажевского. Устроены служебные командировки для обследования поставленных географическим отделом научных задач под руководством членов отдела Балкашина, Павлова-Сильванского и других.

В те же первые два года отделом изданы две книжки «Записок» Зап[адно]-Сиб[ирского] отдела геогр[афического] общества.

В тех же целях наибольшего освещения научными данными сведений о современном положении губерний и областей, входивших в район Западной Сибири, по настоянию Казнакова были [учреждены] в Омске и Семипалатинске статистические комитеты при местных областных правлениях.

В тех же целях точного выяснения количества и состава населения генерал-губернаторской резиденции, занятий и промыслов этого населения, степени его просвещения и грамотности и проч., и проч. в 1877 году в Омске устроена была одна из первых в России однодневная перепись. Программа переписи применительно к таковым же столичным и самое производство таковой почти без всяких денежных издержек были бесплатно произведены теми же членами местного отдела географического общества, областного статистического комитета и другими добровольцами из чиновничества, офицерства и вольного люда. Разработка собранных данных поручена была И.Я. Словцову, а издание трех томов переписи отнесено на средства Статистического комитета. Пользуясь случаем, нельзя не засвидетельствовать здесь, что такой полной всесторонней и остроумной разработки данных городских переписей по империи, какую дал Словцов, редко можно встретить где-либо в других переписях. Несомненно, при разрешении в будущем самых сложных статистико-экономических и иных городских вопросов, город Омск, благодаря трудам Ивана Яковлевича, будет иметь в своем распоряжении один из наиболее продолжительных периодов, зафиксированных статистическими данными.

Параллельно с этим, вообще интересуясь наукой землеведения, Н.Г. Казнаков, можно сказать, не пропускал ни одного случая, дававшего ему возможность устроить в своем «дворце» встречу какого-либо из знаменитых путешественников и исследователей Сибири и стран к ней прилегающих; обед по этому случаю и собеседование после него у себя в кабинете в присутствии особо интересующихся исследованиями путешественника лиц из местной интеллигенции. Таковы были проезды

через Омск Пржевальского, Сосновского, Пясецкого, Потанина, Брема, Финша, Полякова, Норденшельда и многих других.

Являясь, таким образом, местным покровителем наук вообще, Николай Геннадьевич особенное внимание обращал на то, чтобы в местной среде подготовить наивозможно больший контингент молодежи, могущей воспринять эту науку. Иными словами, он усиленно заботился о насаждении в Сибири низшего, среднего и высшего школьного образования.

Осуществляя свои любимые мечты, он в короткое свое управление краем успел основать в Омске первую мужскую (классическую) гимназию, а в Томске и Тюмени реальные училища, привлекши в последнем к деятельному участию в постройке и оборудовании училища местного городского голову и богача Трусова.

Почти одновременно с этим по его инициативе и настояниям возникает в Омске среднее механико-техническое училище. В Омске же, Барнауле и Бийске – женские прогимназии. Опять в Омске – Центральная фельдшерская школа со стипендиатами от всех губерний и областей Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Войсковой приготовительный к кадетскому корпусу пансион для детей лиц, по отдаленности своего нахождения в разных захолустьях Сибири, не имеющих возможности подготовить их к принятию в средне-учебное заведение.

В Омске же, Тобольске и Томске были открыты ветеринарно-фельдшерские школы.

В тех же городах были открыты три повивальные женские школы, вскоре преобразованные в повивально-фельдшерские, и т. д., и т. д.

Нечего говорить о том, что параллельно с этим в селах, станицах и аулах начальные школы выросли, как грибы. На постройку их (равно как и церквей, и часовен) по приказу главного начальника края отпускался казенный лес бесплатно. Если я скажу, что за это короткое время в Западной Сибири возникло вновь 200–300 начальных сельских школ, то это будет, конечно, мало.

Особенное внимание Николаем Геннадьевичем обращалось на женское образование. «В руках матерей, – говаривал он, – судьба всех последующих поколений. Какова мать, таковы и дети. Отец сплошь и рядом находится вне дома, он занят службой, дворовым и полевым хозяйством. Мать всегда дома, при детях, от нее они учатся домохозяйству, она их первая воспитательница и наставница. Грамотная мать, читая Евангелие, поучает ему и детей. У грамотного отца сплошь и рядом

дети неграмотные, у грамотной матери никогда этого не бывает. Учите девочек грамоте, это будущие матери грядущих поколений…».

В поученье населению им по этому поводу был даже издан особый циркуляр. Если принять во внимание, что в те времена генерал-губернатор, сосредотачивая в своих руках все отрасли управления и ведения населения, являлся для этого населения «всем» – то станет понятным, с каким вниманием и «принятием к руководству» указаний высшего начальства вчитывались в этот циркуляр средние и низшие исполнители на местах. И школы росли и росли. Весьма деятельным и разумным помощником Казнакова по этой части являлся живший тогда в Омске Главный инспектор училищ Западной Сибири Дзюба. (С учреждением университета в Томске должность Гл[авного] инспектора в Омске упразднена и заменена должностью Попечителя Зап[адно]-Сиб[ирского] учебного округа, переведенного в Томск. Одновременно с этим и резиденция начальника Сибирского жандармского округа перенесена из Омска в Томск).

Теперь опять возвращаюсь к Сибирскому университету. При въезде в Сибирь Казнаков, конечно, ждал приветствий и «пожертвований». Оказалось, приветствия были, но пожертвований не объявлялось, несмотря на рассылку Потаниным и Ядринцевым писем, подобных приведенному мной выше, ибо, как не раз говаривалось Потаниным раньше: «Сердце сибиряка не из мяса» – «Культ пятака иссушил его сердце». Стараясь сколько-либо размягчить это сердце, Казнаков, можно сказать, с первых же дней начал принимать необходимые для этого меры: писать письма к нужным людям, воздействовать на местных губернаторов и проч.

Пользуясь оказанным мне хорошим приемом и приглашением к сотрудничеству, о которых сказано выше, я в один из показавшихся мне удобным дней заявился к Казнакову с предложением своих услуг по интересующему его делу. Тщательно переписав, дополнив и оттенив некоторые места из четырех глав об университете, напечатанных уже в «Сибири», с присоединением к ним и той главы «о навозных», которая не была пропущена к печати бароном Фредериксом, я преподнес их для прочтения Казнакову. Тот меня любезно принял и обещал немедленно же их прочесть.

- Всё, что касается Сибирского университета, для меня интересно, - сказал он, отпуская меня восвояси.

На другой день конный ординарец привез мне повестку пожаловать

к его высокопревосходительству. Конечно, я немедленно же скрутился и пошел, куда меня звали.

- С большим интересом прочел Вашу статью, - сказал начальник края, принимая меня, - много очень дельных сообщений, которые, вероятно, пригодятся и мне в дальнейшем проведении этого дела. Только… мне кажется, статья у Вас не закончена… почему у Вас ничего не говорится о месте или городе, в котором должен быть открыт университет?

Я замялся, зная, что Казнаков уже во всеподданнейшем своем докладе точно указал это место – Томск.

- Я, Ваше высокопревосходительство, – начал я, запинаясь, – не решился говорить об этом, зная, что Вы уже определенно высказались за Томск, да и все другие указывают на этот город, как на наиболее подходящий, тогда как я предпочитаю Омск.

- Омск? Это очень интересно. Хотелось бы знать Ваши соображения и доводы за Омск, – сказал он, поощрительно улыбаясь.

- Соображения эти при мне, – ответил я более смело, они были помещены у нас в «Сибири» особым приложением под названием «Томск или Омск?» – вот они, – и я вынул из кармана тщательно сложенную названную статью.

- Прочтите.

Я начал читать. Суть доводов моей статьи заключалась в том, что нельзя себе представить такую обширную страну, как Сибирь, тянущуюся с запада на восток почти на десять тыеяч верст чем-то цельным, однородным, что страна эта, занимая целую треть величайшего из материков земли – Азии, есть совокупность нескольких весьма обособленных районов как по рельефу своей поверхности, климату, растительности и животным, так и по составу расположенного населения, что устройство одного расположенного в географическом ее центре высшего учебного заведения далеко не устраивает ее, что нужно иметь ввиду не географический центр края, а центральный пункт его населенности, который лежит южнее и западнее Томска, что учреждение университета в Томске при громадности и неустроенности тогдашних путей сообщения Сибири заставит главную массу окончивших курс средних учебных заведений Западной Сибири искать высшего образования не в Томске, а в близлежащих городах Европейской России – в Казани, Москве, что в недалеком, вероятно, будущем потребуется открыть и еще университет, например, в Иркутске, сравнительная близость к нему Томска будет этому мешать, тог-

да как университет, расположенный западнее, например, в Омске, нисколько этому не помешает, что назначитель[ная] торговая роль Омска в нашей стране теперь не обозначает, что она будет таковой же и впредь, да это и не важно, ибо отсутствие ее в таких городах, как Юрьев, Гедельберг, Оксфорд и др. не мешает им быть выдающимися центрами умственной жизни Европы и т. д., и т. д.

Внимательно выслушав мои соображения, Казнаков сказал: «Дайте мне Вашу записку, я оставлю ее у себя… в ней есть соображения, заслуживающие самого серьезного внимания. Зайдите ко мне завтра, я ознакомлю Вас со всем «Делом» о Сибирском университете.

Действительно, на другой день, когда я зашел к нему, он передал мне помянутое «Дело». При этом завязался разговор на тему об университете. В числе прочего Казнаков сообщил мне, что им ведутся деятельные переговоры как непосредственно с нужными ему людьми, так и через губернаторов.

- Вот, например, – говорил он, – сколько я пишу тарскому Немчинову о делах просвещения, он или отмалчивается, или пишет ни да, ни нет. Ездит вокруг да около, а в Омск ни ногой… чует опасность… А между тем, уже не одну тысячу пожертвовал на литье новых колоколов на тарские колокольни… Вот тоже давно обихаживаю томского толстосума Захара Цибульского. Много раз писал Супруненко (тогдашнему Томскому губернатору), уговаривая его… человек славолюбивый, одинокий… чего бы еще? Нет, говорит, давай «коммерции советника». Написал губернатору, что не только коммерции советника, но даже Владимира на шею готов исхлопотать щедрому жертвователю – молчит. А между тем, мне необходимо показать в Петербурге, что здесь не истуканы живут. Необходимо дорогу показать другим. Было пожертвование Демидова, но давно уже, и то на Тобольский университет. Я тоже, хватаясь за это пожертвование, думал сначала о Тобольске, но теперь остановился на Томске как более центральном для всей Сибири. Признаться, в Петербурге я уж всем надоел со своими сибирскими вопросами, сначала заикаясь о них осторожно, а со временем принятия участия в них самого Государя, все смелее и смелее. «Ну уж ты опять со своей Сибирью!» – говорят там, как только я хоть косвенно начинаю заводить речь о ней. А граф Толстой (тогдашний министр народного просвещения) прямо мне говорит: «Устраивай свой университет, где хочешь, только, пожалуйста, не в Восточной Сиби-

ри, с этим жандармом (Фредериксом) я не желаю иметь никаких дел (между нами)» и проч.*

Через несколько дней после этого получаю опять повестку «прибыть во дворец». – Еду. Там меня принимает, видимо радостно настроенный, начальник края.

- Вчера получил из Томска от Супруненко телеграмму, извещающую меня, что Цибульский после долгих колебаний решил, наконец, пожертвовать на Томский университет 100 тысяч рублей. Я тотчас же телеграфом поблагодарил жертвователя, присовокупив вопрос: жертвует ли он свои деньги только на университет в Томске или вообще в Сибири, если Государю благоугодно будет избрать для университета другой пункт. Два часа тому назад получил ответ: «Жертвую вообще на университет в Сибири». Поздравляю Вас, Ваши шансы радуют. Пишите во все концы о радостном всесибирском событии.

Этим свиданием пока (т. е. в 1875 г.) и закончились наши разговоры на университетские темы. Возобновились они лишь в конце 1876 и даже 1877 г., когда вопрос о месте для университета вступил в решительную стадию своего развития. Можно одно только сказать, что мысль, высказанная мной в статье «Омск или Томск?», видимо, запала в голову основателя первого Сибирского университета, он чаще и чаще стал задумываться над этим вопросом, и в конце-концов к началу 1876 года окончательно укрепился в мысли, что университет должен быть открыт не в Томске, а в Омске. С этим он уехал весной того года в Петербург с окончательно разработанным университетским проектом.

Пока мысль о такой замене одного города другим была высказана печатно только мной, широкая публика молчала, лишь кое-где и кое-кто потихоньку похихикивал на мой счет, да Потанин с Ядринцевым сделали мне по легкому отеческому выговору. Совсем дело пошло иначе, когда сделалось известным, что эту мысль поддерживает и сам Казнаков – инициатор всего дела, то по всей «передовой» прессы дан был сигнал начать против такого решения формальный подход. Смущаясь этим, Казнаков поспешил представить свои соображения об университете и пункте его нахождения в особенности министру народного просвещения, а этот последний, присоединившись к мнению начальника края, подкрепленному к этому времени постановлением Омской городской

* Известно, что бар[он] Фредерикс до назначения генерал-губернатором Восточной Сибири состоял на службе по корпусу жандармов.

думы о бесплатной уступке под университет всей Главноуправленческой площади, внес весь проект на соизволение Государственного Совета.

Тогда уже печатная колоннада против Омска и его сторонников была открыта по всему фронту. Во главе всего дела стали открыто и под псевдонимами, и анонимами недавние апологеты Казнакова, главным образом, Н.М. Ядринцев, находившийся тогда еще в Петербурге и имевший там большое литературное знакомство и вход ко многим влиятельным в разных отношениях лицам.

Лично мне за этот период университетского вопроса как Потанин, так и Ядринцев написали несколько писем. Приведу несколько выдержек из них, как дополнение к тому, что ими печаталось за это время.

Вот это, между прочим, писал мой более сдержанный и благодушный Г.Н. Потанин вскоре после приезда Казнакова в Петербург со своими новыми предложениями. «У генерал-губернатора я был всего только два раза и ни о чем, кроме дел своей экспедиции (в Монголию), не говорил. Н.М. Ядринцев бывает чаще, и генерал призывал его два раза для совещаний. Вообще, он к Ник[олаю] Мих[айлови]чу относится с большим уважением и доверием. Генералу, по-видимому, очень бы хотелось затянуть его к себе на службу и, по всей вероятности, это дело устроится. Я со своей стороны желаю этого как нельзя больше. Ник[олаю] Мих[айлови]чу необходимо поездить и пожить в Сибири, пособирать материал для обработки… Что касается университета, то мы положительно еще ничего не знаем. Генерал говорит только, что он двинул дело к министру финансов, место еще не решено. Мы с Ник[олаем] Мих[айловичем] решительно противного мнения с Вами, т. е. стоим за Томск. Для меня Омск прежде всего потому непригоден, что тут нет сибирского общества, во время публичной лекции здесь затрудняешься обратиться к своим слушателям с воззванием к местно-патриотическим чувствам, потому что ясно чувствуешь, что перед тобой сидят только баскаки и дзергучи. Впрочем, так как генерал бесповоротно, кажется, решил за Омск, то мы примиримся, потому что даровому коню в зубы не смотрят. На самом же деле это будет обидой всем сибирским городам, все города Сибири до одного местные, и если есть в иных навозной элемент, то повсюду он более или менее смягчен местным обществом. Только два города есть такие, где навозной элемент вполне господствует: это Омск и Барнаул, но барнаульских инженеров (горных) можно еще считать сибиряками, Омск же – это чисто навозной народ. Уж

раз Омск основал женскую гимназию за счет томских пожертвований (почетн[ых] гр[аждан] Поповых), теперь это же самое совершается с университетом… Профессора, которые пойдут в омский университет, будут чувствовать себя не в сибирской среде, а в среде петербургских фланеров, общество, их окружающее, будет не купцы и многолюдное мещанство с густым деревенским населением окрест, как в Томске, а адъютанты, чиновники и проч. Между университетом и обществом сибирским не будет никакого общения…» (Пропускаю две страницы конца письма о торгово-промышленном значении тогдашнего Томска в противоположность ничтожеству тогдашнего Омска и проч.)

А вот выписка из значительно позже этого написанного письма Н.М. Ядринцева: «Отдел географического общества в Омске утвержден. Проект университета рассмотрен был в ученом комитете, министр финансов согласился на суммы, и затем перед самым отъездом генерал-губернатора газеты разнесли весть, что он везет радостное известие об окончательном разрешении университета, прибавив, что университет решен в Омске, это подтвердили и другие газеты. Новое Время, получающее известие из верного источника, от лица в Министерстве просвещения, тут же прибавило, что будет только два факультета: математический и медицинский. Вот чем закончен проект. Перенесение университета в Омск, в противность прежнему предложению основания в Томске, объясняется представлением генер[ал]-губ[ернато]ра, влиянием его на министра просвещения и ходатайством на словах перед Государем. Говорят, что за Омск пересилил один очень веский аргумент».

«Мне известно было о решении генер[ал]-губ[ернато]ра за Омск из писем Ваших к Григорию Николаевичу, на которые мы затруднялись отвечать, потому что решительно терялись в Ваших доводах и считали Ваше мнение личным, наконец, приходилось выждать, чтобы вопрос был обсужден осмотрительно, при участии печати и хоть какой-нибудь местной интеллигенции в его значении для края.

Я пробовал раза два спрашивать Ник[олая] Геннадьевича о месте, но он отвечал уклончиво: «Есть мнения и за Омск, и за Томск, и за Барнаул, есть… надо рассматривать по отношению ко всей стране». И я с этим был согласен. Я не вторгался с записками, это было, по-моему, неуместно, назойливо и верил в такт Ник[олая] Геннадьевича, что он посоветуется со всеми, хотя бы я и не участвовал, был уверен, что большинство мнений будет здравое, и сам был далеко не на стороне Омска,

как Вам хорошо было известно, точно также не на стороне Омска был Гр[игорий] Николаевич, хотевший даже написать об этом Записку».

«Ваши доводы мы считали обыкновенным Вашим увлечением Омском как родным городом, а все выкладки и аргументы, отдаю Вам честь, весьма талантливо и остроумно составленные, чересчур преувеличенными. Теперь возражать на них незачем, да и Вы знаете, что они в печати не появлялись*. Но Вы вправе были иметь на этот счет свое личное мнение. Ни я, ни Гр[игорий] Николаевич не приписываем отнюдь Вам перемену прежнего решения исключительно Вашему влиянию, это все наделали интриги омских чиновников и напор омского городского общества. Ваши симпатии в корне честны и искренние, совпали только несчастным образом с происками этих людей. По крайней мере, тот аргумент, который решил судьбу университета за Омск не принадлежит к Вашим**, так как передал его в газеты Флоринский, Вы узнаете лучше от ген[ерал]-губернатора».

«В общем, Вы верно смотрите, что место для университета в Сибири будет иметь огромное значение в его будущем; точно также должно ценить и симпатии к нему. На распределение по Сибири населения тут будет играть роль, ибо распределение это не вечно будет таковым. Я уже не говорю, что Омск расположен не в центре его, не административное значение, не Азия, не влияние коренного населения, а влияние наезжего чиновничества, без связей, без родства со страной… Университет в Омске будет чиновничий и под вечным давлением администрации всей в совокупности…».

В другом письме тот же автор пишет мне: «Странно, что Вы, приписывая Омску цивилизующее влияние, отнимаете это влияние в Томске на местное население, на купцов, на мещан, а предполагаете, что он изменит чиновников а'la Пелино и Рыкачев***. Скажите, над каким населением образованные люди и профессора будут практиковать свою

---

* Действительно, замечательно, что прямых возражений на мою статью с ссылками на мою фамилию, кажется, не появлялось, но что они были, и много их было, об этом будет сказано ниже. Странное впечатление произвели эти статьи: с кем-то спорят, усиленно спорят, а с кем, неизвестно.

** Это, по-видимому, приведенные ген[ерал]-губ[ернатором] в его представлении указания на переполненность Томска всякого рода ссыльными и на то, что, находясь в Омске, университет будет ближе к генерал-губернаторскому надзору. Этих доводов в моей статье не было.

*** Первый из них - председатель следственной комиссии над «сепаратистами», а второй - жандармский полковник, член той же комиссии.

деятельность в Омске? Будущее значение Омска, рост его, не золотые ли это сны юности, грёзы, построенные на одном добром желании?.. Что такое будет Омск, если перенести Главное Управление в Томск; что он, если упразднится генер[ал]-губернаторская власть… Уездный город, глушь, тина…»

Здание Главного управления Западной Сибири (ул. Александровская – ныне Интернациональная). Конец XIX – начало XX вв. ГИАОО. Фотофонд. № 1909.

Припомните слова Гр[игория] Николаевича: «Университеты только тогда имеют областную связь и влияние, когда облюблены населением. «Достигнет ли этого университет в Омске?» Для него пожертвования приведется вынуждать, они воспитывают ненависть к себе более чем всякое другое до сих пор вместительство Омска, его будут обегать и лучшие сибиряки будут ехать мимо на запад, в чужой край, лишь бы не в ненавистный город. Об этом не мешало подумать» и т. д., и т. д.

В конце письма приписка: «Я решил свою судьбу ехать в Омск во что бы то ни стало, посмотреть, что у вас делается, отвечая на предположения Ник[олая] Геннадьевича и еще более из жажды видеть давно покинутую родину» (напомню, что Ник[олай] Мих[айлович] родился в Омске и улица, где находился дом, в котором он родился, в честь его по-моему предложению в качестве гласного Гор[одской] думы наименована Ядринцевской) [122].

Общий вид на начало Полицейской (позднее - Думской) улицы с крыши дворца генерал–губернатора. Конец XIX века. ГИАОО. Фотофонд. № 95.

Так писалось в частных благожелательных письмах ко мне. Совершенно другое делалось в это же время в печати не без ближайшего участия в ней (печати) и моих петербургских друзей. Не упоминая нигде моей фамилии (вероятно, считалось недостойным вступать в публичную полемику со столь маленьким лицом, как я), все громы, как уже сказано выше, сыпались на кого-то неизвестного, или, вернее, каких-то неизвестных. Здесь уже не церемонились с личным самолюбием сторонников Омска, позволяя по отношению к ним и насмешки, и иронию, и иногда прямо-таки ложь и извращение фактов и цифр.

Например: стоило мне (частью за моей подписью, а частью без нее) написать в местных «Акмолинских ведомостях» несколько заметок, не рассчитанных на широкую публику, с данными журнальной статистики (которой я тогда усердно занимался по данным почтовых контор) о числе, названии и группировке выписываемых Омском газет и журналов сравнительно с такими же данными в других городах Западной и Восточной Сибири, как в газете «Сибирь» появилась пояснительная к моим данным статья – «Новые непобедимые аргументы за Омск», где автор, переписывая мои цифры, так и эдак высмеивает мое стремление «доказать, что самый образованный в свете город – Омск», – между тем, как стоит к цифре русского населения города Омска и степных областей прибавить и киргиз, как то делает «наш статистик», по отношению

* Акмолинск[ие] обл[астные] вед[омости]. 1877 г. №№ 3, 4, 10.

к прочим городам и областям Сибири, в которых сочтены и самоеды, и остяки, и тунгусы, и чукчи, то картина процентного отношения населения к числу получаемых периодических изданий совершенно изменится.

Чтобы оценить по достоинству этот выпад, нужно знать, что в моих статьях везде точно обозначено как общее число жителей, так отдельно русских и отдельно же горожан, да и процентные сопоставления сделаны отдельно и для населения вообще, и для русского, и для горожан*.

В той же статье высмеивается и моя попытка разобраться в составе населения Омска по полученному им образованию в зависимости от их служебного и общественного положения и в Сибири, и вне ее. Глумясь над моими данными, «о числе образованных и необразованных генералов, полковников и чиновников», автор опять-таки приходит к заключению, что цель моих выкладок – образованнее Омска нет других населенных пунктов на земле. А в заключении статьи восклицает: «О, мудрые Акмолинские Эдипы, прибегшие к подтасовке статистики, неужели вы полагали остаться неразгаданными?». Такую же оценку встретила и моя таблица с показанием числа учащихся в разных учебных заведениях Омска.

Одновременно с этим появились подобные же статьи и в столичных газетах: «Голосе», «Новом Времени», Биржевых и Петербургских ведомостях, Вестнике Европы и др. В виде примера и характеристики этого рода статей на память потомства приведу здесь выдержки из статьи, помещенной в газ[ете] «Наш Век», почти полностью перепечатанной в «Сибири».

Говоря о поднявшемся горячем споре сибирских городов из-за чести принятия у себя первого высшего учебного заведения Сибири, газета между прочим говорит: «Даже Тобольск затянул жалобную песню о необходимости открытия в нем университета, но притязания дряхлого Тобольска осмеяны, притязания же Омска нашли сильную поддержку. А ведь Омск, в сущности, хуже Тобольска, это не город, а большая казачья станица, битком набитая солдатами, казаками и чиновниками. Омск – столица Западной Сибири, главный город Сибирского жандармского округа, Сибирского казачьего войска и проч., и проч. Но все эти административные центры очутились в Омске совершенно случайно. Без казенной поддержки он был бы жалкой столицей. У него нет той будущности, какая предстоит, напр[имер], Владивостоку, Иркутску, Томску, Тюмени или Екатеринбургу, по его неудобному положению на окраи-

не». Указывая на это, автор статьи предсказывает Омску «потерю всякого административного значения», указывая на «перевод» уже Областного Правления в Акмолы и окружного – в Тюкалинск и на проектированное (40 лет тому назад) упразднение генерал-губернаторства. И далее: «В Омске не только нет торговли, в нем, строго говоря, нет и обывателей, а есть временно проживающие служилые люди да пенсионеры, стекающиеся сюда со всей Сибири ради дешевизны. В омском обществе с его господами «ташкенцами» (в щедринском смысле), с его грубейшими казачьими нравами нет никакой почвы для университета… Что же будет с университетом под влиянием киргизско-казачьих нравов?»*

И далее: «О Сибирском университете в Омске могут говорить только люди, не видящие ничего дальше своей «родной станицы».

«Да и можно ли признать университет, находящийся в этом городе, сибирским? Не будет ли это скорее степной, среднеазиатский университет или, как говорят злые языки, киргизский?»

Таковы образцы тогдашней горячей полемики из-за всесибирского университета. При всей их страстности, доходившей временами до парадоксальности, они производили впечатление не только в среде обыкновенных обывателей, но и в высших, наиболее влиятельных сферах. По крайней мере, известно, что проект об учреждении в Омске университета хотя и был внесен министром просвещения в Государственный Совет и даже был одобрен последним, тем не менее, тогдашний Председатель Совета Великий Князь Михаил Николаевич, прежде чем поднести это мнение Гос[ударственного] Совета на Высочайшее утверждение, счел необходимым подвергнуть представления министра и генерал-губернатора на предварительное обсуждение особой комиссией, на что и последовало Высочайшее соизволение.

Комиссия специально по избранию пункта была составлена под председательством товарища министра народного просвещения кн. Ширинского-Шихматова, члена Совета – министра внутренних дел – бывшего Тобольского губернатора, тайн[ого] сов[етника] А.И. Деспот-Зеновича, причислена к Министерству нар[одного] просвещения

* Нужно думать, что автор, отзываясь так огульно о варварстве сиб[ирских] казаков, не имел в виду Потанина, Усова и других сотоварищей Н.М. Ядринцева, что составляли главный контингент лиц, сидевших одновременно с ним на Омской гауптвахте.

В.М. Флоринского, главного инспектора народных училищ Западной Сибири А.И. Дзюба и вице-губ[ернатора] Акмол[инской] обл[асти] д[ействительного] ст[атского] сов[етника] М.Н. Курбановского.

Относительно назначения последнего позволю себе привести маленькую небезынтересную справочку.

Видя, что дело приняло такой неблагоприятный представлению Казнакова оборот, последний усиленно занялся приисканием лиц, могущих достаточно энергично и обосновано поддержать его представление. Положившись до известной степени на Дзюбу, он решительно не находил человека, которому бы кроме него можно было доверить это дело.

Одно время выбор даже останавливался на мне, о чем мне было уже объявлено, но, узнав, какие в комиссии будут заседать превосходительные «тузы», он устыдился назначить им в сотоварищи «казацкого сотника». Назначен был Мих[аил] Ник[олаевич] Курбановский, человек хотя и совершенно беспринципный, но готовый и могущий исполнить «всякого рода поручения». Ему дана была подробная инструкция.

Позволяю себе несколько остановиться здесь на работах университетско-сибирской комиссии, хотя это и выходит из круга «непосредственных» личных моих воспоминаний об инициаторах учреждения в крае первого высшего учебного заведения.

Первое заседание комиссии состоялось 22 ноября 1877 года*. На заседании этом выслушана была «Записка» В.М. Флоринского об истории вопроса и выработана программа предстоящих работ.

В ней в первую голову поставлен был вопрос:

1. Следует ли признать Сибирский университет учреждаемым только для Сибири или также для среднеазиатских областей и части Оренбургского края? – Решено признать его только Сибирским с допущением и двух степных областей, входящих в Западно-Сибирское учебное инспекторство (Акмолинскую и Семипалатинскую области).

2. Следует ли иметь в виду главным образом интересы Западной Сибири или вообще Сибири и следует ли иметь в виду открытие и других высших учебных заведений в крае? – Решено иметь в виду всесибирский университет, заботы же о весьма отдаленном открытии других университетов и технических училищ предоставить потомкам, которые будут заняты этими вопросами.

---

* Труды комиссии для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета. СПб., 1878.

3. Что следует считать центральным пунктом Сибири? – Решено: пункт центральный для современного русского или вообще христианского населения края, каковым является, несомненно, Томск. Русское население (писалось в собраниях комиссии) тянется вдоль Сибири более или менее узкой полосой только в средней ее магистрали. К северу от этой полосы начинаются безграничные тундры, а к югу – безводные киргизские степи, пригодные только для кочующих народов. Исключения здесь составляют лишь отдельные оазисы плодородной почвы, могущие привлечь известную часть оседлого населения, но сплошная или даже вообще значительная колонизация степи и в настоящем, и в будущем невозможна». Обширная Барабинская степь, прилегающая к Омску, также неудобна для оседлых поселений.

4. Таблица расстояний населенных пунктов Сибири от Томска и Омска также покрывала преимущества первого перед вторым.

5. Число средних учебных заведений тогдашней Сибири также показывало большую близость их к Томску, а не к Омску.

6. Нечего было говорить об удобстве путей сообщения, ведших тогда к Омску и Томску. Все преимущества были на стороне последнего. «Омск, – по мнению комиссии, – совершенно изолирован от Сибири». «На с[еверо]-в[остоке] от него почти на 600 верст тянется

Отправление парохода «Отец» от пристани. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 289.

(тогда пустынная) Барабинская степь, а к югу и к западу – бесконечные киргизские степи. Главное торговое движение идет мимо Омска, летом направляясь через Томск по Оби, а зимой севернее его на Тюкалинск. Пароходство по Иртышу между Тобольском и Омском только что организуется и, несмотря на усилия правительства, едва ли в близком будущем может получить характер правильного срочного движения»*.

7. Условия населенности, благосостояния и внешней благоустроенности, конечно, все (и совершенно основательно) в пользу Томска.

8. Даже климат, по мнению большинства членов университетской комиссии, был за Томск.

9. Цены на главнейшие продукты неотложных потребностей по справочным ценам, данным комиссии тем и другим из спорящих городов, тоже оказывались на стороне дешевизны Томска. Оказывалось, что много в Омске достать нельзя или, если можно, то далеко дороже, чем в Томске. Например, даже баранина (главный продукт тогдашнего киргизо-степного Омска) оказывалась в нем дороже, чем в Томске, молоко коровье было в Томске 30 коп., а в Омске – 43 коп. ведро. Свечи сальные в Томске – 4 руб. 20 коп., а в Омске – 4 руб. 41 коп. Сахар, несмотря на дальность провоза в Томск – 8 руб. 75 коп., а в Омске – 9 руб. 53 коп., и т. д. Цен на муку, рыбу, картофель и т. п. в Омске не было поставлено совсем, нужно думать, потому что их там в продаже не было. (Как, значит, непривередливы в этом отношении были Ядринцев и Потанин, утверждавшие - первый, что Омск был наводнен отставными чиновниками всей Сибири, ехавшими сюда ради его дешевизны, а второй, именовавший его городом Акакиев Акакиевичей)[123].

10. Далее оказывалось, что и военный госпиталь в Омске рассчитан на 300 всякого рода больных, городская больница и лазареты при учебных его заведениях недостаточны для практики студентов медицинского факультета Сибирского университета. Всю эту практику можно было найти только в Томске.

11. Строительные материалы и рабочие были также дешевле в Томске, а не в Омске.

---

* Кстати, замечу здесь для оценки степени правильности предположений комиссии, что в зиму 1913-1914 гг. в устьях Оми и на Иртыше при Омске зимует 34 парохода и 101 разного типа буксирных судов емкостью первые – до 200,000, вторые – 10,200,000.

12. Естественные условия, способствовавшие возникновению и развитию городов Томска и Омска, как в прошлом и настоящем, так и в будущем, несомненно, все за Томск.

13. Состав населения того и другого из претендентов на университет [говорит] сам за себя.

	Омск	Томск
	1877	1876
Служащее и служилое население	58%	17%
Собственно городское население (купцы, мещане)	24	57
Крестьяне	14	19
Прочие	4	7
Итого	100	100

В том числе в Омске значилось 24, а в Томске 25 тысяч жителей с чем-то.

14. Нечего говорить о тогдашних торговле, пароходстве, кредитных учреждениях, зажиточности жителей того и другого города, домостроительстве… Все было (и совершенно справедливо) на стороне Томска.

Не ограничиваясь современным (тогдашним) положением претендентов, университетская комиссия сочла себя вправе коснуться и будущности того и другого города.

Величая прошлое, настоящее и будущее Томска, комиссия о другом его сопернике говорит:

«Омск, находясь на окраине киргизской степи, не может в скудных силах кочевого населения, достояние которого в скотоводстве, почерпать какие-либо источники для своего будущего развития, и, в свою очередь, не имеет средств действовать строго экономическими способами на коренное изменение условий кочевого быта. Торгово-промышленная сила также не в руках Омска».

«В глубоком убеждении, что Томск, представляя действительный центр в полосе культурного, чисто русского населения Сибири и важный торгово-промышленный пункт, имеет все задатки для дальнейшего развития, нельзя не признать в настоящее время, этот пункт должен быть предпочтителен для учреждения университета». И далее:

«Пусть же честь вмещать светоч высшего образования будет предоставлена Томску, чтобы к этому светочу с удобством могли притекать члены свыше 3-милионной русской семьи. Из Томска этот светоч будет ярко светить и на Дальний Восток, водружать же его в Омск, значило бы предуготовить ему слабое мерцание на окраине степей мусульман-кочевников».

Интересны и дальнейшие ожидания университетской комиссии от Томска, который, по ее мнению, с учреждением в нем университета «через 20-30 лет должен увеличиться вдвое и втрое, и тогда в нем будут необходимы и возможны по меньшей мере 3 или 4 гимназии»*.

Все остальное в таком же тоне: радужном относительно Томска и минорно-траурном относительно Омска.

В конце приложены: записка Цибульского, уверяющего в том, что он, хотя и пожертвовал свои 100 тысяч на университет в Сибири вообще, но глубоко был убежден, что он будет основан в Томске, а не в каком-либо другом городе, и заявления сибирских городов, громадное большинство которых высказалось также за Томск, и только немногие разделились между Омском, Иркутском и Тобольском.

Вопрос, таким образом, несмотря на все старания Курбановского и отчасти Дзюбы, был решен в пользу Томска.

Узнав об этом, я попытался было представить Н.Г. Казнакову приготовленное мною для печати возражение против такого явно пристрастного во многих случаях приговора комиссии. Н.Г. Казнаков выслушал мои возражения и довольно спокойно сказал: «Оставьте… насильно мил не будешь».

Покорившись общественному мнению и настроению, Николай Геннадьевич, очевидно, все-таки страдал за результат своих усилий, в справедливости которых, я знаю, он глубоко был уверен.

Было бы оскорблением для памяти основателя первого Сибирского университета думать, что, изменяя первоначальное свое мнение об учреждении его в одном городе, перешел на другой, поддавшись только влиянию какого-то полуюноши, каким был я в то время. Долгом считаю протестовать против этого. Одна из основных задач настоящей статьи именно в том и заключается, чтобы показать, что избрание Казнаковым Омска, как места для первого университета в Азиатской части России,

* Где они, эти гимназии, даже и после того, как в Томске открыт не только университет, но и технологический институт?

обуславливалось сознанием, что Государству нужен университет к востоку от Уральского хребта не для объединения Сибири в нечто особое, а для постепенного внедрения в нее русской власти и гражданственности.

Никто так, как он, не сознавал в то время, что Омск – не крайний юго-западный пункт Сибири, а центральный для всей ее наиболее западной части со степными областями включительно. Никто, как он, не сознавал, что степные равнины, прилегающие к Омску, не никуда негодные безводные пустыни, а богатейший запас всякого рода угодий, пригодных не для одних только кочевников, а и для целых миллионов русских людей внутренних губерний, столь нуждающихся в свободных для обработки землях, и никто, наконец, как он не чувствовал, что Омску в ближайшем же будущем предстоит сделаться средоточием торговли, промышленности и просвещения громадного района азиатской России, а по населенности стать самым большим городом Сибири. Многое он чувствовал и сознавал в то время, чего не понимали не только обыкновенные сибирские обыватели, но и «выдающиеся сибиряки».

Отъезжая из Сибири, удрученный тяжкой болезнью, он с парохода послал в Томск приветственную телеграмму в день закладки в нем первого в Сибири высшего учебного заведения.

Чтобы не быть голословным в заверении, что Н.Г. Казнаков, рекомендуя Омск, как пункт для основания в нем университета, предчувствовал, или вернее, сознавал ту роль, какая ему предстояла в ближайшем же будущем, закончу настоящую статью несколькими краткими фактическими указаниями на это.

Нужно знать, что киргизские степи и Бараба признавались непригодными к земледельческой культуре и оседлой жизни не одними только членами указанной выше университетской комиссии и не одними заядлыми «сибиряками» – а и лицами высшей западносибирской администрации, в ближайшем ведении которой находились эти степи уже более полутора сот лет. Вот, например, что мы читаем в автобиографических записках бывшего за 10 лет до Казнакова генерал-губернатором Западной Сибири генерала от инфантерии А.О. Дюгамеля*:

«Неоднократно разъезжая по киргизской степи вдоль и поперек,

* Русский Архив. 1885. № 7.

я полагаю, что я в состоянии высказать беспристрастное мнение, и начну с того, что те части этой степи, которые принадлежат к Западной Сибири, много лучше тех, которые смежные с Оренбургской губернией. Несмотря на это, даже в тех местах, где встречаются самые благоприятные условия и роскошные пастбища, эта степь не годится для земледелия, и всегда будет населена исключительно кочевым племенем».

Это писалось по впечатлениям конца 1860-х годов. Но и отзывы половины [18]90-х годов, т. е. уже после Казнакова, при Колпаковском, когда по настоянию тогдашнего Акмолинского губернатора Ливенцева русское переселение в степь, начавшееся при его предшественнике, было временно приостановлено, местная администрация и целые комиссии продолжали утверждать, что оседлая колонизация здесь невозможна и гибельна для кочевников, не имеющих достаточных пастбищ для прокорма своего скота.

Рельефнее всего этот взгляд выражен в «Докладе» особой междуведомственной комиссии, работавшей под председательством Ливенцева, по вопросу «О необходимости изъятия из пользования Сибирского казачьего войска земель десятиверстной полосы». Необходимость этого изъятия базировалась на домогательствах киргизов, которые, по мнению членов комиссии, являются следствием не заманчивости для кочевников обширных заливных лугов реки Иртыша, а «крайним недостатком у кочевников удобных земель», ибо «только крайняя нужда» понуждает их добиваться десятиверстной полосы, находящейся во «временном» пользовании казаков.

«Да и пора же, наконец (писалось в конце доклада), возвращать эти земли их исконным владельцам». Так смотрела областная администрация в начале 1880-х годов на дело водворения в степях русских людей. Замечательно, что ее поддерживали в разных периодических изданиях и даже в докладах ученым обществам русские представители дешевого третьесортного либерализма, почерпавшего всю свою мудрость из последних книжек ходовых тогдашних журналов.

Только образование в [18]90-х годах целого ряда статистических партий, начавших систематическое обследование степей в культурно-экономическом отношении, заставило скептиков изменить укоренившийся взгляд на степи.

Оказалось, что степи эти вовсе не бесплодны и безводны, а киргизы

обладают такими излишками земель, на которых можно свободно поселить не один миллион нуждающихся в землях русских мужиков.

Н.Г. Казнаков был убежденным сторонником колонизации степей русскими людьми и не верил в непригодность их для земледелия. Его возмущала почти полная неиспользованность двух обширнейших степных областей в то время, как во многих губерниях внутренней России русские крестьяне задыхались от тесноты. «Не несут одной из самых тяжелейших повинностей – воинской и платят в казну всего по 3 руб. с кибитки в год за безграничное пользование землей! Где это видано?» – говаривал он, когда речь заходила о киргизах.

И потому одной из первых его мыслей по устройству края была мысль о привлечении киргизов к воинской повинности, если не во всей ее тяжести, то хотя бы в ее подобии, «дабы выбить у них из головы откуда-то взявшуюся легенду о данном будто бы русскими царями слове никогда киргизов не привлекать к солдатчине». «Не никогда, – добавлял он к этому, – а пока они не окажутся достойными этого, пока не приспеет время уверенности, что, явясь в рядах нашей армии, они будут исполнять долг воинской службы и во время наших удач, и во время наших несчастий». Мне было поручено составить проект образования из них особого эскадрона «охотников» или «добровольцев», готовых за достаточно красивую форму и приличное содержание покинуть свои кочевки, засесть в казармы преданных России воинов-кавалеристов. Проект был одобрен Казнаковым, но пущен в ход в то время, когда государству было не до «потешных» киргизских эскадронов. Была серьезная война с Турцией. Он где-то застрял в отделениях Главного штаба.

Одновременно с этим в тех же целях приобщения киргизов к общерусской культуре и гражданственности в большинстве вновь возникших тогда в степных областях низших специальных учебных заведениях, каковы: фельдшерские, медицинско-фельдшерские, учительская семинария, – были учреждены стипендии специально для киргизов. В Омске учреждена киргизская учительская школа.

Тогда же получило начало учреждение так называемых киргизских мужских и женских «интернатов», т. е. закрытых учебных заведений (в каждом из уездов Акмолинской и Семипалатинской областей), где по нескольку десятков киргизских мальчиков и девочек (отдельно одни от других) должны были в обстановке оседлых людей заниматься-

ся прежде всего изучением русского языка и грамоты, а во-вторых, ознакомиться: мальчики с ведением оседлого домашнего хозяйства и ремесел, а девочки – с таким же хозяйством в роли будущих матерей и руководительниц нового оседлого уклада жизни кочевников, осевших на земле.

Существовавшие до того времени потешные «байги» при ежегодных объездах киргизских областей высшим начальством, т. е. более или менее дикие ристалища с рваньем на части живых баранов, скачки в «бегулцы», ловля языком брошенного в кошель, налитый сполна молоком, гривенника и проч., и проч. были заменены зрелищами более поучительного характера и «выставками» лучших, поощряемых выдачей призов, произведений их ремесленности, искусства и т. д., и т. д.

В целях ограничения территорий кочевых приказано было строго определить границы каждой из киргизских волостей с их «джайлау» (летними кочевьями), «кузёу» (осенними полустановищами) и «кстау» (зимовий) и наблюсти за ненарушимостью этих границ переходом на чужие земли.

Все киргизы, самовольно пользовавшиеся и вытравливавшие крестьянские наделы и свободные казенные земли в районе Тобольской и Томской губерний, были из них выдворены в места своих земельных наделов внутри Акмолинской и Семипалатинской областей. По проекту одного из состоявших при Николае Геннадьевиче чиновников особых поручений Н.Н. Балкашина намечены были русские поселения по трактам от Петропавловска на Кокчетав и далее на Атбасар, Акмолы и отсюда прямым путем на Кокчетав и Акмолы взамен существовавших здесь дотоле только т[ак] наз[ываемых] пикетов, т. е. русских изб (по одной на каждом перегоне) с конюшнями при них и тремя парами лошадей для провоза почт и редких, большей частью казенных, пассажиров. Одной из основных целей устройства таких трактовых линий русских поселений было образование полос русских территорий, непереходимых для киргизов, мало считавшихся дотоле с тем, что «мое», что «твое».

Конечно, это предложение в свое время было дружно осмеяно защитниками «свобод» и «угнетенных инородцев».

Симпатии тогдашней «либеральной» прессы к Н.Г. Казнакову быстро падали. Но он не унывал. Прежде всего он принялся за землеустройство и прочное обеспечение границ владения первых русских колонизаторов киргизских степей – сибирских казаков.

Издано было два Высочайше утвержденных положения «О землеустройстве» сибирских казаков и «Об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Сибирского войска».

По инструкции, составленной в особой междуведомственной комиссии при участии присланного из Петербурга «специалиста», были составлены «карты» наделов казаков, обеспечивавшие их земельные нужды далеко выше установившихся тогда «норм» действительной в них потребности. Это было известно и Казнакову, он говорил в случаях, когда ему на это указывалось: «Что ж? Нужно же их отблагодарить за великую службу закрепления за Россией этих территорий... Не кочевникам же их отдавать... Придет время, когда русским людям этих наделов будет даже недостаточно...».

И земли отдавались казакам действительно «широко».

Столь же широко отводились земли и офицерам – благо этих земель было тогда много и никому они не были нужны. Сами офицеры, сознавая бесценность и бездоходность этих земель и полную свою непригодность для их эксплуатации при обязательности службы и отсутствии необходимых капиталов, отказывались от них, прося за свою службу «пенсии», но пенсии им Военное министерство не дало. Офицерам предложены были взамен пенсий земли хотя и бесценные (в то время), но зато в увеличенном размере*.

Войсковые запасные земли, сдававшиеся до 1880 г. обыкновенно киргизам под сенокосы и выпас скота за баснословно дешевые цены, примерно по 0,1 коп. с десятины в год, по распоряжению Казнакова разделены были на арендные участки для сдачи с торгов безразлично и киргизам, и русским. Они-то впоследствии, быстро возвышаясь в цене (вместе с офицерскими участками), послужили тем фондом земель, на которых в конце 1890-х и в начале 1900-х годов развились образцовые арендные хозяйства с десятками тысяч овец, всякого рода других породистых животных из внутренней России и десятки тысяч десятин, занятых высшими сортами полевых, огородных и садовых растений**.

---

* До этого времени, т. е. до 1877 г., сибирские казачьи офицеры, служа «постоянно» и «пожизненно», доколе в силах, за службу свою не получали ни пенсий, ни земель, «и тогда нищета и лишение прав офицерского звания остаются им, - как писал один из предшественников Казнакова генерал Вельяминов, - в наследие».

** Скажем здесь также мимоходом, что при Казнакове же и при ближайшем его участии Сибирское казачье войско получило новый устав о «Военной службе» и «Положение о страховании строений от пожаров».

Параллельно с устройством и культивацией казачье-войсковых земель началось внедрение внутрь киргизских степей и русских крестьян из наиболее малоземельных губерний России.

Не обращая внимание на крики об обезземелии киргизов и о водворении крестьян на бесплодных почвах, началось заселение ими наиболее проезжих трактов к степным городам. Были построены богатые теперь села Алексеевское, Викторовское, Балкашинское, Владимирское, Дорофеевское, Явленное, Кривоозерное и много других.

Понятно поэтому, что при таких начинаниях, широко рассчитанных и распланированных на многие будущие годы, Н.Г. Казнаков не мог при решении вопроса об университете в Сибири смотреть на Акмолинскую и Семипалатинскую области как на безлюдные, сухие, безводные и неспособные к оседлой культуре приграничные пространства.

И Омск для него не был окраинным городом, не связанным с Сибирью сколько-либо проезжими торговыми путями.

Он знал, что заселение Сибири русскими людьми, начавшееся три столетия тому назад с крайне богатого пушниной севера, постепенно подвигаясь к рудным ее богатствам, в ближайшее же время дойдет и до нетронутых еще черноземных почв южно-сибирских равнин. Равным образом и Омск, бывший до сих пор почти исключительно военно-опорным пунктом на грани со среднеазиатскими народами, по мнению Казнакова, скоро должен был стать центром торгово-промышленной и просветительной жизни обширного многолюдного края. Предшественникам Казнакова по управлению краем и современным ему комиссиям знатоков края (в том числе и университетской комиссии) и последующих сибирских администраторов и публицистов это было неведомо.

Прошло 15-20 лет после этого, как Н.Г. Казнаков оставил Сибирь, не пробыв в ней и пяти лет, как не подлежащими никакому сомнению многострадальными статистическими, агрономическими и гидротехническими исследованиями выяснено, что его взгляд на будущее степей, и в частности города Омска, оспаривавшиеся в его время, был совершенно основателен.

Покажем это в цифровых данных. Беру ближайшую к Омску Акмолинскую область, в которой он состоит областным (губернским) городом*.

* О другой степной области, Семипалатиской, я, к сожалению, не располагаю достаточно достоверными сведениями и потому ограничиваюсь данными только одной области.

	Населенных пунктов				Жителей				
	Городов	Казачьи села	Крестья[нские] села	Всего	В городах	Казач[ьих] сел[ах]	Крест[ьянских] селах	Кирги[зов]	Всего
В 1870 г.	5	88	0	93	45805	56105	0	376135	478045
В 1912 г.	5	90	428	523	199035	113156	640240	543238	1495669

Какая, с Божьей помощью, перемена за 42 года!!! Население области возросло более чем в три раза, причем русское и вообще оседлое население, составлявшее в 1870-м году лишь ¼ или даже 1/5 часть всего населения области, а кочевники – более ¾, теперь наоборот, составляет уже 2/3, а кочевники только 1/3 всех жителей области. Причем сами кочевники не только не вымерли за это время, как можно было ожидать по крику и воплям, поднявшимся при начале внедрения в области русских крестьян, но даже увеличились в числе чуть не вдвое, а именно на 167103 д[уши] об[оего] п[ола]. Не погиб также от бескормицы и киргизский скот, только центр тяжести, или вернее доходности, постепенно передвигается с лошадей на рогатый скот. Вот несколько цифровых данных за последние пять лет:

	Лошадей	Рог[атого] ск[ота]	Овец	Верблюд[ов]	Всего
В 1908 году	639,896	393993	1154775	87722	2276386
В 1912 г[оду]	755,226	643548	1559359	99765	3057908

У оседлого населения области в 1912 г. состояло:

	Лошадей	Рог[атого] ск[ота]	Овец	Свиней	Верблюд[ов]
В 1908 году	108964	212200	169596	10154	670
В 1912 г[оду]	193461	442575	327115	37210	806
Всего у оседл[ого] нас[еления]	302425	654775	496711	47364	1476

В том же 1912 г. было засеяно под разного рода хлебные растения крестьянами – 701839 десятин, казаками и частновладельцами – 265013 десятин и киргизами – 69230 десятин.

Цифры эти говорят сами за себя.

А вот и еще один показатель той эволюции, какая произошла в «киргизской» области за это время. В начале 1870-х годов в Акмолинской области существовало лишь два средне-учебных заведения в Омске – кадетский корпус и женская гимназия, и около 50 низших школ, главным образом казачьих, по станицам и поселкам области. Теперь, в 1912 г., их состоит:

В ведомстве народного просв[ещения] – 368 с 25197 учащимися;
М[инистерства] внутр[енних] дел – 2 со 176;
торговли и промышл[енности] – 4 с 630;
путей сообщения – 1 с 61;
юстиции – 1 с 72;
М[инистерства] военного – 1 с 355;
ведом[ства] Сибирск[ого] каз[ачьего] в[ойска] – 107 с 5954;
православн[ые] – 121 с 256;
земледелия и землеустр[ойства] – 7 с 256;
магометанских шк[ол] – 31 с 1370.
Итого – 644 с 42539.

В том числе в одном Омске – 11 средне-учебн[ых] заведений: 6 специальных и 52 низших уч[ебных] зав[едения].

Вообще же город Омск за это время, особенно в последние 10 лет, вопреки дурным предсказаниям, стал неузнаваем.

С 24 тысяч с чем-то душ, показанных в нем по единственной переписи 1877 года, он возрос до 133280 душ обоего пола, а с пригородами, т. е. железнодорожной станцией и Атаманским хутором, и до всех 150000, т. е. увеличился так, как ни один город Сибири за это время. Томск за это же время не поднялся (как то видно по переписи 1912 г.) и до 100 тысяч. Главным обстоятельством, послужившим к этому, было проведение через Омск Сибирской железной дороги. Ирония судьбы. В 1870-х годах, ратуя за Томск и предсказывая ему блестящую будущность и могучий рост, все местные пророки иронически спрашивали: что будет с Омском, если из него перевести Главное управление Западной Сибири? Никому не приходило тогда в голову спросить, а что будет с Томском, если, несмотря на устройство в нем не только университета, но и технологического университета, провести через всю Сибирь

Вид на Любинский проспект. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 197.

железную дорогу всего на 80 верст южнее Томска? Как по волшебству, почти под самым носом Томска на пустыре вырос Ново-Николаевск, насчитывающий до 75 тысяч жителей и становящийся более чем опасным торгово-промышленным конкурентом. Омск, заинтересовав в то же время изменившимся положением дела Москву, побудил ее учредить в нем центральные склады и оптовую торговлю главнейших мануфактуристов столицы и устроить здесь особые Московские торговые ряды. Возможность при посредстве железной дороги удовлетворить заграничный спрос на сибирское масло и молочные продукты создала здесь десятки иностранных и русских контор по заказу и скупке товаров этого рода. Также железная дорога, расширив сбыт и подвоз разного рода земледельческих продуктов и орудий их обработки, сделала Омск центром скупки и сбыта сельскохозяйственных машин и орудий. Более тридцати русских и иностранных контор работают в Омске над привозом и развозом таких машин по Степному краю, Тобольской и Томской губерниям.

Чтобы судить о размере спроса на машины этого рода, достаточно сказать, что по анкете, произведенной Омским статистическим комитетом, в одной только Акмолинской области оказалось за 1912 год в обращении у местного населения:

	Плугов металлич[еских] одно-двух и трехлемешных	Борон металлических разных сист[ем]	Сеялок рядовых и окучников	Жатвенных машин раз[ных] сист[ем]	Сенокосилок	Конных граблей	Молотилок конных и паровых	Веялок	Жатвенных аппаратов к косилкам
У крестьян	70688	67073	950	21351	16821	15323	2710	14670	1323
казаков	44,244	8853	4421	9426	11461	12774	3021	5673	2392
киргиз	9753	9005	36	419	7185	7783	6	318	40
Итого	1240685	84931	5407	31196	35467	35880	5737	20661	3755

Это только в одной Акмолинской области! А сколько сбывается еще из тех же складов в соседние уезды Семипалатинской области, Тобольской и Томской губерний?

Традиционная соха, серпы, ручные косы, цепы и т. п. орудия сельскохозяйственного обихода в Сибири и Степном крае отходят уже в предание, хотя и недавнее. «Отслужила свою службу соха-матушка», – говорят теперь сибиряки-старожилы.

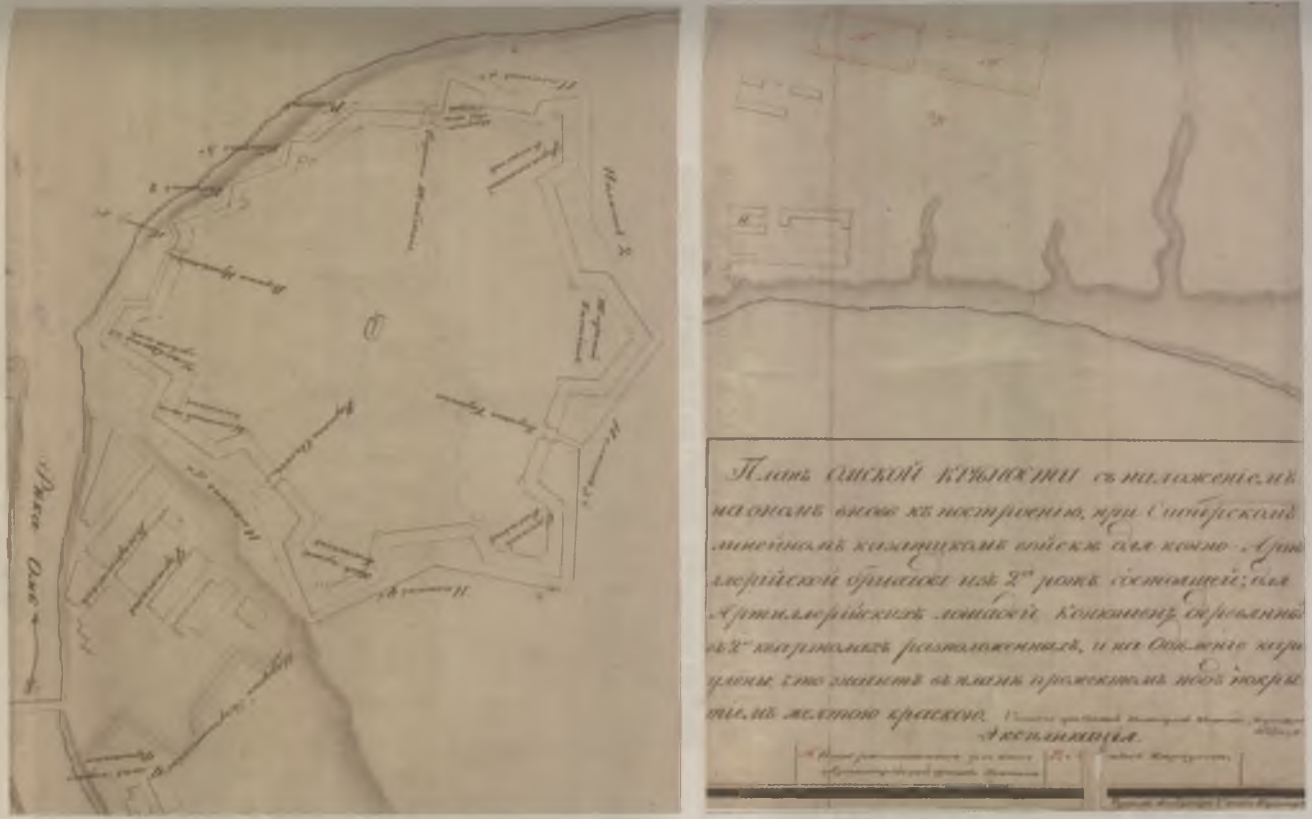
Да. Трудно быть пророком по нынешним временам. Тем ценнее люди, которые могут заглядывать в будущее, если не за столетия, то, по крайней мере, за десятки лет. К числу таких же людей принадлежал Н.Г. Казнаков. Он, можно сказать, сам «делал историю». Потому ему и легче других было смотреть вперед и предвидеть грядущее.

Ясно сознавая великое значение благоустроенных путей сообщения и средств сношений, Казнаков одной из главнейших своих задач всегда ставил их возможное улучшение. По его настояниям продолжен телеграф от Семипалатинска на Устькаменогорск и Зайсан, при нем же проведен телеграф от гор[ода] Ишима на Петропавловск и далее на Кокчетав, Атбасар и Акмолы на 700 верст. По его настоянию впервые открылось срочное пароходное сообщение Тюмени через Тобольск, Тару и Омск с Семипалатинском. Им же возбуждено ходатайство об учреждении при Гл[авном] упр[авлении] Зап[адной] Сибири особой инспекции путей сообщения, закончившееся командированием в его рас-

поряжение двух инженеров путей сообщения и образованием особого округа водных путей сообщения. Тогда же отправлена экспедиция для исследования южной части Обской губы и разведок водораздела рек Кети и Коса в целях создания каналов водных бассейнов Оби и Енисея.

Предмет особых забот, или вернее сказать, постоянных мечтаний Казнакова были, однако же, не водные, а сухопутные пути сообщения, ибо рассчитывать при краткости сибирского лета только на услуги первых было слишком недостаточно. Вот почему, когда возник вопрос о продолжении начавшейся тогда постройки Пермской железной дороги от Екатеринбурга далее в Сибирь, он принял в этом деле живейшее участие, явившись ярым сторонником так называемого «южного» ее направления. Большая часть (если не все) сибирского купечества, привыкшего десятками и столетиями направлять свои товары с востока на запад через Томск, севернее Омска на Ирбит, а оттуда после ярмарки тем же путем и частью водой обратно, было за северный путь, т. е. за то, чтобы по доведении дороги до Екатеринбурга повернуть ее на северо-восток к Ирбиту. Также смотрело и Министерство путей, придавая особое значение тамошней февральской ярмарке. Иначе смотрел на дело Казнаков, энергично настаивая на южном, т. е. Тюменском пути и на продолжении дороги далее к Петропавловску или Омску.

- Вот говорят, что я надоедаю министерству, - говорил он как-то во время одного из моих докладов, - а как тут не надоедать, когда кругом все спит. Вот хотя бы эта же Тюменская дорога… Говорили о ней, еще когда я был в Петербурге, а вот теперь уже прошло десять месяцев, а Петербург замолчал. Нужно стучать, надоедать, ломиться, пока не услышат. Ведь вот должники, задолжавши туда и сюда, конечно, поспешат скорее отдать тому из кредиторов, который напоминает о себе, а который молчит, значит, не нуждается, может подождать. Нужно всегда напоминать, что нам нельзя ждать, ну и поторопятся. Только пусть дорогу дают не северу, а югу. Вот посмотрите, например, проект Посьета (тогдашнего министра путей сообщения), посмотрите, куда он ведет дорогу (раскрывается карта, лежащая на столе) от Тюмени или Ирбита прямой линией через Васюганские болота, Урманы и тайгу на Томск. Сколько это будет стоить, кто по ней будет ездить и что будут возить? Я понимаю, дороги на юг… Ну, например, довести ее до Тюмени и продолжить на Ишим, Петропавловск, Омск. Или еще лучше, доведя дорогу до Тюмени, т. е. до сплошного водного пути, тут ее пока и остановить, а взамен того дорогу повести от Екатеринбурга на Шадринск, Курган,



Из плана Омской крепости. 1821 г.
ГИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 563.

Университетский сад. г. Томск.
Конец XIX – начало XX вв. ГИАОО. Фотофонд. № 1919.

Здание Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии, слушателем которой в 1868-1872 годах был Г.Е. Катанаев.
ГИАОО. Фотофонд. № 1925.

Вид на улицу Тобольскую и детский сад
(находился на месте кинотеатра им. Маяковского).
Конец XIX – начало XX вв. ГИАОО. Фотофонд. № 1905

Начало улицы Полицейской (Думской).
Конец XIX – начало XX вв. ГИАОО. Фотофонд. № 1907.

Ольгинский приют и городское училище на улице Александровской (ныне - Интернациональной).
Конец XIX – начало XX вв. ГИАОО. Фотофонд. № 1906.

Любинский проспект. Общий вид. Начало XX века.
ГИАОО. Фотофонд. № 212.

Воскресенский собор. Начало XX века.
ГИАОО. Фотофонд. № 126.

Успенский кафедральный собор. Начало XX века.
ГИАОО. Фотофонд. № 167.

Вид на крепостные (Омские) ворота. XIX век.
ГИАОО. Фотофонд. № 148.

Вид на Мокринский базар. Рисунок 1860-х годов.
ГИАОО. Фотофонд. № 1917.

**Панорамный вид на центральную часть города Омска.
Снимок сделан с колокольни Никольского казачьего собора.
Конец XIX века. ГИАОО. Фотофонд. № 96.**

**Выездные ворота в г. Омске. Фрагмент картины-панорамы П.Я. Пясецкого
«Великий Сибирский путь». Начало XX века.
ГИАОО. Фотофонд. № 145.**

Общий вид города Омска с устья р. Оми. Начало XX в.
Из личной коллекции В.И. Селюка.

Здание гауптвахты во Второй Омской крепости. Начало XX в.
Из личной коллекции В.И. Селюка.

Петропавловск и Омск. Я подготовляю проект последнего пути, хотя бы на первое время узкоколейного и с конной тягой».

Настояния свои о проведении дороги на Тюмень, а не на Ирбит, Казнаков, когда пришло время, подкрепил личной на имя Государя императора подробной телеграммой. И ходатайство его было Высочайше утверждено.

Мечты Н.Г. Казнакова в настоящее время осуществились в полной мере. Омск сделался узлом срочных и скорых сообщений: водных по Иртышу и Оби до Обской губы и Северного Ледовитого океана и к югу на Зайсан по Черному Иртышу в пределы Китая. Сухопутные железные пути прошли, как он и предполагал, один от Омска через Ишим, Тюмень, Екатеринбург, Пермь прямо на Петербург, а другой от того же Омска через Петропавловск, Курган, Челябинск, Самару на Москву. К востоку от него идут почти параллельно две колеи железной дороги до Иркутска и далее. Одна из дорог даже названа Омской, а само управление ее помещено в нем же. Теперь он уже не окраинный пункт Сибири, отрезанный от нее пустынными стенами, как свидетельствовала университетская комиссия в 1877 году, а центр густо населенного обширного района, соединенного со всеми окраинами Сибири и Средней Азии наилучшими водными и железными путями.

Осуществлялась отчасти и другая надежда Николая Геннадьевича видеть Омск центром просвещения западной части обширной страны. Выше сказано уже, что в нем теперь 11 средне-учебных заведений, т. е. больше, чем в каком-либо другом городе Сибири*; 6 специальных** и 52 низших школы. В ближайшем будущем ожидается открытие здесь же если не университета, как ходатайствовал Казнаков, то другого высшего учебного заведения – сельскохозяйственного института с четырьмя отделениями: агрономическим, лесным, культур-техническим и ветеринарным. Большой ошибкой будет, если и иное в последний момент перед утверждением, как то было в 1878 году, высшее учебное заведение это будет утверждено не в Омске, а в каком-либо другом городе.

---

* Две мужские гимназии, две правительственных и две же частных женских гимназии, кадетский корпус, учительский институт, коммерческое училище, среднее сельскохозяйственное училище, женское епархиальное училище и сделана закладка здания духовной семинарии.

** Два технических училища, землемерное училище, учительская семинария, фельдшерская и ветеринарная школы.

Заканчивая этим мою против ожидания чрезмерно растянувшуюся статью об инициаторах основания первого Сибирского университета, прошу извинить меня за, быть может, очень частные отступления от прямой моей задачи. В оправдание свое могу только сказать, что, стараясь осветить перед читателями личности этих инициаторов, насколько мне представлялась возможность с ними познакомиться, и, воздавая должное Николаю Михайловичу Ядринцеву и Григорию Николаевичу Потанину за их энергичную проповедь университета и отстаивание общественно-народных пожеланий и симпатий в выборе для него подходящего пункта, я хотел в то же время достаточно подробно выяснить, что и Николай Геннадьевич Казнаков, главный виновник осуществления давнишних пожеланий сибирского интеллигентного общества, указывая другой пункт для университета, руководствовался не каким-либо капризом или сторонними влияниями, а таким же, как и только что помянутые патриоты-сибиряки, искренним желанием поставить это высшее учебное и ученое учреждение в наиболее благоприятные для дальнейшего его развития условия. Насколько мне это удалось, судить, конечно, уже не мне.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 359. Л. 15-149. Подлинник. Рукопись.

К истории просвещения в Сибири Западно-Сибирский отдел Русского географического общества в Омске с 1877 по 1921 годы

[1921 г.]

Содержание
Вместо предисловия

Мое раннее пристрастие к занятиям историей географии. Специализация изучением Сибири под влиянием Г.Н. Потанина. Преподавание географии в Омском кадетском корпусе. Мой курс Отчизноведения. Урок географии в присутствии Н.Г. Казнакова и переход из корпуса в его распоряжение. Избрание в члены Им[ператорского] Русского географич[еского] общества.

Глава 1
Основание отдела в Омске и его первые деятели

Малочисленность местной интеллигенции в Сибири, значение этого обстоятельства в жизни края. Мысль об учреждении университета и развитие в крае просвещения вообще. Роль и значение ген[ерал]-губ[ернато]ра Казнакова в удовлетворении этих потребностей края. Краткая характеристика личности и деятельности Казнакова в просветительном отношении. Ходатайство об учреждении Отдела Императорского Русского географического общества в Омске. Цели учреждения. Открытие. Члены-учредители. Первоизбранники и их состав по месту прочих учреждений и научной деятельности.

Краткий биографический очерк жизни и научных трудов первого председателя геогр[афического] отдела И.Ф. Бабкова за время пребывания его в Сибири с 1854 по 1890 годы. Значение его «Воспоминаний»* как очень ценный историко-географический материал для изучения З[ападной] Сибири (Степного края). Биографические характеристики и заметки о жизни и научн[ых] трудах наиболее известных членов отдела за первые годы его существования: М.В. Певцова, И.Я. Словцова, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, Ф.Н. Усова, П.А. Золотова, В.И. Квятковского, С.Т. Мирошниченко, Ф.Л. Чернавина, А.И. Сулоцкого**. Мое участие в трудах отдела с 1877 по 1881 годы. Несколько слов поименно о каждом из прочих членов географического отдела за первые три-четыре года его существования. Последний из Западно-Сибирских генерал-губернаторов Гр[игорий] Вас[ильевич] Мещеринов и его отношение к геогр[афическому] отделу. Издание им двух «Памятных книжек» Западной Сибири при его личном и членов отдела сотрудничестве.

Вместо предисловия

Чтение книг исторического содержания, жизнеописаний великих людей, путешествий по неведомым странам и рассматривание карты и рисунков, составляющих приложения к сочинениям этого рода, с само-

---

* И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службы в Западной Сибири (1859 – 1875) – СПб., 1912.

** В деле имеется биографическая справка только о М.В. Певцове. – Прим. сост.

го раннего моего детства, как я стал помнить себя, входило в круг любимейших моих занятий научного характера. Писать «историю» моих игрушечных народов, как уже сказано в первой главе детских воспоминаний, я пытался, имея всего лишь семь лет отроду. Пристрастие к такого рода занятиям с течением времени не только не уменьшалось, но, наоборот, увеличивалось, обращаясь постепенно в потребность, особенно после того как, познакомившись с известным сибирским деятелем и путешественником по Монголии и Китаю Г.Н. Потаниным, я под влиянием его серьезно принялся за изучение сочинений по географии и истории Сибири и Степного края.

Возвратившись в 1873 году в Омск после выхода из Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии, я уже не мог вытерпеть того, чтобы не начать делиться своими познаниями в этой области с публикой, начав с популярных чтений по природоведению и физической географии в частной школе Ю.А. Соколовой и манеже в крепости для нижних чинов омского гарнизона. На одном из таких чтений, сделавшихся известными в военно-административных кругах города, присутствовал сам, не особенно отзывчивый на выступления подобного рода, тогдашний командующий войсками Зап[адно]-Сиб[ирского] округа ген[ерал]-ад[ъютант] Хрущев.

Не было ничего удивительного после только что сказанного, что, когда я в 1874 году был определен в Сибирскую (Омскую) военную гимназию на должность воспитателя, мне же начальством этой гимназии предложено было и преподавание географии в младших классах гимназии. В старших тогда преподавал географию сделавшийся вскоре [известным] своими путешествиями по Монголии, Китаю и Тибету капитан генерального штаба Михаил Васильевич Певцов. В курс географии 1-го класса гимназии входило только что народившееся тогда «родиноведение», не имевшее еще ни готовой программы для своего изложения, ни учебников, приспособленных так или иначе к различным областям обширной России. Нужно было придумать программу, приспособленную к городу Омску и близлежащей к нему территории Сибири. Просмотренные мною пробные наброски в этом роде для столичных городов признаны были мною совершенно не подходящими для нашего края как по территории и природе ими описываемой, так и по самому плану изложения. Я рискнул предложить учебному начальству Омской в[оенной] гимназии свою собственную программу родиноведения, оригинальную и мало похожую на набро-

ски программ для других учебных заведений и областей внутренней России. По существу это была программа «подготовленного» курса, или «введения» в курс географии, основанная на описании предметов и явлений природы, более или менее известных из личных наблюдений и поездок каждому из учащихся или могущих быть показанными, разъясненными не только по картинкам, рисункам или чертежам, но и непосредственно путем более или менее близких экскурсий в описываемые курсом родиноведения местности. Позволяю себе привести здесь эту программу, насколько существо ее сохранилось еще в моей памяти, так как мне кажется, она не потеряла некоторого значения еще и теперь, когда таких программ и составленных по ним учебников существует уж немало, но все они, по моему мнению, представляют собой не то, что нужно для начального курса, или вернее «введения» в курс географии. Вот она:

«Начальные понятия по географии (землеведению). Горизонт и страны света, определения последних по компасу и полярной звезде. Установившийся вид начертания (изображения) горизонта и стран света на доске или бумаге по компасу (магнитной стрелке). Круг и квадрат. Масштаб. Черчение круга и квадрата в разных масштабах. Понятие о плане и профиле. Черчение в квадрате того или иного масштаба примерного плана (разреза) квадратной же комнаты с ее стенами, окнами и дверьми соответственно общему масштабу комнаты. Профиль той же комнаты в том же масштабе. Изображение в квадрате того же размера, плана целого дома в несколько комнат с соответственным изменением (уменьшением) масштаба. Изображение в таком же квадрате плана того же дома со всей его усадьбой (двором, садом, хозяйственными пристройками, флигелем и т. п.) в соответственном еще более уменьшенном масштабе. План целого квартала или части города в том же квадрате с нанесением всех построек и направлений прилегающих улиц не только в соответствующем деталям плана масштабе, но и применительно показанию магнитной стрелки (компаса). Такой же план и в таком же квадрате целого города с его окрестностями и без них. Карта города с его уездом в разных масштабах. Чтение планов и карт разных масштабов вообще и знакомство с принятыми при составлении таковых условными знаками и красками.

Осмотр в натуре реки или рек, при которых город (Омск) расположен (Иртыша и Оми). Верх и низ рек. Правый и левый берег. Скорость течения и свойств речной воды. Работа рек: образование (пролив)

фарватера и долины реки, подмыв и разрушение берегов, образование мелей и островов, разлив, образование рукавов, протоков, стариц, заливных озер и проч. Детальное знакомство с работой воды в реках и озерах по весенним и дождевым потокам, ручьям и лужам. Изменение фарватера и скорости течения ручья, впадение малых ручьев в большие, устья ручьев (рек). Острова и наносы (напластования) в профиль. Рвы, буераки, балки, увалы в плане и профиле.

Воздух (атмосфера). Температура воздуха, тепло и холод. Термометр и его устройство. Точка кипения и замерзания воды. Влажность воздуха. Образование туманов, облаков, дождя, росы, инея, снега и льда.

Распад и разложение твердокаменных пород земли под влиянием воздуха и воды (жары, морозов, ветров, дождей и подмывов). Образование песка, пыли и растительных почв. Чернозем.

Появление на камнях и наносах растительности. Низшие (споровые) растения. Травы. Кустарники. Леса (хвойные и лиственные). Общий тип строения (морфология) растений. Размножение и распространение растений путем зарождения на месте и заноса извне. Естественное появление животных в необитаемых местах путем зарождения на месте (низшие животные) и залета или захождения извне. Деление животных, их главнейшие типы и классы: насекомые, рыбы, земноводные, гады, птицы, млекопитающие.

Человек. Сходство его с остальными животными и отличие от них. Главнейшие подразделения по племенам, образу жизни и занятиям. Духовная жизнь человека.

Краткий географический обзор Обь-Иртышского района Сибири. Главные реки и крупнейшие притоки их, образующие Обь-Иртышский район (водную систему, бассейн). Устройство поверхности. Главнейшие краевые горные системы (хребты), обрамляющие район. Урал, Алтай и их отроги. Строение гор. Складчатость предгорий и плоскогорий. Наносные низменности и равнины. Внутренние водные бассейны (крупнейшие из озер), тундра. Морское побережье: Обская и Тазовская губа. Ледовитый океан. Недра земли. Районы залегания и распространения наиболее ценных горных пород и минералов: золота, серебра, меди, железа, каменного угля, соли и проч.

Климат района и его отличительные особенности.

Флора (растительность) района. Главнейшие ее типы и зоны (области, пояса) распространения. Тундра, тайга, лесостепь, сухие, ковыльные, злаковые, безлистная степь, пустыня (Голодная степь) и растительность гор.

Фауна (животные) района, ее особенности, зоны распространения наиболее характерных для края ее представителей.

Человек – обитатель региона. Подразделение по племенам. Русские люди и местные инородцы: татары, вогулы, самоеды, остяки, калмыки, киргизы. Подразделение по образу жизни (оседлые, кочевники, бродячие) и главнейшим занятиям (земледелие, скотоводство, горное и лесное дело, рыболовство и охота (звероловство). Промышленность: кустарники, заводские и фабричные. Торговые. Судоходство. Пути сообщения (железные дороги, шоссейные, торговые, почтовые, проселочные, речные, морские). Средства сношений: почта, телеграф, телефон, автомобиль, аэроплан. Язык, религия и просвещение. Христианство, магометанство, буддизм, язычество. Школы: низшие, средние, высшие (университеты, академии). Библиотеки и музеи.

Разделение территории района на губернии, области и уезды. Главнейшие города.

Краткий исторический обзор завоевания и расселения русскими Сибири и Степного края.

Уменье разобраться в чтении и понимании карты Западной Сибири и показывает то, что требуется знать.

Знакомство с общей картой России (Европейской и Азиатской). Уменье показать главнейшие из горных хребтов, морей, рек и населенных пунктов России. Столицы и их значение в разных пунктах России. Столицы и их значение в разных отношениях.

Примечание: Географический обзор Обь-Иртышского района делался конечно лишь в самых общих очертаниях, имея ввиду не столько изучение края по существу, сколько ознакомление учащихся по данным, более или менее им знакомым, с географической терминологией и понятиями, которые должны быть ими хорошо усвоены до приступа к систематическому изучению географии, обширнейших материков и океанов, с их подразделениями на менее крупные части суши, морей, стран и государств.

Тогдашний директор Омской военной гимназии, генерал-майор Плат[он] Степ[анович] Цитович не сразу решился разрешить преподавание по моей программе, заподозрив в ней почему-то стремление мое внедрить в учеников тогда еще новое ученье Дарвина об эволюционном в течение сотен тысяч лет развитии и перерождении всего сущего в природе, вплоть до происхождения человека от обезьян и еще ниже их стоящих животных и проч., и проч. Программа моя предваритель-

но подвергнута была строгому рассмотрению, передана на заключение преподавателя географии в старших классах М.В. Певцова и только после вполне одобрительного отзыва о ней последнего принята к руководству.

Не могу, кстати, не похвастаться тем, что малыши мои 1-го класса принимаются за изучение моего курса родиноведения, не имея для того ни писанного, ни печатного учебника, не только охотно, но многие даже прямо-таки с увлечением, забрасывая меня подходящими к предмету вопросами и просьбами о ближайшем руководстве их добровольными занятиями по наблюдению состояния погоды, записыванию по термометру температуры воздуха и облачности неба по компасу, черчению планов и карт по масштабу, наблюдению за чтением и работой весенних и дождевых ручьев и проч., и проч.

В первый год преподавания по неопытности я не успел закончить всего курса родиноведения, намеченного программой, но на второй и третий дело вошло в определенные рамки.

Так продолжалось три года, на четвертый я совершенно непредвиденно для меня должен был оставить преподавательскую деятельность и перейти на совершенно другую работу. Виновником этой перемены явился вновь назначенный после Хрущева генерал-губернатором и командующим войсками в Западной Сибири не раз уже упоминаемый в предыдущих главах воспоминаний генер[ал]-ад[ъютант] Ник[олай] Ген[надьевич] Казнаков, посетивший один из первых уроков по географии в 4-м классе гимназии (Европа) и, несмотря на выраженное им полное одобрение системы моего преподавания и успехов учеников, нашедший, что я с таким же успехом могу заняться другим стоящим в непосредственном его ведении делом управления края и вверенными ему войсками. Я был переведен в штаб Западно-Сибирского военного округа на должность старшего адъютанта по делам казачьих войск с правом личного доклада ему этих дел вместо начальника штаба.

Отчисление мое от гимназии и лишение таким образом возможности заниматься излюбленным преподавательским делом, к счастью, не являлось для меня вместе с тем и лишением возможности заниматься географией вообще. Скорее наоборот. Одновременно с этим я по рекомендации того же Н.Г. Казнакова был избран в действительные члены Императорского Русского географического общества в Петербурге, а еще месяца три спустя, вместе с шестью другими одновременно со мною избранными членами того общества, проживавшими в Омске,

явился и членом-учредителем основанного здесь по инициативе Казнакова же Западно-Сибирского отдела Петербургского географического общества, связав с этим отделом все последующие мои научные труды в области географии и истории Сибири на всю жизнь.

Глава 1
Основание (первые деятели) и первые годы жизни географического отдела

В годы, когда пишутся настоящие мои воспоминания из жизни Западно-Сибирского отдела географического общества, последний вступил уже в пятое десятилетие своего существования. Из восьми его членов-учредителей остался в живых по настоящий день только я один. В качестве единственного живого свидетеля жизни и деятельности отдела за все это время я и приступаю к описанию того, что мне кажется заслуживающим внимания потомства, в проявлениях этой жизни и деятельности отдела в области тех наук, служению которым он посвятил себя по «Уставу».

Мысль о необходимости создания в Западной Сибири такого научного учреждения, как отдела географического общества, давно уже

Ольгинский приют и городское училище на Александровской улице. Снимок сделан со стороны улицы Тарской. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 189.

носилась в сознании немногочисленной еще в шестидесятые и даже семидесятые годы прошлого столетия местной интеллигенции. Во всей Сибири тогда, за исключением Иркутска, где уже существовал Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, не было ни одного ученого общества. Числившееся в Омске существующим с 1868 года «Общество исследователей Западной Сибири»[124] в действительности значилось только на бумаге и за свое эфемерное существование имело только одно заседание, после которого мирно почило, не оставив после себя даже никаких следов своего бытия. Не существовало ни одного высшего учебного заведения во всей Западной Сибири, из средне-учебных заведений существовали только две мужские гимназии в Тобольске и Томске, одна военная гимназия в Омске и две женские гимназии в Томске и Омске. Во всех прочих городах Западной Сибири и Степного края были только учебные заведения, да и то немногие, с курсом учебных и приходских училищ. Нечего уже говорить о деревенской Сибири, которая была, можно сказать, поголовно безграмотна.

Условия интеллигентной жизни в крае были настолько непривлекательны, что громадное большинство сибирской гимназической молодежи, имевшей возможность пробраться за Урал и там закончить свое образование в высших и специальных учебных заведениях столиц и других городов Европейской России, там же и остались навсегда. Взамен их в Сибирь ехали за двойные прогоны и «подъемные» от казны ничем с краем не связанные и второ- и третьестепенные искатели теплых мест. Отсутствие в крае местной интеллигенции отражалось и на всех прочих проявлениях жизни и в крае: на умственной жизни вообще, на хозяйстве населения, санитарной помощи (на всю Сибирь насчитывалось всего 52 врача), на промышленности и торговле в крае, находившихся в полной зависимости и, если не сказать, в порабощении Москвы с ее «фабриками», заводами, с ее капиталом и «всероссийским» купечеством, державшим в своих руках всю экономическую жизнь государства… Все это, говорю, чувствовалось и сознавалось, обо всем скорбилось и мечталось о лучших временах, но только мечталось, не было людей или хотя бы одного властного лица, которое было бы в силах если не осуществить эти мечтания в действительности, то, по крайней мере, сдвинуть с места застрявший в сибирских трясинах воз этих мечтаний.

И вот такой человек, наконец, нашелся в лице назначенного в 1875 году генерал-губернатора Западной Сибири генерал-адъютанта Нико-

лая Геннадьевича Казнакова, который, если не покатил этот воз по пути прогресса вообще, то, подняв его из трясины, поставил на железные рельсы, по которым он вскоре покатился уже сам, регулируемый другими заправилами движения. Сам инициатор дела не дожил до открытия движения, он прожил в Сибири всего пять лет и, надорвавшись в силах при установке нашего воза на рельсовый путь, заболел и вскоре после выезда из Сибири умер в Петербурге.

Вот как характеризует Н.Г. Казнакова первый председатель основанного им в Омске Западно-Сибирского отдела Русского географического общества И.Ф. Бабков в своих воспоминаниях о службе в Сибири: «Светлый ум, большая начитанность, превосходная память, сдержанность и такт, приобретенные постоянным вращением в высшем обществе, изящные манеры, постоянная приветливость и деликатность в обращении были отличительными качествами Казнакова. Если же к этому присоединить красивую и симпатичную наружность, то про него можно было сказать, что Прометей вылепил его из самой лучшей глины. Обладая блестящими способностями и занимая важные административные должности, как по военной, так и по гражданской части, Казнаков вступил в управление войсками и краем, будучи вполне определенным государственным человеком, имевшим за собою опыт, знание дела и ясно определенную систему действий».

Неудивительно поэтому, что, находясь еще в Петербурге, после назначения его в Сибирь генерал-губернатором Казнаков, ознакомившись чрез четырехмесячное безустанное изучение того, что было в литературе того времени известно о нуждах вверенного его управлению края, во главе ряда возбужденных им тогда же ходатайств перед правительством поставил учреждение в Сибири университета, что, как мы знаем, было удовлетворено открытием такового в Томске. Пробыв в Сибири, как только что сказано, всего пять лет, он настоял также на открытии в той части ее, которая находилась в его ведении, семи средних мужских и женских учебных заведений, не меньшего числа таковых же специальных с курсом выше городских или уездных училищ и нескольких сот начальных: сельских, станичных и аульных школ обоего пола.

Не останавливаясь далее на описании мероприятий Н.Г. Казнакова по этой части в настоящей главе моих воспоминаний, так как делу открытия им университета и вообще деятельности его в области просвещения мною посвящено целая глава, носящая название «На заре сибирского самосознания», перейду прямо к тому, что составляет задачу на-

стоящей главы, т, е. учреждению в Омске отдела Императорского Русского географического общества и тому, что так или иначе касается задач географического обследования Западной Сибири, Степного края и стран, к ним прилегающих. Извиняюсь за то, что в некоторых местах и этой главы мне в несколько видоизмененной форме приведется повторить то, что уже было мною сказано в той главе, но это неизбежно, так как в противном случае мне пришлось бы или совершенно пропустить эти места в ущерб полноты изложения того, что составляет существо содержания настоящей главы, или заставлять читателя оставить ее на время, заняться розыском пропущенных мест в другой главе, которая по своему содержанию, быть может, совсем неинтересна для читателя этой главы.

С первых же дней приезда Н.Г. Казнакова в Омск для местного чиновничества Тобольской, Томской губерний и двух областей Степного края (Акмолинской и Семипалатинской) началась в буквальном смысле «страда». Желая ознакомиться поближе с лицами, которые являются более или менее видными его сотрудниками по управлению обширным краем, Казнаков по старой привычке профессора Академии Генерального штаба, произвел им письменный экзамен. Я не говорю о непосредственных его докладчиках по делам – членах Совета Главного управления Зап[адной] Сибири, начальниках его штаба, директора кадетского корпуса, губернаторах и т. п., которых он мог узнать из личных бесед с ними. Кроме них в Западной Сибири в то время было больше 30 окружных исправников и уездных начальников степных областей, которые в то время в руках своих, за отсутствием земства, мировых, крестьянских и переселенческих учреждений, являлись на местах своего рода «уездными губернаторами». Вот им-то и чинам для особых поручений при генерал-губернаторе и заданы были «сочинения» на темы по делам и поручениям, чаще возлагавшимся на них при прежнем генерал-губернаторе Хрущеве, а первым описать кратко вверенные им уезды и края с приложением карт этих уездов, на которых должны быть означены границы уезда, границы волостей, наиболее примечательные пункты в торговом и иных отношениях, ведущие к ним пути – водные и сухопутные и проч. В тексте же самого описания должны были быть обозначены количество и состав населения уезда: по волостям, по сословиям, занятиям, национальности. Описаны главнейшие занятия населения: торговля, промышленность. Виды на будущее и главнейшие нужды. В конце соображения, как бы они полагали удовлетворить эти

нужды. В предписаниях, разосланных по этому случаю по уездам, писалось, что сведения эти необходимы генерал-губернатору для ближайшего ознакомления его с Высочайше вверенным ему краем и справок при предстоящем личном объезде всех уездов края. Истинная причина свалившейся на всех «уездных губернаторов» беды заключалась в стремлении нового начальника края произвести добровольную «чистку» засидевшихся на местах администраторов. Они поняли его и все, кто в служебных действиях своих руководствовались лишь традиционными «тащи» и «не пущай», покинули свои места. Остались на местах более даровитые, образованные, знающие и «хитрые». Как общий результат этого требования было проявление во всех уездных управлениях тем или иным путем составленных «справочников» и «описаний» уездов и городов со статистическими данными о состоянии уезда и города за последний год. Не знаю как теперь, но во времена Казнакова и еще долго после него такие (рукописные) справочники существовали и каждого дня подновлялись чуть ли не во всех уездах и городах края. Нередко они и в действительности служили для того назначения, которое выставлено было в генерал-губернаторском циркуляре как предлог для их заведения, ибо и в самом деле обещанные грозные «начальнические объезды» края не являлись только острасткою для подчиненных, а в то время производились и в действительности. Ежегодно объезжая край, Н.Г. Казнаков забирался иногда в такие глухие уголки, в которых до него никто из начальствующих лиц не бывал, ездил прямиком в дебри Алтая, плавал вверх и вниз по Иртышу и Оби, доплывая до Березова, Обдорска, проникая даже в самую Обскую губу до мыса Лидендзита, где в его присутствии произведен был, между прочим, первый обмен сибирских и заграничных товаров, проникших сюда возобновленным Норденшельдом, Виггансом и Далем морским путем через Карское море к устьям реки Оби и Рингель.

Придавая первенствующее значение предварительному обследованию каждого вновь возникаемого вопроса государственного и общественного значения как основе целесообразности, его развития, Казнаков старался всеми зависимыми от него способами облегчить заинтересованным в этом лицам и учреждениям возможность получения и использования имеющегося уже по сему научного материала и добыть таковой в случае неимения на месте из других источников. Ввиду этого по его настоянию в Акмолинской и Семипалатинской областях учреждены были несуществовавшие дотоле областные статистические коми-

теты с привлечением в состав их всех наличных сил, могущих быть полезными в работах этих комитетов. В тех же целях точного выяснения численности и состава населения генерал-губернаторской резиденции, занятий и промыслов этого населения, степени его грамотности и проч., и проч. в Омске устроена была одна из первых в России однодневная перепись. Программа переписи применительно к таковым же столичным была составлена и самое производство переписи выполнено безвозмездно добровольцами из местной интеллигенции, чиновничества и офицерства. Разработка добытых таким образом статистических данных поручена была секретарю вновь образованного Статистического комитета И.Я. Словцову и издана в трех томах на счет этого комитета.

В первую же свою поездку в Петербург после вступления в должность генерал-губернатора Н.Г. Казнаков взял с собой представление об учреждении в Омске Западно-Сибирского отдела Русского географического общества вместе со списком лиц, которые могли бы, по предварительном избрании их в члены Центрального географического общества в Петербурге, открыть согласно его уставу отдел на самом месте предстоящих работ. Из членов этого общества, находившихся уже на месте в Омске, проживали сам Н.Г. Казнаков и И.Ф. Бабков. В добавок к ним намечены были: известный уже своими трудами по истории церкви в Сибири законоучитель местной военной гимназии протоиерей А.И. Сулоцкий, только что помянутый секретарь Акмолинского статистического комитета И.Я. Словцов, Мих[аил] Вас[ильевич] Певцов, свершивший уже в это время свое первое путешествие вглубь Азии, и заявившие себя кое-какими литературно-научными выступлениями в печати преподаватель физики в кадетском корпусе А.П. Куртуков, старший кандидат окружного штаба В.Ф. Ильинский и я, лично известный инициатору дела как преподаватель географии в военной гимназии (о чем уже сказано в предисловии к настоящей главе), и автор напечатанной в Иркутской газете «Сибирь» большой статьи «К вопросу о сибирском университете».

Оба представления Николая Геннадьевича немедленно же были уважены: все вновь представленные им в члены географического общества лица были избраны в действительные члены общества с правом открытия в Омске Западно-Сибирского его отдела, получения ежегодно субсидий от казны в размере 2000 рублей и возможности бесплатной отправки и получения почты всего рода корреспонденции и посылок до пуда весом, на имя отдела адресованных.

30 июня (13 июля по новому стилю) 1877 года состоялось и само открытие географического отдела в составе названных выше лиц под личным председательством самого Николая Геннадьевича в его кабинете в генерал-губернаторском доме. В тот же день состоялось и избрание должностных лиц вновь открывающегося ученого общества. На должность председателя был избран генерал-майор Иван Федорович Бабков и правителем дел – подполковник Михаил Васильевич Певцов.

При обмене мнениями о целях географического отдела и ближайших его задачах, выяснилось, что, возбуждая ходатайство об открытии в крае ученого общества, преследующего не узко специальные, а те широкие и разносторонние цели, какими по уставу задается географического общество, главный начальник края имел в виду:

Силы Западной Сибири объединить в работе по изучению края в сфере преследуемых географическим обществом разносторонних научных задач. Привлечь в отдел по возможности все наличные интеллигентные.

Облегчить членам отдела созданием при нем хорошо оборудованной в научном отношении библиотеки возможность следить за наукой и пополнять свои научные знания (новыми знаниями), не тратя на это непосредственных для отдельных лиц денежных средств и отказываться из-за недостатка таковых от надлежащего изучения интересующего это лицо вопроса.

Доставить членам отдела возможность легчайшим и удобнейшим способом посетить и обозреть те районы, обслуживаемые отделом, которые лежат вне непосредственного наблюдения этих членов и отдела как такового.

Дать возможность членам отдела и другим лицам, проживающим в Омске или проезжающим через него, при желании их поделиться с членами отдела результатами своих научных изысканий или наблюдений во время научных путешествий и экскурсий по краю, удовлетворять такое желание устройством публичных заседаний членов отдела и чтений докладов с правом публичного же обсуждения их и прений по возбуждаемым докладчиками вопросам.

Дать возможность членам отдела делиться своими научными изысканиями с широкой публикой путем печатания таковых в издаваемых отделом «трудах» его членов.

Образовать при отделе хранилище (музей) всякого рода экспонатов, наглядно знакомящих нас, как членов отдела, так и сторонних по-

сетителей его с естественными произведениями края и способами их эксплуатаций и обработки.

Следующие заседания вновь народившегося таким образом ученого общества происходили уже не на дому у генерал-губернатора (в первые два-три года его существования), а в казенном крепостном здании в зале заседаний военно-окружного Совета, где по приказанию командующего войсками округа кроме этого зала предоставлена была в безвоз-

Сибирские публицисты: (слева направо) М.Я. Писарев, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, М.В. Загоскин, А.П. Нестеров. Фото П.А. Милевского. 1890-е годы. Из фондов РГАЛИ. ГИАОО. Фотофонд. № 1928.

мездное распоряжение общества еще одна довольно большая комната под его библиотеку и будущий музей.

Личный состав членов отдела немедленно по открытии его дейст[вительно] стал пополняться новыми членами как из числа проживавших уже в городе Омске подходящих лиц, так и вновь приезжающих в него из других городов Западной Сибири лиц более или менее известных своими литературно-научными трудами в области географии или могущих быть полезными в этом отношении в ближайшем же будущем. Таковы были избранные в первый же год открытия отде-

ла, кроме названных выше членов, учредители его: местный городской голова, бывший преподаватель в кадетском корпусе физики и математики Федор Леонтьевич Чернавин, проявивший себя как энергичный общественный деятель и поборник просвещения; Николай Михайлович Ядринцев и Федор Николаевич Усов – «сибирские сепаратисты», только что возвратившиеся из ссылки и принятые Н.Г. Казнаковым на службу в должности состоящих при нем для особых поручений; Николай Никанорович Балкашин, также чиновник особых поручений при генерал-губернаторе, человек разностороннего образования и знаний, заявивший о себе литературно-научными трудами в бытности чиновником для поручений при Московском генерал-губернаторе В.Д. Долгорукове; Василий Иванович Квятковский – лингвист и библиофил, владелец весьма ценной большой библиотеки на разных языках, содержавшей не одну тысячу редких в научном отношении (касающихся, между прочим, и Сибири) изданий; Петр Александрович Золотов – омский старожил и любитель местной старины, неоднократно выступавший в местных областных «ведомостях» со своими воспоминаниями и архивными справками по истории края. В.С. Цитович – Акмолинский военный губерн[атор], А.Г. Сандецкий – впоследствии генерал от инфантерии, команд[ующий] в Казанском и Московском воен[ных] окр[угах], во время революции расстрелян большевиками.

Сем[ен] Тарас[ович] Мирошниченко и А.М. Некрасов – геодезисты и астрономы военно-топографического отдела окружного штаба; Ив[ан] Федор[ович] Соколов – давний наблюдатель и заведующий местной метеорологической обсерваторией; старшие врачи омского госпиталя док[тора] мед[ицины] А.И. Акулов, И.Д. Куприянов и Н.И. Пахолков, заявившие себя литературными работами и публичными докладами по статистике санитарного дела в крае; Митроф[ан] Алексеев[ич] Водянников – преподаватель географии в Учительской семинарии, М.Г. Соколов, А.И. Бекреев, Б.И. Сциборский, А.П. Круссер[ов] и нек[оторые] другие.

Из иногородних: алтайский известный мессионер и писатель прот[оиерей] В.И. Цербицкий, игумен Макарий (впоследствии митрополит Московский), К.М. Голодников, Н.П. Григоровский, С.И. Гуляев, А.И. Дмитриев-Мамонов, кн. Н.А. Костров, В.А. Лысогорский (Тобольск[ий] губернатор), В.И. Мерцалов (Томский губернатор), Е.П. Михаэлис, А.П. Проценко (Семипалатинск[ий] воен[ный] губерн[атор]) и некот[орые] другие, известные уже отчасти своими трудами в области географии и статистики и заявившие свое желание быть

полезными в той же области знаний и Зап[адно]-Сиб[ирско]му отделу географич[еского] общества.

Под влиянием основателя отдела и вполне сочувствовавшего ему председателя отдела при избрании новых его членов тогда установился несколько лет продержавшийся порядок избирать в действительные члены общества только лиц, так или иначе фактически уже доказавших свою причастность к науке землеисследования, а не обещающих только проявить эту причастность в будущем. Исключение допускалось только для таких высокопоставленных должностных лиц, как губернаторы, епархиальные архиереи и т. п., заявившие желание и имеющие возможность по своему положению быть полезными науке и без личного писательского участия в трудах членов отдела. Немалое значение при этом имела также и степень родственной и имущественной связи баллотирующегося в члены с Западной Сибирью и Степным краем, т. е. сибиряки ли они по семейно-экономическому своему положению или только случайно ради карьеры попавшие в край люди. Н.Г. Казнаков всегда строго учитывал это обстоятельство и нередко бывало в беседах с нами, сибиряками, на эту тему говорил: «Господа сибиряки, учитесь разбираться в своих делах сами, это ваше дело, мы «навозные», как вы называете нас, приезжих с запада, только «гастролеры» здесь, поживем и уедем, быть может, наделав по мимолетному знакомству с краем немало глупостей, как нередко и бывало. А вам, здесь остающимся, приведется эти глупости расхлебывать».

Из 37-ми членов географического отдела, только что поименованных, чуть ли не две трети были сибиряки по рождению или такие старожилы, связавшиеся с Сибирью семейно или имущественно, что сами себя всегда именовали сибиряками. Вскоре к числу членов отдела присоединился и сибиряк из сибиряков Григорий Николаевич Потанин.

Такой по преимуществу местный состав членов отдела с доказанной предшествующими их научными трудами склонностью к изысканиям в области сибиреведения, а не какой-либо другой страны, не мог, конечно, не отразиться и на работах всего отдела в первые годы его существования. Никогда геогр[афический] отдел не снаряжал за свой счет такого числа научных экспедиций и экскурсий в район непосредственного своего ведения, как именно в эти годы, никогда эти экспедиции не давали столь новых, основанных на личных и непосредственных изысканиях данных о крае, как тогда. Никогда число представленных

членами отдела научных работ по отношению к числу их самих не было в процентном отношении так велико, как в 1878, 1879 и 1880 годах. Можно без преувеличения сказать, что все члены отдела тогда работали для отдела, кто, как и чем мог.

Прежде чем перейти к рассмотрению и характеристике этих работ, скажу, что мне известно о самих работниках, останавливаясь более на тех из них, о которых в печатных изданиях отдела до сих пор по тем или иным причинам говорилось несоответственно их значению мало или совсем ничего не говорилось. Начну с первого председателя и члена учредителей отдела.

Иван Федорович Бабков или Бобков, как он любил произносить свою фамилию, заменяя букву «а» буквой «о», по образованию и начитанности был одним из просвещеннейших русских людей своего времени, а по отношению к жизни и людям – истинный «джентльмен» или, выражаясь по-французски, «comme Me pant», а по укоренившемуся в русском языке его времени выражению – «аристократ» в наилучшем смысле этого последнего слова, не по рождению только, но и в смысле благородства мысли и чувства, верности долгу, участливости к людским нуждам… Будучи военным по воспитанию, службе и семейным традициям своего дворянского рода, он в то же время был и истинный «гражданин» своего отечества, которому он был предан всей душой.

Становясь во главе вновь возникающего первого в Западной Сибири ученого общества, он имел уже имя в среде работников той науки, служению которой посвящало себя это общество. С 1860 года он уже состоял действительным членом Императорского Русского географического общества за свои труды по землеведению. К 1877 году, когда он стал председательствовать в Западно-Сибирском отделе этого общества в Омске, многие из его трудов в этой области знаний были уже напечатаны в издававшихся Петербургским центральным обществом «Записках», «Известиях» и отчетах. Отмечу в числе их обзоры текущих геодезических и астрономических работ в Зап[адной] Сибири и Киргизской степи. Общий взгляд на устройство русских поселений в северо-восточной части Киргизской степи. «Вести из Чугучака» - данные о горных породах в южном или пограничном Алтае. «О ходе исследований озера Балхаш и его прибрежья» – последняя статья, удостоенная Советом географического общества присуждения ее автору серебряной медали.

Под ближайшим его руководством по званию обер-квартирмейстера

корпусного штаба в Омске организованы были работы по топографическим съемкам и описанию приграничных районов Западной Сибири и Степного края и составлена рельефная карта Семиреченского края со снежными хребтами Алтая, Тиб[етских] скал и озером Иссык-куль. По его же проекту в 1863 году была организована т[ак] наз[ываемая] Зайсанская экспедиция по исследованию озера Зайсан и течения впадающего в это озеро Черного Иртыша на пароходе «Ура», дошедшем по реке до урочища Актюбе.

В Сибирь Иван Федорович прибыл в 1857 году в чине капитана Генерального штаба на должность начальника штаба 24 пехотной дивизии в Тобольске. В 1859 переведен в Омск на должность обер-квартирмейстера корпусного штаба, в 1865 по образовании Западно-Сибирского военного округа назначен помощником начальника штаба округа, а в 1869 году – и начальником штаба, в каковой должности пробыл почти беспрерывно до 1890 года, когда в чине генерала от инфантерии и уволен в отставку по собственной его просьбе.

Независимо от исполнения этих, так сказать, прямых своих служебных обязанностей, он за свое более чем 30-летнее пребывание в Сибири многократно исполнял другие обязанности и поручения временного характера, каковыми, между прочим, были исполнение обязанностей полномочного комиссара по разграничению с Западным Китаем в 1862 году; в 1867 году исправлял должность Семипалатинского военного губернатора. В 1869 г. производил постановку государственной границы с Китаем от Шибин-Дебчи до Хабор-асу, а в 1883 г. в исполнение Петербургского договора с Китаем 1881 г. – новой границы от большого Алтая до хребта Саур и др. <...>*

Лично впервые мне пришлось увидеть Ивана Федоровича Бабкова в 1866 году, представляясь ему вместе с другими сотоварищами по Омскому кадетскому корпусу как помощнику начальника окружного штаба по случаю производства нас в офицеры. Тогда на вид ему было лет под сорок.

Высокий бравый мужчина с большими светло-рыжими бакенбардами, он производил довольно выгодное для себя впечатление, хотя держал себя по отношению к нам, молодым, только что испеченным фендрикам, исключительно начальником, внимательным, нестрогим, но начальником. Спросив каждого его фамилию, часть, в которую вы-

* Выдержки из данной работы см. в Разделе 2. – Прим. сост.

шел на службу, он обратился ко всем нам с краткой приветственной речью, какие обыкновенно говорятся в таких и, пожелав всякого благополучия и успехов по службе, отпустил нас по домам, как говорится, с миром.

Вторично мне пришлось увидеться с ним через 11 лет после этого, по выходе из Петровской академии, представляясь ему по приказанию командующего войсками округа ген[ерал]-ад[ъютанта] Казнакова как начальнику окружного штаба в качестве предполагаемого первого старшего адъютанта подведомственного ему штаба. Теперь на вид ему было уже лет пятьдесят, баки сбриты, волосы короткие с сильной проседью обрамляли довольно большую уже тогда лысину, известную по его портретам более позднего времени.

Узнав, кто я такой и по чьему приказанию явился, Иван Федорович поздоровался со мной за руку и пригласил к себе в кабинет.

– Рад познакомиться, – сказал он, указывая на стул против себя у письменного стола, – желание Николая Геннадьевича для меня закон.

Мы сели. Помолчав немного, он вновь заговорил:

– Вы, кажется, получили высшее специальное образование в Петровско-Разумовской академии?

– Точно так, – ответил я.

– Что же Вас заставляет идти на службу не по своей специальности?

– Неимение в крае и своем казачьем войске соответствующего специальности места, а служить должен как бывший войсковой стипендиат.

– Вот это мне нравится, – заметил он на это, иронически улыбаясь, – иметь и содержать за счет казны стипендиата и не знать, куда с ним деться по окончании курса… Жалею Вас. И в штабе Вам приведется заниматься не тем, к чему Вы себя готовили. Боюсь, как бы канцелярское дело и постепенное писание представлений, отношений, предписаний и проч., и проч. не заело Вас и не заглушило лучших Ваших стремлений быть полезным действительно делу…

Развивая свою мысль далее и переходя в обычный для него шутливый тон, он стал приводить мне примеры того, как люди вполне разумные и подававшие в молодости большие надежды, от продолжительной канцелярской работы постепенно тупели и обращались в шаблонных «канцелярских дел мастеров».

– Вот к примеру, – сказал он, переходя определенно, как мне показалось, в заученный шарж, – взять хотя бы меня. Мне не в шутку иногда

приходит в голову мысль, что мне грозит умопомешательство, как гоголевскому Поприщину: придете Вы, будущий старший адъютант штаба, ко мне с кипой подготовленных к докладу бумаг и застанете меня не обычно сидящим вот за этим письменным столом, а скромно прижавшимся вот к этому шкафу с книгами, а на груди у меня красуется бумажка с собственной моей надписью «Дело № 76.835». Вот что, кажется, угрожает мне в недалеком будущем, - закончил Иван Федорович, поднимаясь со стула и подавая мне руку на прощанье.

– Ну, будем надеяться, что с Вами этого не случится, – были последние слова, сказанные с добродушной улыбкой уже в выходных дверях его кабинета.

Озадаченный несколько полушутливым пророчеством будущего своего начальника, я не на шутку задумался над делаемым мной переходом из гимназии в штаб, возвращаясь домой. Вскоре я, впрочем, успокоился, узнав от новых своих сослуживцев, что тон и язык, которым заговорил со мной генерал под конец своего приема, обыкновенный его тон, когда он в хорошем расположении духа и доволен своим собеседником. В справедливости этого успокоительного разъяснения я и сам убедился, прослужив с Иваном Федоровичем в звании старшего адъютанта, штаб-офицера для поручений при командующем войсками и секретаря географического отдела в сложности более семи лет. Полуэзоповский язык более или менее удачных и остроумных анекдотов, намеков, шаржей, шуток, каламбуров, пародий и напускной наивности, граничивших иногда с шутовством и балагурством былых времен, были обычной манерой разговора его с людьми, которых он хорошо знал и скромности которых доверял. Не щадил он при этом зачастую и собственную особу, изображая себя в смешном положении между Сциллой и Харибдой, как то упоминается им самим и в его помянутых выше «воспоминаниях». Между моими сослуживцами и хорошими знакомыми Ивана Федоровича немало ходило в то время рассказов про его остроты, изречения и шутки. Привожу некоторые из них для характеристики покойного первого председателя здешнего отдела географического общества, насколько мне не изменяет память.

О должности своей начальника окружного штаба и присвоенных ей штатами генерал-лейтенантский чин и большое значение он был весьма и весьма невысокого мнения:

– Что вы мне толкуете, – говаривал он не раз, когда речь заходила на эту тему, – начальник штаба, да начальник штаба, генерал-лейтенант!

Темная планета, не больше, планета, получающая весь свой свет да теплоту от солнца – командующего войсками, при котором она состоит и около которого вертится. Он может весь осветить, обогреть и даже, ежели где понадобится, отраженным от своего солнца огнем, но стоит этому солнцу отвернуться от него, и он обращается в ничтожество, в темное инертное тело, от которого никому ни тепло, ни холодно.

Находясь в другом настроении, он на ту же тему о значении должности начальника штаба отвечал:

– Начальник штаба – это цепная собака, которая, охраняя особу и имущество своего господина, лает на всякого, кто взойдет на двор ее хозяина, но стоит этому хозяину цыкнуть на нее, и она замолкнет, залезая, поджавши хвост, в отведенную ей конуру.

Других более лестных для этой должности определений я от него не слыхал.

Об офицерах Генерального штаба:

– Нет, нет, Александр Павлович, – говорит Иван Федорович, обращаясь к стоящему перед ним полковнику, ст[аршему] адъютанту инспекторского отделения, – Вы уж сами пересмотрите эту бумагу, хотя она и не по вашему, а по строевому отделению… Видите ли, там все офицеры Генерального штаба сидят, где же им заниматься такими пустяками, они высшими соображениями заняты, все о России думают, а не о бумагах, того и гляди, что отправят или без адреса, или без своей скрепы… Слышали, про меня недавно анекдот пустили, вероятно, оттуда же, что будто я телеграммой возвратил дошедший до Москвы, адресованный в Петербург на имя Военного министра пакет только для того, чтобы, получивши его здесь, распечатать, спешно разыскать то место лежавшей в нем бумаги, где, я вспомнил, не было поставлено где следует запятой, так собственноручно поставить эту запятую и вновь, запечатав бумагу в тот же конверт, приказать немедленно сдать его на почту. Вот они каковы! Где уж их отвлекать от дела такими пустяками, пусть себе думают о более важных предметах да следят за вакансионными списками, чтобы не пропустить назначения на более соответствующие их способностям высшие должности… Я мешать переводу их не буду, зачем вмешиваться в законы естества, ведь иронические пути движения по службе офицеров Генерального штаба предначертаны уже на самом звездном небе.

Дисциплина

– Дисциплина, – говорит мне Иван Федорович серьезным тоном, – в военном деле важнее всего, без дисциплины армия не армия, толпа. Конечно, не та, мордобойная, бессознательная муштра, что у нас во многих строевых частях зовется дисциплиной, да и не всероссийская распущенность. Дисциплина – это военная вежливость, поэтому, говорят «волтерианцы», что она обезличивает человека. При полном соблюдении дисциплины можно сохранить свое человеческое достоинство в тех случаях, когда начальник, забывшись, например, скажет тебе грубое слово… Он тебе грубо, а ты ему вежливостью, ставши во фронт и приложив руку к козырьку: «Вы, мол, Ваше превосходительство, изволите ошибаться, ибо дело в том, что, и т. д., т. д…» Он тебе еще грубостью, а ты ему еще вежливее: «Позвольте де доложить, Ваше превосходительство, не в обиду будет Вам сказано, Ваше превосходительство, так поступать, как Вы, Ваше превосходительство, могут только свиньи, как Ваше превосходительство…», – не отнимая, конечно, при этом руку от козырька. Или еще как-нибудь вежливее, в случае крайности можно и по физиономии съездить, но обязательно в бархатной перчатке, а ни как-нибудь голой рукой или отставляя ногу… Вежливость прежде всего, так требует воинская дисциплина.

Поищите в архиве

– Ну, Василий Александрович, – говорит Иван Федорович, обращаясь к одному из ст[арших] адъютантов штаба, возвратившись с доклада от командующего войсками округа, – Вам предстоит серьезная работа: командующий войсками приказал составить проект переформирования окружного музыкантского хора с причислением его вместо штаба к резервному батальону...

– Но ведь, Ваше превосходительство, – отвечает на это адъютант, – всего пять лет тому назад этот хор по разным основательным причинам отчислен от этого же батальона к штабу, теперь опять обратно…

– Ну что ж? И опять обратно, так желает командующий войсками.

– Какие же мы будем приводить теперь доводы, на этот раз мы уже высказались против!

– Не мы, а командующий войсками.

– Так пусть он и пишет, приводя свои доводы против.

– Вот, вот, Вы всегда так со своими рассуждениями, так в военной службе нельзя, раз начальство высшее приказывает, наше дело исполнять его приказы, а не рассуждать.

– Где же я возьму доводы за его представление, раз я против этого, а сам он не указывает их?

– А архив наш на что? Поищите в архиве, там, конечно, хранится еще дело с представлениями и мотивами за то, чтобы хор был именно при резервном батальоне, а не при каком-либо другом учреждении. Рассмотрите это дело и повторите те же доводы, что там приведены… Ведь и тогда были люди не глупее нас, еще почище нас писали, не без основания же здешнее представление было уважено тогда министерством…

– Но, Ваше превосходительство… – мнется адъютант, не зная, как принимать слова генерала, за шутку или всерьез.

– Никакого тут «но» нет, разыщите дело в архиве и посмотрите доводы… «опыт де подсказал, что…» и т. д., и т. п. Ведь вон, в Англии, существуют же две господствующие равносильные политические партии – «виги» и «тори», либералы и консерваторы, поочередно становящиеся уже столько лет у правительственного кормила. Сегодня одна, завтра другая партия, и ничего от этой замены одних другими Англия, кроме удовольствия, не чувствует: сегодня одна партия начинает делать глупости, завтра другая их исправляет, и наоборот, когда эта в свою очередь тоже начинает глупить, первая ее поправляет… Сегодня Гладстоук, а завтра Биконсфильд или Салисбери, люди все умные и любящие свою родину. Так и у нас пусть будет: сегодня штаб, завтра батальон, а послезавтра опять штаб…

Генерал и его адъютант оба хохочут над такой параллелью, а последний, кроме того, и в самом деле отправляется в архив поискать требующееся «дело» на всякий случай, не найдется ли в нем чего-либо подходящего для проведения в жизнь начальнической мысли о хоре. Таких и подобных им «смешных» сцен и разговоров между начальником и его подчиненными я мог бы привести много, но ограничиваюсь и приведенными, уважая память почтенного Ивана Федоровича. Смех сквозь слезы доводили его иногда чуть не до истерики, а потому не мудрено, что он, как говорится, спал и видел свой выход в отставку как «избавление» от служебных интриг, зависти, зломыслия, злоязычия и надменных выходок людей, под поддельным служебным величием которых скрывалось иногда полнейшее ничтожество, как пишет он в своих «Воспоминаниях».

Но и отставка не всегда виделась ему благодатным отдыхом. Не раз бывало, как придет к нему его тезка, тоже Иван Федорович Соколов, полковник, старший адъютант хозяйственного отделения штаба, с портфелем, переполненным разного рода денежными документами.

– Ох уж эти мне ассигновки да талоны, – говорит он, обращаясь к своему тезке, – поплачусь же я когда-нибудь за них... Вы хорошо их просмотрели, Иван Федорович?

– Как же, Ваше превосходительство, – отвечает тот, – просмотрел, ручаюсь, что ошибок нет, все подсчитано и проверено.

– То-то, – говорит генерал, берясь за перо, чтобы начать подпись денежных документов, – а то сколько я их уже переподписывал на своем веку, иной раз ужас берет за свое будущее, и отставка не избавит от ответа за прошлое. Представьте себе положение отставного генерала, доживающего свой век в Петербурге, ну, конечно, где-нибудь на Песках или в Петербургской стороне, как полагается отставным генералам, в пятом-шестом этаже каменного ящика, сидит он себе в своей конурке и пишет никому не нужные воспоминания о своей службе дорогому отечеству. Вдруг властный стук в двери. Он вскакивает от неожиданности, иноходью подбегает к входной двери и, не отворяя ее, спрашивает:

– Кто там?

– Городовой такого-то участка, – откликается такой же властный голос. – Отоприте!

– Слушаюсь, – говорит робко генерал, уже заранее предчувствуя что-то недоброе, и отворяет дверь.

Показывается величественная фигура столичного городового при шапке и револьвере с портфелем подмышкой.

– Вы будете генерал Бобков? – спрашивает он, отыскивая что-то в портфеле.

– Так точно, – еще более оробевши отвечает генерал Бобков, пропуская блюстителя порядка в комнату.

– Так вот, Вам повестка, – говорит городовой, вытаскивая из портфеля бумажку, подписанную местным частным приставом, – извольте завтра к 8-ми часам утра явиться в часть для объяснения по начету на Вас за прежнюю службу в Омске 5676 рублей 76 ½ копеек, неправильно отпущенных Вами из казны туда-то и туда-то.

В другой раз о той же отставке совершенно иной разговор. В этот день генералу исполнилось 34 года его службы, поэтому он в хорошем расположении духа, предвкушая возможность скорого ухода в отставку

с полной пенсией за 35-летнюю службу и чином полного генерала. Входит один из адъютантов и, видя сияющее лицо довольного начальника, тоже улыбаясь, говорит ему:

– Ваше превосходительство, сегодня прекрасно выглядите: свежее лицо, добрый веселый вид…

– А знаете почему? – отвечает тот. – С сегодняшнего дня мне остается ровно год до увольнения от службы, только год, не больше. Мне исполнится 35 лет тяги служебной лямки, я ее тогда бросаю и делаюсь вольный казак. Прощайте, не поминайте лихом. Будет, довольно, на отдых. В первый же год жизни на свободе постараюсь побывать за границей, месяца на два, на три… подышать свежим воздухом, где-нибудь на воде, в Карлс-баде, Баден-Бадене или на Женевском, Боденском озерах, Ницце, на Ривьере и проч., и проч. Буду себе посиживать где-нибудь на взморье, дыша теплым, влажным здоровым воздухом или на музыке за столиком с сигарой в зубах и кружкой пива в руках «среди граждан страны свободной» и с легким сердцем поносить свою родину и деспотическое правительство России…

Не знаю, побывал ли Иван Федорович за границей после действительного увольнения его в отставку в 1890 году, но относительно жизни в теплом климате при взморье мечты его сбылись, он поселился в Кры-

Здание музея ЗСОИРГО. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 1908.

му в гор. Феодосии, где и помер в 1905 году, оставив после себя большой том «Воспоминаний о службе в Западной Сибири», вышедший в свет в 1912 году. Воспоминания доведены только до 1875 года, а потому в них мы не находим ничего, касающегося Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, председателем которого он был 12 лет, начиная с 1877 года по 1890 год.

О деятельности его как председателя отдела за весь этот период будет сказано в своем месте при обзоре работ отдела как такового в совокупности всех его членов. Здесь я вкратце отмечу лишь то, что работать ему приходилось при самых скудных денежных средствах, отпускаемых отделу от казны (всего по 2000 рублей в год) и бесплатном труде не только рядовых членов отдела, не имевших по отношению к нему никаких определенных обязательств, но и должностных его членов, начиная с самого его как председателя и кончая его ближайшими помощниками: правителем дел, библиотекарем и хранителем музея, людьми все занятыми по прямым своим должностям в других учреждениях. И тем не менее, как увидим, за этот период географический отдел работал с должным успехом, устраивая научные собрания, выслушивая полные интереса рефераты, снаряжая научные экспедиции и поездки своих членов, подбирая в свою библиотеку необходимые книги, обогащая музей безвозмездно ценными экспонатами и проч., и проч.

Одновременно с этими, так сказать, «текущими» административными занятиями по географическому отделу, он, как оказалось потом, не оставлял и чисто научных личных работ по записи выдающихся в истории края событий, подбору копий и выписок из замечательных в том или ином отношении официальных документов, донесений о пограничных с Китаем и ханствами Средней Азии делах и проч.

Все это, как теперь сделалось известным, легло в основу тех замечательных и интересных во многих отношениях «Воспоминаний» его, которые несомненно займут видное место в числе материалов, необходимых для всякого, кто, занимаясь историей Сибири, будет касаться истории покорения и занятия нашего Степного края и Средней Азии, истории топографического и вообще геодезического обследования этих краев, нашей политики по отношению к инородческому и русскому населению, колонизации их и благоустройству, характеристики местных деятелей его времени и проч., и проч.

Сколько мне известно, в нашей исторической литературе, ввиду весьма скромного заглавия «Воспоминаний» Ивана Федоровича,

имеющих как бы личный характер описания служебной деятельности малоизвестного генерала, не обращено еще достаточного внимания, а между тем они вполне его заслуживают, заслуживают тем более, что представляют собой не компиляцию из более или менее известных уже сочинений, не извлечение из архивных дел, наполненных официальностью чаще всего с односторонним освещением событий переписки, а «первоисточник», основанный не только на книжном и «бумажном» материале, имевшемся в распоряжении автора, но и на личном участии в событиях и непосредственных наблюдениях за ними самого писавшего.

В вышедшем томе «Воспоминаний» Ивана Федоровича 575 печатных страниц большого формата и убористого шрифта, разделенных на 4 части в 23 главы. В изложении событий автор придерживается по возможности хронологического порядка, начиная с 1857 года, т. е. с приезда его в Сибирь. По содержанию труд его относится, главным образом, к четырем сферам его научных работ, наблюдений и непосредственного участия в жизни Сибири вообще и Степного края в частности, а именно:

1. История геодезического обследования и хода топографических работ в крае вообще и приграничных его районах под ближайшим руководством автора «Воспоминаний» в особенности.

2. Исторического обзора важнейших событий в крае за время должного пребывания автора в Сибири (главным образом Степного края) с характеристикой участников событий, основанной в большинстве на личном знакомстве с ними самого автора.

3. История наших отношений со среднеазиатскими ханствами и связанными с этими сношениями занятий и устроении русскими Призайсанского и Семиреченского края при личном, во многих случаях, участии автора.

4. Выдающейся роли автора воспоминаний в деле разграничения Китая и России в 1862–1869 годах в исполнение Пекинского договора, заключенного в столице Небесной империи в 1860 году нашим уполномоченным послом гр[афом] Н.П. Игнатьевым, и основанных на этом переговоров с китайскими комиссарами весенних от имени русского первенства в Чугучаке в 1862 г. главным нашим комиссаром И. Ф. Бабковым.

Одновременно с ведением переговоров с китайцами по пограничным вопросам в Чугучаке на И.Ф. Бабкова возложено было руководство инструментальной съемкой приграничной полосы, прилегающей к за-

падным пределам Китая и, прежде всего, тех местностей в ее районе, которые оказывались наименее исследованными в топографическом отношении. «Должно сказать, – пишет он в своих воспоминаниях, – что в то время, когда были открыты переговоры в Чугучаке, топографические съемки в Западной Сибири и в областях Киргизской степи сибирского ведомства получали уже достаточное развитие и обнимали собой значительную площадь этой отдаленной страны. Так, в пределах Томской губернии была произведена еще в 1838 г., а также и в период с 1842 по 1847 годы топографическая полуинструментальная глазомерная съемка в масштабе 2 версты в дюйме. Восточный район этой съемки обнимал собой Кузнецкий и Бийский округа (уезды) Томской губернии, прилегающие к западным приделам Китая в пространстве от пограничного знака Шабин-Дабата до р. Бухтармы и Нарым[а]. Что же касается съемок Киргизской степи сибирского ведомства, то начало их относится к 1832 году.

В то время, а именно, в сороковых годах, когда возник мятеж киргизского султана Кенисары Касымова, встретились немаловажные затруднения в правильности и безостановочном производстве топографических работ в степи. При тогдашнем тревожном положении дел наши съемщики должны были постоянно опасаться нападения киргизских хищников и вследствие сего соблюдать особую бдительность. Все это до крайности стесняло топографов в их занятиях, и сами съемки не могли быть исполнены в том объеме и в тех размерах, как это было предположено по первоначально составленному плану».

«Тем не менее рекогносцировки Киргизской степи, начатые подполковником Бутовским еще в 1832 г. и продолженные полковником бароном Сильвергельмом в 1837-1839, 1842-1843 гг., доставили возможность обозреть и снять на план все пространство Киргизской степи от р. Иртыша до р. Чу и озера Балхаша. После того в 1851 г. было произведено обозрение путей, ведущих от наших крайних опорных пунктов в с[еверо]-в[осточной] части Кирг[изской] степи, от укреплений Аягузского (ныне гор. Сергиополь) и Кокпектинского к Чугучаку. Обозрение это было предпринято с целью водворить вооруженное население (т. е. казаков) в соседстве от путей и тем содействовать к поддержанию в степи надлежащего порядка и спокойствия, столь необходимого для осуществления видов предводительства относительно устройства правильных торговых сношений с городами Западного Китая. Обозрение путей от Аягуза и Кокпектова к Чугучаку возложено было на капитана,

генер[ала] шт[аба] Гутковского, под руководством которого был снят в 1851 году маршрут от Аягуза к Чугучаку до реки Бахты. В следующем году было избрано на этом пути при Урджаре (по-китайски Юрь-яль) место для казачьей станицы, в которой вскоре и были поселены сибирские казаки (станица сущ[ествует] и теперь, числясь с 1879 года за Семиреченским казачьим в[ойском], выделенным из Сибирского).

Таким образом, к 1854 г. южные пределы съемок, произведенных в восточной части Киргизской степи, обозначились Балхашем и низовьями р. Или. Между тем, при тогдашнем положении дел на юго-востоке Киргиз[ской] степи нам было необходимо по соображениям политического характера окончательно упрочить наше владычество и влияние в Большой орде, принять участие в делах Коканда и, вместе с тем, сблизиться с дикокаменными киргизами, через кочевья которых пролегали пути.

Занятие Заилийской долины вооруженным населением признавалось мерой, наиболее соответственной видам правительства. Понятно, что для осуществления этих предположений необходимо было энергично продолжать научные рекогносцировки в пределах юго-восточного района Киргизской степи. А потому генерал Гасфорд вскоре по вступлении своем в управление войсками и краем начал было окончательно утверждаться в Заилийской долине, находил необходимым, отложив на время топографическую съемку в Семиреченском крае, произвести безотлагательно военно-топографическую съемку Заилийского края, распространив ее до северных острогов Тянь-Шанского хребта и верховий р. Чу. Съемка эта была начата в 1855 г. корпуса военных топографов штабс-капитаном Ворониным.

После того съемка в районах Заилийского края постепенно продолжалась в течение последующих семи лет, сначала в восточной, а потом в западной его части, где и примкнула к прежним съемкам, произведенным в пятидесятых годах. Для связи же этой съемки с той, которая была начата еще раньше в Семиреченском крае, была произведена в 1858 г. съемка к северу от реки Или, по направлению главного тракта от укрепления Илийского (ныне казачий поселок при р. Или) до города Копала и далее до р. Аксу. В следующем 1859 году корпуса военных топографов шт[аб]-кап[итаном] Нифантьевым были сняты северная часть Семиреченского края на пространстве между озером Балхашем и р. Караталом до пограничного хребта Алатау и на севере до песчаной полосы, которая тянется от оз. Ала-куль к северной оконечности оз. Балхаша.

Описанная выше топографическая съемка, произведенная в пределах Семиреченского Заилийского края, дала превосходный материал для составления карты всего юго-восточного пограничного района степи. Но для этого необходимо было прежде всего иметь прочную математическую основу, т. е. достаточное количество астрологических определений географических координат, посредствам которых можно было бы ввести произведенные съемки в географическую сеть. Для этой цели в 1859 году была снаряжена экспедиция в Заилийский край под начальством капитана Генерального штаба Голубева*. В течение весны и лета 1859 г. А.Ф. Голубев определил географическое положение 17 пунктов в Семиречье и Заилийском крае, и, в том числе, двух главных городов Западного Китая: Чугучака и Кульджи. На основании этих определений была составлена в 1860 году карта Семиреченского и Заилийского края в 50 в[ерст] масштаба.

Произведенные до 1847 года съемки в губерниях Западной Сибири и Киргизской степи, а также астрологические определения около различных пунктов, сделанные в этом крае в 1843 г. астрономом Федоровым, доставили солидный материал для составления карт Западной Сибири и Киргизской степи сибирского ведомства. Карта эта была составлена в 1847 году в масштабе 50 в[ерст] в дюйме при Генеральном штабе Отдельного Сибирского корпуса (в Омске) и в следующем отгравирована при военно-топографическом депо»**.

---

* Это тот самый А.Ф. Голубев, портрет которого, исполненный масляными красками, висит в т[ак] наз[ываемом] Голубевском зале здания Зап[адно]-Сиб[ирского] отдела географического общества в Омске. В честь его и именуется этот зал в благодарность его брату, пожертвовавшему на постройку здания отдела солидную сумму, в память брата, много проработавшего на географическое обследование того края, имя которого носит Зап[адно]-Сиб[ирский] отдел географического общества.

** Подлинник этой карты (едва ли не уник[альной]), принадлежавшей, повидимому, самому генерал-губернатору Зап[адной] Сиб[ири] Гасфорду, прекрас[но] сохранившейся в особо приготовленной картонке, совершенно случайно был найден мною и приобретен у известного петербургского антиквара книгопродавца Клочкова. Как и когда он к нему попал, не знаю, купил я его в 1914 году в целях поднесения Зап[адно]-Сиб[ирско]му отделу географического общества в качестве ценного в научном отношении подарка, но, к великому моему сожалению, не успел этого сделать своевременно, так как в январе месяце 1920 года при бывшем у меня политическом обыске и последовавшем затем аресте в Иркутске, карта эта из моего чемодана исчезла. Кому и зачем она понадобилась, не знаю. Вместе с ней исчезли и редкие, не встречающиеся уже в продаже экземпляры сочинений Левшина «Описание киргиз-кайсацких орды и степей», изд[ание] 1832 г. с картой киргизских степей того времени, «Орен-

«Впоследствии, по мере накопления материалов из съемок, произведенных после 1847 года, и из астрологических определений географических координат, сделанных капитаном Голубевым, оказалось возможным исправить означенную карту (конечно, только в смысле большей точности и в обозначении положения того или иного пункта или урочища, означенного на первой карте). Это исправление было сделано два раза: в 1851 и 1861 году. В том же 1861 году была окончена гравированием на камне и специальная карта Западной Сибири и Киргизской степи в масштабе 10 в[ерст] в дюйм на 130 листах».

Наиболее слабым местом обеих карт, по словам автора «Воспоминания», был Призайсанский и Кургумский район Западной Сибири. Весь этот район, фактически находившийся тогда еще во власти Китая, но по русскому толкованию Пекинского трактата подлежавший включению в русские пределы, был нанесен на наши карты исключительно по расспросным сведениям, добытым поручиком корпуса в[оенным] топографом Ворониным. Воронин же сам заимствовал их от бывшего смотрителя Бухтарминской рыбалки Сибирского казачьего войска есаула Недорезова, составившего рукописную карту озера Зайсана, а также от местных калмыков, наших рыбопромышленников и обычных крестьян Бухтарминского края. Ехать при таких данных о крае во главе разграничительной комиссии в качестве главного комиссара, каковым был, как сказано, назначен И.Ф. Бабков, было нельзя, довольствоваться

бургская топография» Рычкова, изд[ание] 1752 г., по которой, как известно, составлен был изданный Оренб[ургским] отд[елом] геогр[афического] общ[ества] в 80-х годах прошлого столетия современником Рычкова Красильниковым географический атлас Оренбургского края и степей Большой, Средней и Малой Киргизских орд. Исчезнувшая при обыске карта в настоящее время была бы тем более ценной, что такой более нигде уже не существует, между тем на ней нанесено было многое из того, чего теперь в натуре уже нет, и не имеется то, что вновь появилось после ее составления. Я говорю о существовавших тогда таких населенных русскими пунктах (укреплениях в степи), как Кушмурун, Яман-карачай, Джаргаин-агач, Улутку, Актку, Уч-Булан и нек[оторых] др[угих] с пролегавшими между ними и вообще в степи почтово-транспортными трактами и укрепленными станциями, теперь уже не существующими, равно как и о торгово-караванных путях, шедших через степь из Бухары и Ташкента на Оренбург, Троицк, Петропавловск, Семиярск, Семипалатинск, Устькаменогорск и др., пограничные со степью русские поселения. Наоборот, там, где теперь находятся русские поселения, значились или пустыри, никем не заселенные, или урочища с названиями, которых теперь совсем не существует, или они заменены другими более нового происхождения. В общем, сравнение этой карты с современными наводило на многие серьезные мысли и сопоставления старого с новым.

же китайскими картами начала XVIII столетия и составленной на основе их (с некоторыми поправками) картой нашего есаула И.И. Захарова (впоследствии профессора С.-Петербургского университета), было стыдно. Назначенные в виду этого для производства топографической съемки этого края топографы Стрельников и Нифантьев при всем их усердии и энергии в лето 1862 г. по разным вполне уважительным причинам закончены быть не могли. Так как начатые в то же время в Чугучаке переговоры разграничительной комиссии по причинам, о которых будет сказано ниже, также не привели ни к каким положительным результатам, то по плану И.Ф. Бабкова в следующем 1863 году решено было снарядить в тот край особую разведочную экспедицию под прикрытие военного отряда достаточной силы.

«Необходимость выдвинуть такой отряд, – пишет И.Ф. Бабков, – на Черный Иртыш обуславливалась не только потребностью обеспечить беспрепятственное производство топографических работ по всему району, но вызывалась и соображениями политического характера. Нам необходимо было заранее показать китайцам, что мы решительно и неотступно считаем Зайсанский край принадлежащим России на основании Пекинского трактата. Приведенные соображения побудили меня энергично взяться за дело организации Зайсанской экспедиции и принять в ней личное участие. В течение зимы 1862-1863 года мною были сделаны все подготовительные распоряжения, чтобы иметь возможность ранней весной 1863 года открыть топографические работы на всем пространстве пограничного района к северу и югу от оз. Зайсан и в то же время предпринять движение с более самостоятельным отрядом в долину Черного Иртыша к Китайскому пикету Маниту-Гатул-хан. В ряду этих мер особенно важное значение имело устройство пароходного плавания по оз. Зайсану и Черному Иртышу. Удачный сплав 2 ½ рот 6 Зап[адно]-Сиб[ирского] линейного батальона вверх по Иртышу от Омска до Павлодара на пароходе купца Беренса подал мне мысль исследовать озеро Зайсан и р. Черный Иртыш относительно возможности устроить по этим водным путям переходное сообщение. Еще в Чугучаке во время моих бесед с тамошним нашим консулом К.А. Еначковым нами неоднократно возбуждался вопрос об изыскании и устройстве лучших и удобнейших коммерческих путей из России в Чугучак для развития нашей торговли с Западным Китаем. Ввиду возникшего тогда вопроса о проложении железной дороги от г. Перми до Тюмени оказывалось возможным отправлять товары от Нижнего Новгорода

почти до самого Чугучака по искусственным путям, а именно: по р. Волге и Каме до г. Перми, оттуда по железной дороги до Тюмени и затем по рекам Западной Туре, Тоболу и Иртышу и, наконец, по озеру Зайсану и Черному Иртышу до пикета Маниту-Гатул-хан. Отсюда оставалось только 80 верст караванного пути до г. Чугучака. Вспоминая мои длинные диспуты на эту тему с уважаемым К.А. Скачковым, я решился безотлагательно воспользоваться благоприятными обстоятельствами для осуществления этой мысли. Прежде всего я предложил купцу Беренсу сделать на принадлежащем ему пароходе «Ура» рейс по озеру Зайсану и Черному Иртышу. После продолжительных объяснений моих с Беренсом он согласился на мое предложение. Оставалось испросить разрешение у генерал-губернатора Зап[адной] Сибири А.О. Дюгамеля. На этот раз Дюгамель, с особенным вниманием выслушав мой доклад, склонился на представленные мной доводы. Так как из лиц, состоявших в его распоряжении по особым поручениям, был, между прочим, полковник Зряхов, служащий прежде в Балтийском флоте, то Дюгамель приказал мне возложить на него наблюдение и руководство при предстоящем плавании, которое, представляя собой первый опыт парового плавания по озеру Зайсану и Черному Иртышу, требовало особой осторожности и осмотрительности. Соблюдение этих указаний было более всего необходимо на пространстве между гор. Устькаменогорском и станицей Бухтарминской, где река Иртыш, стесняясь высокими горами, имеет значительную быстроту течения, могущую воспрепятствовать пароходному плаванию»*.

План работ, намеченный таким образом И.Ф. Бабковым, был почти полностью выполнен в лето 1863 г.

Ранней весной этого года весь состав экспедиции был уже на своих местах: четыре роты пехоты, пять сотен казаков с соответствующим числом ракетных станков и конная батарея казачьей артиллерии, разделенные на девять партий, стали на назначенные для них пункты обследуемого района, явились на месте и топографы, разделенные на

* Первый пароход, проплывший вверх по Иртышу до города Семипалатинска принадлежал тому же Беренсу. Буксирный пароход его «Работник» в первый раз прошел из Тюмени в Омск в 1862 г. и, дойдя в том же году до Павлодара и Семипалатинска, возвратился обратно в Тюмень. В том же 1862 г. начатый проведением через Сибирь первый телеграфный провод доведен был до города Омска, который с этого времени и получил впервые возможность сообщаться по телеграфу через Екатеринбург и Казань с обеими столицами.

три партии. Одновременно с этим для астрономического определения опорных пунктов, необходимых для связи топографических работ, прибыли и астрономы экспедиции: правитель дел пограничной комиссии К.В. Струве и один из комиссаров ее, помянутый выше капитан Голубев. Принял участие в экспедиции и сделавшийся впоследствии столь известным путешественником Гр[игорий] Ник[олаевич] Потанин, временно проживавший в Омске после удаления из Петербургского университета, и приглашенный К.В. Струве в состав экспедиции в качестве официального переводчика киргизского языка. Поплыл вверх по Иртышу и обещанный Беренсом мелководный пароход «Ура» под предводительством полк[овника] Зряхова.

Не дремали в то же время, как оказалось, и китайцы, толковавшие Пекинский трактат гр[афа] Игнатьева несколько иначе, чем русские во главе с И.Ф. Бабковым. Считая вкравшееся в русский экземпляр трактата при описании вновь проводимых границ слово «постоянных» китайских пограничных караулов за простую описку русского писца, каковой якобы в китайском экземпляре документа нет, китайцы вознамерились удержать за собой всю ту часть Призайсанского и Курчумского района, которая фактически с древних времен числилась за Китаем, и грань которых с Россией охранялась лишь кое-где не постоянными, а выставленными лишь на летнее время китайскими пикетами. Китайцы спешили с ранней весны занять эти временные посты своими войсками. Того же старались достигнуть и русские, заняв опорный район (до постоянных караулов) ранее китайцев. Отряды той и другой стороны встретились, и в некоторых местах дело дошло даже до вооруженного их столкновения. А именно: 31 мая наш комиссар А.Ф. Голубев, предполагая произвести астрономические наблюдения при китайском пикете Борохуцзир, долженствовавшем явиться граничным пунктом наших владений, придвинул туда казачий отряд, состоявший при нем, и сообщил о своих намерениях начальнику китайского отряда, послав для этого к последнему поручика Антонова и хорунжего Елгина при девяти казаках-артиллеристах. Принятые первоначально дружелюбно, они на обратном пути неожиданно подверглись нападению китайцев, причем поручик Антонов и трое казаков были убиты, а хорунжий Елгин тяжело ранен. Преследуя остальных, китайцы открыли по ним огонь. Это заставило и кап[итана] Голубева отвечать тем же. Отошел от занятого было им около пикета места к урочищу Китмурун, но через две недели после этого подвергся новому нападению китайцев, которые на этот раз

были не только отбиты, но и далеко преследуемы Голубевым с потерей 50 человек убитыми и захватом 15 вьючных орудий.

То же самое повторилось и в нескольких других пунктах намеченного к отграничению Призайсанского и Приилийского районов, при урочищах Бахты, Каркаре, Хабар-Асу, и вновь при том же пикете Барахуцзир, благодаря чему часть топографических и астрономических работ пришлось даже приостановить до августа месяца, когда благодаря появлению на Зайсане и в Черном Иртыше невиданного дотоле в том крае «огненного» русского самохода «Ура» и успешным действиям наших отрядов как китайцы, так и местное киргизское и калмыцкое население края не увидели, что русские на этот раз совсем не шутят. Даже сам начальник всей экспедиции полковник Бабков во главе нескольких соединенных на Черном Иртыше отрядов двинулся было вверх по нему к граничному при нем пикету при урочище Ак-тюбе. В августе все поправилось, и намеченная заранее по плану начальника экспедиции работа была полностью закончена каждым из участников ее в своей части.

Полковник Зряхов, плавая на пароходе «Ура» по озеру Зайсану и Иртышу, осмотрел попутно низовья рек Курчума и Букони, исследовал фарватер Верхнего и Нижнего Иртыша, наметил места для будущих пристаней и составил свободную карту всего своего плавания. Правитель дел пограничной комиссии астроном К.В. Струве определил географическое положение пикета при ур[очище] Ак-тюбе и 18 других опорных пунктов взятого для обследования района. Спутник его Г.Н. Потанин в качестве натуралиста собрал весьма ценный гербарий местной флоры и многие другие естествоисторические и общегеографические данные, легшие в основу скоро появившихся в Записках центрального географического общества в Петербурге больших его статей о летнем и зимнем рыболовстве на озере Зайсан. Топографические съемки в исследованном районе, как инструментальные, так и полуинструментальные (частью даже в пределах Китая), дали точное очертание берегов озера Зайсана и Верхнего Иртыша, определили их вид и величину, а астрономические очертания Струве и Голубева впервые дали возможность прочно установить действительное положение этого озера и окружающих его горных массивов Алтая и Тарбагата на географической сети. Все это в совокупности образовало собой солидный материал для составления более верной карты всего Призайсанского края. Таковы были научные результаты Зайсанской экспедиции, охватившей своими исследованиями и съемками площадь величиной в

16,830 кв. верст, вскоре после этого включенную в пределы России, что вместе с тем, что уже ранее фактически принадлежало нам, составило пространство в 25960 квадр[атных] верст с населением в 64000 д[уш] исключительно кочевников.

Формально передача указанной площади с ее населением из одних рук в другие состоялась 25 сентября 1864 года в Чугучаке после обмена сторон протоколами, написанными на русском и маньчжурском языках, с приложениями к ним и описанием на тех же языках карт пограничной полосы обоих государств. Представителями от России были и на этот раз главный полномочный комиссар пограничной комиссии И.Ф. Бабков и наш Кульджинский генеральный консул И.И. Захаров. Третий наш комиссар А.Ф. Голубев, по болезни находившийся в Сорренто и умерший там в том же году, явиться в Чугучак уже не мог.

Прокладку границы в натуре и установку граничных знаков на местах, ввиду вспыхнувшего в Западном Китае восстания Дунчак и вызванных им беспорядков среди приграничного населения не только в Китае, но и у нас пришлось отложить на несколько лет, осуществив таковые лишь в 1869 году под ближайшим руководством того же И.Ф. Бабкова. Описанию событий этих пяти лет равно и разрешительных работ, сопровождавшихся опять-таки топографической съемкой всей пройденной линии на протяжении верст и астрономическими наблюдениями опорных пунктов геодезистом разграничительной комиссии капитаном Мирошниченко, в «Воспоминаниях» И.Ф. Бабкова отведено почти 200 страниц. Читая эти страницы, нельзя не поражаться той широкой и глубокой осведомленностью, какой автор их обладал, участвуя в тогдашних событиях одновременно и как беспристрастный наблюдатель, летописец и историк всего, что делалось на его глазах, и как ученый специалист-географ, и как видный администратор, облаченный широкими полномочиями. Нужно иметь ввиду, что вскоре после завершения работ Чугучанской разграничительной комиссии автор «Воспоминаний» назначен был военным губернатором Семипалатинской области, в состав которой вошел почти весь вновь присоединенный район Призайсанского и Курчумского края. На него, как на губернатора, и возложена была задача первоначального устроения новых граждан России в связи со смутами на границе и за границей государства, подданными которого они недавно еще были. Не останавливаясь здесь на описании предпринятых по сему вновь назначенным губернатором мероприятий и отсылая желающих ознакомиться с ними подробнее к са-

мим воспоминаниям, замечу лишь, что одним из наиболее существенных мероприятий в сказанном направлении было основание в Призайсанском крае в 1868 году при речке Джеменей, вытекающей из предгорий Тарбагатая и Кендерлык, впадающей в Зайсан, двух русских военных (казачьих) поселений (станиц), из которых первое вскоре же обратилось в значительный город, названный Зайсаном. Город этот, благодаря удачному выбору для него места, приобрел теперь весьма важное для тамошнего края значение, служа военным памятником полезной деятельности И.Ф. Бабкова в этом крае.

Пребывание Ивана Федоровича в должности губернатора оказалось однако же непродолжительным, благодаря разного рода искательствам и интригам, о которых он упоминает в своих воспоминаниях лишь вскользь, ему пришлось в самый разгар кипучих работ и распоряжений по возведению на избранном им месте будущего города выехать в Омск для вступления в должность начальника Штаба Западно-Сибирского военного округа. Никогда не мог он примириться с такой заменой одной должности на другую, обращавшей его из самостоятельного «светила» в ту «темную планету», которая, по собственному его определению (о чем упоминалось уже выше), получала весь свой свет и теплоту только от того солнца (командующего войском в округе), около которого она вращается. За бытность губернатором он уже привык не заимствовать только эти источники жизни на земле от других светил, но и давать иногда другим свой собственный свет и теплоту.

«Более всего было прискорбно, – пишет он в своих воспоминаниях, – то обстоятельство, что я без всякого с моей стороны повода был устранен от дела, которому я посвятил в течение многих лет столько усиленных трудов и усердных занятий и успел с ним вполне ознакомиться и освоить его».

Как бы то ни было, но, «лавируя между Сциллой и Харибдой» своего нового служебного положения «в мире лжи, измены и обмана», ему пришлось пробыть в должности главного исполнителя чужих предначертаний еще целых двадцать лет (с 1869 по 1890), лишь изредка получая такие ответственные командировки, как помянутое уже разграничение с Китаем летом 1869 г. и таковое же в 1883 г., или «временно» заменять отсутствующих всяких своих начальников по исполнению ими обязанностей генерал-губернаторов и командующих войсками в Западной Сибири и Киргизском крае. Одно можно было сказать в пользу служебного положения, занимавшегося в эти годы Иваном Фе-

доровичем, это то, что будучи начальником штаба при главноначальствующем гражданской и военной частью обширнейшего края, он имел возможность за все это время в качестве ближайшего их докладчика и исполнителя приказаний всегда быть в курсе положения всех дел в крае и знать о том, что для других ведомственных начальников отдельных частей было совершенно недоступно. Благодаря этому и мы, читая теперь воспоминания Ивана Федоровича, имеем возможность находить в них такие подробности о положении тогдашних дел и ссылки на такие конфиденциальные документы, о существовании которых мог знать лишь человек, близко стоявший к большому делу и имевший в своем распоряжении письменные акты, какие могли адресоваться центральной властью только на имя лиц, облаченных широкими и всесторонними полномочиями.

Печать широкой осведомленности о положении дел лежит, как частью уже сказано выше, и на воспоминаниях Ивана Федоровича Бабкова о всех мероприятиях и заботах по утверждению нашей грани с Китаем, выполнявшихся под ближайшим его руководством в 1869 году. Предварительный доклад о них и географическое описание пройденного 2000-верстного пути было тогда же доложено им по возвращении из командировки общему собранию членов Русского географического общества в Петербурге и по постановлению Совета общества напечатано в его «Известиях» (Т. V, VI), а в VII томе особо напечатана его же статья «Сведения» о горных проходах в южном или пограничном Алтае».

К сожалению, мы не имеем таких же отчетов и сведений об участии И.Ф. Бабкова в пограничной комиссии 1883 г. по проведению новой грани с Китаем согласно Петербургскому договору 1881 года, по которому к владениям России присоединено озеро Мариакуль и пространство между с[еверо]-в[осточной] частью оз. Зайсан и р. Алкабак, впадающей в Черный Иртыш, взамен таковой же отрезки от наших владений части Кульджского района по реку Хоргос, ибо «Воспоминания» Ив[ана] Ф[едорови]ча, как сказано, доведены только до 1875 года, а в издаваемых Зап[адно]-Сиб[ирским] отделом географического общества «Записках», когда автор воспоминаний был уже председателем Зап[адно]-Сиб[ирского] отдела, почему-то об этом периоде его научно-административной деятельности не упоминается ни полусловом. Не находим мы ничего в изданиях отдела и о его прикосновенности к делам географического обследования Западной Сибири за время предпринятой в половине 1870-х годов по инициативе центрального геогра-

фического общества геометрической нивелировки Сибири от границ Оренбургской губернии (станица Звериноголовская) до Байкала, ни о топографических съемках в Киргизской степи, производившихся в тех же 1870-х годах в целях исправления и пополнения новыми данными съемок прежних лет, ни о триангуляционном проложении картографической сети (конец 1870-х годов) в направлении Акмолинск, озеро Денчиз, Баянаул и Каркаралинск, ни о нивелировке 1885 – 1886 годов от Петропавловска на Кокчетав, Атбасар и Акмолинск, связавшей Петропавловский репер географического общества с тригонометрической базисной сетью, проложенной пред тем от Акмолинска. Правда, все эти работы производились под ближайшим руководством бывших тогда начальников и военно-топографического отдела при штабе округа Маслова (десять лет), Некрасова и Мирошниченко, но инициатива, контроль и, главное, руководство работами в связи с общими правительственными и государственными задачами принадлежали начальнику окружного штаба, каковым за все это время был И.Ф. Бабков. Мне, как служившему тогда в штабе, если не прямо, то косвенно было достаточно хорошо известно о том, что делалось в топографическом отделе этого штаба. Пользуясь случаем, я свидетельствую, что все геодезические работы в крае, где бы и кем бы они не производились, всегда глубоко интересовали Ив[ана] Ф[едорови]ча, и мне не раз приходилось быть вольным и невольным свидетелем того, как он, принимая полковника Маслова о плане или ходе очередных топографических работ, горячо отзывался на всякие мероприятия в этой области, снабжая свои собственные практические и теоретические указания обычными своими «примечаниями», посыпанные той аттической солью и перцем, о которых я говорил уже в начале этой главы моих воспоминаний.

Повторяю: тем более малообъясненным мне кажется то равнодушие, если не сказать более, с каким Западно-Сибирский отдел географического общества, судя по его печатным изданиям, относился до сих пор к памяти и трудам своего первого председателя и члена-учредителя. Отдел до сих пор не имеет даже порядочного портрета, который можно было бы поместить рядом с портретами других лиц, часть которых, по моему мнению, с несомненно меньшим правом, чем он, украшает стены Голубевского зала здания Западно-Сибирского отдела. Биографический очерк жизни и трудов Ивана Федоровича, помещенный в «Юбилейном сборнике» отдела[125], изданном по случаю 25-летия существования последнего, прямо-таки поражает своей краткостью и безызвестностью

в ряду других там же помещенных очерков жизни бывших деятелей отдела и работников науки землеведения. Появившиеся в свете «Воспоминания» И.Ф. Бабкова, будем надеяться, дадут геогр[афическому] отделу достаточный материал для того, чтобы исправить ошибки и упущения прошлого.

Записки И.Ф. Бабкова о службе его в Сибири, восполняя наши сведения о деятельности его как многолетнего руководителя геодезических работ в Западной Сибири и Степном крае, в не меньшей мере ценны и как материал для суждений о нем как о высокопросвещенном и широкоосведомленном наблюдателе – летописце своего времени, оставившем потомству нелицеприятные записи событий, непосредственным свидетелем и участником которых в области военного и гражданского устроения края он был в течение тридцати с лишним лет.

Особого внимания, как отчасти было уже сказано выше, заслуживают ч. III, гл. 1; ч. IV, гл. 1, 2, 3, 4 записок (в совокупности более 100 страниц), касающиеся, главным образом, положения дел в Киргизской степи и работ так называемой «Степной комиссии», обозревавшей степи Сибирского и Оренбургского ведомств в конце 1860-х годов и выражавшей обнародованное в 1868 году Временное положение об управлении киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьими войсками. Сведения, сообщаемые И[ваном] Ф[едоровиче]м о работах Степной комиссии в связи с оценкой, основанной на его отличном знакомстве с историей и бытом как киргиз, так казаков названных двух войск, заслуживают полного внимания всех, кто интересуется прошлым и настоящим положением Степного края. Историкам этого края прямо-таки нельзя обойтись без прочтения того, что по этой части написано автором «Записок» или «Воспоминаний», не рискуя впасть в крупные ошибки.

Имея ввиду использовать «Записки» И[вана] Ф[едорови]ча в подготовляемом мной к печати исследовании моем «Об оседло-кочевой колонизации Степного края», когда изложение его будет доведено до второй половины XIX столетия, я не останавливаюсь здесь на дальнейшем разборе указанных выше глав его «Записок», отсылая интересующихся к самому подлиннику.

Не меньшего внимания заслуживают и те страницы книги И.Ф. Бабкова, которые касаются ближайшим образом деятельности бывших генерал-губернаторов Западной Сибири, кн[язя] П.Д. Горчакова, ген[ерал]-губ[ернатора] Г.Х. Гасфорда, А.О. Дюгамеля, А.П. Хруще-

ва и Н.Г. Казнакова, особенно Гасфорда и Хрущева, из которых первому в книге отведено 60 страниц, а второму (в разных местах) около 20.

О генерале Гасфорде немало было писано и другими авторами, касавшимися истории войны России с Наполеоном, Венгерской кампании и присоединения к русскому государству Семиреченского края. Писали о нем также известный вице-президент Рус[ского] геоґр[афического] общ[ества] П.П. Семенов-Тян-Шанский, лично познакомившийся с Гасфордом во время своей поездки в Сибирь и Семиречье, и кавказский генерал-писатель Филинсон. Жизнеописание его внесено и в Русские военно-исторические словари. Особенно полно касается его последний незаконченный еще выходом обширный «Русский биографический словарь». Все это, однако же, нисколько не уменьшает ценности и того, что помещено в «Записках» И.Ф. Бабкова, особенно в той их части, которая касается деятельности Гасфорда в Степном крае и присоединения Семиречья.

Благодаря его энергии и настойчивости, к России присоединен Заилийский край, занимающий территорию в 100 тысяч квадратных верст, отличающийся прекрасным климатом и производительностью почвы. В какие-нибудь шесть лет, протекших после занятия этого отдаленного и разобщенного с остальной Россией и Сибирью края, ему удалось устроить здесь два русских города (Верный и Бишкек), шесть казачьих станиц и 20 коммуникационных между ними пикетов (станций), из которых при четырех немедленно же образовались и русские поселения.

Характеризуя Г.Х. Гасфорда как весьма образованного человека и выдающегося администратора, хорошо ознакомившегося с краем, которым он управлял в течение десяти лет И.Ф. Бабков, между прочим, присовокупляет: «Хотя в очень преклонных годах, когда я его знал, он не был чужд некоторых причуд и странностей». К числу этих странностей принадлежало необычайное самомнение, нередко ставившее его в смешное положение.

«Несмотря на свой преклонный возраст, – говорит И[ван] Ф[едорови]ч, – Гасфорд при всяком удобном случае старался блеснуть своей памятью и порисоваться уникальностью своих познаний… К тому же, лесть подчиненных, доходившая иногда до цинизма, развивала в нем тщеславие, и он сам, может быть, того не замечая, поддавался увлечениям, нередко переходившим в область фантазии… В беседах с приезжими в Омск нашими консулами в городах Западного Чугучака, Кульджи, а равно и с врагами, и другими специалистами, Гас-

форд задавал, как нарочно, самые мудрые специальные вопросы, касаясь времен правления императоров Канн-си, Юнь-чженя и т. д. У многих из нас, – говорит И[ван] Ф[едорови]ч, – сложилось даже убеждение, что Гасфорд подготавливается к этим вопросам заранее». Особенно он любил поражать своим всезнайством киргизов в беседах с их султанами и старшинами. В пояснение того, до чего это пристрастие доходило, в «Записках» приводится несколько примеров. На одном из них остановлюсь здесь и я.

«Известно, – пишет Бабков, – что Большая, Средняя и Малая киргизская орда подразделялись в прежнее время каждая на несколько поколений, называвшихся именами своих начальников или предков. От поколений произошли роды, от родов отделения, отрасли отделений и т. д. Так, Средняя орда (Сибирская) разделяется на четыре поколения: Аргын, Найман, Кипчак и Увак-Гирей. Аргынское поколение разделяется на роды: Кара-Кисяк, Караул-кисяк, Чар-Джитым, Чакчан, Дюрт-кул и т. д. Очевидно, что удержать в памяти все эти названия родов, а также их джайляу и истау, т. е. летние кочевья и зимние стойбища, едва ли возможно: для этого, как справедливо замечает Левшин, должно иметь большое терпение или усвоить это путем долговременного пребывания между киргизами. Но Гасфорд, по-видимому, не затруднялся этим.

«Скажите, пожалуйста, – говорил он при приеме представляющихся лиц, обращаясь к находящимся в числе их киргизским султанам, – Джус-Мамбет-Табуклинская волость по-прежнему кочует на урочищах: Кучук-Аргалы, Караганды, Игын-Булак и Кызыл-таш? Не перешли ли они реки Токрау, Сары-су и Мониту, где, кажется, стояли прежде Алтын-Сарымовская и Кара-Киреевская волости? Этими и подобными вопросами он не только удивлял присутствовавших при представлении начальствующих лиц, но и озадачивал самих киргизских султанов, которым после такого экзамена невольно приходило в голову, что начальник края до всего доходит.

Совершенно в другом роде описание событий и характеристика деятельности другого генерал-губернатора Западной Сибири, при котором И.Ф. Бабков состоял начальником окружного штаба, генерал-адъютанта А.П. Хрущева. Вот несколько выписок из того, что в воспоминаниях его находим об этом администраторе, правившем краем с 1866 по 1875 годы.

«Уезжая из Сибири, Хрущев не оставлял после себя какой-либо заметный выдающийся след в деле гражданского управления краем. Вре-

мя, в продолжении которого он занимал важный и ответственный пост ген[ерал]-губ[еранто]ра Западной Сибири, не ознаменовалось какими-либо выдающимися нововведениями и улучшениями, полезными для края в области его экономического быта, так и в деле умственного и нравственного развития населения. Все оставалось по-прежнему и представляло собой один общий административный застой. Лицу, поставленному во главе управления таким обширным краем, как Зап[адная] Сибирь и Киргизская степь, необходимо было обладать энергией, твердым характером и стойкостью. К сожалению, этого-то и не доставало Хрущеву, который, не имея прирожденных административных способностей, не мог считаться в полной мере государственным человеком. Это был человек военный, преданный военному делу, которое было его стихией... Было просто безбожно отрывать человека от дела, которому он посвятил всю свою жизнь, от дела, которое он знал и любил и на котором мог быть полезным деятелем. Но, к сожалению, у нас при назначении на высшие должности не думают о предварительной к ним подготовке. Так было и с Хрущевым. Не имея этой подготовки и не обладая необходимыми сведениями о крае по отношению к его истории, этнографии, его экономическому состоянию, а также его нуждам и потребностям, он не выказывал даже ни малейшего желания ознакомиться со всем этим путем расспросов и бесед со сведущими людьми».

«Всякая канцелярская работа, видимо, утомляла и смущала Хрущева, и он всячески старался ее избегать. Принимать же на себя самую, даже незначительную, долю работы он считал несогласной с его достоинством…».

«Вечерами Хрущев вовсе не занимался делами и говорил: «А вечер мой», – упуская из вида, что он широко пользовался и утром. Неоднократно случалось на моих докладах, что, не имея ничего возразить по существу дела, Хрущев останавливался на мелочах, но и тогда его взгляды поражали своей мелочностью. После этого мне не оставалось ничего делать, как пожимать плечами, находясь в положении человека, не знающего «a quell pied danser». Этими действиями Хрущева я был вынужден самое живое дело, подобно многим другим, топить в море канцелярской переписки…».

«Отношения Хрущева к некоторым из своих подчиненных, занимавших высшие должности в крае, и неумение оценить без пристрастия их заслуги, поражали своей односторонностью. Дельные и достойные администраторы были вынуждены оставлять свои должности и иногда

занимались людьми, малоспособными к делу. Так, вследствие разногласия с Хрущевым, должен был оставить должность Тобольского губернатора А.И. Деспот-Зенович, считавшийся одним из способнейших губернаторов. Заместителем Зеновичу по странному недоразумению, которое можно признать за насмешку, был назначен совершенно неспособный для этой должности генерал Чебыкин, который оставался губернатором только несколько месяцев и был замещен по ходатайству Хрущева знакомым ему полковым командиром полковником Сологубом. Но при этом Хрущев упустил из виду, что подготовку для административной деятельности по гражданской части нельзя получить, командуя полком. Будучи совершенно незнаком с гражданской частью, а также с краем и особенностями местного управления Сибири, Сологуб был совершенно не на своем месте. Он вскоре женился в Тобольске на богатой особе, поехал с ней в Петербург, где и кончил жизнь самоубийством».

«Хрущев, по-видимому, смотрел на свою должность, как на особое почетное назначение, вроде синекуры, полученной им в воздаяние за его боевые заслуги».

«Боевые заслуги Хрущева развили в нем мелкое самолюбие и до некоторой степени и тщеславие. Облечение же его властью генерал-губернатора, столь заманчивой для самолюбия, еще более усилили в нем эти наклонности. Так, например, он, видимо, обращал внимание, чтобы на всех частных общественных собраниях, балах, концертах и проч., на которых он присутствовал, находились и все начальствующие лица, хотя официально этого не требовалось. Такой энтузиазм и подобострастие окружающих занимали Хрущева. Он приказал также, чтобы все лица военного и гражданского ведомств, обязанные быть у ген[ерал]-губ[ернато]ра с докладами и вообще по делам службы, являлись к нему не иначе, как в мундирах. Все это было для нас крайне стеснительно и, в сущности, не имело никакого смысла. Вечера у Хрущева состояли в том, что все приглашенные, едва успев выпить стакан чаю, как бы по сигналу садились на заранее расставленные в симметрическом порядке зеленые столики и начиналась карточная игра. В 12 часов был сервирован ужин, за которым следовал разъезд приглашенных…».

«В Омске в семидесятых годах, по примеру начальства, карточная игра царила в громадных размерах. Все свободное время проводилось в клубах и частных домах за зелеными столами, над которыми носились тучи меловой пыли. Даже молодежь не гнушалась самоуслаждением

карточной игры, которая, казалось, была возведена в какой-то культ служения отечеству. По мнению некоторых она имела и свою хорошую сторону, потому что отвлекала от недозволенных и вредных рассуждений и вообще увлечения так называемыми завиральными идеями. Но, с другой стороны, повседневная однообразная жизнь тогдашнего омского общества, не имея перед собой никаких нравственных стремлений, погрузила всех в непробудный сон и апатию».

«Все это не могло не отразиться на общественной жизни Омска как главного административного центра по управлению краем, в котором преобладали какой-то застой и апатия. Хотя «toute vezite n'est pas bonne i dire», но люди умирают, а история должна оставаться, и я с грустью должен сказать, что тогдашняя распущенность доходила до того, что Хрущев, гуляя утром в своем саду, совершенно неожиданно наткнулся на гроб, поставленный неизвестно кем у стены сада. По другой версии, гроб был поставлен у самого подъезда генерал-губернаторского дома. Кем и для чего это было сделано, так и осталось загадкой».

Вид на генерал-губернаторский дворец и сад. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 1910.

«Много вредил Хрущеву его антураж, т. е. любимчики, которым он безусловно доверял. Мне самому иногда доводилось выслушивать замечания Хрущева, которые были так прозрачны, что нетрудно было выдать их источник. Все эти доводимые до сведения Хрущева слухи не-

редко изображали дело в совершенно ложном свете или передавались в превратном виде. Бестактность любимчиков возбуждала неудовольствие в обществе и, по-видимому, была поводом к появлению шуточных стихотворений, составленных неизвестными авторами и распространившихся по городу во множестве экземпляров. Обстоятельство это составляет знамение хрущевского времени, потому ни ранее, ни после него ничего подобного не было»*.

На этом оканчиваются записки Ивана Федоровича Бабкова. Последние шесть страниц большого тома его воспоминаний представляют отрывочные выдержки из заметок покойного, видимо, также предназначавшихся для включения в продолжение его воспоминаний, посвященных сменившему Хрущева генерал-губернатору Ник[олаю] Ген[надьевичу] Казнакову. Вот что, между прочим, говорится в этих выдержках в дополнение к тому, что уже мной приведено выше на странице.

«Казнаков всегда следовал правилу, которое, в сущности, было его формулой действий. Это «*savoir pour prevoir et prevoir pour asir*», а потому всякое дело, представляемое к докладу на его разрешение, должно быть предварительно разработано во всей подробности, во всех его частях, элементах и деталях. Отсюда прямое следствие – необходимость статистических данных. Все исправники обязаны были иметь при себе свод статистических данных о вверенных им округах (уездах), относящихся до состава населения, его движения, состояния образования, народного продовольствия, промышленности, торговли, земледелия, скотоводства и т. д.».**

«Вообще Казнаков всячески покровительствовал и содействовал собиранию и изучению разного рода материалов, относящихся к административным вопросам по управлению краем. Доклады, которые мы имели у Казнакова, были для всех нас в высшей степени поучительны.

---

* Одно из них, довольно большое, носившее название «Пузырь на болоте», долго хранилось у меня, но в числе прочих бумаг исчезло в смутное время обысков в конце 1919 г. в Омске. Все приписывали его Н.М. Ядринцеву, сидевшему в описываемое в «Пузыре» время в заключении на крепостной гауптвахте вместе со своими сотоварищами, т. н. «сибирскими сепаратистами».

** См. выше, что говорится по этому же поводу мной в личных моих воспоминаниях о Казнакове как основателе Зап[адно]-Сиб[ирского] отдела географического общества и учредителе статистических комитетов при Акмолинском и Семипалатинском областных правлениях.

Во время этих докладов приобретался навык и усваивался правильный и закономерный взгляд на процедуру рассмотрения и разрешения дел. Этому много способствовало уменье Казнакова сосредотачиваться на известном предмете, угадывать главный темп, центр тяжести всего дела и способность дать такой оборот и решение, которое как нельзя более соответствовало обстоятельствам дела. Наконец, умение находить такие стороны и оттенки в деле, которые освещают его всесторонним образом и дают надлежащую окраску. Все это в совокупности много содействовало правильному и справедливому решению дел».

«Работая без устали, Казнаков увлекал и других своим примером». «Я помню, что одно время я был председателем пяти разных комиссий, на обязанности которых лежала разработка разных вопросов по гражданской части, требовавших специальных знаний и опытности. Несмотря на всю трудность такой задачи, работалось легко. Мы все знали, что встретим сочувствие, внимание и справедливую оценку наших трудов со стороны главного начальника края».

«Казнаков умел окружить себя способными и во всех отношениях порядочными людьми».

Этими выдержками из заметок И.Ф. Бабкова о Казнакове кончается и весь объемистый том его записок. Ими же я заканчиваю и мою главу воспоминаний о самом Иване Федоровиче, утешаясь надеждой, что все сказанное мной о нем и его «Записках» будет способствовать установлению более правильного, чем доселе, взгляда на этого далеко незаурядного человека и оценки его деятельности как администратора и просвещенного работника в области истории и географии Зап[адной] Сибири и Степного края.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕВЦОВ

О первом правителе дел и председателе Распорядительного комитета Зап[адно]-Сиб[ирского] отдела географического общества было так много уже писано, а научным трудам его отведено так много страниц в печатных изданиях центрального географического общества в Петербурге и его отдела в Омске, что мне со своей стороны мало что приходится добавить здесь к тому, что о нем уже известно лицам, интересующимся географическими его исследованиями в Центральной Азии и работами в составе Зап[адно]-Сиб[ирского] отдела в Омске. В «Юбилейном сборнике», изданном отделом в 1902 году по поводу

М.В. Певцов (1843 – 1902) – путешественник, исследователь Центральной Азии. Вторая половина XIX в. ГИАОО. Фотофонд. № 1918.

двадцатипятилетия его существования, помещена прекрасно составленная бывшим д[ействительным] членом отдела К.П. Линдой статья, носящая название «М.В. Певцов и его путешествия», где на 50 страницах печатного текста с пояснительной картой путей, пройденных Певцовым за время его путешествий, дается полная интереса характеристика путешественника как личности и беспристрастная оценка его трудов в области географии и астрономии.

Со своей стороны я могу добавить к тому, что изложено в статье К.П. Линды о покойном Михаиле Васильевиче, лишь то немногое, что мне лично известно о нем как сотруднике по географическому отделу и сотоварище по службе в окружном штабе Западно-Сибирского военного округа.

Впервые познакомился я с Михаилом Васильевичем в 1875 году в бытность мою воспитателем и преподавателем географии в младших классах Омской военной гимназии, где М.В. Певцов также был преподавателем географии в старших классах. Помню его небольшую едва лишь среднего роста скромную фигуру (тогда еще в чине капитана Генерального штаба), аккуратно к назначенным часам являвшуюся в гимназию на уроки, и также аккуратно, можно сказать, незримо и неслышно удалявшуюся из гимназии по окончании занятий, без особого общения с остальными преподавателями и воспитателями гимназии. Знаю, однако же, что, несмотря на такое краткое, строго определенное по часам его пребывание в названном учебном заведении, он заставлял говорить о себе учащих и учащихся в нем.

Говорили, что ученики его любят и слушают его, что в преподавании его есть что-то такое, что побуждает их не только охотно готовить заданные им уроки по учебнику, но и читать вне уроков книжки, трактующие о явлениях природы, о географии, особенно физической, космографии, путешествиях и т. п. Говорили, что Певцов не из поклонников преподавания только по принятому тогда в военных учебных за-

ведениях учебнику Смирнова с отметками: «от сих до сих», а география для его учеников не отождествлялась с той тощей книжечкой этого учебника в зеленых крышках, на которой написано «Начальный курс географии Азии» или Америки такого-то класса*. К сожалению, лично я не мог проверить степень справедливости этих рассказов, так как вскоре после моего определения в гимназию М.В. Певцов был командирован в первое его путешествие в Чжунгарию, отчет о котором помещен в первой книжке «Записок», вскоре открывшегося в Омске географического отдела.

Об участии, какое Михаил Васильевич принял в вопросе о разрешении читать мне в гимназии курс «Отечествоведения» по собственной моей программе, мною уже сказано в «предисловии» к настоящему «Очерку». Кстати, лишь добавлю, что случай этот, между прочим, характеризует эпоху 1860-х и даже начала 70-х годов в учебном отношении, когда выбор систем и программ преподавания в средних учебных заведениях (по крайней мере военного ведомства) не был еще включен в строгие рамки последующей эпохи (1880–1890-х годов и начала XX столетия), когда преподавателю вменялось в обязанность обучать только по свыше одобренному учебнику, не выходя за пределы в нем указанного…

В 1877 году я вновь встретился, как сказано уже выше, после его поездки в Чжунгарию в окружном штабе. И здесь, как в гимназии, М.В. Певцов являлся тем же скромным бесшумным исполнителем своих служебных обязанностей, хотя далеко не формалистом и не приверженцем обычной штабной переписки и отчетности.

Будучи по натуре своей ученым, а не канцеляристом, он охотнее занимался не обычным «текуществом» и исполнением «особых» пору-

* Как на курьезное косвенное подтверждение того, что такого рода отождествление той или иной науки с учебником некогда действительно существовало в том же Омском кадетском корпусе (воен[ной] гимназии) в 1830-1840-х годах видно из многократно попадавшихся мне под руку послужных списков офицеров тех времен, бывших воспитанников корпуса, не одолевших всего курса обучения в нем, где я находил в рубрике «где обучался» такого рода отметки: «В Сибирском кад[етском] корпусе, курса не окончил, вышел из 4-го класса. Знает: географию России до северной полосы или до торговли…»; или: «алгебру до пропорций гармонических…», «артиллерийские записки до главы 4-й» и т. п. У отца известного путешественника Гр[игория] Ник[олаевича] Потанина, также известного своим путешествием в 1829 г. и описанием Кокандского ханства, в послужном списке значится: «Российскую грамматику знает до сопряжения глаголов».

чений, которые ему давали непосредственный его начальник по штабу, только что охарактеризованный мной почтенный И.Ф. Бабков, и командующие войсками военного округа Н.Г. Казнаков и Г.А. Колпаковский.

На первом же заседании членов-учредителей Западно-Сибирского отдела географического общества Михаил Васильевич единогласно был избран правителем дел отдела как лицо, наиболее соответствующее по своим знаниям и наклонностям этому званию. Отлично помню глубоко симпатичную и всегда корректную личность этого первого секретаря первого открывшего свои действия в Западной Сибири ученого общества. Казалось, что он только слушает и записывает мысли присутствующих на заседании более, чем он, сведущих лиц, а, между тем, в его изложении и обработке мысли эти получали зачастую большее значение, чем были высказаны самим их инициатором. Им по постановлению общего собрания членов отдела было составлено первое «Положение» об отделе, утвержденное министром внутренних дел 8 июля 1878 г[ода]. Им же, когда вследствие увеличения числа членов отдела и расширения его деятельности, оказалось затруднительным все текущие дела проводить через общее собрание членов, было выработано положение о Распорядительном комитете отдела, соответствующем «Совету» центрального общества в Петербурге. Первым председателем этого комитета был избран он же.

В этой должности Михаил Васильевич, пользуясь полным доверием председателя отдела И.Ф. Бабкова, являлся, можно сказать, главным вдохновителем отдела за довольно продолжительный период времени с 1880 по 1886 годы.

Соответственно характеру главных деятелей вся работа отдела за этот период получила печать деловитости. Это было время солидных научных работ членов отдела непосредственно на местах обследования. Я говорю о работах самого Певцова, закончившихся изданием отделом большого тома его «Очерков» путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая с картой Монголии; об изданиях И.Я. Словцова по археологии и ботанике, закончившихся изданием отделом его большой статьи «О находках предметов каменного периода близ г. Тюмени» с картами и многими рисунками; его же «Материалов и фотографии Тобольской губернии» (290 страниц) с картой и пятью диаграммами; его же статей в «Записках отдела»: «В стране кедра и соболя» и «О распространении и урожаях сибирского кедра» с картой А.В. Адрианова; «Путешествия на Алтай и за Саяны». Н.Л. Зе-

ланда – «Кашгария и перевалы Тянь-Шаня», его же «Киргизы» (этнологич[еский] оч[ерк]). Д.А. Клеменца «О старом русле Енисея», «О девонских отложениях Минусинского округа», «О результатах экспедиции в сев[ерной] части Монголии». А. Никольского «Путешествие на оз. Балхаш и в Семиреченскую область» и др.

Выступая перед общим собранием членов отдела в качестве лектора и докладчика о своих научных трудах, Мих[аил] Вас[ильеви]ч оставался и в этих случаях верным себе. С обычной скромностью и деловитостью он излагал факт за фактом, пункт за пунктом. Как тихий ручей текла его плавная, спокойная, основанная на незыблемых научных данных и личных наблюдениях речь, без всякого пафоса, картинных поз и без всяких эффектных, но скороспелых обобщений. Обобщения эти он предоставлял делать или его слушателям, или другим, по его мнению, более компетентным исследователям.

Таким же был М.В. Певцов, насколько я успел с ним познакомиться, и во всех сферах его научной, служебной и общественной деятельности. Это был тип редкого в наше время человека дела, который, отчетливо сознавая свои нравственные и умственные силы, с полной добросовестностью работал на общественную пользу, в границах этих сил и знаний, никогда не становясь на ходули и не стараясь казаться не тем, чем он был в действительности.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–83. Подлинник. Рукопись.

К истории «Мёртвого дома»*

15 апреля 1915 г.

Мёртвым домом, как известно, назван покойным Ф.М. Достоевским в произведении его того же имени, несуществующий уже теперь в Омске крепостной острог, в котором Достоевский вместе с Дуровым

* Данная заметка была впервые опубликована в литературной, политико-экономической и общественной газете (кстати, имеющей формат журнала) «Сибирский день», издаваемой Омским комитетом Всероссийского Союза городов. См. выпуск за 15 апреля 1915 г., с. 16-17. Судя по всему, единственный экземпляр этого издания в нашем городе сохранился в фонде писателя Ф. Березовского, который хранится В Омском историко-литературном музее им. Ф.М. Достоевского. – Прим. сост.

отбывал в течение четырёх лет наказание по делу петрашевцев. Пишущий эти строки помнит ещё мрачную тыновую ограду этого «дома», заострённые пали[126] которой таинственно выглядывали из-за существовавших ещё в начале шестидесятых годов прошлого столетия земляных валов и рвов Омской крепости, теперь срытой и оставившей по себе на память лишь каменные Омские, Тарские и про[чие] крепостные ворота. Острог этот (по-нынешнему тюрьма) помещался в одном из крепостных бастионов, там, где теперь построены красные каменные казармы 43-го Сибирского стрелкового полка.

Вопреки ходячим слухам о нарочито-варварском, будто бы, обращении с названными узниками за время нахождения их в Омском крепостном остроге, мы имеем возможность заверить, что слухи эти, по меньшей мере, преувеличены. Обращались с ними здесь, быть может даже вопреки наказу свыше, – сравнительно мягко; мягкость и снисходительность эта доходила даже до неоднократных переводов их из острога на временное пребывание в военный госпиталь, без наличия какой-либо болезни, просто в целях ослабления строгостей острожного режима, освобождения от обязательных работ и улучшения их пищи. Обстоятельство это объясняется косвенным, хотя и невольным, быть может, покровительством Достоевскому и Дурову со стороны главного тогдашнего начальника Западной Сибири, всесильного князя П.Д. Горчакова. Дело в том, что жена князя приходилась близкой родственницей семьи известного декабриста Фонвизина[127], проживавшего тогда в ссылке в Тобольске и принимавшего вместе с другом его, Тобольским губернским прокурором Францевым, самое близкое участие в судьбе омских политических узников. Дочери князя Горчакова одно время даже проживали в Тобольске в семье Фонвизиных[128]. В исключение из общего правила Достоевский и Дуров отправлены были из Тобольска в Омск (тогда Московско-Сибирский почтовый тракт[129] шёл через Тобольск) не этапным пешеходом, а на почтовых в сопровождении одного жандарма, которому, кстати сказать, вручено было секретно письмо к хорошему знакомому Фонвизиных и Францевых, инспектору классов здешнего кадетского корпуса И.В. Ждан-Пушкину с просьбой, пользуясь его авторитетом в среде высшего омского начальства, оказать заключённым возможное покровительство, что тем и было исполнено.

Нужно заметить, что полковник Пушкин, тогда инспектор Омского, а потом директор 1-го Московского кадетского корпуса, принадлежал к числу далеко незаурядных людей. Один из его питомцев, Г.Н. Потанин,

в своих воспоминаниях[130] за время пребывания его в здешнем корпусе пишет, что тогда Омский корпус имел «лучший во всей Сибири учебный персонал, подобранный инспектором классов Ждан-Пушкиным, превосходным педагогом». В числе подобранных им преподавателей Потанин упоминает как лучших Костылецкого, Старкова, Кучковского, а пишущий эти строки добавляет Сулоцкого (преподавателя Закона Божия, известного исследователя сибирской старины), Лободовского (преподавателя русской словесности), Чернавина (преподавателя математики и физики), Зедергольма (преподавателя истории), Рейнталя и др[угих], подобранных также Пушкиным, благодарные воспоминания об образцовом преподавании которых и нравственном руководительстве никогда не изгладятся из памяти их учеников.

И.В. Пушкин хорошо был известен тогдашнему главному начальнику военно-учебных заведений, памятному в истории освобождения крестьян от крепостной зависимости, Я.И. Ростовцеву, который, посылая его в Сибирь, уполномочил писать о нуждах заведения непосредственно ему, минуя в необходимых случаях даже директора корпуса, прославившего себя анекдотичностью своих распоряжений генерала Шрамма.

Исполняя просьбу Фонвизиных, Пушкин неослабно интересовался положением названных двух узников и в дозволенных тогдашними строгими законами рамках оказывал им содействие. Его влиянию, вероятно, обязаны были заключённые тем постоянным вниманием к ним тогдашнего коменданта Омской крепости Де-Граве, о котором не раз упоминает в своих «Записках из Мёртвого Дома» и сам Достоевский (Помню и я этого добродушного толстого старца-генерала, говорящим речь к народу, с крыльца Старо-Соборной церкви, в день объявления в Омске Высочайшего манифеста об освобождении крестьян).

Переписываясь с Францевой под предлогом заботы о её детях воспитывавшихся в Омском кадетском корпусе, Пушкин не упускал случаев сообщить через неё Фонвизиным о положении заключённых Достоевского и Дурова. Время от времени пересылались при этом и плоды писательского творчества того и другого. Дуров, как известно, был поэт и время от времени, вероятно, находясь в госпитале, проявлял своё поэтическое настроение в посланиях и стихах к своим корреспондентам.

Вот одно из этих стихотворений, сообщённых Францевой в один из исторических журналов за старые годы. Стихотворение это, озаглавленное «К фарисеям», написано на евангельскую тему апостола Матфея гл. XI ст. 18 и 19-й.

Когда пустынник Иоанн,
Окрепнув сердцем в жизни строгой,
Пришёл крестить на Иордан
Во имя истинного Бога, –
Народ толпой со всех сторон
Бежал, ища с пророком встречи,
И был глубоко поражён
Святою жизнию Предтечи.
Он тяжкий пояс надевал
Во власяницу облекался,
Под изголовье камень клал,
Одной акридою питался…
И фарисеи для того,
Чтоб потушить восторг народный,
Шептали всюду про него
С улыбкой дерзкой и холодной:
«Не верьте… видано-ль во век,
Чтоб кто-нибудь, как Он постился,
Нет, это лживый человек:
В нём бес нечистый поселился.»
Но вот исполнился завет,
Сбылись пророчества святые,-
И за крестителем во след
Пришёл Божественный Мессия…
Сойдя с небес спасти людей,
К высокой цели шёл Он прямо,
Во лжи карал учителей
И выгнал торжников из храма.
Он словом веру зажигал
В сердцах униженных и чёрствых,
Слепорождённых исцелял
И вызывал из гроба мёртвых…
Незримых язв духовный Врач
Он не был глух к мольбам злодея…
Услышал Он Мариин плач
И вопль раскаянья Закхея…
И что-ж? К площади опять
Учителя и фарисеи

Пришли Израиля смущать
И зашипели словно змеи:
«Бегите (может, Берите) ложного Христа,
Пусть Он слова теряет праздно,
Его крамольные уста
Полны раздора и соблазна…
И как, взгляните, Он живёт,
Мирским весь преданный заботам,-
Он ест, Он бражничает, пьёт
И исцеляет по субботам,
Он грязью мечет в Божество,
Закон отвергнув Моисеев,
И кто-ж меж нас друзья Его,
Кроме блудниц или злодеев?».

14 Марта 1850 г. Дуров.
Темница. Омск.

Журнал «Сибирский день». 1915. 15 апреля

Собрание омских анекдотов, курьезов и т. д.

[...]*

Хрущев и вдова поручица

К ген[ерал]-губернатору Хрущеву является молодая вдова и просит вспомоществования из вдовьего капитала единовременно рублей 50. Генер[ал]-губ[ернатор], недовольный частыми просьбами вдов […], небережливостью, непредусмотрительностью, тунеядством и другими пороками, пускается в нравоученья о бережливом труде и т. п. В заключение говорит: "Удивляюсь Вам, зачем Вам понадобилось идти замуж и к чему выходить за такого человека, который не может Вас обеспечить… Что Вам мог дать поручик?"

– Не всем, Ваше Высокопревосходительство, приходится выходить за генералов, да к тому же я надеялась, что муж мой со време-

* Дата создания документа отсутствует, не установлена. – Прим. сост.

нем дослужится до чина и звания, носимого Вами, Ваше Превосходительство.

Хрущев замолчал и приказ[ал] выдать вдове 50 р[ублей].

Ген[ерал]-губ[ернатор] Хрущев и казач[ий] генерал Казачинин

Генерал Казачин[ин], давно ожидая получения одного ордена высшей степени, чем он имел, прикрепил этот орден на затасканную ленточку, ясно бросавшуюся в глаза среди блеска других, совершенно новых лент. В таком виде он является генер[ал]-губернатору по приезде из Кокчетава. Генер[ал]-губерн[атор], имеющий привычку всегда осматривать грудь своих подчиненных, сразу заметил поношенную ленточку и, указывая на нее, спросил:

– Что это, Ваше Прев[осходительство], у Вас такая старая лента?

– Да, Ваше Выс[око]прево[сходительство], ей уже много лет, и давно пора бы ее переменить или снять совершенно. – Хрущев понял намек и перевесил ему орден на шею.

Про того же Казачинина рассказывают другие анекдоты – тоже с лентой.

В числе других генералов и губернаторов Западной Сибири, съезжающихся к каждому 30 августа для поздравки с тезоименит[ством] генер[ал]-губернатора, приехал и Казачинин. Хрущев, наблюдающий за присутствующими в церкви, не нашел Казачинина.

Вечером на бале он обращался к Каз[ачинину] с вопросом:

– Что это, Мих[аил] Ив[анович], сегодня Вас кажется не было в церкви, что это значит и не больны ли Вы?

– Виноват, Ваше Выс[око]прев[осходительство], гордость одолела, не имея ленты, я побоялся явиться в параде, мне бы пришлось тереться в рядах штаб-офицеров, звездоносцев вероятно шокировало бы мое присутствие среди них.

Не знаю, увенчался ли успехом его намек на отсутствие звезды и ленты.

Пасхальный стол

Один из омских карикатуристов нарисовал пасхальный стол, где вместо скатерти раскинута громадная, чистая от железных дорог и т[ому] под[одобного] карта Западной Сибири. В центре стола на блю-

де стоит громадная пасхальная «баба», удивительно похожая на Хрущева. На блюде кругом наложены яйца с изображением членов Совета Гл[авного] упр[авления]* и важнейших их деяний. В стороне от этого блюда стоит громадная горчишница, похожая на Акм[олинского] губ[ернатора] Окольничего. Далее – целая батарея разного рода бутылок с винами. Изображена вся акцизная администрация с Баскаловым во главе. На переднем плане в масленке лежит, свернувшись, нечесаный смиренный барашек – управляющий Контр[ольной] палатой.

Экзамен вольноопред[еляющихся] в Сиб[ирскую] воен[ную] гим[назию]

В числе преподав[ателей] и воспит[ателей] гимназии есть некто Цветков. Как окончив[ший] курсы в Духовн[ой] Академии этот Цветков читал часть лекций по Закону Божию. В гимн[азии] назначен экзам[ен] вольноопр[еделяющихся] третьего разряда. В числе экзаменатор[ов] назн[ачен] вместе со священником и Цветков.

Вопр[ос]: – Каким образом родился Иаков? Ответ: – Обыкновенным.

В.: – Т. е. как обыкновенным? О.: – Т. е. как все рождаются.

В.: – Т. е. как это все? О.: – Да так…

В.: – Как так? Вы мне говорите толком, как он родился… – Экзаменующ[ийся] мнется.

В.: – Ну-ну, господин… говорите как он родился, это интересно. Экз[аменующийся] все еще мнется.

В.: – Помилуйте, как этого не знать… Экзаменующийся краснеет.

В.: – Ну-ну, господин, как он выходил из утробы матери? – Экз[аменующийся], еще более сконф[уженный], оконч[ательно] краснеет… и теряется.

В.: – Вы не знаете, как Иаков выходил из утробы матери? Что Вы знаете? Да, как известно…ну? Ну, да, как известно, держался за пятку своего брата[…]

Вопрос объяснился. Экзаменующийся вздохнул свободнее, а ассистенты и депутаты переглянулись между собой, едва удерживаясь от смеха.

Тот же Цветков и на том же экзамене спрашив[ал] о богатом и Лазаре, – экзамен доходит до того момента, как собаки лизали раны Лазаря, Цветков обр[атился]с вопросом:

---

* Имеется ввиду Главное управление Западной Сибири. – Прим. сост.

В.: – Что нам, господин, показывает этот факт?

О.: – Это показывает, что мы должны быть милостивы к нашим врагам.

Генерал Шрамм – дир[ектор] кад[етского] кор[пуса]

Генерал Шрамм отличался непроходимой глупостью и при всяком удобном и неудобном случае высказывал ее во всем своем блеске.

Проходит он раз ночью по спальным комнатам и видит, что ночники почти во всех комнатах угасли. В справедливом гневе он опрокидывается с ругательствами на ночного солдата.

– Как ты смеешь спать ночью, когда ты приставлен наблюдать за ночниками!

– Виноват, Ваше Превосходительство?

– Хм,... виноват, а почему у тебя угасли ночники? А!?

– Ваше Пр[евосходительство], я за ними смотрел, да вода в них выгорела, они и погасли.

– Хм... выгорела... так ты бы мне и сказал... нужно добавить воды...

Известно, что жена этого генерала была в очень близких отнош[ениях] с тогдашним генер[ал]-губ[ернатором] княз[ем] Горчаковым. Говорят, что когда приезжал князь, Шрамм высылал своих детей и, запирая двери той комнаты, где наход[ились] князь и его супруга, глупый генерал приговаривал: «Уходите, ребятишки, уходите, не мешайте князю».

Результатом этих близких отнош[ений] было рождение сына, удивительно похожего на Горчакова. Обрадованный Шрамм ездил по городу и объявлял, что бог даровал ему сына и, что всего замечательнее, прибавлял он, сияя, удивительно похож на князя.

Этому родству обязан был Шрамм получением ленты и звезды. На другой же день после награды на его доме, на заборах и городских столбах было прибито объявление: «Генерал Шрамм получил ленту и звезду за женину п...».

Шрамм

Приходит в гости к Шрамму молодой офицер Генерального Штаба. Взволнованный чем-то с самого утра он с довольной улыбкой встречает офицера и задает ему вопрос:

– А знаете, какое у меня приобретение?

– Нет, не знаю…

– Вы не знаете… я Вам покажу, пойдемте со мной… прекрасная вещь.

И он повел офицера в одну из комнат. На стене были прибиты громадные оленьи рога (маральи) с головой. Остановившийся перед ними в умиленье генерал восклицает:

– Каковы?! – Прекрасные рога. – Посмотрите, какие громадные, такие здесь в редкость, едва ли у кого и есть…

– Да, сколько я знаю, в Омске ни у кого нет таких громадных рогов.

– И знаете, кто мне подарил эти рога?

– Я догадываюсь… – Кто же? – Судя по их величине, вероятно, человек очень влиятельный. Я думаю, что это Князь.

– Да-да, Вы угадали.

И довольный догадливостью офицера, он сделался еще любезнее и принялся распространяться о подаренных князем рогах.

Не так любезна была супруга генерала, слышно из другой комнаты, каким тоном была высказана догадка и как вообще был веден разговор, – она ужасно возмутилась и… в тот же день князю было известно о предерзости офицера – и назавтра его уже по приказанию высшего начальства не было в городе, он должен был укатить из пределов Западной Сибири.

У казачьего атамана обед. Гости собрались, все люди солидные: генералы, начальники отдельных частей. Сначала шел подобающий их чинам солидный разговор; но так как дам не было, да и хозяин был старый холостяк, то понятно, что скоро разговор перешел на клубничку. Один из старичков с горечью заметил:

– Эх, была молодость, да прошла. Вот уже три года, как я не могу иметь дела с женщиной…

– Да, и я тоже… вот уже пять лет, как лишился способности… – заметил еще какой-то генерал.

– Что ж, господа, – заметил Шрамм, – вот а я уже более года не прикасался к своей жене.

– Как, – возразил хозяин, – что Вы шутите, да ведь у Вас только что родился сын.

– Хе, хе, хе, – захихикал растерявшийся Шрамм, – я пошутил.

– Пошутил… А признайтесь, Ваше Прев[осходительство], не помогал ли Вам в этом деле князь, – заметил опять простак-хозяин.

Гости расхохотались, но не хохотала жена Шрамма, которой он дома все передал. Атаман скоро был смещен с должности по представлению князя.

Акмол [инский] губерн[атор] Цитович

Не стоя близко к генер[алу] Цитовичу, я, конечно, весьма мало могу сообщить достоверных сведений об этом губернаторе. В городе же общее мнение о нем – как о самом бесхарактерном человеке и бездарнейшем управителе.

По городу ходит множество анекдотов про него самого разнообразного свойства. Вот один случай с ним, который наделал много шуму в Омске. Задумал он перестроить только что купленный им дом Волкова – начинается переделка: обшивка, переборка полов и т. д., дело подвигалось к концу, окрашены даже были полы, дали только время подсохнуть, – но накануне перехода в новый дом ночью какой-то бездельник в гостиной среди комнаты наворотил громадную кучу своих испражнений; краска попортилась, и переезд замедлился. Но вот и переехали; и тут несчастье: вскоре по переезде – какой-то бездельник опять вымазал дегтем как ворота, так и часть самого губернаторского дома. Скандал страшный, обесчещен губернатор. Начались розыски, подняли все Кучугуры[131] – нет мошенника. А между тем на другой день днем к губернаторскому дому подъезжает деревенский мужик с бочкой дегтя.

– Что тебе нужно? – спрашивают.

– Да вот барин прислал с дегтем, говорят, здесь нужен.

– Пошел прочь, болван, вот тебя заберут в полицию.

– Дак, я не знаю, он мне и задаток отдал, прямо показал на этот дом.

Мужика прогнали.

Шутники рассказывали в насмешку еще и продолжение того, говорят, что губернаторша рассвирепела, вскипятилась: "Караула, – говорит, – никакого нет, это из рук вон, караульные стоят. Я сама буду стеречь свой дом!" – И вышла, поместилась на балконе, прислонилась к перильцам и стала зорко следить, нет ли где злоумышленника. Но с непривычки к ночному бдению задремала и уснула; проспала всю ночь. Просыпается… и, о, ужас, ее задница вся вымазана дегтем.

По Омску ходило множество вариантов этого выдуманного рассказа, на целых два месяца дало материала для разговоров это мазанье ворот.

Здание полицмейстерского управления. Общий вид. [1900 год]. ГИАОО. Фотофонд. № 542.

Про деяния этого губернатора ходит множество стихотворений – образовалась даже целая подпольная периодическая литература. Появляется множество литературных псевдонимов. Анонимные письма каждый день приходили к наиболее влиятельным из омских сановников и т. д., и т. д.

Почести Хрущеву

Хрущев очень любил воздавание себе разного рода почестей. Ничем нельзя было понравиться ему так, как польстив напоминанием о какой-либо мнимой его услуге отечеству. Все знали его слабую струнку и в ожидании всяких благ любили играть на этой струнке. Каждый год в Омске праздновалась годовщина отбития штурма Селенгинского редута. Зажигались вензеля с изображением Хрущева, спокойно курящего папироску, когда зуав[132] хотел его проколоть штыками, а солдатик пропарывает дерзкому живот. При входе Хрущева в клуб музыка по данному знаку всегда играла марш; публика, начиная с генералов и кончая дамами, вставала со

своих мест и отвешивала почтительный поклон. Картежники при звуке марша бросали карты и входили в залу, чтобы низким поклоном засвидетельствовать свое почтение. А виновник этого переполоха гордо проходил в гостиную, не удостаивая ни одного из генералов и губернаторов пожатием руки. Даже при посещении им частных домов дамы часто играли на фортепьяно торжественный марш. Губернаторы и уездные начальники всегда съезжались в Омск к 30 августа, чтобы засвидетельствовать свое почтение генерал-губернатору и поздравить его с днем его ангела. В этот день давался для приезжих гостей бал. Какой переполох всегда делало его возвращение в Омск после долгого отсутствия. Помню возвращение его из Петербурга. Целая сотня казаков в полной парадной форме и на конях была выслана ему навстречу. Все влиятельнейшие представители Зап[адной] Сиб[ири] вышли к нему навстречу. Учеников и учениц убежища также вытянули к нему навстречу. Лишь только он показался, как музыка заиграла марш. Казаки поскакали подобно башибузукам по обе стороны его экипажа, за ним огромная свита. В городе его встретила пехота, расположенная в Омске. Громадные толпы любопытного народа толпились по улицам. Гимназистки встретили его у дворца с букетом цветов. Гимназисты в саду, почетные караулы и ординарцы, начальники отдельных частей и т. д. Та же самая встреча и при возвращении его из степи. Музыка играла на пароме и на берегу. Гребцы в белых рубахах, песенники, пестрая толпа любопытных, чиновники и офицеры с заявлениями своих почтений и т. д.

Старика все это очень тешило. И незаметно для себя он подкупался этими почестями на разные награды участникам.

Гасфорд и Кириллов

Кириллов, бывший когда-то во времена Гасфорда Омским городским головой, под давлением разного рода советов и указаний отделил капитал на постройку здания Ильинской приходской школы. Здание выстроено. Назначен день освящения здания и открытия училища. Генерал-губернатор, большой любитель торжественности, устроил это открытие с разными церемониями и в собрании всего генералитета сказал даже похвальное слово жертвователю, сказал, между прочим: «И всем этим мы обязаны виновнику настоящего торжества...* Кириллову».

* Неразборчиво. – Прим. сост.

Городской голова был чрезвычайно обижен названием виновника и, придя домой, с грустью заявил своей дражайшей половине:

– Вот оно дела-то как, я хлопотал, я строил, я жертвовал капитал, а меня же и завинили.

– Ну вот, я тебе говорила, что не бросай денег на ветер, вот по-моему и вышло, получи благодарность.

Гимназистка 1875 г.

В женской гимназии – концерт Музыкального общества[133]. Пред началом концерта Дзюба (главный инсп[ектор] уч[илищ] Зап[адной] Сибири) получает маленькую записочку, читает ее и затем кладет в карман. Начинается концерт – поет хор девушек (гимназистки), не видя между ними одной из гимназисток, Дзюба обращается к начальнице приюта Тарчевской

Воспитатели и воспитанники одного из женских учебных заведений города. Общий снимок. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 55.

– А что-те, между поющими я не вижу Рогожниковой?

– Она, В[аше Превосходительст]во, в приюте, кажется, несколько больна и потому петь не может.

– Что же что петь не может, я думаю, для нее полезно было бы присутствовать и просто в качестве слушательницы.

– Да, но…

– Да, так, пожалуйста, пошлите за ней.

Посылают за Рогожниковой, но не находят ее в приюте. Куда бы могла деваться? Разве не ушла ли в дом, куда она отпрашивается в отпуск. Посылают в тот дом, и там нет. Посылают к знакомым, ее и там нет. Как быть? Нужно сказать, что не нашли. А между тем Дзюба торопит, так как от приюта до гимназии всего пять шагов. Нечего делать, начальница сообщает, что Рогожниковой не нашли.

– Да Вы посылали во все дома, где она бывает?

– Посылали, В[аше] Пр[евосходительст]во…

– Как же… куда же она могла скрыться… а к чиновнику Попову вы посылали?

– Нет, В[аше] Пр[евосходительст]во, – да она там и не бывает, это человек холостой…

– Ничего, попробуйте, пошлите, я знаю, она у него бывает…

Посылают туда, и… действительно находят ее там. Можно представить весь эффект подобной находки. – Гимназистка у холостого мужчины… толки…

На другой день, говорят, между Дзюбой и Тарчевской было объяснение в таком роде:

Дз[юба]: "Мы так расходимся с Вами во взглядах, что нам положительно нельзя служить вместе, или Вы, или я должны оставить службу… но так как я дорожу своим местом, то я не знаю, как тут и быть – решите Вы."

Торчевская решила выйти, тем более, что виновата кругом, так как, хотя она, может быть, и не знала о[б] их отношениях раньше (хотя это очень сомнительно), то об отсутствии ее из приюта знала далеко раньше вопроса, заданного ей Дзюбой.

В городе идут толки.

Как иногда производили при Хрущеве

За последнее время царствования Хрущева в Сиб[ирское] каз[ачье] войско то и дело стали переводиться офицеры из армии. Нельзя сказать, что это были лучшие офицеры, большинство из них бывало уже в разных делах… и в отставке, и под судом… большинство же бежало сюда

от долгов, и, благодаря сердечной простоте коренного казачества, опять должало здесь елико возможно. Иногда случались и просто проявления мошенничества.

Ковецкий, например, утаил казенные деньги, отперся на суде от лавочного долга и т. д. Замечателен один субъект по фамилии Смит. Судьба наделила его высоким ростом, стройным станом и весьма красивой физиономией. Этого было вполне достаточно, чтобы по приезде в Омск пойти в гору. Барыни от него – без души, он волочится… везде похвалы и т. д. Хрущев, чувствительный к похвалам других, берет его к себе в адъютанты. Так как подобные господа очень нуждаются в чинах, то немедленно по переводе его адъютантом понадобилось представить его в есаулы. Отличий за ним, конечно, никаких – как тут быть? Поручают полковнику Путинцеву (команд[ующему] учебной сотней) найти отличие и представить его за отличие. Дело весьма трудное, так как Смит при сотне служил всего только полгода, да и то почти никогда в сотне не бывал, я даже сомневаюсь, жил ли он все три года в казарме сотни, так как появлялся в ней только в торжественных случаях и потому всегда с переднего крыльца. О занятиях казаков грамотностью и об участии в обучении их офицерами сотни он также не знал. На зимних проездках он участвовал не по своему желанию, а о летних конных учениях ему докладывалось уже только после того, как сотня была уже в строю.

Сначала сотню принимал ее командир, полковник Путинцев, за ним вызывали одного их урядников и отдавали ему такое приказание:

– Каргаполов! Съезди к сотнику Смиту и скажи, что сотня выстроилась. Урядник скачет с докладом и через несколько времени выезжает Смит. Одного только не доставало, чтобы командир поскакал к своему подчиненному с рапортом о состоянии фронта. Затем Смит становился, где ему было угодно. Проезжал лошадь, сопровождал командира и т. п., смотря по желанию. При таких обстоятельствах весьма трудно было придраться к какому-либо отличию – разве только представить «за храбрость». Но Путинцев, старый, нашелся как вывернуться, – он сочинил отличие.

Вот, приблизительно, мотивы к производству, представленные им:

«Сотник Смит, несмотря на кратковременность своего пребывания в сотне, успел заявить себя с самой отличной стороны. Усердным, добросовестным и точным исполнением своих обязанностей он заставил обратить на себя внимание. Кроме того, во время пребывания

своего в Ташкенте офицер этот отлично изучил искусство верховой езды и в этом отношении был для сотни незаменимым офицером, ему сотня обязана тем, что в числе ее казаков так развилось молодечество и джигитовка».

Это не единственное представление, в этом роде было много. Этими представлениями достигали того, что мало кто стал добросовестно относиться к делу, видя, что повышение зависит не от заслуг, а от счастья. Повезло – пошел человек в гору, не повезло – сидеть и ждать у моря погодки. Ташкентский дух за последнее время вообще сильно царил в Омске.

Артил[лерийский] генер[ал] Тарасов на экзамене

Для производящихся в фейерверкера – экзамен по геометрии и вообще по математике. Тарасов берет карандаш и, поставив его вертикально, спрашивает:

– Что это такое?

– Карандаш, Ваше Превосходительство.

– Дурак! Вертикальная линия.

Кладет тот же карандаш горизонтально и обращается к другому:

– А это что?

Тот мнется и потом нерешительно отвечает:

– Карандаш, Ваше [Превосходитель] ство.

– О, болван, только что сказал – горизонтальная линия.

В Сиб[ирской] воен[ной] гимн[азии] существует тупоумный педагог, про которого можно сказать, что у него «охота смертная, да участь горькая», нет в гимназии человека, столь прилежного и добросовестно относящ[егося] к своему делу, но нет никого другого, кто бы так смешил публику своими несообразностями: например, чтобы показать ученикам при объяснительном чтении прозрачность стекла, он нанес множество стекляшек, забывая, что ученики давно знакомы с этой прозрачностью, глядя в окно и т. п.

Он читает педагогику в женской гимназии. Рассказывает про один из уроков его ученицы педагогич[еского] класса в приходском училище. Тут же, конечно, находился и сам Ельницкий.

Франтовитая барышня избирает для беседы с учениками голубя; задавая ученикам, для чего голубю нужна голова, глаза и т. п., она дошла и до хвоста:

– Ну, маленький, скажи, ты, для чего голубку нужен хвост? – обращается она к одному карапузу.

– А для того, чтобы жопы у него не было видно.

Педагог и наставница ушли сконфуженные и не знали, как продолжать урок.

Сейфуллин

Есть множество анекдотов про одного из преподав[ателей] Сиб[ирского] кад[етского] корп[уса], а также и гимназии – тат[арина] Ташмамеда Гассановича Сейфуллина. Будучи необыкновенно мягкого сердца и притом невеликого ума, тот добрейший педагог до того сблизился со своими учениками, что в буквальном смысле дозволял им ездить на себе.

Хрущев у магистра Якобия

В 1873 г. в Омск был прислан профессор Якобий для исследования причин зарождения сибирской язвы и чумы. Явился к Хрущеву. Генерал-губ[ернатор] счел нужным принять это посещение за визит и отплатил тем же. Сидит раз Якоб[ий] со своими знакомыми у себя в квартире (приходск[ое] учил[ище]). Вдруг заявился Е[го] В[ысоко]-пр[евосходительст]во. Начались, конечно, обычные церемонии приема, усаживания, извинения и т. д. Хрущев садится. Наступают тяжелые минуты – незнание о чем говорить. Ничего общего нет между этими людьми, никакие интересы их не связывают, разговор не клеится, оба, видимо, страдают, наконец, после четвертьчасовой пытки Хрущев встает с видимым намерением идти, бросает взгляд на рабочий стол ученого и видит великолепный сложный микроскоп.

– А …какая у Вас славная лампочка, зачем Вы ее с собою возите?...

Якобий растерялся и на первый раз не знал, как ответить, впрочем, скоро нашелся и заметил:

– У этого микроскопа, Ваше Выс[око]пр[евосходительст]во, лампочки не приделано, одни только стекла для дневных наблюдений.

Теперь покраснел Хрущев, поняв, что он попал впросак… но не умел скрыть своего смущения, так растерянный и вышел из квартиры проклятого коновала.

Хрущев и двойные прогоны

Собирается Хрущев по делам ехать в Питер и требует себе прогоны на шесть лошадей. Подвертывается какой-то услужливый человек из его приближенных и спрашивает:

– Разве Вы, Ваше Выс[око]пр[евосходительст]во, получаете на прогоны только на шесть лошадей?

– Да, по шесть – по чину полного генерала.

– Как? Да ведь В[аше] В[ысоко]пр[евосходительст]во едете как генерал-губернатор?

– Да, так что ж?

– Но ведь кроме того Вы едете и как командующий войсками, эти две должности ничего не имеют общего.

– Да ведь я же, однако, совмещаю эти должности.

– Это мне, кажется, нисколько не мешает требовать двойных прогонов, обыкновенно эти должности не соединяются вместе, почему же Вы лишитесь прогон только за то, что на Вас одного возложили две должности, ничего общего не имеющие, соответственно двойному труду Вы должны получать и двойное вознаграждение. Для правительства экономия уже и в том, что Ваше жалование выдается только по должности генер[ал]-губ[ернатора] – неужели и прогоны у Вас отнимутся только за то, что на В[аше] В[ысоко] пр[евосходительст]во возложено больше обязанностей, чем на других…

– Да, это действительно, кажется.

И другие прогоны были востребованы. Жаль, почему не были востребованы прогоны по званию его как Наказного атамана Сиб[ирского] каз[ачьего] войска, как Председателя Совета Главн[ого] упр[авления] и т. д.

Впрочем, Контроль усчитал эти деньги и представил начет в Госуд[арственный] Контроль, где ввиду высокого положения генер[ал]-губ[ернатора] начет был сложен. Долго после этого Хрущ[ев] сердился на Хмарова за начет.

– Ну что было Вам (говорил он) сказать мне об этом на словах; я бы без всякого разговора выдал Вам эти деньги; а то выставили меня, как будто я хотел воспользоваться, пользуясь случаем, а между тем и деньги не получил.

Междуцарствие

После отъезда Хрущева из Омска, как известно, настало междуцарствие – новый царь замешкался приездом, а до приезда власть была разделена между несколькими лицами. Генерал-губернаторство поручено Семипалат[инскому] губерн[атору] ген[ерал]-майору Полторацкому, а командов[ание] войсками – старику ген[ерал]-лейт[енанту] Рокстеру. Курьезное это было время; власть, конечно, ослабла. Каждый из подчиненных почувствовал себя как бы чином выше. Начальники отдельных частей усили[ли] свою власть. Старые любимцы повесили носы, а мелкота стала их лягать. Цитович проявил необыкновенную энергию. Старшего отделения Акм[олинского] Штаба арестовал на три дня; начальн[ику] Акм[олинского] Шт[аба] сделал выговор в приказе. Все служащие были в каком-то странном напряжении; всех интересовал вопрос – что? и как?, кто такой Казнаков? Каков он? Что можно от него ожидать? Крепки ли наши места? и т. д.

Курьезнее всего были отношения двух главных начальствующих лиц – Полторацкого и Рокстера. Многих интересовали вопросы – кто из этих генералов старше. По-видимому, и самих генералов это очень занимало, так как по этому поводу много выходило различных столкновений. Впрочем, в большинстве в дураках оставался [...]*

...рала непременно напоминал ему о Богдановиче и его железной дороге. Так поступил настойчивый прожектер и начальник края. Так он обошелся с городскими головами главнейших сибирских городов. К времени, когда надлежало вопросу о дороге поступить на рассмотрение Госуд[арственного] Совета, в Сибирь посыпались телеграммы: в Иркутск: «все города Сибири за южное направление и заявили уже это министру путей сообщения; один Иркутск молчит. Телеграфируйте». В Омск: «Все города Сибири за южное направление, один Омск молчит, телеграфируйте». В Томск: «Все города и т. д., один Томск молчит» и т. д. по всем наиболее крупным городам. Получив такие телеграммы, города, конечно, не замедлили тотчас же откликнуться на призыв Богдановича, подстрекаемые к тому же и желанием не отстать от других.

Понятно, что получив такую группу телеграмм, Госуд[арственный] Совет не имел никакого основания сомневаться еще далее об общественном мнении Сибири. Вопрос о направлении был решен утверди-

* Видимо, далее отсутствует страница. – Прим. сост.

тельно, но силами большинства. Вот как обделывались дела.

Казнаков и встреча нового года

На одном из вечерних докладов Москов обратил внимание ген[ерал]-губернатора на приближение нового 1876 года и при этом как старшина клуба спросил, угодно ли будет Ег[о] В[ысоко]прев[осходительству] встретить Нов[ый] год по обыкновению предшественников – в клубе.

Генерал спросил:

– А разве это нужно?

– До сих пор, В[аше] В[ысоко]прев[осходительство], это обыкновенно делалось, – отвечает Москов, – тем более, что в эти дни генер[ал]-губернаторы направляли приветственные телеграммы на имя Госуд[аря] Императора.

– Да… в таком случае нужно быть… Только до сих пор я всегда встречал этот день в своей семье… нельзя ли это как-нибудь устроить?.. Да, Вы вот что сделайте…(и генерал прошелся раза два по кабинету), Вы переведите клубные часы так на четверть часа вперед. Я у себя переведу на четверть назад, тогда в полчаса я успею встретить Новый год и там. И здесь.

Все, конечно, исполнилось так, как было сказано, и Ник[олай] Ген[надьевич] убил двух зайцев: в клубе осчастливил своим присутствием омское общество, а дома угодил желанию жены, не нарушив давнишних семейных традиций.

Ген[ерал] де Сент-Лоран и Госуд[арь] Николай Павлович

При образовании в 18[22 г.] Омской области бывший пограничный начальник генерал де С[ент]-Л[оран], назначенный губернатором этой области, находясь в это время с депутацией в Петербурге, он представлялся Государю.

– Я тебя назначил губернатором новой области, – сказал Государь генералу.

– Благодарю Государя за такую милость, – Лоран заметил, между прочим, – Я боюсь, Ваше Им[ператорское] В[еличество], не оправдать столь высокое ко мне доверие, до сих пор я знаком был только с солдатами и командовал военными частями, а не населением.

– Поверь мне, – сказал на это Государь, – что управление солдатами совсем не так легко, как кажется… вот и я солдат, и раньше командовал только дивизией, а вот теперь управляю же целой Империей.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 350. Подлинник. Рукопись.

РАЗДЕЛ 2.
Материалы, собранные Г.Е. Катанаевым

Выписки из корреспонденции П. Золотова в газете «Акмолинские областные ведомости» «Несколько слов об Омске» об Омской крепости второй половины XVIII – XIX вв.

[1872 г.]*

Выписка из мнения командира Сиб[ирской] воен[ной] линии ген[ерал]-поруч[ика] Шпрингера от 28 февр[аля] 1765 г.

«Омская крепость находится на середине Иртышской и Новой линий. К ней, как к центру, сошлись дороги как от городов Тары и Тобольска (по новопроложенному пути через Абацк на реку Иртыш к Чернолуцкой слободе), так и от Такмыцкой слободы вверх по Иртышу. Из этого видно, что она составляет собой такой важный пункт, на котором необходимо находиться постоянно главному начальнику помянутых линий. Почему и должно эту крепость увеличить, тем более, что на основании секретного Высочайшего повеления в ней назначено устроить постоянные квартиры для одного драгунского полка, резервной артиллерии и, по меньшей мере, для одного батальона пехоты.

Ныне (т. е. до 1765 г.) крепость состоит из пяти бастионов и расположена на горе немного скатом к р[еке] Иртыш. Ниже ее к берегу *(какому?)*** – форштадт, где по большей части живут пахотные казаки, а за рекой Омью стоят три роты и резервная команда, для помещения которых построены казармы и конюшни *(где?)*. Эти здания, как и форштадт, огорожены деревянным заплотом *(тыном?)* и обнесены малым рвом с рогатками. Подобным же образом защищены и провиантские

* Датируется по дате опубликования в газете «Акмолинские областные ведомости». – 1872. – № 21. № 22. – Прим. сост.

** Здесь и далее в документе другим шрифтом выделены комментарии Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

магазины, построенные на берегу р[еки] Оми за крепостью. *(Где теперь провиантские магазины и монополька. Пос[елок] в Слоб[одском] форштадте).*

Означенная крепость, если ее и увеличить согласно новому проекту, но оставить ее на занимаемом месте, имеет следующие невыгоды:

1-е – Она лежит на плоском и открытом поле, по пригорку от р[еки] Иртыш, и, будучи от берега обойдена опытным неприятелем, легко может достаться ему в руки.

2-е – Она имеет в тылу своем р[еку] Омь с высоким берегом, и в случае внезапного нападения гарнизону ее, стесненному в углу между Омью и Иртышом, кроме сдачи нет никакого спасения, особенно в такое время, когда мост через Омь еще не наведен, а этот мост прежде мая, а иногда даже и июня, не наводится.

3-е – По положению магазинов за крепостью на горе доставляемый в них на дощанниках провиант необходимо сначала проводить Омью против течения слишком 350 сажень, а после, по выгрузке, поднимать в гору, а это сопряжено с большим трудом для народа.

4-е – Особенно же важно, что по правую сторону Оми против нынешней (до 1765 г.) крепости и в расстоянии от нее по прямому направлению на 250 саж[ень] находится увал *(у нын[ешнего] госпиталя),* который возвышается над крепостной местностью от 20 до 30 футов. В случае обхода крепости с этого увала может весьма сильно ей вредить.

Омская крепость. XVIII век.
Фотокопия с репродукции М.Ф. Гайдука.
ГИАОО. Фотофонд. № 1458-Г.

Так как по здешним степным местам на случай неблагоприятных обстоятельств, а также для сохранения гра-

ниц и внутреннего спокойствия признается весьма полезным (важным) упрочить положение Омской крепости, то необходимо перенесть ее на правую сторону Оми вниз по течению, и если это будет Высочайше утверждено, то Иртыш и Омь послужат к значительному ее прикрытию: они не только затруднят приближение неприятеля к крепости, но и будут угрожать ему потерей людей при переправе, между тем как провиант в крепостной магазин легко и без особенного труда для народа может быть доставляем с берега Иртыша (привезенный из Тоб[ольска], Тары по этой реке).

Вид из Второй Омской крепости на Шпрингеровскую улицу. Справа – Маланьина роща и детский сад в ней. Слева – цирк Сичкарева. Конец XIX – начало XX вв. Из личной коллекции А.М. Лосунова.

Для восполнения недостатка в лесе (сплавляемого из-под Долони с разного рода трудностями) предложено здание новой крепости строить из нежженных кирпичей, которые, сделав из смешения глины с лошадиным навозом (пометом) и, просушив на воздухе, в скорое время можно употреблять на стены. Для фундамента же идет жженый кирпич. Что же касается леса, то необходимо ограничиться потребностью его только на косяки, двери, ставни, потолки и ряжи. Кровли, повсеместному примеру здешних построек, а также для сбережения леса и безопасности от пожарных случаев, должны покрываться дерном».

Далее П.А. Золотов уже от себя пишет: «Глядя на современный (т. е. начала 1870-х годов) Омск, я, как сторожил его, должен сказать, что если панорама его, украшенная с внешней стороны многими *(?!)* красивыми зданиями, представляет в самих размерах и сплоченности своей достаточное доказательство подобного успеха, то тем более еще свидетельствует о нем организация, направление и дух его городского общества, а также и разные существующие в нем, по большей части, новые учреждения на пользу образования и нуждающихся ближних, не только, собственно, в городской рамке, но и далеко за ней.

Теперь обращаюсь к тем воспоминаниям, которые занесены мной как старожилом Омска, из его минувшего.

Мое первое знакомство с ним относится к началу 1826 года, когда покойный мой отец назначен был в Омск плац-майором. Хотя в то время мне было не более шести лет от роду, но я живо помню, как после красивого Красноярска мне не понравилась наружность нашего новосе́лья. Крепость, окруженная широкой эспланадой, выглядела чем-то вроде уединенного монастыря, и казавшаяся замкнутость ее осязательно поддерживалась тем, что ее башни (ворота) на ночь были постоянно запираемы на замок, и пред прилегающими к ним мостами через ров, снаружи, по линии рогаток, шедших по гласису, опускались тяжелые шлагбаумы. Правда, и тогда между строениями ее было немало каменных; но простота их казенной архитектуры, а тем более вид преимущественно низменных или от ветхости вросших в землю деревянных домов, не представляли ничего приятного для глаз. Еще более скудны были хорошими зданиями форштадты, тогда еще очень небольшие. Деревенскую физиономию их прикрывал собой на Кадышевском форштадте ряд домов для областных присутственных мест (из этих домов некоторые уже вовсе не существуют (в 1870–е гг.), а другие переменили свое назначение), расположенный на лицевой, обращенной к крепости стороне его и военный госпиталь; в Слободском – полиция и почтамт, а в Казачьем – войсковые: училище (старое здание Омск[ого] к[адетского] корпуса, где теперь церковь, квартира директора и столовая кад[етского] корпуса), атаманский деревянный дом с единственным тогда во всем городе мезонином *(во времена Золотова этот дом отошел уже в ведение кад[етского] корпуса, и теперь уже сломан, и вместо него воздвигнуто в 1912 году новое большое каменное здание, представляющее принадлежность того же корпуса)*, фабрика (деревянная, на месте, где теперь каменные интендантские склады), манеж (тоже де-

ревянный около фабрики, теперь уже не существующий), парк конно-артиллерийской бригады (большое, длинное, тоже деревянное, дощатое на кам[енных] столбах, срытое за ветхостью и неприглядностью к проезду через Омск Наследника Цесаревича Николая Александровича в 1891 году). Разумеется, все это было выстроено на [за] казенный счет. Из частных же лучших домов, возникших в ту пору в Омске, мне припоминаются только два, перешедшие впоследствии также в казенное ведомство, именно дома, занимаемые ныне *(т. е. во времена Золотова)*, директором военной гимназии (с 1880-х годов занятые воспитателями кад[етского] корпуса; это по Дворцовой улице, против дома генерал-губернатора) и окружным жандармским генералом *(и этого дома теперь нет, он за ветхостью в 1890-х годах был сломан, а вместо него построено каменное двухэтажное здание, занимаемое ныне, т. е. в 1912 г. Городской думой, управой и друг[ими] учреждениями городского общ[ественного] управления)*.

Улица Думская (сейчас – ул. 10 лет Октября). Первое слева – здание, которое в 1842 - 1897 гг. арендовала Омская городская дума, позже в нем осталась городская управа. Справа видна Ильинская церковь. На заднем плане слева – Никольский казачий собор, в центре – Сибирский кадетский корпус. 2-я половина XIX в. ГИАОО. Фотофонд. № 1911.

Переходя к описанию внутреннего быта нашего города, я должен сказать, что тогда общество его жило хотя не роскошно, но дружно и,

не зная деления на кружки, единодушно пользовалось удовольствиями, присущими его развитию и нравам. А потому, мерка этих удовольствий на нынешний аршин не может показаться значительной, тем более, что музыка и чтение не были обобщены в Омске того времени, так как это видим мы теперь (в 1870-х гг.). Во всем городе было едва ли не одно только фортепиано, зато гитару можно было встретить почти в каждом доме, а некоторые из записных старых дилетантов имели у себя теперь уже кажется совсем забытые гусли. К тому же, не только отдельные литературные произведения и журналы, но даже и сами газеты, были здесь простой редкостью *(т. е. 30-е годы пр[ошлого] стол[етия])*.

Равным образом в период, о котором я говорю, не было здесь заметно ни особенной светской утонченности и щепетильной экипировки, их заменяло патриархальное радушие. Потому-то, никакому нежданному гостю не казалось странным, если хозяева потчевали его чаем с медом или с сахаром вприкуску (что, впрочем, почти было тогда общим обыкновением во всей Сибири), а потом предложили стакан пунша или гоголь-моголь с кизляркой[134] и в сумерках осветили гостиную сальными свечами. Не меньше простоты видно было и тогда, когда по условию или случайно собирался в каком-либо доме кружок знакомых. Чтобы занять своих гостей, хозяева распоряжались или устройством танцев, для игры при которых приглашались иногда квартеты казачьих музыкантов, или составлением игр в фанты; карточные же столы раскрывались очень редко. Из карточных игр в то время мне помнятся: бостон, пикет или еще какой-то марьяж[135]. Это были игры мужчин. Дамы же по этой части упражнялись преимущественно в дурачка, мельника, короля и свои козыри. Затем, сократив кое-как досужий вечер, гости после простого десерта и легкой закуски расходились домой, не ожидая ни ужина, ни полуночи. Что же касается семейных праздников, то они, по заведенному порядку, постоянно сопровождались изысканным угощением, как утром, так и вечером; причем, пирог с хорошей рыбой или паштет с доморощенной курицей был необходимым блюдом даже в домах самых недостаточных людей.

Сообразно частному домашнему быту и общественный быт Омска в то время запечатлевался не меньшей простотой. Наши тогдашние дамы не преследовали по пятам разорительной моды и, сшив новое платье, носили его без страха за старомодность или частое появление его в обществе. Между тем, им было где показаться. Кроме официальных балов у главнейших, проживавших здесь административных лиц в

разное время года, зимою постоянно привлекал их длинный ряд балов и вечеров с танцами в клубе, который, не имея собственного помещения, устраивался или в столовой зале военно-сиротского отделения, или в каком-либо из казенных домов в крепости и в городе. Клуб не исключал из своего общества даже детей, из которых мальчики, подчас, немало проказничали. Летом, особенно по праздникам, в 5 часов вечера наше общество в полном составе своих семейств собиралось на бульваре, который с аллеями из молодых акаций и крыжовника был расположен по гласису на берегу Иртыша, против куртины и правого фаса[да] крепостного бастиона, выходящего на Омь. После прогулки на бульваре и танцев в его красивой галерее, от которой теперь (т. е. в 1870-х годах) не осталось и следов, гулявшие и танцевавшие переходили полонезом, под игру музыкантского хора, в городскую рощу[136] (где ныне вокзал Быкова). *(А теперь Каф[едральный] Усп[енский] собор!)*

Там обыкновенно ожидал их в сумерки кое-какой казенный фейерверк, по окончании которого общество направлялось в крепость к главной гауптвахте, где в его присутствии совершалось с полной церемонией вечерняя заря. Загородный дом (этот дом, с его круглой залой и бельведером, сохранился (до [18]70-х годов) в том самом виде, в каком

Члены Омского спортивного клуба в Загородной роще. 1916 год. ГИАОО. Фотофонд. № 659.

существовал при генерале Капцевиче *(в 1890-х годах все это здание за совершенной его ветхостью снесено)*, боковые пристройки к нему сделаны при кн[язе] Горчакове, а задняя – при ген[ерал-губернаторе] Гасфорде) с окружающей его рощей *(т. е. Загородной, существующей и теперь, в начале 1900-х годов)*, которая, не знаю почему, называлась тогда «зверинцем», служила местом почти ежедневных летних прогулок, а нередко даже и танцев. *(Вот почему и дорога, ведущая к нему, а теперь улица, названа в честь генерал-губернатора «Капцевичевой»*[137]*)*

Здесь, кстати замечу, что как в клубе, в котором допускалось только легкое питье и лакомства, так на бульваре и в загородном доме не существовало никаких буфетов: обстоятельство, немало гарантирующее скромность тогдашнего времени!

Упомянув о вечерней заре, как о некотором интересном зрелище для нашей прежней публики, я должен прибавить, что ее не менее занимали и другие военные зрелища, как-то: ученья с музыкой, разводы, пáрады, смотры… *(А гонение наказуемых по «Зеленой улице»*[138] *на главной площади?)*.

Тогда же квартировало здесь вóйска гораздо более, чем ныне (в 1872 г.), [а] именно: трехбатальонный гарнизонный полк (ныне Первый Сибирский и два Турк[естанских] батальона), пешая крепостная артиллерия, 24-я орудийная конно-артиллерийская казачья бригада, лейб-эскадрон казаков, большая команда инвалидов, военно-рабочая рота, а летом и казачий полк в полном его составе. К этим войскам для общих парадов в высокоторжественные царские праздники и водоосвящения присоединялись воспитанники бывшего Войскового казачьего училища (теперь – Кадет[ский] корпус), имевшие весьма щеголеватую форму обмундирования и вооружения, и военно-сиротское отделение (ныне – в[оенная] прогимназия), одетое в серо-суконное платье *(в [18]80-х годах упраздненная)*.

При подобных случаях войска строились развернутым фронтом, и этот фронт занимал не только площадь и главную улицу крепости от Омских ворот до Тарских, но и часть эспланады за этими последними воротами. Церемониальный же марш всегда производился на крепостной площади перед домом корпусного командира (ныне – квартира нач[альника] Окружн[ого] штаба) *(т. е. по направлению к Омскому железному разводному мосту)*.

Лагерь при г. Омске был и тогда одним из насущных мест для развлечений и удовольствий публики, хотя тесненькие, равендутные ша-

Мост через р. Омь. Конец XIX – начало XX вв. ГИАОО. Фотофонд. № 1916.

тры[139] пехотинцев не предоставляли своим жильцам достаточной защиты от ненастья и зноя.

О театре Омск знал только по теории или слухам, да еще по тем незатейливым и редким представлениям, которые давались в военно-сиротском отделении. Любительских же спектаклей вовсе не существовало, и некто Девотти, акробат и фокусник, едва ли не первый проложил сюда дорогу как своей братии и странствующим труппам волтижоров и актеров, так и другим артистам.

При преобладании в Омске военного и вообще служебного элемента, число частных обывателей в нем было так незначительно, что он не только оставался при двух православных церквях (Соборо-Воскресенской и Ильинской) и одной лютеранской кирхе[140] (построенной на казенный счет во время ген[ерала] Глазенапа), но даже вел, нога за ногу, свою торговлю. Его гостиный двор, помещавшийся там, где ныне находится приют «Надежда» и гимназия, *(а потом жен[ская] гимназия и техн[ическое] училище)* состоял из двух невзрачных флигелей, построенных покоем с проездом в средней части и со входом в лавки с одной только внутренней стороны. За ним тянулся мясной ряд, еще менее того приглядный. Из торговых фирм тогдашнего времени теперь не существует уже ни одной, и это

доказывает [то], как выгодно было тогда вести здесь коммерческие операции. Да иначе и быть не могло, потому что, кто желал и притом обладал средствами, тот составлял запасы необходимых в домашнем быту предметов, минуя спекулятивную услугу купцов; чему особенно способствовала командировка комиссионеров казенных ведомств на Ирбитскую ярмарку. *(Как эти ком[андировки] были введены для ком[иссионеров], видно на Поклевском-Козелл (скупка рогож) и Крупенникове).*

Дома омских купцов на Дворцовой улице. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 221.

Таким образом, здесь получались разные товары, виноградные вина, восковые столовые свечи (тогда еще не подозревали [о] существовании стеарина), и даже крупчатая мука. О магазинах, кондитерских, булочных, общественных столовых и, тем более, о гостиницах и трактирах – Боже сохрани! – и помину не было. А как дешевы были тогда предметы первой потребности! Цена их в ассигнационных цифрах была несравненно ниже нынешних ([18]40 – х годов) на серебро. *(О «ресторане» автор тоже не упоминает. Очевидно, их в [18]40-х гг. еще в Омске не было).*

Например, я помню, что ржаная мука продавалась на здешнем рынке не дороже 10–15 копеек (ассигнациями), а пшеничная обыкновенная по 25 коп[еек]; лучшая, так называемая калмынка, которая вкусом и белизной не уступала крупчатке, по 40 к[опеек] за пуд.

Богатство Омска по воспитательной части в то время составляли: военно-сиротское отделение, учителя которого были по преимуществу и домашними учителями в городе, состоявшая при том отделении Азиатская школа и Войсковое училище, из них последнее было особенно любимо тогдашним корпусным командиром ген[ералом] Капцевичем, который, закрепив за ним самостоятельное существование и место в ряду военно-учебных заведений России, оказал такую важную услугу делу развития просвещения в Сибири, которая по воспоминаниям прошедшего и надеждам на будущее не утратит никогда своего значения.

С отбытием отсюда ген[ерала] Капцевича и с перемещением ген[ерал]-губ[ернаторства] и корп[усного] штаба в Тобольск[141] Омск, как бы лишенный главной, двигавшей его моральной силы, на некоторое время очутился в состоянии какой-то апатии. Правда, он в это время чаще заслышал в своих гостиных говор французского языка и увидел на балах французскую кадриль, но зато единодушие его общества до того ослабело, что и самый клуб был закрыт.

Это обстоятельство было причиной, что молодежь в часы отдыха от служебных занятий, не находя достаточно приятных общественных развлечений, начала заметно отставать от эстетических удовольствий и большей частью проводила время на удалую лагерную распашку. Редкость же танцевальных вечеров, и тем более балов, послужила к тому, что молодые дамы и девицы сначала как бы ненароком, а потом постоянно, стали посещать танц-классы бывшего Войскового училища и приносить там с воспитанниками его желанную дань Терпсихоре. Это сближение общества с училищем дало, между прочим, Омску и первые любительские спектакли[142].

Затем мне приходится открыть довольно грустную страницу омской хроники. Вскоре за усмирением первого польского восстания, Сибирь наполнилась пленными из мятежных войск и ссыльными поляками. По сосредоточению же здесь значительной военной силы, сюда наиболее и были направлены пленные и ссыльные. Сочувствие к положению их, видимо, давало им всю возможность примириться с[о] своей судьбой, тем более, что некоторые из них по прежнему своему значению не только радушно были приняты в семейных домах, но и приглашены к участию в деятельности на общественную пользу. Так, например, двое из них даже заняли учительские кафедры в Войск[овом] училище. Но дух пропаганды, вынесенный ими с родины, к сожалению, все-таки не утомился. И вот, в 1833 г., некто Сирацинский, [ксендз]-казак, как он величал себя,

затеял прорепетировать в Омске Варфоломеевскую ночь или Варшавскую заутреню. Заговор, как водится, созрел в тайне и был обнаружен неофициальными блюстителями благочиния и порядка, но своими же собственными участниками. Накануне дня, назначенного для страшной катастрофы, двое из заговорщиков: один – линейный солдат, а другой – казак, движимые совестью или иными побуждениями, объявили о своем злоумышлении по начальству. Нетрудно представить, какую панику произвело их объявление! Живо помню, как встрепенулся и возмутился ген[ерал] Де Сент-Лоран, бывший тогда здесь областным и дивизион[ным] начальником. Это было ночью, незадолго до выступления войск в лагерь. Тотчас же, по тревоге вызвав батальоны на плац, он обезоружил и арестовал поляков. Единовременно то же самое было сделано в казачьем полку и по городу. Все кардегардии и острог были битком набиты арестованными. Арестование коснулось даже областного председателя полковн[ика] М[аркеви]ча[143], родом поляка, который по общему подозр[ению] принимал участие в заговоре, и у которого, как носились слухи, найдены были на чердаке железн[ые] ерши для заклепки орудий. Омск очутился как бы в осадном положении: усиленные караулы, патрули и разъезды охватывали город довольно прод[олжительное] время. Вместе с тем началось следствие и военный суд, завершившийся в марте 1837 г. ужасной карой над преступниками».

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 22 об. – 30 об. Подлинник. Рукопись.

Выписки из записок поляка конфедерата Карла Хоевского, сосланного в Сибирь в 1768 г., о следовании к месту назначения, зачислении конфедератов на военную службу, о принятии присяги и обращении их в православную веру.

[1886 г.]*

«В 1768 г. Краков, выдержав десятидневную осаду и штурм, вынужден был сдаться на капитуляцию… В этом положении мы ждали реше-

* Датируется по времени опубликования в журнале «Русский архив». – 1886. – № 3. – Прим. сост.

ния нашей участи от русского главнокомандующего гр[афа] Апраксина, обещавшего нам свободу, лишь только мы отречемся от дальнейшего участия в конфедерации».

Ссылка и следование с более или менее продолжительными остановками в попутных городах в Сибирь. Легкомыслие и фантазия поляков. (Остановки были в два, три месяца и более). В 1770 г. они прибыли в Верхотурье, а потом в Тюмень. Общий отзыв об обращении с ними местных воевод и комендантов очень благоприятный.

Живя в Тюмени, он узнал что: «В Тобольске генерал-губернатор Денис Иванович Чичерин был человек великодушный, но гордый... Этот всесильный правитель, говоривший несколько по-польски, радушно принимал поляков в своем гостеприимном обширном доме. В нашей среде находилось несколько изрядных музыкантов с инструментами, купленными в Казани, почему губернатор охотно приглашал их на все балы, тем более, что лучше музыкантов не было в Тобольске. *(Описание чичеренских пиршеств во время масленицы в Тоб[ольске] см[отри] у Словцова)**.

Чичерин был человеком веселого нрава, вдов, и кроме несовершеннолетней дочери не имел при себе никого. Некоторые поляки по тщеславию назвались графами, не имевшими в Польше никакой собственности, что, однако же, на известное время доставило им кое-какие выгоды. Другие выдавали себя за докторов, несмотря на то, что в Польше были портными, и этим жилось хорошо; тем не менее, постоянно их ремесло разоблачалось, и самозванцы подвергались суровой каре. В числе прочих развлечений некоторые из нас принялись разыгрывать комедии вроде иезуитских диалогов; губернатор помог построить костюмы, присутствовал со своей дочерью на представлениях и каждый раз вносил 150 рублей. Выдумывались и другие увеселения, потешавшие богатого барина, державшего при своем дворе несколько десятков гусар, в число которых поступали волей и неволей и наши поляки. *(Замет[ки] для моей истор[ической] повести «Смутное время», как один из пунктов общ[его] недовольства во времена пугачевщины. Забавы бар[ина]. Покровит[ельство] полякам. Отказ Фрауендорфа от присяги Екатерине II. Ее жестокости. Яицкий казак [...]*** *(его риги*

* Здесь и далее в документе другим шрифтом выделены комментарии Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

** В тексте неразборчиво. – Прим. сост.

и сходки). «Мирович»[144] (по Данилевскому). Полиция в степи. Бегство калмыков. Отказ преследовать яицк[ов] казаками. Шести десятин надел казакам дабы не отвлек[ать] от воинских занятий. Сходка, на которой уч[аствовали] лин[ейные] казаки, Вася, Костя, яицкие каз[аки], запорож[ские], сослан[ные] поляк[и] - (конфедерат[ы] и проч[ие]). Участь лин[ейных] каз[аков] того времени по Шпрингеру).

В то время мы спокойно проживали в Тюмени и оставались бы там еще больше, если бы бестактный поступок капитана Могидловского не вынудил нас двинуться в Тобольск среди трескучих морозов. Нам дано неожиданное приказание выступать ночью в дорогу, и мы должны были сбыть за бесценок свои пожитки домохозяевам. Выступление из Тюмени в Тобольск последовало ночью в сильные морозы и по глубокому снегу. Испытав немало нищеты и разные невзгоды в пути, мы прибыли, наконец, в этот город и простояли на морозе около пяти часов в ожидании дальнейших распоряжений. Только вечером позвали нас на губернаторский двор, а оттуда в канцелярию. Тут подвели нас к мерю и записали года, что предвещало нам военную службу. По окончании этой операции повели нас к гауптвахте и выстроили в две шеренги. Вслед за тем принесли ворох палок, привели капитана Могидловского и, поставив его перед фронт[ом], начали немилосердно наказывать. Когда же он не мог уже держаться на ногах, откомандировали четырех гренадеров, положивших капитана на ружья; мы же должны были смотреть на подобное истязание. Могидловского наказывали до тех пор, пока из губернаторского дворца не получено приказание – «довольно» и затем отправили его для отдыха на гауптвахту. В сущности, поступок капитана был столь незначителен, что о нем не стоит и говорить. После вторичной проверки по спискам трое рослых шляхтичей было назначено в гренадерскую роту; нас же по причине наступившей ночи, разместили по квартирам. На другой день помянутых трех рекрут повели в церковь и повелели им присягать на верность, чего они ни за что не согласились исполнить. За это их немедленно арестовали и тут же немилосердно наказали. Рекрут вывели на площадь, раздели донага, принесли какой-то деревянный снаряд, прикрепили ослушников за руки, ноги и шею, в таком положении их сначала стегали до тех пор, пока не стало отлетать тело, после чего отправили на гауптвахту, где они пробыли день и ночь. *(Розгами? «Козлы»?)*

На следующее утро были выставлены два батальона; барабанщики принесли огромные связки палок и батогов, а помянутые арестанты вы-

ведены для вторичного наказания. Убедившись, однако же, что в этих несчастных едва держалась душа, препроводили их в лазарет, а по выздоровлении сдали в солдаты. Затем, по присоединении к нашей партии в Тобольске еще 50 человек, нас отправили в г. Тару.

Комендант г. Тары был очень приличный человек и говорил по-польски как «природный поляк», но их прогнали далее.

«По определению нашего роста и описи лет были отмечены по спискам молодые и старые. Первые предназначались в полевые полки, а вторые – в казаки. В непродолжительном времени составлена была из нас партия в 120 человек, затребованы подводы и приказано снаряжаться в поход в Омск для поступления в драгунский Сибирский корпус, расположенный на киргизской границе... В Омске отведены нам квартиры у проживавших там казаков, так как этот вновь основанный город был населен исключительно военным сословием, а именно – казаками и драгунами. Была там и крепость с довольно сильными земляными валами, в которой находились просторные казармы, с квартирой для генерал-лейтенанта, командовавшего всем Сибирским корпусом, расположенным вдоль пограничной линии.

Вид с моста на улицу Дворцовую. Начало XX века.
ГИАОО. Фотофонд. № 328.

За крепостью расположено местечко, состоявшее из деревянных построек, населенных одними казаками. Они имели собственные дома, обязаны были оберегать границы и отбывать всякую воинскую повинность. Через город протекает р[ека] Омь с довольно хорошим мостом, а за городом значительная река Иртыш, за которой начиналась Киргизская степь. В помянутом Сибирск[ом] корпусе числились два генерал-майора и один генерал-лейтенант. Во время нашего прохода умер генер[ал]-лейтенант Шпрингер[145], и на его место временно назначен был старший ген[ерал]-м[айор] Станиславский, происходивший из поляков».

Часть поляков была оставлена в Омске, а другие распределены по другим пограничным укреплениям.

«Нас, оставшихся в Омске, повели в церковь и велели присягать на верность военной службе, чего никто из нас не желал исполнять. *(Теперешний военный Воскресенский собор).*

Мы вышли из церкви и застали уже выстроенных солдат, которые немедленно нас окружили и отвели под арест. Там мы были размещены по двое и оставлены без всякой пищи, а на следующий день нас опять повели по двое в церковь с целью заставить присягать. Однако же, никто из нас не согласился на это, представляя, что мы уже присягнули своему отечеству, и эту верность обязаны сохранить. Мы опять вышли из церкви, и уже не по двое, а по одному, так что мы не знали, кого куда посадили. Нам выдавали ежедневно по фунту хлеба и по кружке воды, а по прошествии двух дней опять повели в церковь по одному с целью привести к той же присяге, но опять безуспешно, так что, по выходе из оной, нас посадили уже под общий арест. Таким образом, мы просидели шесть недель на хлебе и воде. Все это время офицеры ежедневно уговаривали нас принести присягу, но все их условия [усилия] оказались тщетными. В других полках наши поляки точно также не согласились присягать и сидели под арестом. По прошествии шести недель нас вывели на базар, принесли палок, батогов и плетей, и, лишь только начали нас наказывать, мы согласились на присягу. Однако же, в других полках наши оказали такое упорство, что, зачастую, получая от 900 до 1500 ударов, едва соглашались принять присягу. Когда мы уже сделались невольными солдатами, прибыла новая партия из Тобольска, которую тоже распределили по полкам. Тоже самое было с партиями, проследовавшими в Омск мимо Тобольска».

Дальше идет описание бегства калмыков в 1771 г. в Джунгарию и их преследование, но очевидно составленное только по слухам и подкрашенное польскими фантазиями, основанными на полном незнании степи, что выписывать все это здесь было бы непроизводительным трудом.

«...По прибытии в Омск (обратно) мы застали свежую партию из Казани, предназначенную на военную службу в тот же (Сибирский) корпус. Им отведены квартиры (у казаков), причем объявлено, что на следующий день они приведены будут к присяге. Однако конфедераты, не ожидая утра, захватили несколько оружия и амуниции у своих хозяев-казаков, переправились через р[еку] Иртыш и передались киргизам, у которых очутились в еще худшем положении, так как одни из них были проданы ташкентцам, а других заставили пасти стада. Четверо поляков бежали обратно в Омск и донесли о случившемся».

Совершенно правильно затем сообщается, что после неудачного преследования калмыков, с прибытием в Омск вместо Шпрингера генерала Деколонга: «последовало переформирование всего нашего корпуса. Он образовал из бывшей до того времени только кавалерии легкие пешие командные батальоны. *(Легкие полевые команды из всех трех родов орудий).*

Командой начальствовал майор, батальоном из семи рот – штабофицер. В целом же [в] корпусе было семь таких команд. Наши поляки обращены в пешие команды, в которых они состояли три года.

...Когда несколько тысяч наших поляков уже зачислено было в военную службу, им предложили принять Московскую веру, за что каждому из них обещано было по 18 рублей и освобождение от военной службы. Подобное предложение было принято многими из пленных, и более всего из рядовых, желавших этой мерой облегчить свою участь. Не было дня, чтобы для этой цели не являлось в канцелярию по нескольку человек, где они немедленно получали по 18 р[ублей] с освоб[ождением] от в[оенной] службы. Таким образом приняло Московскую веру: в Тобольске – 180 ч[еловек], в Таре – 50 ч[еловек], в Томске – 75 ч[еловек], в Иркутске – 8 ч[еловек], в Казани – 46 ч[еловек]. Им разрешено было вступать в брак и заботиться самим о средствах существования».

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 15 об. – 19 об. Подлинник. Рукопись.

Выписки настоятеля Пророко-Ильинской церкви г. Омска священника Александра Радонежского из памятной книги Пророко-Ильинской церкви

[не ранее 1914 года]*

Из памятной книги Пророко-Ильинской церкви, заведенной по резолюции Его Высокопреосвященства Георгия, Арх[иепископа] Тобольского и Сибирского 26 ноября 1845 года и Указу Тобольской дух[овной] консистории от 31 дек[абря] т. г. за № 7692.

Омская Пророко-Ильнская церковь**, каменная 2-х престольная, из

Вид с левого берега р. Оми на мост и Пророко-Ильинскую церковь. На переднем плане Пророко-Ильинская церковь. Конец XIX века. ГИАОО. Фотофонд. № 93.

---

* Радонежский Александр Александрович был священником Пророко-Ильинской церкви с 1914 по 1931 годы. – Прим. сост.

** Во имя Пр[орока] Ильи, деревянная, освящена [в] 1771 году июля 7 числа при командующем господ[ине] генер[ал]-майоре Сергее Гавриловиче Станиславском и коменданте полковнике Николае Декоменже протопопом Федоровым соборне, при свящ[еннике] Ильинском – Якове Седалеве, оная деревянная церковь разобрана и в село Битиинское с иконостасом продана в 1787 году в марте месяце.

коих главный храм во имя Св[ятого] пр[орока] Ильи, в приделе теплом во имя Св[ятителя] и Чуд[отворца] Николая; заложена [в] 1778 году при свящ[еннике] Андрее Неводчикове соборне с первоприсутствующим бывшим соборным протоиереем Петром Федоровым, с благословения Преосв[ященного] Варлаама епископа Тобольского и Сибирского данного грамотой 1778 г[ода] августа 29 дня за № 1102, по стараниям ревностных прихожан и главного попечителя и строителя сей церкви генерал-поручика и кавалера г[осподина] Николая Гавриловича Огарева, храм сей совершенно отстроен в 1789 г[оду] и Преосв[ященным] Варлаамом, еписк[опом] Тоб[ольским] и Сиб[ирским] разрешено было освятить прежде построенный теплый придел во имя Св[ятителя] и Чуд[отворца] Николая – что учинено 5 дек[абря] 1785 г[ода] соборным протоиереем Петр[ом] Федоровым и свящ[енниками] Дмитрием Лапиным и Андреем Неводчиковым, наконец, по данной грамоте от того же Преосвященного освящен и главный храм во имя Святого Пророка Ильи в 1789 году на 20 июля тем же прот[оиереем] Федоровым со свящ[енником] Андреем Неводчиковым.

Церковь Омская Пророко-Ильинская строена старанием бывш[его] главнокомандующего госп[одина] генерал-поручика и кавалера Николая Гавриловича Огарева с помощью бывших в то время именитых прихожан и прочих ревностных для храма благотворителей, трудами военнослужащих, за самый малый поденный плакат, производимый из набираемой в то время для церкви суммы и от доброхозных же дателей, а потому постройка сея церкви, чего стоит, достоверных документов нет, из коих бы можно было видеть расход суммы, употребляемой на постройку ее.

Грамоты на заложение и освящение храма сего, хотя даны и благословленные Преосв[ященным] Варлаамом епископом Тоб[ольским] и Сибирским, но от времени и от значительных пожаров, угрожавших сей церкви опасностью, утрачены вместе с некоторыми документами и сведениями оной церкви.

В каком году	Сколько было доходу церковной суммы ассигнациями		Сколько было расходу церковной суммы ассигнациями	
1809	1520	22	1260	84 ¾
1810	2589	58	2052	72
1811	2622	58	2052	72

1812 1813 1814 1815	Денежных книг о сумме церковной за сие годы при церкви не имеется			
1816	3888	66 ¼	2842	6

и т. д.

Тысяча семьсот семьдесят первого года в августе месяце – первый приезд Преосв[ященного] Ефрема, еписк[опа] Тоб[ольского] и Березовского – управлявшего Тобольской епархией, как бывший еще викарием епископом Тоб[ольской] епархии.

В каком году	Кто были священно-церковнослужителями	Какие были перемены	Сколько доходу получалось и получается в год
1795 1796 1797 1798 1799 1800 1801 1802	Священник Андрей Неводчиков Дьячок Андрей Алексеевич Лукин Пономарь Петр Сергеевич Омский	помер	

Сколько, в котором году младенцев родилось и умерло и возрастных прихожан, сколько впредь будет родиться и умирать, и сколько в котором году было и будет браков:

В каком году	Сколько было родившихся обоего пола						Сколько было бракосочетавшихся			
	в городе			в уезде			в городе		в уезде	
	муж.	жен.	обоего	муж.	жен.	обоего	супр.	лиц	супр.	лиц
1801	57	62	119	В сих годах разделения не было			17	34	В сих годах разделения не было	
1802	70	68	138				23	46		
1803	83	77	160				17	34		
1804	51	39	90				20	40		
1805	89	96	185				27	54		
1806	85	106	191				21	42		
1807	154	104	258				18	36		

В каком году	Сколько было умерших того и другого пола						Сколько умерло достигших глубокой старости и сколько именно лет					
	в городе			в уезде			в городе			в уезде		
	муж.	жен.	обоего	муж.	жен.	обоего	лета	муж.	жен.	лета	муж.	жен.
1801	72	56	128	В сих годах разделения не было			80		1	86 101	1 1	
1802	40	41	81				80	1	1	90	-	1
1803	37	35	72				80 84	1 1	1 -	83 100	- -	1 1
1804	60	63	123				88 90 80 138	1 - 1 -	- 1 - 1	80 90	1 1	-
1805	75	57	132				80 81 82 85	2 1 1 1	- - - -	80	1	-
1806	66	65	131				80 85 87 90	2 2 - 2	- - 1 1	80	1	-
1807	40	34	83				80 85 86 90 106	1 1 - - 1	2 1 1 1 -	80 95	- 1	1 -

и т. д.

Какая каждогодно постепенность возраста или упадка религиозно-нравственного состояния прихожан в исполнении обязанностей христиан:

В каком году	Исповедавшихся и причастившихся				Исповедавшихся, но не причастившихся				Не исповедавшихся и не причастившихся							
									По малолетству				По болезни, нерадению и другим причинам			
	в городе		в уезде		в городе		в уезде		в городе		в уезде		в городе		в уезде	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
1795	156	234	105	122	147	128	181	168	28	26	89	50	8	8	3	1
1803	215	328	70	140	194	134	234	146	76	92	75	50	77	84	20	25

1804 1805 1806	Окончания сих годов нет, а потому и табеля не составлено															
1807	119	189	10	29	69	55	15	17	373	424	415	359	102	120	80	28
1808	359	350	118	117	374	464	310	285	167	174	96	86	7	6	4	4
1809	209	302	47	60	566	592	379	342	160	174	91	99	6	5	7	6
1810	223	341	88	122	510	615	339	288	174	167	106	92	35	26	17	13
1811	381	344	198	226	396	269	501	212	158	58	151	79	20	21	12	6
1812	439	578	100	176	385	399	290	214	173	151	104	92	16	15	8	3

и т. д.

Необыкновенные случаи, как например, приезд каких-либо знаменитых особ или кто из жителей того прихода в том же приходе или других местах России отличается каким-либо знаменитым подвигом или искусством, или изобретением, или не было ли какого происшествия достопримечательного:

№	В каком году	Необыкновенные случаи, как например, приезд знаменитых особ были:
1	1819	генерал-губернатор Восточной и Западной Сибири г[осподин] Михаил Михайлович Сперанский
2	1828	г[оспода] сенаторы: Куракин и Безродный
3	1828	Евгений, Архиепископ Тобольский и Сибирский

СПРАВКА*.

[В] 1868 году июня 10-го – приезд В[еликого] К[нязя] Владимира Александровича.

[В] 1872 году 15-го декабря – выбор гласных по новому положению. 1[-й] г[ородской] голова Ф.Л. Чернавин.

[В] 1877 году 30 апреля Любинский был затоплен.

[В] 1895 году утверждена Омская епархия, первый епископ Григорий.

[В] 1891 году приезд наследника ныне Государя июля 14-го. Тогда же был заложен Успенский собор, а в 1898 году 9-го сентября Успенский собор (141300 р.) освящен, главный колокол 400 пуд[ов] (дар бр[атьев] Волковых). При соборе утверждено Высочайшее общество хоругвеносцев в 1900 году.

* Приложена к основному документу в качестве дополнения. – Прим. сост.

Вид на Пророко-Ильинскую церковь. Конец XIX – начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 1913.

Воскресенский собор построен в 1772 году, освящен того же года в сентябре месяце. Главный колокол 200 п[у]д[ов]. Постройка на средства инженерного ведомства. Собор стоит 151800 р[у]б[лей].

Настоятель Ильинской церкви
Свящ[енник] Александр Радонежский

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 347. Л. 1 – 3 об. Подлинник. Рукопись.

Выписки из сообщ[ения] н[сполняющего] д[олжность] начальн[ика] Ом[ской] обл[асти] полк[овника] Броневского «Об открытии Омской области в Сибири»

[1823 г.]*

Торжественное открытие произошло по приказанию ген[ерал]-губ[ернатора] П.М. Капцевича 8 ноября 1823 г[ода], в день праздно-

* Датируется по дате опубликования в издании «Сибирский вестник». – 1823. Ч. 4. – Прим. сост.

вания именин В[еликого] Кн[язя] Михаила Павловича. «По утру этого дня все чиновники, назначенные к должностям в Обл[астной] Совет, Обл[астное] правление, Обл[астной] суд, по выслушании литургии и молебствия в ц[еркви] Святого Ильи, что на форштадте, ближайшей к дому помещения Присутственных мест, собрались в сей дом. *(Где?)**

На площади от церкви к Прис[утственным] местам устроен был из всех войск, в Ом[ске] находящихся, военный парад со знаменами. В 12 ч[асов] по осмотре народа прибыл ген[ерал]-губ[ернатор] и по надлежащему от чиновников встрече и[сполняющий] д[олжность] нач[альника] обл[асти] гвардии полк[овник] Броневский представлял всех чиновников области в порядке, учреждением определенном. Потом в зале Обл[астного] Совета [было] открыто первое заседание чтением предложения, ген[ерал]-губ[ернатором] утвержденного, об открытии областей и статей Высоч[айше] утв[ержденного] о Сибир[ских] губ[ернских] учреждений, относящихся до состава О[мской] области. *(Кто?)*

По окончании сего Ом[ский] протоиерей с духовенством совершили по чиноположению молебствие и водоосвящение, кропили св[ятой] водой чиновников и всех Присут[ственных] мест комнаты при пении «Спаси господи люди твоя». После чего все чин[овники] приведены были к присяге. Засим возглашено многолетие Госуд[арю] и всему Ц[арскому] Дому при пении «Многие лета». Военный парад стрелял из ружей по 3 выстрела, конно-артиллерийские казачьи роты палили из орудий одного за другим сто одним выстрелом. Два хора музыки играли, и барабаны били. Потом певчие пели «Тебе Бога хвалим» и проч[ее] с музыкой и троекратно стих: «С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся яко с нами Бог». При сем находились зрителями в доме многие из чиновников военных и гражданских, равно и приглашенные к сему случаю из орд киргизских султаны, почетные старшины и киргизы. Между тем, военный парад и артиллерия с конно-казачьим Атаманского полка эскадроном и со своей музыкой проходили подле дома Прис[утственных] мест церемониальным маршем. Чиновники военные и гражданские, равно султаны и почетнейшие киргизские старшины, приглашены были на обед к ген[ерал]-губернатору. Для всех нижн[их] чинов выдана винная порция, а для воспитанников казачьего и военно-сиротского отделений возрастам их соответственные ла-

* Здесь и далее в документе другим шрифтом выделены комментарии Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

комства, простому народу дали по чарке вина и на нескольких столах в трех местах города приготовленная закуска. Киргизам, на сей случай из Орд во множестве собравшихся, сделано пристойное по их обычаям угощение. К вечеру город был иллюминирован, а в зале Военно-сиротского отделения дан был многочисленному собранию бал, к коему зрителями приглашены были киргизские султаны и почетные из их старшин. На другой день угощены были обедом от и[сполняющего] д[олжность] начальника области: г[осподин] ген[ерал]-губернатор, Председ[седатель] и сов[етники] областн[ых] мест, советник Гл[авного] упр[авления] Зап[адной] Сибири, все чины корпусного штаба, военные штаб-офицеры и почетнейшие из граждан; а с 9-го числа, с помощью божьей, началось в Присутственных вновь открытых областных местах действие их обязанностей». *(Кто?)*

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 81 – 82 об. Подлинник. Рукопись.

Выписка из корреспонденции П. Золотова в газете «Акмолинские областные ведомости» «Посещение училища Сиб[ирского] каз[ачьего] в[ойска] Ал[ександром] фон Гумбольдтом»

[1872 г.]*

Ч[асть] неофициальная

Листок из Омской хроники.

14-го авг[уста] 1828 г. А. Гумб[ольдт] посетил уч[илище] С[ибирского] л[инейного] каз[ачьего] в[ойска] «с состоявшей при этом заведении Омской Аз[иатской] школой». Встреча его в заведении была устроена самым торжественным образом; для чего, между прочим, по распоряжению тогдашнего Зап[адно]-Сиб[ирского] генерал-губернатора И.А. Вельяминова прислан был из Тобольска хор войсковых музыкантов *(Алябьев – автор «Соловья»)***.

При входе в главный зал училища (где теперь церковь кад[етского]

* Датируется по дате опубликования в газете «Акмолиские областные ведомости». – 1872. – № 24. – Прим. сост.

** Здесь и далее в документе другим шрифтом выделены комментарии Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

корпуса), украшавшийся в то время портр[етом] блажен[ной] памяти Г[осударя] им[ператора] Ал[ександра] I-го (работы Доу), Гумбольдт приветствован был следующей речью, которую произносили один за другим четыре избранные воспитанника на русском, французском, татарском и монгольском языках: «Здесь, перед изображением великодушнейшего из монархов, Августейшего основателя сего благодетельного заведения, в котором мы озаряемся светом познаний, неизвестным отцам нашим, здесь изливаем мы перед Вами чувство нашей признательности. Удостойте, знаменитый посетитель, принять оное как знак глубочайшего почтения к особе Вашей, которое Вы поселяете во всех сердцах! Громкая слава Ваша достигла и до нас, обитателей стран отдаленных. Исполненные глубокого уважения к Вашим высоким достоинствам мы до конца дней своих будем благословлять сей радостный и незабвенный день, в который ученый муж Европы осчастливил нас своим посещением *(Ив[ан] Старков)*. Мы будем гордиться сим счастьем, которое провидение ныне даровало нам, которым не наслаждались наши предки, которому, без всякого сомнения, позавидуют и позднейшие наши последователи».

О встрече этой напечатано было и в «Горном Журнале» за 1830 г., где м[инистр] пр[освещения] написал: «Пребывая в Омске два дня, они (т. е. Гумбольдт и его спутники), посетили в сем городе Вой[сковое] каз[ачье] училище, заведенное в 1813 году бывшим командиром Отд[ельного] Сиб[ирского] к[орпуса] ген[ерал]-лейт[енантом] Глазенапом *(могила его в Омске)*, и доведенное до отличного устройства бывш[им] г[енерал]-губ[ернатором] З[ападной] Сиб[ири] генер[алом] от артиллерии Капцевичем и нынешним г[енерал]-губ[ернатором] г[енералом] от инфантерии Вельяминовым, под ближайшим руководством ген[ерал]-м[айора] Броневского, начальника шт[аба] Отд[ельного] Сиб[ирского] кор[пуса]. Равномерно они посетили и Аз[иатскую] школу. Г[осподин] фон Гумбольдт встречен был в сих завед[ениях] речами, говоренными воспитанниками на монгольском, турском* (?) и др[угих] языках».

То же самое заявлено и спутниками Гумбольдта.

П. Золотов

(бывший в это время воспитан[ником] Войск[ового] училища).

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 21об. – 22 об. Подлинник. Рукопись.

---

* Тюркском. – Прим. сост.

Выписки из корреспонденции журнала «Северная пчела» «Очерк сибирской жизни образованного общества». (Письмо неизвестного автора из Омска от 7 января 1843 года)

[1843 г.]*

Без подписи имени автора.

«Не только иностранцы, но и большая часть русских имеет превратное понятие о Сибири.

Это письмо покажет, как живут в городе, лежащем на черте степи Барабинской и Ишимской! Право, этой жизни позавидовали бы многие города во Франции. Омск, по упразднению Омской области[146], уездный город Тобольской губернии, населен большей частью служащими в нем чиновниками и казаками Сиб[ирского] лин[ейного] каз[ачьего] войска. Здесь место пребывания г[осподина] ген[ерал]-губ[ернатора] Зап[адной] Сибири, ком[андира] Отд[ельного] Сиб[ирского] корпуса кн[язя] П[етра] Дм[итриевича] Горчакова 2-го, который, как благодетельный начальник отдельного края, старается всеми зав[исящими] от него средствами распространять просвещение, согревать все то, что окружает его и оживляет общество. Со времени пребывания его с[иятельст]ва в Сибири, мы начали жить просвещенной жизнью и ни на шаг не отстаем от просвещения Европы, следя внимательно за всем: выписываем всевозможные журналы, книги на всех языках, и жалеем только, что наша литература так медленно продвигается. Общество наше составлено, большей частью, из приезжих сюда на службу чиновников, которые отправлялись из России с семействами, полагают, что у нас кроме соболей, бобров, черных лисиц и белых медведей никого не встретят; приезжая, удивляются, находя общество образованное, которое никак не уступает обществам лучших и богатых наших губернских городов. Во всех гостиных вы услышите кроме нашего родного чистого языка язык французский, самый изысканный язык Бальзака, Жанена, Евгения Си, язык философический и положительный – немецкий, язык модный – английский и язык музыкальный – итальянский, в мотивах великих и любимых композиторов.

---

* Датируется по дате опубликования в издании «Северная пчела». – 1843. № 26. – Прим. сост.

В Омске находится училище Сиб[ирского] лин[ейного] каз[ачьего] в[ойска], в котором воспитываются тоже дети служащих в сибирских губерниях чиновников; заведение сие заслуживает особенного внимания. Оно снабжает казачье войско хорошими офицерами: дворяне выпускаются офицерами в линейные батальоны; в нем приготовляются толмачи восточных языков для окружных приказов Кирг[изской] степи и топографы для роты, состоящей при Сиб[ирском] корпусе, работы которого заслуживают всегда похвалу высшего начальства. И это заведение доставило всему нашему обществу во время последних праздников истинное удовольствие. Начальство устроило театр, и воспитанники играли два раза: 30 декабря и 4 января; давали пьесу кн[язя] Шаховского: «Ссора» или «Два соседа» и водевиль «Стряпчий под столом», переделанный Ленским. Несмотря на то, что актеры-юноши не видали никогда театра и не имели понятия о сцене, спектакль тем очень хорош. Непринужденная дикция, ловкость и смелость выступающих в первый раз на сцене удивили всех присутствующих, которые громкими рукоплесканиями и вызовом всей труппы поощрили детей. Оставляя училище, каждый из посетителей уносил с собой приятное воспоминание о нескольких часах, которые украшались и талантами избранных воспитанников, и непринужденной приветливостью директора училища ген[ерал]-м[айора] Шрамма.

Новый год начался, как обыкновенно во всем свете, визитами, поздравлениями, а вечером был бал costume у любимого и уважаемого нашего начальника кн[язя] П[етра] Дм[итриевича], вечера которого всегда отличаются необыкновенной живостью и непринужденностью, поддерживаемые радушием хозяина. За несколько дней до того его с[иятельст]во изволил намекнуть нескольким дамам о костюмах, и все полетели в лавки: начали закупать, хлопотать о картинках, шить, и в неделю готово было прекрасных богатых костюмов до двадцати. В особенности, нельзя умолчать об испанском и греческом костюмах, которые изящностью невольно напоминали столицу. В красавицах у нас также нет недостатка. Русские костюмы отличались богатством, и невольным образом удивляешься, как в столь отдаленном крае дамы не отстают от настоящей моды! Когда уже все съехались на бал, отворились двери, и вошла тирольская кадриль, составленная из детей, которые обворожили всех. Бал был блистательный, оживленный, и что всего важнее – веселый».

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 79 – 81. Подлинник. Рукопись.

Из воспоминаний М.Д. Францевой о генерал-губернаторе Западной Сибири П.Д. Горчакове, о встрече и переписке ее с Ф.М. Достоевским и С.Ф. Дуровым

[1888 г.]*

Глава V. – «В Омске, отстоящем в 600 в[ерстах] от Тобольска, ближе к Киргизской степи была сосредоточена гл[авная] квар[тира] ген[ерал] губ[ернатора] Зап[адной] Сибири. Там находились также все военные управления и военное училище, впоследствии переформированное в кадетский корпус, переустройство которого было поручено вновь назначенному из Петербурга инспектору Ивану Викентьевичу Ждан-Пушкину, бывшему потом директ[ором] в I-м Московском кадетском корпусе. Он был лично известен как отличный офицер начальнику учебных заведений Якову Ивановичу Ростовцеву и ему дано было право со всеми вопросами по этому делу обращаться прямо к нему, помимо бывшего в то время директором генерала Шрамма.

С переводом резиденции ген[ерал]-губ[ернатора] из Тобольска в Омск[147] при князе Горчакове жизнь там закипела ключом, начались необходимые постройки для помещения войска и гражданского управления. Город возрастал не по дням, а по часам, хотя долго еще ощущался недостаток в удобных помещениях для служащих. Князь Петр Дмитриевич Горчаков умел окружить себя хорошими адъютантами – [это] были люди прекрасно образованные, принадлежавшие к лучшему обществу: граф Толстой, барон Врангель, Мантейфель, Бибиков и др[угие]. В начале своего правления кн[язь] Горчаков держался твердых и честных правил, чего, к сожалению, нельзя сказать про конец его правления. Подпав под влияние очень умной, хотя далеко не красивой и не молодой генеральши Шрамм, он настолько подчинился ей, что не устоял даже в своих прежних твердых правилах. Она своим замечательным тонким и хитрым умом так забрала его в руки, что под конец без ее согласия и совета не решалось никакое дело. Лесть и взяточничество начали проявляться в огромных размерах, владычество и управление краем перешло совершенно в

* Датируется по дате опубликования в «Историческом вестнике». – 1888. – 6. – Прим. сост.

ее руки; если кому было что-нибудь нужно, то прямо обращались к ней, неся иногда непосильную дань для успеха дела. Князь, конечно, закрывал глаза и делал вид, будто ничего не видит, тогда как вся область страдала от владычества корыстолюбивой женщины; возник общий ропот, посыпались доносы в Петербург.

*(Анекдоты о Шр[амме] и его глупости. Случай с Костылецк[им]. Выгоревшая вода. Моральи рога, и высылка из Ом[ска] офиц[еров]. Генер[ал] Ш[рам]м. – Пасквиль на столбах «ген[ерал] Шр[амм] получ[ил] ли зв[ание] за жен[щи]ну....» и т. д.)**

Бывши раз на балу у кн[язя] Горчакова в Омске, куда к нему приглашались иногда губернаторы с семействами и другие более почетные чиновники Тобольска, я видела там жену богатого золотоприискателя Асташова, приехавшую из Томска тоже на этот бал; она, можно сказать, вся была унизана великолепными бриллиантами; особенное внимание обращал на себя драгоценный браслет с крупными солитерами[148]. Через несколько дней браслет этот уже красовался на руке корыстолюбивой генеральши. В столь отдаленном краю, как Сибирь, особенно в то время, генерал-губернаторы имели безграничную власть, распоряжались почти без контроля, всё перед ними молчало и не смело прекословить; очень немногие могли идти, не уклоняясь, прямым путем к правде, что, конечно, очень не нравилось властолюбивым правителям.

(Чье-то выражение о Горчакове, как неогр[аниченном] владыке, см[отри] в воспомин[аниях] И.Ф. Бабкова).

Губернаторы тоже имели немалую власть и жили магнатами. Возвращаясь раз из Омска в Тобольск с одним из них – Энгельке, я была поражена тем подобострастием, с которым встречали и провожали нас везде. Впереди нас на всем шестисотверстном расстоянии скакал на перекладной в мундире заседатель; он приготовлял в деревне квартиру и устраивал приличную встречу. За ним следовал повар губернатора и заранее готовил обед, где назначена была остановка. Потом в карете шестериком по нарочно усаженной березами и убитой песком аллее подъезжали мы к дому, где была приготовлена квартира.

(А как же встречали и провожали в то врем[я] ген[ерал]-губерн[атора] – Помню эти встречи. Беление труб, крашение палисад-

* Здесь и далее в документе другим шрифтом выделены комментарии Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

ника, насаждение садов, метение улиц, упряжка лошадей, махальный «бежать!», хороводы девок, цыган, почетн[ый] караул и т. д. А запряг[ание] лошадей у киргиз. Встречи Хрущ[ева] уч[ебной] сотней и т. д.)

Мужики и бабы в праздничных костюмах встречали нас с низкими поклонами и тут же приносили и заявляли свои жалобы губернатору. На подъеме же высокой горы берега Иртыша, по окраине которой лежала дорога, буквально вся деревня была выставлена и стояла шпалерами на крутизне, поддерживая экипаж губернатора, чтобы он как-нибудь не соскользнул в пропасть».

О сибирской езде на «дружках»…

«Князь Горчаков, увлекшись дурным влиянием, внес немало горя и в семейную свою жизнь. Княгиня выехала в Россию и более уже не возвращалась в Сибирь. После ее кончины дочери ее приезжали было в Омск к отцу, но не могли вынести несправедливости отца и должны были тоже возвратиться в Россию. Единственным их утешением во время пребывания в Сибири было свидание с Нат[альей] Дм[итриевной] Фонвизиной (женой декабриста, родственницей по матери); они нарочно приезжали к ней в Тобольск; но князь, подозревая, что они жалуются ей как близкой родственнице покойной их матери на его поведение и недобросовестные поступки относительно их самих, так как он затеял в то время еще одно очень неправое дело касательно завещанного его дочерям дядей их матери Черевиным по духовному завещанию наследства и перевел это дело для скорейшего успеха в сибирские суды, где как властелин края надеялся его выиграть, восстал и против Фонвизиных, несмотря на то, что до сих пор в продолжении нескольких лет был в лучших дружеских отношениях с ними. Он начал писать укорительные письма к Нат[алье] Дм[итриев]не, будто она восстановляет дочерей против него, бесился неимоверно, особенно когда неправое дело (благодаря близкому участию в нем Тоб[ольского] прокурора, отца автора записок Францевой) получило заслуженный конец.

Незадолго до этой истории была привезена в Тобольск партия полит[ических] преступников, так называемых петрашевцев, состоявшая из восьми человек: Достоевского, Дурова, Момбелли, Львова, Григорьева, Спешнева и самого Петрашевского. Отсюда их уже распределили по разным заводам и губерниям. Нат[алья] Дм[итриевна] Фонвизина, посещая их в Тоб[ольском] остроге, принимала в них горячее участие и, находясь еще тогда в дружеских отношениях с

кн[нязем] Горчаковым, просила его оказать посланным в Омск Достоевскому и Дурову покровительство, что и было сначала исполнено князем.

Узнав о дне их отправления, мы с Нат[альей] Дм[итриевной] выехали проводить их по дороге, ведущей в Омск за Иртыш, верст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный. Отправившись на своих санях пораньше, чтобы не пропустить проезжающих узников, мы заранее вышли из экипажа и нарочно с версту ушли вперед по дороге, чтоб не сделать кучера свидетелем нашего с ними прощания; тем более, что я должна была еще тайно дать жандарму письмо для передачи в Омске хорошему своему знакомому подполковнику Ждан-Пушкину, в котором просила его принять участие в Достоевском и Дурове. Долго нам пришлось прождать запоздалых путников, и 30-гр[адусный] мороз порядочно начинал нас пробирать в открытом поле. Прислушиваясь беспрестанно к малейшему шороху и звуку, мы ходили взад и вперед, согревая ноги и мучаясь неизвестностью – чему приписать их замедление. Наконец, мы услышали отдаленные звуки колокольчиков. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармом и седоком, за ней другая. Мы вышли на дорогу, и, когда они поравнялись с нами, махнули жандармам остановиться, о чем уговаривались с ними заранее. Из кошевки выскочили Достоевский и Дуров. Первый был худенький, небольшого роста, не очень красивый собой молодой человек, а второй лет на десять старше товарища, с правильными чертами лица, с большими черными задумчивыми глазами, черными волосами и бородой, покрытой от мороза снегом. Одеты они были в арестантские полушубки и меховые малахаи, вроде шапок с наушниками; тяжелые кандалы гремели на ногах. Мы скоро с ними простились, более чтобы кто-нибудь из проезжающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтобы они не теряли бодрости духа, что о них и там будут заботиться добрые люди. Я отдала приготовленное письмо к [Ждан]-Пушкину жандарму, которое аккуратно он доставил ему в Омск...

(Нужно иметь ввиду, что жандармы тогда комплектовались казаками Сиб[ирскогог] лин[ейного] каз[ачьего]войска).

Они снова уселись в свои кошевки, ямщик ударил по лошадям, и тройки помчали их в непроглядную даль горькой их участи. Когда замер последний звук колокольчиков, мы, отыскав наши сани, возвратились чуть не окоченевшие от холода домой.

В начале пребывания в Омске в арестантских ротах Достоевского и Дурова им было гораздо лучше, чем впоследствии. Кн[язь] Горчаков по просьбе Нат[альи] Дм[итриевны] принял в них участие и делал разные облегчения, но после размолвки с ней все вдруг переменилось и вместо снисхождения началось притеснение. Прежде всего, запрещено было помещать их в госпиталь, потом велено было высылать их с простыми арестантами в кандалах чистить зимой самые многолюдные улицы; одним словом, начался для них целый ряд разнородных унижений.

Мы имели о них постоянные сведения от [Ждан]-Пушкина; он, как инспектор кадетского корпуса, писал ко мне о них под видом известий будто бы о родственниках-кадетах; между прочим, забавно описывал он переполох князя из-за Дост[оевского] и Дур[ова].

(Один из них по окончании курса, подпор[учик] Францев, служил во время моего действа в Каркаралах. Очень изящный и красивый офицер).

«Однажды, – писал [Ждан]-Пушкин, – начальник штаба, генер[ал] Жемчужников[149], посетил военный лазарет и, видя здоровый вид Дос[тоевского] и Дур[ова], шепнул главному доктору Троицкому, чтобы он их выписал, прибавив при этом по секрету, что в них и князь Горчаков принимает б[ольшое] участие и что им не так худо будет и вне госпиталя. Действительно, коменданту Де-Граве было передано по секрету, чтоб с ними и обращались хорошо, и не употребляли их на тяжелых работах. Причина приказания выписать их из госпиталя была, кажется, трусость князя. Здесь пресмешная комедия была. Князь, получивши в первый раз предписание о присылке в Сибирь этих несчастных, распорядился тотчас же о разводе их по разным местам тоже на почтовых, как они прибыли из Петербурга; на другой день приходит к князю начальник штаба и уверяет, что их следовало отправить по этапам пешком, а не по почте, и что за это князь может получить неприятность. Князь испугался, послал было тотчас же адъютанта своего на курьерских в Тобольск, чтобы остановить свое первое распоряжение, но было уже поздно, адъютант встретил на дороге Дур[ова] и Дост[оевского], идущих в Омск, и узнал, что прочие также отправлены, и что их никак не догонишь. На князя напала страшная трусость, пошли вздохи и жалобы; он только и твердил окружающим его, что вот долголетняя служба его должна пропасть, что он ожидает каждую минуту, что приска-

чет из Петербурга фельдегер, посадит его в сани и увезет за тридевять земель, ничем заниматься не мог, только это и было у него в голове; и вот, вероятно, под влиянием этой-то трусости он и послал нач[альника] штаба в госпиталь с тем, что ежели он найдет их на вид здоровыми, то чтоб приказал выписать. На днях получил, наконец, князь успокоительный ответ из Петербурга, где пишут, что все его распоряжения насчет отправления и назначения этих несчастных одобряются совершенно, и вот он вздохнул свободнее».

Дуров был поэт; он в тюрьме написал прекрасные стихи, которые переслал через [Ждан]-Пушкина к нам в Тобольск, на текст Св[ятого] евангелиста Матфея: «Пришел Иоанн, ни ест, ни пьет, и говорят: в нем бог. Пришел Сын человеческий, и ест и пьет, и говорят: вот человек, который любит и есть, и пить вино, друг мытарям и грешникам» <...>

Достоевский и Дуров по окончании четырехлетнего пребывания в омских арестантских ротах были переведены в Семипалатинск, откуда потом возвращены уже в 1856 г. в Россию. *(О преб[ывании] в Сем[ипалатинске] - воспомин[ания] Врангеля (в прил[ожении] к в[оспоминаниям] Вр[ангеля] - портрет его в офиц[ерской] форме (Сем[ипалатинский] музей).*

Каждые два года сиб[ирские] ген[ерал]-губернаторы обязательно ездили в Петербург с отчетами и новыми представлениями по устройству края. Случилось так, что князю Горчакову после всех своих неприятных историй нужно было ехать в Петербург. Уезжая, он прямо заявил во всеуслышание свои угрозы и негодования как на Фонвизиных, так и на отца моего (Тоб[ольского] губ[ернского] прокурора), говоря громко, что по своем возвращении из Петербурга он всех своих недоброжелателей нарядит в серые армяки и расселит по Сибири. Положение папы было очень критическое, надо было предпринять какие-нибудь охранительные меры. Н.Д. Фонвизина по своему смелому характеру решилась написать письмо прямо к Императору Николаю Павловичу, прося его защиты от самовластия бесконтрольного властелина Западной Сибири. Излагая всепокорнейшую свою просьбу Императору, она упомянула, что в оправдание свое она может только представить свою переписку с кн[язем] Горчаковым по этому делу, которую и препровождает в III Отделение князю Алексею Федоровичу Орлову.

Письмо к Императору и переписку ее с князем взялся отправить на почту жандармский штаб-офицер Фон-Колен. Ответа, конечно, не по-

следовало, и мы прожили зиму в тяжелой неизвестности, чем решится наша участь весной, по возвращению князя, тем более что от него получались известия об успехах будто бы его дел в Петербурге. Предавшись на волю Божью, мы единственное подкрепление находили лишь в молитве. Вдруг, под конец зимы неожиданно прислана была отставка генералу Шрамму, без всякого, конечно, с его стороны желания, из чего все тотчас же поняли, что дела князя в Петербурге плохи. Вскоре потом стали доходить слухи, что и он не вернется больше в Сибирь. Наши сердца встрепенулись надеждой на спасение; и, в самом деле, прошло лето, а князь все не возвращался. Как письмо Н.Д. Фонвизиной, так и множество доносов, посланных со всех сторон, подействовали в Петербурге настолько сильно, что к осени назначена была ревизия Зап[адной] Сибири, которую и поручено было произвести ген[ерал]-адъютанту Анненкову[150].

(Ни дать ни взять, как в силу моих заявл[ений], в Петерб[ург] был прислан Г.А. Пантелеев для съедения Надарова).

Ревизия была им сделана очень снисходительно вследствие просьбы воен[ного] министра гр[афа] Чернышова, который в продолжении 14 лет всегда (пользовался) заступался за кн[язя] Горчакова, почему и опасался, чтобы открытие всех его злоупотреблений не послужило бы укором и самому министру. С Ник[олаем] Ник[олаевичем] Анненковым приехали для ревизии два брата Виктор и Адам Антоновичи Арцимовичи и Ковалевский. Н.Н. Анненков был двоюродный брат декабристу Ив[ану] Алек[сандровичу] Анненкову, поселенному в Тобольске...

По назначении ревизии князь Горчаков подал в отставку, и на его место назначен был новый генерал-губернатор, генерал Гасфорд. Тобольский губернатор Энгельке по окончании ревизии также вышел в отставку, а на его место также приехал другой, некто Тихон Федотович Прокофьев, добрый и благодушный старик. Пробыв года два, не больше, в Тобольске, он по болезни должен был оставить должность. Его заменил потом Виктор Антонович Арцимович (известный впоследствии сенатор)».

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 5 об. – 12. Подлинник. Рукопись.

Выписки из книги И. Белова «Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири»

[1852]*

Наиболее интересное, касающееся г. Омска, имеется в выписках Старожила (М.М. Сиязова), помещенных в №№ 192 и 193 «Омского телеграфа» за 1912 год. А потому здесь я и выписываю только то, что нашел более интересным из того, что не помещено в Ом[ском] телеграфе.

Гор. Омск. 20 февр[аля]. «К вечеру следующего дня, был после счастливо избегнутой мной опасности от бури, мне случилось быть в здешнем благородном собрании; а так как это было на последних днях Сырной недели и тем вечером кончался в том году сезон: сверх того некоторые из дам и кавалеров хотели быть наряженными в разные костюмы, то по этому случаю стечение там публики было чрезвычайное. Довольно долгое время мы ожидали замаскированных, ибо, хотя дамы были и приехавшими, но не доставало у некоторых из них еще кавалеров, а потому они, не желая показаться публике, решились дожидаться прибытия их в особой келье. Наконец, появилась Диана, а за ней гречанки, персиянки, грузинки, армянки, так же костюмы Германии, Швейцарии, Испании и Италии, вся эта пестрая разнообразная группа как будто одушевила наше общество. После польского, которым приветствовали их, заиграли французскую кадриль и восемь разно костюмированных пар стали танцевать и в совершенном порядке, плавно, по всем правилам искусства, казались они вполне обратившимся в кадриль, а публика в зрение». Описан так же бал в кадетском корпусе, устроенный чинами корпусного штаба и генералитета по случаю производства корпусного командира (кн[язя] Горчакова) в полные генералы. Весь верхний этаж корпуса был очищен по этому случаю под бал (по случаю дружбы с Шраммом).

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 36 об., 40 – 40 об. Подлинник. Рукопись.

---

* Датируется по дате издания книги. Москва. – 1852. – Прим. сост.

Корреспонденция М.М. Сиязова (Старожил) в газете «Омский телеграф» «Омск 70 лет тому назад»

[1912]*

Широкий и интересный вид, чуть не на всю центральную часть города Омска, открывается старым глазам моим с балкона моей квартиры на Сажинской, в соседстве со зданием молитвенного дома баптистов. За крышами надворных построек и ближайших более низких домов я вижу налево от себя купола мечети и казачьей церкви, правее – верхний этаж только что построенной высокой бани Коробейникова с ее светло-серым куполом; еще правее видна мостовая часовня, а прямо передо мной тянется Перфильевская улица Мокринского форштадта, от складов Нольте и почти до 2-го Мокрого переулка, оживляемая группой ив и тополей берега Оми; эта односторонка, в отличие от других улиц Мо-

Коммерческие номера на углу ул. Томской (Лермонтова) и Костельной. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 192.

* Датируется по дате выпуска газеты «Омский телеграф». – 1912. – № 192. № 193. – Прим. сост.

крого, еще сохраняет свою старую физиономию, погиб только Перфильевский садик, росший у самой реки. За невзрачными домиками Перфильевской высятся: массивный завод Чистякова, трехэтажный дом Ладыгиной, дом Энса и другие иные постройки Мокринского форштадта. Далее, по направлению к Иртышу, белеет ряд старых магазинов Любинского проспекта, а за ним поднимаются здание гостиницы «Россия», корпус Московских рядов, магазины Ганшина, Шаниной, красивое здание женской гимназии с группой деревьев перед фасадом. За мостовой часовней я различаю светлую полосу: часть реки Иртыш, а за рекой – зеленую луговую низину, побуревшую степь и темные рощицы левобережья. Над крышами Московских рядов и магазина Ганшина на моем горизонте высятся верхушки немецкой церкви, гауптвахты, старого собора[151]. Чуть-чуть направо от меня видны мне здание театра, базар, красивый новый собор[152], еще правее – груда каменных домов товарищества «Бавария», Липатникова и др. Последовательно переводя взор к северу, различаю часть улицы Мокрого под военным госпиталем (1-й взвоз), подъем к нему, старое здание госпиталя, баню наследников Алчедаевского и над ней довольно значительную часть города, лежащую выше по Оми.

Смотря на эту картину, слыша неумолкаемый шум уличного движения, невольно сравниваю настоящее с минувшим и говорю: поразительно изменился город за то 30-летие, которое волей судеб, пришлось мне прожить в нем!

Из всех только что перечисленных строений в начале [18]80-х годов налицо были только мечеть, казачья церковь, гауптвахта, старый собор, госпиталь, старые магазины Любинского проспекта, представлявшего односторонку, причем на месте Московских рядов красиво зеленел Любинский сквер; здание женской гимназии, ныне называемой Первой, было вполне отстроено только к осени 1882 г., когда гимназия и переехала в это помещение из старого, занятого потом техническим училищем. Мокринский форштадт состоял из низких одноэтажных домиков (частью – лачуг), также как и нагорная часть 2-го взвоза, где выделялось высотой только здание интендантства. Тротуары, мостовые, газовые фонари были предметами мечтаний, как ныне трамвай и водопровод. Крепость еще сохраняла часть валов и рвов; скромная немецкая церковь, не имея башенки, терялась между другими соседними постройками. Почти на месте нового собора, серело деревянное здание театра, и Главноуправленская площадь поражала взор своими размера-

ми. Дешевизна квартир и съестных припасов привлекала из других городов [...]* чиновников, которые и переселялись в богоспасаемый Омск спокойно доживать в нем свои последние годы, да растить детей в его учебных заведениях.

Если таким был Омск начала [18]80-х годов столетия, то что же представлял он 70 лет тому назад, при «полудержавном» проконсуле Западной Сибири (выражение Филипсона в его мемуарах «Рус[ский] архив». 1883) князе П.Д. Горчакове? Недавно мне впервые попалась крошечная, но в высокой степени любопытная книжечка, озаглавленная: «Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири Иосифа Белова» (Москва, 1852); пользуясь этим курьезным произведением старины, могу дать ответ на только что поставленный вопрос.

Большая часть книжечки (69 стр[аниц] из 105) посвящена, по выражению автора, образу омской жизни, которую автор наблюдал в течение 5 лет (1842 – 1846 гг); на прочих 36 страницах описывается быт крестьян и поездка автора из Омска в Пермь по окончании службы в Сибири.

«Город Омск, корпусная штаб-квартира, – говорит автор, – кажется постоянно укрепленным лагерем Сибири, ибо жителей здесь, кроме военных и служащих по другим ведомствам, почти не заметно. Хотя он состоит из крепости, где помещается военное начальство Зап[адной] Сибири, и форштадтов Кадышевского, Бутырского, Мокрого, Новой слободки и Казачьей, но все они населены людьми, или находящимися на службе, или – в отставке, купечество же, которое здесь не многочисленно и не богато, помещается на Ильинском форштадте. Дома в этом городе, исключая крепостных казарм, Главного управления Западной Сибири, кадетского корпуса и суконной фабрики (ныне артиллерийские казармы), все небольшие и деревянные; хотя некоторые из них и приятной наружности, но они, можно сказать, загромождены кучей полуразрушенных хижин. Лучшая улица лежит по Тобольскому тракту[153]; форштадт Казачий расположен также по плану и площадь его застроена довольно красивыми домами. Новая слободка, в числе обитателей которой есть много посельщиков, имеет тоже широкие и по плану расположенные улицы; главную из них, проходящую от гостиного двора, можно причислить к известнейшим в городе. Площадь, обращенная от крепости к Кадышевскому форштадту, застроена тоже довольно приятной

* В тексте неразборчиво. – Прим. сост.

архитектурой, хотя б[ольшей] ч[астью], принадлежащими казне домами. Жителей в Омске – до 12 тысяч, но город вообще имеет пустынный вид. Невдали, в окрестностях, и даже среди него, как заметно, находились кладбища, а вокруг – обнаженная степь; лесов вблизи Омска нет вовсе, и для удовлетворения потребностям здешних жителей лес сплавляется с севера по р[еке] Оми.

В Омске три церкви: в крепости – собор, на форштадтах же – пророка Ильи и Св[ятого] Николая; все эти храмы каменные и дов[ольно] приятной архитектуры, в особенности же последний, сооруженный в недавнее время иждивением сибирских казаков; он имеет также весьма богатый и искусно писанный иконостас. Имеются также лютеранская кирха и магометанская мечеть. Но, однако же, по величине города и числу жителей, церквей, по-видимому, недостаточно.

Старейшая часть г. Омска – Ильинский форштадт. Середина XIX века. ГИАОО. Фотофонд. № 68.

В городе, исключая благородного собрания, открывающегося только во время зимы по подписке, других общественных домов и даже гостиниц нет, ибо «туземцы питают к подобным заведениям какое-то отвращение, а по той причине приезжающие на первый случай терпят большие неудобства, как в рассуждении их помещений, так касательно и продовольствия». Даже удобную квартиру в Омске нелегко отыскать.

Местом бульвара служит небольшая роща[154], находящаяся почти посреди города, под крепостью, но она посещается публикой только в торжественные дни, когда в ней играет музыка. Лучшим «гульбищем» является Загородная роща, но она отстоит от города почти в трех верстах, а потому не часто посещается. «Так как в окрестностях города лесу совершенно нет, то сказанный березовый гаек, сохраняемый предусмотрительно заботливостью здешнего начальства, напоминает их (SIC!) отеческое о публичном благе попечение», – говорит автор, посвящающий описанию Загородной рощи целых три страницы. «С трех сторон, – пишет он, – роща эта окопана дов[ольно] широкой канавой; длина ее – 1 1/2, ширина – 1 верста. Несколько прямых дорог, расходящихся при самом туда въезде, встречаются все у гульбища, построенного в конце рощи. Здание этой беседки весьма красиво; [...]* колонн дорического порядка поддерживают фронтон и составляют галерею; в беседке – довольно обширный зал с двумя покоями по бокам; в одном из них находится лестница, ведущая в круговую комнату купола; отсюда стеклянная дверь выходит на окруженный перилами балкон, коронующий здание». Вид с этого места на окрестность автор называет «довольно занимательным». «Омск, – пишет он, – кажется отсель обширнее и великолепнее, нежели он есть в натуре, ибо много каменных зданий, б[ольшей] ч[астью] крепостных казарм, вместе с куполами церквей, высясь громадно над остальными частями этого города, придают ему много блеска и величия». «Заложение этой беседки, – читаем мы далее, – было торжественно празднуемо всеми жителями здешнего города; но – увы! Поблекшие, теперь едва заметные краски ее стен, в особенности же, испорченные украшения фронтона, да и самый вид преждевременной ее ветхости, как будто говорят посетителю, что времена и вкусы слишком переменчивы, и не всегда тому обещается блестящая будущность, чему слишком, иногда, люди радуются при его начале».

Другим гульбищем была в [18]40-х годах т[ак] н[азываемая] Инженерная беседка, стоявшая в двух верстах от города на плато левого берега Оми; дорога к ней шла мимо кирпичных сараев. «Дорога к этому гульбищу, – читаем мы, – пролегает над покатостью, покрытой небольшим кустарником, внизу которой стелется обшир-

* В тексте неразборчиво. – Прим. сост.

ный луг; по нему дов[ольно] большими коленами изгибается тихая река Омь; там во многих местах стоят в летнюю пору плоты сплавляемого леса. Беседка, окопанная рвом, представляет небольшое здание с залом, мебелированным со всеми удобствами. По бокам строения насажены тополя и березки, и все окружающее пространство усеяно цветами. На небольшом плацу стоят столы и скамейки. От беседки проложена в кустах тропинка к реке; в крутых местах устроены ступеньки из кирпича. Тропинка изгибается зигзагами в чаще кустарника; вверху и внизу ее, там и здесь много полевых цветов и шиповника; воздух чрезвычайно свеж и наполнен ароматом; по сторонам, вправо и влево, расходятся другие тропинки». «На обратном пути моем в беседку – говорит автор, описывая свою прогулку 15 июня 1845 г., – я взял по склону направо, с трудом пробиваясь между кустами. Вдруг слышу журчащий ручеек и вижу в лощине дов[ольно] большую глыбу снега, которую среди знойного лета никак не воображал здесь найти. Над лощиной навис почти отвесно покрытый кустами хребет гор (SIC!), и окрестность являет вид дикой первобытной пустыни, а подо мной стремится поток... Да это образ Швейцарии посреди обнаженной степи! С великим трудом я подымаюсь на гору и в несколько минут, только лишь взобрался на покатость, как очутился у самого конца сказанного гульбища, и вид дикой первобытной природы, исчезнув в минуту, казался для меня сновидением». «По изустным преданиям известно, что основателем беседки был некто N, командир здешнего инженерного округа, и хотя, вероятно, она построена общественным иждивением, но это, однако же, не препятствует ей носить название своих строителей. Впрочем (SIC!) и нельзя было избрать в окрестностях Омска приятнее места для подобного гульбища».

Летом, довольно часто, многие из омских горожан делали прогулки на войсковой казачий хутор, лежавший в 6 верстах от города. Хутор был заложен для образцового сельского хозяйства и управлялся двумя урядниками, при которых было несколько казаков для присмотра за хозяйством. Земля вокруг хутора, по словам Белова, была чрезвычайно плодородна, довольно было тут также и пастбищ, и лугов. «Сказывают, что здесь родились хлеба в большом изобилии; разведен хорошей породы скот, особенно овцы».

«В самом городе – говорит автор – нет даже у самых богатых людей ни садов, ни даже цветников, зато на каждом окне, даже в хижинах,

стоят вазы цветов. В Омске, кажется, роскошь и [...]* прячутся в недрах [...]*, на улицах же все пусто и [...]*; весьма редко встречаются, исключая воскресных дней, прогуливающиеся».

[О] населении города сообщается [след]ующее: здешнее дворянство [...]* и многочисленно, но не состав[ляет] одного целого общества, а раз[де]лено на малые партии. Дети дво[рян] и казачьих офицеров обучаются в кадетском корпусе. В [Омск]е, как и во всей Сибири, чув[ству]ется недостаток в пансионатах [для] благородных девиц. «В го[роде] почти не видно ни ремесленни[ков], ни художников, а во время [учас]тившейся в них надобности [труд]но отыскивать подобных в [как]ом-нибудь из здешних [...]* ведомств». В высшем [общ]естве можно уже видеть лучший [евро]пейский тон, но, к сожалению, [бы]туют разорительные для [стол]ь отдаленного края моды и уборы. Только меж туземцами (аристократами) сохранились еще, по-видимому, некоторые следы прежних обычаев. Многие из дворян – с хорошим образованием, и в целой народной массе города заметно довольно просвещения, ибо круг здешнего обращения при малолюдстве гораздо тесней. При всем том говор простонародья довольно груб и низок, многие слова произносятся весьма неправильно. Рассказ сибиряка, даже несколько образованного, медленен, осторожен; кажется, он скорее старается выведать что-нибудь, нежели сообщить какую новость. Сибиряк не лишен остроты и даже иронии; вообще же не обнаруживает в поступках живости и игры и отличается от приезжих следами какой-то меланхолии. Не видно у местных сибиряков и духа предприимчивости, ибо не только ремесла и художества сосредоточены в военных мастерских, но и торговля города – в руках европейских купцов. Сибиряки – омичи любят чай, который употребляют по нескольку раз в сутки, и весьма часто – без сахара. К сожалению, некоторые из простонародья пристрастны и к горячим напиткам; «причиной этой слабости, равно как и другой, малоизвестной в европейских губерниях, можно сказать, болезни, т[ак] н[азываемой] хандры, служат, как должно полагать, здешний, суровый климат и недостаток развлечений». Татар в городе очень мало, их можно встретить только на рынке, евреи, сибирские поселенцы во многом отличаются от своих западно-русских собратий; женщины их наряжаются как местные мещанки, мужчины же, подобно прочим разночинцам, носят кафтаны. По деревням эти переселенцы–иудеи занимаются с малым успе-

* Текст утрачен. – Прим. сост.

хом земледелием и прочей сельской промышленностью, имея в работниках крестьян-посельщиков.

Летом 1844 г. автор имел случай познакомиться с бытом киргиз, несколько юрт которых стояло подле Новой станицы. В небольшой главе

Группа киргизов – жителей Омского уезда. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 61.

своей книжки он делится с читателями и этими наблюдениями, описывая жилище, одежду, питание и гостеприимство киргизов. «Крестьяне, – говорит он, – называют своих соседей – киргизов чекалами (шакал), ибо последние вырывают и едят павший скот». «Можно думать, – читаем мы вслед за этим сообщением, – что падалью питаются только самые бедные», – из тех, чьи жены с детьми собирают милостыню на омских улицах. Юрты совсем обнищавших киргиз[ов] (джатаков) можно было видеть у самого города, а осенью прикочевывали к нему на левый берег Иртыша, к таможне, киргизы из отдаленных аулов для меновой торговли с горожанами. Киргизы меняли свои продукты скотоводства на муку, хлеб, табак, полотна и другие ткани; тут же продавались лошади. Кроме этой, т[ак] н[азываемой] сатовки, киргизы приезжали в Омск на ярмарки, весной и осенью, причем в городе мены не производили, а продавали только на [за] наличные деньги. На упомянутые ярмарки приходили также караваны верблюдов с товарами Бухары и Коканда.

Продукты и съестные припасы в Омске, – пишет Белов, – не дешевле, чем на юге России; даже чай в одной почти цене, как в столице или Казани, т[ак] к[ак] идет не прямо из Китая, а с Ирбитской ярмарки; лучших сортов его в Омске и достать нельзя. Многие из омских богатых чиновников выписывают из Ирбита или Тюмени все продукты, равно и предметы роскоши, даже вина, почти на целый год.

Две страницы книжки заняты характеристикой омского климата и следующими строками о болезнях: «простуда и цинга, даже летом, – болезни очень обыкновенные, весной же особенно владычествует лихорадка, показавшаяся здесь, как сказывают туземцы, с недавнего времени. Сибирская язва не известна, однако же, в окрестностях Омска; причиной тому, вероятно, довольно сухой здешний климат. В продолжении моего 5-летнего нахождения в Омске, особенно же в первые 3 года, смертность здесь была значительна и многие ей поражались внезапно; зимой, однако же, не столько умирало. Должно заметить, что перед этим был большой падеж в степи лошадей и рогатого скота».

Весной 1845 г. автор, квартировавший на Мокром, пострадал от наводнения, которое и описывает чрезвычайно живо и картинно, кончая следующим замечанием: «подобный разлив реки Оми случается, однако же, через несколько лет, смотря по тому, как велик весной прилив

Наводнение на Мокринском форштадте. Общий вид. 1892 год. ГИАОО. Фотофонд. № 256.

с верху вод в реку Иртыш; за 5-летнее мое нахождение здесь Мокрый форштадт был затоплен два раза».

Не менее живо описан жестокий буран 3 февраля 1844 г. вечером, игрушкой которого в течение около 1 ½ часов был сам автор, едва добравшись от городского сада под крепостью до своей в ней квартиры.

Служа в Омске, автор, по его словам, не мог жаловаться на скуку и дурной прием со стороны некоторых особ, имевших значительное влияние в местном высшем кругу; сообщая об этом читателю, он добавляет, что каждый образованный человек, имеющий право на вход «в лучшие общества», всегда найдет в Омске приличный себе круг для забав и развлечений. Описанию этих развлечений посвящен ряд страниц, весьма любопытных.

«В летнюю пору, – говорит автор, – ничего нет столь привлекательного в Омске, и нигде нет так[ой] приятной прогулки в хороший вечер, как в лагере[155]; особенно, по [...]* военные, составляющие большую часть здешнего народонаселения, обыкновенно с 9 часов утра туда собираемся. Вечером в лагере играет 2 хора музыки, и поют песенки; за несколько часов до пробития зари сюда съезжаются как местная аристократия, так равно и те, кто желает блестеть и нравиться. Здесь, разделяясь на малые круги, дамы с кавалерами прогуливаются из одного конца стана в другой. По пробитии же зари, все спешат в город.

С ранней осени по случаю продолжительных вечеров и более ненастного времени начинают уже здесь собираться в небольшие круга, куда приезжают к хозяевам их коротко знакомые и иные приглашенные. В подобных обществах редко случается встретить девиц; замужние же дамы, равно и мужчины, проводят время за картами, за которыми и просиживают часто за полночь. Тот же, кто не чувствует к подобной забаве никакой склонности, будет в этом обществе лишним, или должен, против желанья, подобно другим убивать время за преферансом; игра эта, вытеснившая доселе владычествовавший в лучшем здешнем обществе бостон, во всеобщем теперь в Омске употреблении. В начале ноября открывается здесь благородное собрание, куда допускаются одни лишь его члены или приезжающие гости; прочие же лица, постоянно живущие в городе, не имеют по билетам [...]*.

Танцуют, более французскую кадриль; вечер обыкновенно открывается здесь вальсом, но вальсируют только по две, и много, по три

* Текст обрезан. – Прим. сост.

пары вдруг, да и то очень недолго; мазуркой прекращается это собрание, которую танцуют непринужденно. Вечера эти оканчиваются, впрочем, дов[ольно] рано. Кроме благородного собрания можно было танцевать б[ольшей] ч[астью] под фортепиано и на семейных вечерах во многих домах. Во время великого поста, когда в доме благородного собрания вечера кончатся, в Омске давались концерты, выполняемые с достаточным искусством казачьим оркестром[156]. Иногда город посещает какая-нибудь странствующая труппа актеров; но эти, однако же, бывают очень редкими гостями... Но зато у нас образовался аматерский (любительский) спектакль, на котором играют, б[ольшей] ч[астью], дамы, здешние аристократки; этот последний учрежден в пользу бедных; это благотворительное общество составилось здесь очень недавно и представления бывают еще довольно редко. В летнее время приезжают в Омск из Европы волтижеры и, вероятно, достаточно за столь дальнюю поездку вознаграждаются, ибо нередко посещают город».

Очевидный любитель балов, автор даже описывает два из них: бал в здании кадетского корпуса, данный по случаю производства одного лица в полные генералы, и другой, которым заканчивался зимний [...]* «По справедливости, можно сказать, – пишет в восхищении автор, – что этот последний бал был блистательнее и веселее всех прочих, данный зимой в благородном собрании. Казалось, то мы хотели вознаградить себя за продолжительную скуку и отдаление наше от Европы, собравшись сюда единственно только повеселиться».

А вот описание масленичных дней 1843 года: «никогда Омск не был столь шумным и веселым, как во время нынешней сырной недели, особенно же трех последних дней ее. Город, доселе казавшийся ленивым и спящим, мгновенно одушевившись, засуетился. Сани, на необозримое пространство б[ольшей] ч[астью] запряженные парой лошадей, непрерывно снуют по главным улицам; народ толпится, шумит, резвится около и на самых ледяных горах, построенных на диагональ плац – парадного места; невдали их скачут верхами те из молодых франтов, которые хотят пощеголять, как бы в насмешку зиме, в одних сюртуках. Сотни экипажей, проехав главными улицами, кружат весьма медленно и в порядке вблизи гор одни за другими; большая часть из этих саней похожа на цветные корзины, наполненные прелестными в шляпках головками, личики которых горят, нарумяненные морозом; за многи-

* Текст обрезан. – Прим. сост.

ми из них стоят на запятках кавалеры. Прекрасная безоблачная погода и слишком умеренные морозы во все эти три дня [...]* подобного рода.

Но всего привлекательнее на горах – это картина катанья омского аристократического круга. Обыкновенно в полдень выбрасывают флаг, тогда мало–помалу собираются посетители. Здесь, в большой группе дам, те из них, которые отличались на балах и в собраниях как красотой, так и изысканностью мод, и пленяли искусством, ловкостью и грациозностью в танцах, теперь в богатых легких шубках, опоясанные лентами, наряженные со всей роскошью, соответствующей такого рода увеселению; свежие, как розы, и воздушные, как пери, летят по льду подобно волшебницам; один из кавалеров, посадя с собой даму, управляет первыми санями, а за ними опускаются и прочие, имея каждый также при себе даму. Катанье, таким образом, продолжается до двух часов пополудни; а после этого времени там уже неприлично быть не только лицу аристократического круга, но и каждому благородному человеку. В последний день масленой, то есть, в воскресенье, горы были иллюминированы, и с них почти до полуночи катался народ; вид мелькающих меж насаженных по обе стороны ледяного канала деревьев при огне, как призрак, саней – зрелище весьма привлекательное. Надлежит заметить, что здешние туземцы весьма любят подобные увеселения, не исключая, даже, и дам высшего круга. Многие делают ледяные горы и у себя на дворах ...».

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 37, 38 – 38 об. Типографский экземпляр.

Выписка из корреспонденции Н.Т. Черевина «Полковник де-Граве и Ф.М. Достоевский» в журнале «Русская старина»

[Февраль 1884 г.]**

Образец такого же рода польских злобных выдумок о Ф.М. Достоевском (одного из его соузников по Омскому острогу). Автор заметки Черевин возмущался пущенным этим поляком слухом (обошедшим

---

* Текст обрезан. – Прим. сост.

** Датируется по дате опубликования в журнале «Русская старина». – 1884. – Февраль. – Прим. сост.

все евр[опейские] поврем[енные] издан[ия]) о том, что Достоевский три раза был подвергнут тогдашним плац-майором Кривцовым телесному наказанию, восклицает: «Это совершенная небылица, Г. Кривцов по своей склочности и скверному характеру может быть и в состоянии был бы это сделать, но при таком добрейшем и достойнейшем коменданте, какой был в то время в Омске – полковник[е] де Граве, никак бы не посмел; комендант на другой же день при утреннем рапорте не преминул бы доложить об этом корпусному командиру (кн[язю] Горчакову) и не поздоровилось бы Кривцову! *(См[отри] Записки из Мерт[вого] дома)**

Не может быть, чтобы говор об этой экзекуции, постигшей писателя Ф.М. Достоевского, не распространился бы по городу, я же служил в то время в корпусном штабе старшим адъютантом, и не мог бы не знать, если бы такой случай произошел. Да сверх того госпитальное начальство, где, как упоминает автор (поляк), после сикуций Ф.М. Достоев-

Улица Госпитальная. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 66.

* Здесь и далее в документе другим шрифтом выделены комментарии Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

ский был на излечении, не оставило бы варварский поступок Кривцова в секрете. *(Потом генерал-майор, скончавшийся в Омске же).*

Не могу умолчать, что к участи Ф.М. Достоевского многие относились в Омске весьма сочувственно; в госпитале же известный нам писатель оставался весьма долго на излечении своей постоянной болезни (падучей), по которой поступал, и госпитальные дамы по своей гуманности, в особенности жена старшего доктора г[оспо]жа Троицкая, посылали Достоевскому чай и часть из своего обеда» (см[отри] воспоминания Францевой). *(См[отри] Зап[иски] из М[ертвого] до[ма]).*

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 42 – 43. Подлинник. Рукопись.

Выписки из книги И. Завалишина «Описание Западной Сибири»

[1862, 1865, 1867 г.]*

Общее впечатление от всех томов неблагоприятное для автора. Брат известного декабриста Дм[итрия] Завалишина, он, тем не менее, мало его напоминает. Очевидно, находясь под покровительством местного высшего начальства и располагая многими историко-географ[ическими] статистическими данными, рисующими тогдашнее положение З[ападно]-Сиб[ирского] края, он предполагал пользоваться только тем, что рисовало этот край с хорошей стороны, и что возвеличивало деятельность тогдашних его заправителей. Вот как Завалишин, между прочим, описывает тогдашний Омск конца 1850-х годов:

«Омск – прекрасный город – первый в Тобольской губернии по населению, постройке, местности, климату, порядку, благоустройству, образованности и удобствам жизни; лучший в целой Сибири во многих отношениях... *(Дюгамель о начале 1860-х гг. Данные Ц[ентральной] ст[атистической] ком[иссии] о насел[ении] Омска 1861г.)*

Население его состоит почти все из служащих или имеющих прикосновение к служащим – вот громадная разница между ним и всеми прочими губернскими городами сибирскими, страшно переполненны-

* Датируется по датам издания И. Завалишина «Описание Западной Сибири» в 3-х томах. – Прим. сост.

ми ссыльными. *(Потанин об Акакиях Акакиевичах [18]50-х, [18]60-х и даже [18]70-х годов. См[отри] его ст[атью] «Сибирские города»).*

Климат его лучше, мягче, здоровее и ровнее прочих губернских городов. Он не вышел из истории, как Тобольск и Иркутск, поэтому местность и недавность дозволяют устраивать его хорошо. Мясо, хлеб и рыба у него всегда под боком и всегда в избытке. Наконец, он близко от России и есть центр главной администрации. И общество в нем от непрерывного сообщения со столицами просвещеннее и социальнее.

Да и как ему не быть таким, когда в нем теперь единственный рассадник юных поколений для всей Сибири, кадетский корпус, из которого, как из светоносного центра, исходят живительные лучи на все сибирское общество. Да и как ему не быть таким, когда о нем столько лет заботился горячо бывший его генер[ал]-губ[ернатор], человек высокообразованный, явивший образец воинского ума и тактической распорядительности в Венгерскую войну 1849 года; любитель прогресса умственного и материального, наук и художеств. *(Воспомин[ания] Бабкова о Гасфорде и немцах: «Чем тебя я огорчила...»).*

Действия генер[ала] Гасфорда в Трансильвании оценены уже военной историей и Европой; но и гражданское поприще его в З[ападной] Сибири с 1851 по 1861 годы... было столь же достойно и полезно для Отечества. Подобно графу Муравьеву-Амурскому, он незаметно для Европы и даже незаметно для самой России (ибо многие ли у нас это знают и ценят) занял силой ума и распорядительности личной огромное и плодородное пространство, *(Ах! Почему его не сделали графом Заилийским?)* из которого как и из долины Амура, можно создать целое цветущее царство, с миллионами трудолюбивого населения; сплотил Россию с центром Азии устройством двух областей в Киргизской степи Сиб[ирского] ведомства и упрочил степь, улучшил ее, открыл ее широко для цивилизации, дал ей города, русскую жизнь, русскую оседлость; одним словом, ввел в нее коренную реформу к прямой пользе Сибири и к пользе государства. И в других губерниях З[ападной] Сибири он...» и т. д. и т. д. в столь же выспренном тоне.

...«Любуясь этим прекрасным, оживленным Омском, воинским станом передовой Руси у обетованной земли солнца, мы вышли на Никольскую площадь и сотворили крестное знамение перед храмом защитника Русского Царства, святителя Николая, окинули взглядом пространство, нашему кругозору представившееся, и все, о чем уже говорили в этом популярном описании края о будущности нашей славной

России, в связи с чем далекой Сибири, явилось нам тут доказательно и осмотрительно. На этой обширной площади – Сибирский кадетский корпус, рассадник просвещения и патриотизма для всей Сибири... Войдем... Он основан в 1813 г. под названием «Училище Сибирского линейного казачьего войска» и обязан своим первоначальным устройством и постепенным развитием незабвенному генералу Броневскому. Служба Семена Богдановича доказывает, как и служба гр[афа] Сперанского, что светлый ум, дарования и настойчивая воля могут всегда заменить протекцию. *(Его литературн[ые] и ученые труды. Походы в степи. Переписка с Капцевичем. Генер[ал]-губ[ернаторство] в Вост[очной] Сиб[ири]. Сенаторство. Портреты: Броневского, Ж[дан]-Пушкина).*

Юный, неизвестный Броневский приехал в Омск в 1808 году, 22 лет, подпоручиком и адъютантом генер[ал]-лейтенанта Глазенапа. 29 лет прослужил он в Сибири, посвятил ей лучшую пору своей жизни и своей деятельности, и уехал из нее в 1837 г. уже сенатором и генерал-лейтенантом. Сперанский, ревизуя Сибирь, лично узнал Броневского и тотчас оценил... В 1824 г. Броневский был уже полковником и Омским областным начальником. Николай Павлович узнал тоже лично Броневского (тогда уже ген[ерал]-м[айора] и начальника штаба Отд[дельного] Сибир[ского] корпуса), назначил его в 1835 г., не взирая на его чин, исправляющим должность генер[ал]-губ[ернатора] Восточной Сибири и командующего в оной войсками... *(Вызванные им сиб[ирские] казаки в В[осточную] Сибирь в качестве инструкторов).*

Умер он в Петербурге 14 февр[аля] 1858 г. 72-х лет от роду, оставив по себе памятником нынешний Сиб[ирский] кад[етский] корпус, им, можно сказать, основанный, возлелеяный, упроченный, развитый настолько, насколько это дозволяли тогдашние скудные средства края... В нем теперь (т. е. в 1854 г.) – 23 учащих и 270 учащихся в эскадроне и роте для приготовления воспитанников в офицеры линейных батальонов, казачьего войска и его конной артиллерии и др[угих] частей войск.

Поистине Сиб[ирский] кад[етский] корпус благородно оправдал и оправдывает на деле заботливость о нем двух государей и те благодеяния, которые оказывал ему В[еликий] Кн[язь] Михаил Павлович. Многие из его воспитанников уже доказали свою любовь к Царю отличными делами на боевом поприще, почетными ранами. Имена их уже встречаются среди геройских защитников Севастополя, среди покорителей Карса, среди витязей берегов Восточного океана и границ Западного Китая». *(О деле Рытова)*[157].

«Заглядишься невольно, вступив в залу Сиб[ирского] кад[етского] к[орпуса]; заглядишься и умилишься, вспомнив в этих цветущих юношах будущих благородных защитников отечества...».

...«С[ибирский] к[адетский] кор[пус] оказывает вот уже около полустолетия (1813 – 1861 гг.) могущественное и благодетельное влияние не только на войска, входящие в сост[ав] отд[ельного] Сиб[ирского] корпуса, но и на высшую сферу сибирского общества. Офицеры, из него выходящие, получив прекрасное образование, разливают всюду свет просвещенных понятий, ловких приемов, умения жить и держать себя, что есть отличительная принадлежность воспитанников военно-учебных заведений, и тем сильно влияет на все их окружающее.

На Никольской же площади воздвигнута обширная мечеть[158] и это придает городу восточный колорит и напоминает Оренбург; своим расположением и местностью Омск имеет так много сходства с ним. Публичный сад мог бы развиться здесь, и по мягкости климата удобно было бы попробовать акклиматизировать многие русские плодовые деревья и кустарники. Вообще, в Омске мало зелени, а это в такой степной местности гигиенически необходимо. Корпусный госпиталь на 10 офицерских и 600 солд[атских] кроватей прекрасно содержится. 30 августа 1858 г. открыто О[мское] уездное училище и предположена гимназия[159]. Здесь есть тоже детский приют, но публичной библиотеки нет, а это очень удивительно: здесь множество образованных служащих, военных и гражданских. Впрочем на громадном пространстве от Казани до Амура только две книжные лавки в Перми и в Иркутске. Заметим, однако, как отрадное нововведение, что в зиму 1858 на 1859 г. читались в Омске в зале кадетского корпуса публичные лекции физика, и что посетителей было много. *(Ф.Л. Чернавиным?).*

Если в омском обществе есть уже стремление к подобным благородным упражнениям ума, то полезно было бы дать ему и популярные лекции истории, и особенности русской и иностранной литературы. *(Омский Лобачев с 1860 г.).*

Театра нет в Омске, да и во всей Сибири один только постоянный театр в Томске. Но театр давно известен здешнему краю, и не есть прививок нынешнего просвещения. (Мистерии и род театра в Тобольске при Филофее Лещинском). Шведские пленные. Местные любители. *(С[м]. летопись Андреева)*[160].

В Омске в начале нынешнего (XIX) столетия составилась даже труппа любителей сценического искусства, и в одной афише 1809 г.

встречается в числе актеров имя Семена Броневского, впоследствии ген[ерал]-губ[ернатора] Вост[очной] Сибири. Из этого видно, что еще ровно за полвека театр уже привился к тогдашнему омскому обществу».

Торговое развитие города слабое. Но Завалишин пророчествует ему блестящее будущее.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 31 – 34. Подлинник. Рукопись.

Выписки из записок А.О. Дюгамеля о назначении его на должность генерал-губернатора Западной Сибири, впечатления о г. Омске, о методах освоения русскими степных территорий.

[1885 г.]*

Глава XVII. – «С первого сентября я снова вступил в исполнение моих сенаторских обязанностей, но не надолго. В первых числах января 1861 г. воен[ный] мин[истр] генер[ал] Сухозанет, с которым я вовсе не был лично знаком, пригласил меня к себе для того, чтобы предложить мне место ген[ерал]-губ[ернатора] Зап[адной] Сибири… Хотя мои домашние дела и должны были пострадать вследствие огромного расстояния, отдел[яющего] Сиб[ирь] от моего имения в Подольске… но сделанное мне по приказанию Императора предложение было так для меня лестно, что я не мог ответить на него отказом, и 13 января состоялось мое официальное назначение на новую должность... Так как я в течение всей моей жизни интересовался сношениями России с Востоком и, в особенности, с Центральной Азией, то я уже давно имел случай познакомиться с воинственными влечениями всех наших генерал-губернаторов, как того, который управлял Оренбургским краем, так и тех, которые управляли Сибирью Восточной и Западной. Все они мечтали о военных экспедициях, а в предлогах для войны не могло быть недостатка: мы были на протяжении нескольких тысяч верст в столкновениях с кочевыми племенами, которые тревожили нас своими набегами, и которых считали нужным подвергать заслуженному наказа-

* Дата опубликования записок Дюгамеля в издании «Русский архив». – 1885. – № 7. № 10. – Прим. сост.

нию. Но если ген[ерал]-губ[ернаторы] всегда искали случая повоевать, то это влечение превратилось в настоящую жажду завоеваний с тех пор, как генерал Муравьев был возведен в звание графа Амурского за присоединение к России Амура и Уссурийского края. *(Мечта Гасфорда – получить звание графа Заилийского)**.

Это выходящее из ряда вон отличие вскружило всем головы; каждый желал отвоевать какой-нибудь клочок территории и надеялся получить за это титул, который передаст своему потомству. Я, напротив того, был глубоко убежден в том, что расширение наших границ со стороны Средней Азии не доставит нам никаких выгод, а вызовет лишь новые затруднения и ослабит Россию. Поэтому, когда я откланивался Государю Императору перед моим отъездом на новое место, я не преминул высказать Его Величеству мои убеждения касательно этого предмета. «Ваше Величество, – сказал я Императору, – если бы мне пришлось остаться десять лет на том посту, на который призван Вашим доверием, то я счел бы себя оправдавшим это доверие только в том случае, если бы не отодвинул границ Вашей Империи ни на один дюйм». Если мне не удалось выполнить эту программу до конца, то виной этого был не я, а заместивший Сухозанета в качестве в[оенного] ми[нистра] генерал Милютин, который видел в военных экспедициях и в трескучих бюллетенях, издаваемых по поводу этих экспедиций, средство обращать на себя внимание Императора и укреплять свое влияние на ум Его Величества.

Я выехал из Петербурга в последний день февраля …»

Идет краткое описание попутных городов Сибири – Екатеринбурга, Тюмени, Ишима…

«Наконец, я прибыл в Омск 23 марта вечером и на другой же день принимал всех гражданских чиновников и военных, число которых очень значительно, так как Омск служит не только главной квартирой для Отдельного Сибирского корпуса, но и пребыванием высшего Административного Совета, заведующего делами всей этой части Сибири.

Вид Омска произвел на меня такое же тяжелое впечатление, как он производит на всякого, кто приезжает туда в первый раз, потому что, в особенности в ту пору, это была настоящая конура. Но это впечатление изглаживается, когда там проживешь несколько времени: тамош-

* Здесь и далее в документе другим шрифтом выделены комментарии Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

нее общество многочисленное и довольно хорошо составлено, и в этом отношении Омск мог бы выдержать сравнение с лучшими из наших губернских городов.

Будучи привычен к работе, я очень скоро ознакомился со всеми подробностями гражданского управления, которое распадается в Сибири на множество самых разнородных отраслей. Чтоб исполнить все мои служебные обязанности у меня не было ни одного свободного дня в неделе, ни одного свободного часа во дню.

В начале мая я предпринял мой первый инспекторский объезд в Киргизскую степь (был сделан порядочный круг по Семипалатинской и нынешней Семиреченской области и обл[асти] сиб[ирских] киргизов (Акм[олинской] об[ласти])».

Вот, что он, между прочим, пишет далее.

«Мне очень хотелось осмотреть собственными глазами Кирг[изскую] степь, чтоб составить себе понятие о выгодах, какие можно извлекать из этих обширных равнин, так как мне показалось, что в Петербурге были в ходу странные мнения насчет богатства и красоты этой страны. Ошибочные понятия в этом отношении были распространены некоторыми путешественниками, которые, увидев покрытые снегом горы, вообразили, что там Россия найдет настоящее Эльдорадо. *(Напр[имер] П.П. Семеновым!?).*

Неоднократно разъезжая по Киргизской степи вдоль и поперек, я полагаю, что я в состоянии высказать беспристрастное мнение, и начну с того, что те части этой степи, которые принадлежат к Западной Сибири, много лучше тех, которые смежны с Оренб[ургской] губ[ернией]. Несмотря на это, даже в тех местах, где встречаются самые благоприятные условия и роскошные пастбища, эта степь не годится для земледелия и всегда будет населена исключительно кочевыми племенами.

Единственное средство крепче привязать эти степи к России – завести земледельческие колонии там, где почва годится к земледелию, и поощрять переселение русских крестьян из внутренних губерний в степь посредством освобождения их на определенное число лет от податей и от рекрутской повинности. Это предложение было мною сделано, но ему не было дано дальнейшего хода. До сих пор правительство довольствовалось тем, что поселило в степи несколько казацких полков, разместив их по разным станицам или селениям. Но казаки по природе так ленивы и так не любят заниматься земледелием, что это оседлое население не добывает достаточных средств для собственного

пропитания, если бы их не удерживали там силой, эти казацкие поселенцы покинули бы массами степь, перешли бы обратно через Иртыш и возвратились бы в свои прежние жилища, что ясно доказывает, что степь вовсе не такая изобилующая всем страна, какой ее описывают.

Не следует опускать из виду и того обстоятельства, что по мере увеличения оседлого населения все более и более стесняются в своих средствах существования кочевники, которым нужны для стад обширные пастбища. Это обстоятельство служит постоянной причиной вражды между двумя племенами, которые было бы так необходимо соединить в одно целое. Если к проистекающему отсюда различию интересов присовокупить вероисповедное различие, то станет ясно, что нечего полагаться на преданность киргиз, несмотря на то, что они очень любят верноподданнические заявления. Пока мы будем сильны, киргизы будут покорны; но если бы наше могущество потерпело малейшую неудачу, они обратятся против нас. Тем более необходимо, чтобы мы не расширяли чрезмерно наших владений и тем не ослабляли себя».

Видно, что А[лександр] О[сипович], также как и последующие администраторы З[ападной] С[ибири] во главе с Ливенцовым, который находил, что и тогда уже киргизам в степи было тесно, не были людьми дальновидными... «не пророки».

Интересное продолжение его записок в 9-й книжке Р[усского] Ар[хива] за тот же 1885 год. (Справиться в моих записках из дела Уч[еного] арх[ива] Гл[авного] штаба – где излож[ена] переписка о пограничн[ых] со Ср[едней] Аз[ией] делах; о заявл[ении] В[оенного] министерства и трусливые протесты мин[истра] ин[остранных] д[ел] в боязни вмешат[ельства] всесильной Англии. Поручение Милютина передать сиб[ирским] казакам привет и ответ Дюгамеля, что принявши сиб[ирских] каз[аков] в их мундире, он заявил им, что он считает за большую для себя честь носить этот мундир).

«Вопрос о расширении наших границ со стороны Ср[едней] Аз[ии] был снова поставлен на очередь Оренб[ургским] ген[ерал]-губ[ернатором] Безаком. Составлен особый комитет для обсуждения этих предложений. Само собой разумеется, что Милютин вполне сочувствовал идеям Безака».

От Дюгамеля потребовали соображения о численности, силах и стоимости экспедиции со стороны Сибири. Д[югамель] вздул стоимость предполагаемой эксп[едиции] в 900 т[ысяч] р[ублей].

«По крайнему моему убеждению, – пишет он, – не одобряя пред-

ложенного похода и, вместе с тем, желая отклонить от себя всякую в этом деле ответственность, я написал 26 мая 1862 г. вице-канцлеру кн[язю] Горчакову следующее письмо, в котором откровенно изложил мой взгляд на этот предмет».

«Ваше с[иятельст]во! Я только что представил в[оенному] мин[ист]-ру подробную записку о средствах, которыми я мог бы располагать в видах содействия завоевания Ташкента. В этой записке я указал, какого плана военных действий следовало бы держаться, с какими трудностями будет сопряжено снабжение и прокормление, и каковы приблизительно будут расходы на этот поход.

Я не могу разделить мнение г[енерал]-ад[ъютанта] Безака и г[енерал]-л[ейтенанта] Ковалевского касательно необходимости и пользы завоевания Ташкента. Я опасаюсь, чтобы мы не вовлеклись в невыгодное дело, окончательных последствий которого даже нельзя в настоящую минуту предусмотреть.

Стремиться к дальним завоеваниям, вместо того, чтобы развивать средства Заилийского края, который мог бы быть приведен в цветущее состояние, если бы его заселяли не казаками, а иными колонистами – тоже, что отказываться от существенного и гоняться за призраками.

Но главное возражение, по моему мнению, вызываемое предложением г[енерала] Безака, относится к денежному вопросу. Я полагаю, что каждый из нас должен прежде всего заботиться о сокращении гос[ударственных] расходов, между тем, как для всякого очевидно, что расширение наших границ как со стороны Оренбурга, так и со стороны Зап[адной] Сибири до Ташкента навсегда обременит госуд[арст]во огромными дополнительными расходами. Это, подобно Кавказу, пропасть, которая будет поглощать все наши доходы.

Не следует терять из виду и то обстоятельство, что с удалением из страны такой значительной части ее военных сил, граница Китая останется почти без всякого надзора, *(тогдашняя граница с С[еверо]-З[ападным] Китаем?)* между тем, как со времени поднятия вопроса о проведении пограничной линии, обнаруживается у кит[айских] начальников смежных провинций враждебное настроение, которое крайне необходимо сдерживать. *(Воспоминания И.Ф. Бабкова).*

В донесениях наших консулов, живущих в Чугучаке и Кульдже, равно как и начальников, командующих на левом фланге, идет речь о кит[айских] отрядах, проникающих на наши земли одновременно в нескольких местах. Разве можно поручиться, что кит[айцы], узнав об

участии большей части наших военных сил в походе на Ташкент, не предпримут открытого на нас нападения? Внимание г[енерала] Безака сосредоточено на одном предмете, тогда как следует соображать все обстоятельства в совокупности».

Ответ кн[язя] Горчакова не заставил долго себя ждать; он помечен 15 июня из Цар[ского] Села, и я считаю [своим] долгом привести его вполне.

«Я страдаю, г[осподи]н генерал, сильным приступом подагры. Тем не менее, не хочу откладывать ответ на ваше письмо от 26 мая из Омска ввиду важности его содержания. Вы извините мой лаконизм ради содержания. Я сообщил содержание вашего письма Императору. Его Величество изволил написать на нем собственноручно следующие слова: «Это очень основательно и благоразумно». Я присоединяюсь к этому мнению со всей силой моих убеждений. Я просил г[енерал]-ад[ъютанта] Милютина заменить меня в этом случае и сообщить г[енералу] Безаку Ваше мнение, одобренное Императором».

Внизу этого письма находился постскриптум, написанный собственноручно кн[язем] Горчаковым по-русски (!): «Я очень счастлив, что мы идем рука в руку». *(Киндерман!)*

«Так как государь нашел мое мнение основательным и благоразумным, а кн[язь] Горчаков вполне разделил мнение Его Величества, то можно было ожидать, что все завоевательные замыслы будут отложены в сторону, если не навсегда, то по меньшей мере на неопределенное время. Однако, этого не случилось, г[енерал] Милютин не хотел оставаться в положении человека, потерпевшего неудачу, и повел дело так, что через полтора года правительство снова взялось за проект наступления; но для отвода глаз речь шла уже не о Ташкенте, а о соединении военных линий Оренбургской и Сибирской…

В январе 1864 г. в[оенный] мин[истр] уведомил меня, что окончательно решено соединение линий Ор[енбургской] и Сиб[ирской] и что в начале весны я должен отправить сильный отряд из Верного в Авлиету[161], между тем как ген[ерал] Безак со своей стороны пошлет такой же отряд для завладения крепостью Туркестаном. Впоследствии эти два отряда должны были соединиться, смотря по ходу дел, где-нибудь между Авлиетой и Туркестаном.

Вместе с тем, г[енера]л Милютин предложил мне поручить командование отрядом экспедиционного Сиб[ирского] корпуса полковнику Черняеву, на что я охотно согласился, потому что Черняев имел репу-

тацию способного и энергичного офицера. Немедленно приступлено было к необходимым приготовлениям: 150 т[ысяч] р[ублей], которые были плодом моих сбережений по продовольствию войск за последние три года, назначены на покрытие расходов. Около 25 апр[еля] отряд выступил из Верного и в перв[ых] ч[ислах] мая перешел через р[еку] Чу, которая до того времени считалась границей, отделявшей наши владения от Коканд[ского] ханства. В нач[але] июня наши войска достигли Авлиета и взяли эту крепость приступом, между тем как со стороны Оренбурга также была взята кр[епость] Туркестан.

После разведок, сделанных в различных направлениях, Черняев двинулся на Чимкент – пункт более важный и сильнее укрепленный, чем те два, и овладел им, благодаря чрезвычайно смелому нападению, врасплох. С той минуты предположенное соединение двух отрядов обеспечилось. Но, как и следовало ожидать, на этом не остановились, хотя кн[язь] Горчаков в своем циркуляре к рус[ским] посланникам при иност[ранных] дворах заявил формально, что Россия уже достигла предполож[енной] цели и не имеет намерений расширять своих завоеваний. События очень скоро и очень решительно опровергли эти дипломатич[еские] заверения вице-канцлера.

В след[ующем] году мы заняли Ташкент, кот[орый] был гл[авным] по торговле и самым многолюдным из гор[одов] Кок[андского] ханства, а с 1866 г. мы даже перешли за С[ыр]-Дарью. После победы, одержанной в открытом поле, мы так же завладели Хаджентом и Джузаком. Однако, скоро пришлось убедиться, что гораздо легче расширять влад[ения] и брать плохо защищенные города, чем вводить правильную администрацию в завоеванных странах. Ни Черняев, ни те, которые впоследствии занимали его место, не имели успеха в попытке этого рода…

Я всегда (?) был того мнения, что взятие Ташкента будет необходимым и неизбежным последствием нашего поступательного движения, и могу только удивляться, что кн[язь] Горчаков считал возможным установить географ[ические] пределы нашей территории рассылкой дипломатических циркуляров. Но вместе с тем я полагал, что мы не имеем никакого благовидного предлога, оснований переходить за Сыр-Дарью. Спрашивается, какую пользу извлечем мы из того, что проникли вглубь Средней Азии? Английская периодическая печать высказалась очень сдержанно о недавних успехах нашего оружия в этой части Азии, между тем, как прежде, она била тревогу при известии о малейшем покушении русских проникнуть в эти страны. Это доказыва-

ет только, что англичане отказались от своих прежних химерических опасений и начали понимать, как мало имеют цены наши завоевания в Ср[едней] Азии. Вместо того, чтобы завидовать нашим успехам, они имеют полное основание радоваться нашим ошибкам, так как для всякого очевидно, что, расширяя наши [пределы]* владения не в меру, мы только ослабляем сами себя и, что оттого сильно страдают наши финансы. Мне хорошо известно, что и вице-канцлер, и министр финансов сопротивлялись воинственным стремлениям, которые мы обнаруживаем в Ср[едней] Азии. Но недостаточно иметь верный взгляд на вещи, надо, кроме того, иметь достаточно силы воли, чтобы применить его к делу…

Накануне моего отъезда из Петербурга я получил от вр[еменного] п[оверенного], заменявшего меня в Сибири, г[енерала] Панова депешу. Благодаря простой случайности в Омске были открыты следы заговора, в котором сильно были замешаны некоторые из казацких офицеров Сиб[ирского] корпуса[162]. Эти молодые безумцы задумали отделить Сибирь от Империи и образовать из нее федеративную республику по образу С[еверо] Ам[ериканских] Соед[иненных] Штатов и т. д. Чтобы вывести наружу все разветвления этого безрассудного и преступного замысла, генерал Панов немедленно образовал следственную комиссию, и вслед за этим были произведены аресты в большей части городов Восточной и З[ападной] Сибири, а также и в Москве. *(В том числе Щапов).*

Я сообщил военному министру содержание этой депеши и стал торопливо готовиться к отъезду.

Хотя я не усматривал никакой серьезной опасности в тайных происках нескольких десятков молодых людей, которые не имеют никакого корня внутри страны, но все-таки это служило указанием на расположение умов и на вредные тенденции, которые были почерпнуты этими низкопробными заговорщиками в университетах и в школах и которые еще раз свидетельствовали, какая была у нас неудовлетворительная система общественного воспитания».

Далее идут прекрасные отзывы о деятельности Деспот-Зеновича, который выехал к нему на встречу в Тюмень и завер[нул] в Тобольск. О ссыльных поляках, в которых и тот, и другой приняли участие и, осуждая, в общем польское восстание[163], кладет главную вину на католическо-польское духовенство, ведшее под личиной благочестия политическую пропаганду против всего русского.

---

* Зачеркнуто автором. – Прим. сост.

Будучи ревностным католиком, он описывал свадьбу их приемной дочери, православной Юлечки с итальянским выходцем (из испанских владений), его адъютантом, Миссари-Торриани, между прочим, пишет про венчание Юлии 24 апр[еля] 1866 г. в годовщину их собственной свадьбы. *(Страшный буран накануне).*

«Брачная церемония была совершена, сначала в греческой церкви, а потом в местной католической». *(Т. е. в православной ц[еркви] Сиб[ирского] кад[етского] корпуса).*

Из записок Дюгамеля, между прочим, видно, что он находил освобождение крестьян от крепостной зависимости преждевременным, равно как и уничтожение телесных наказаний, которые он думал заменить смертной казнью как средством устрашения.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 12 об. – 15 об., 62 – 67. Подлинник. Рукопись.

Разные записки к вопросу о быте, нравах и вообще характерных чертах сибирск[ого] народа

[1860-е годы]*

[Из статьи] Флеровского «Сибирский земледелец» – Дело.[164] – [18]67. – № 12.

О сибирской спячке – Корова, жующая сено на дороге и не обр[ащающая] никак[ого] вним[ания] на то, что жит[ель] идет чуть не по ней. – Енисейск (по поводу всех сибирский городов) – они города только по адм[инистративной] власти, наход[ящейся] в них, а не по пром[ышленной] и мануф[актурной] деятельности; отсутствие фабрик; резиденция капиталистов, и то не своих, золотопромышленника. Сибир[ские] города – не центры для сбыта продуктов окруж[ных] местностей. В число жит[елей] сиб[ирских] городов входят и крестьяне.

О мироедах. – По мнению Флеровского, появление этих паразитов зависит от всяких сборов, складов и т. д. – по-моему, и от неимения сбыта; города далеко – это раз. Во-вторых, сиб[ирские] город и дерев-

* Датируется по содержанию. – Прим. сост.

ня почти одно и то же, потребности одни – дороговизна провоза, невозможность сбыта, когда угодно (вслед[ствии] дальн[ых] рас[стояний], непр[еменными] явл[яются] возчики, лишние руки – сибирское извозничество). Дороговизна мануфак[турных] продукт[ов]. Московская дребедень, поблизости можно достать [товар] кит[айского] произв[одства] гораздо добротнее и дешевле.

Пример: для уплаты след[ующих] с них податей и сборов с соли, крестьяне Кузн[ецкого] округа должны продать земледельческих произведений во чтобы то ни было по 400,000 руб. серебром. Город Кузнецк требует под[обных] произведений всего на 12,000 руб. сер[ебром]; следовательно, крестьяне во чтобы то ни было должны продавать кулакам и спекуляторам на 380 руб. сер[ебром]. Можно себе представить, какая отчаянная конкур[енция] происходит между ними под влиянием панического страха; цены сбиваются до невероятия и, несмотря на некую дешевизну в Кузн[ецком] округе, дел[ается] невозможной какая бы то ни было промышл[енность]. Крестьяне не могут ничего покупать, капиталисты, котор[ые] служат средоточ[ению] кузнецкой торговли, живут за пределами округа, остаются чиновн[ичьи] приказчики капиталистов и несколько жалких купцов. Отсутствие покупателей делает невозможным и существование произведений.

По мнению Флеров[ского], так наз[ываемая] вольная жизнь сибирских крестьян именно зависит от приниженного сост[ояния], к котор[ому] они прив[язаны] вместе со всей семьей, наход[ящейся] в пост[оянной] зависимости от мужчины. Это притупляет в них все нрав[ственные] чувства.

Сборы с крестьян горного округа – письмо. «Современник». Статья Обручева «Китай и Европа».

В климате Кит[ай] можно разд[елить] на три полосы.

Северная – юж[ная] гр[аницы] – 35° или Желтая река. Вследствии суров[ой] зимы не производят рис, чай, шелкович[ное] дерево, даже пшеница раст[ет] посредственно. Зато овес и просо здесь превосходные. Сев[ерная] полоса богата железнокам[енным] углем, котор[ый] в Кит[ае] доб[ывается] повсеместно.

Сред[няя] полоса – на юг 26 или 24° – сост[авляет] богатейшую часть империи. Рис и пшеница превосходные. Здесь же возд[елываются] луч[шие] сорта чая, шелковичные, хлопчатобумажные, апельсино-

вые деревья, сахарный тростник, лучш[ие] сорта бамбука, кот[орые] поп[адаются] и в сев[ерной] полосе – до 38° – и, нак[онец], все сорта хлеба, свойств[енные] южным сортам. Вост[очная] часть этой пол[осы] знаменита шелковыми и бум[ажными] фабриками. Средн[яя] считается житницей империи и произв[одит] невер[оятное] колич[ество] риса; в Зап[адной] части раст[ет] велик[олепный] строит[ельный] лес.

В южн[ой] полосе раст[ет] то же самое, но худш[его] кач[ества].

Ископ[аемыми] царство богато в об[еих] полосах. Золото, сер[ебро], медь, свин[цовое] олово, огр[омное] количество ртути доб[ывается] во мног[их] местностях. В юж[ных] пров[инциях] пол[учают] драг[оценные] кам[ни]. Мастерское пользов[ание] богатствами земли. Плодотв[орное] хоз[яйство]. Каналы. Орошение и осушение.

Мануфактуры. Шелковые фабрики, бумажные. Фарфоров[ые] изд[елия] прив[лекают] Европу своими достоинствами и дешевизной. Город Кинг-же-чинг включает более миллиона жителей, заним[ающихся] выд[елкой] фарфора.

[Из] проекта Сибирско-Ур[альской] жел[езной] дороги Богдановича.

«Но при всех хороших условиях для жизни, не имея обеспеченного внешнего сбыта своих произведений, Сиб[ирь] находится в тяжких условиях. С одн[ой] стороны, Ледов[итое] море, с другой – беспред[ельные] аз[иатские] степи, с третьей – более 700 верст между вод[ными] путями.

Вследствии таких небл[агоприятных] территор[иальных] условий в Сибири случаются две крайности: или избыток продовольствия, или недостаток. Назад тому 10 – 12 лет сельское нас[еление] систематически истребляло хлеб, кроме того, вывезено было более миллиона пудов пшеницы в Россию, до двух миллионов пуд[ов] зерна стравили свиньям, желая переделать хлеб на сало. Зерно продавалось в городах по 7 коп. за пуд, но дер[евни] его отдавали по 4 коп.

В короткое время почти все запасы истреблены и после двух неблагоприятных по урожаю годов мука вывозилась от 70 коп. до 1 руб. за пуд.

В то же время в Тюмени в начале ноября рады были отдавать баранину по 10 коп. за пуд, но не находилось покупателей. Говядина же зимой продается здесь от 60 до 80 коп. сер[ебром] за пуд.

[О ярмарке] в Благовещенске в 1862–1863 гг. – Дело. – № 67. – № 3. – Ст[атья] Д. Стакнева.

Ярмарка в Благовещенске бывает каждый месяц две недели между маньчжурами и поселенцами.

«Обороты Благов[ещенской] ярмарки конечно ничтожны. В продолжении двух недель каждодневной торговли все маньчжурские лавки выручат не более двух тысяч рублей кредитными билетами. Все эти билеты потом переходят через руки маньчжур в карманы местных русских купцов, выменивающих их на русское серебро, считая каждый рубль в 1 руб. 50 коп. и 1 руб. 75 коп.

Со времени заселения Амура цена на серебро была за каждый серебряный рубль два бумажных рубля, но вырастающая конкуренция на эту выгодную (лично для купца) торговлю понизила курс на серебро до 1 руб. 40 коп. Благовещенские купцы ведут с маньчжурами дела отдельно от ярмарочной торговли. Эта последняя, так сказать, мелочная, розничная торговля, имеет отношение только к местным жителям».

«Осенью 1863 года, когда уже не было более надежды получить товар из Забайкалья, один купец скупил весь имеющийся в городе табак и начал делать сквернейшие папиросы, подмешивая в турецкий табак маньчжурский листовой, и эту смесь изволил продавать по чудовищной цене. Публика, конечно, была недовольна такой проделкой, бранила за глаза лавочника, но все-таки покупала папиросы его фабрикации». Все означенные товары: вина, например, сахар, папиросы и сигары, – привозятся в Забайкалье, а в Иркутск они не попадают по причине пошлины, взимаемой со всех иностр[анных] товаров, провозимых через Амур. Мера эта, конечно, уменьшает привоз товаров и отчасти тормозит развитие торговли на Амуре. Многие из торговых людей оправдывают эту меру, говоря, что иначе американцы забрали бы на Амуре всю торговлю в свои руки; что и теперь они подавляют русскую торговлю; но если американцы удачно ведут дела на Амуре, то отчего же этого не могут делать русские, что же смотрела и чем занималась Амур[ская] компания во время своего существования на Амуре?» (Ведь не встречают же соперничество [...]* изд[елия] рус[ских] заводов с гамбургскими?).

* Слово неразборчиво. – Прим. сост.

«Сибирь по большой дороге». Шелгунов. – Р[усское] слово. – 1863. – № 2.

Семью сост[авляют] отец, мать и три сына.

«Рабочую силу составляют: отец и два сына, мать и маленький сын не приносят денег. На содержание детей семьи нужно в год: на еду – 184 руб., на одежду – 125 руб., на ремонт дома и хозяйства – 30 руб., на содержание скота – 16 руб. Кроме того, разные платежи (налог, оклад, сборы и т. д.) составляют 45 руб. 85 коп. Всего семья должна расходовать в год 400 руб. 85 коп.

Большой налог зависит от того, что на крестьянах этой волости лежат значительные недоимки.

Чем же семья покр[ывает] свои расходы? Отец столяр добывает в Томске 200 руб. в год, один сын там же достает 60 руб., другой – 30 руб. Итого – 290 руб., т. е. не достает 110 руб. 85 копеек. Эти 110 руб. покрыв[аются] экономией на еде. Впрочем, в данном случ[ае] – трое раб[отают]. В Томске живут на хоз[яйственных] харчах – приним[ают] 110 руб. 40 коп. – т. о. расход с прих[одом] почти сходятся.

Но и крестьянам нельзя же быть без всяких удовольствий, они курят табак, пьют водку. На все это нужны деньги. Где же взять их?

Притом, не все же в Сибири лоцманы, столяры, сапожники или машинисты, как во взятом семействе. Но и в той семье отец и дети должны иметь работу на стороне.

Такая жизнь сост[авляет] удел значит[ельного] большинства крестьян от Тобольска вниз по Иртышу и по Оби, где насчит[ывается] до 18 тысяч жителей.

Верность прив[еденных] цифр засвидет[ельствована] жившими с Шелг[уновым] лоцманами и штурвальными…

Поездка на Амур. С. Максимов. – 1860-1861 гг.*

Стр. 228: «Купцы казаков шибко прижимают. Знают они, что казаку вещь пушная, что ни проси – купит. «Не торгуют они с нами, – заметил один старик казак, – не торгуют, а грабят нас».

Стр. 264: Максимов описывает страшные неудобства, сопряж[енные] с плав[анием] на пароходах по Амуру и т. д. «Ко всему этому надо при-

* Из работы «На Восток. Поездка на Амур: дорожные заметки и воспоминания С. Максимова». – Изд. 2-е – СПб, 1871. – Прим. сост.

бавить и то серьезное и важное обстоятельство, что цена за проезд на пароходе замечательно велика, даже приняв в соображение вообще высокие цены, существующие на Амуре на все необходимые жизненные припасы. «Пассажиры, желающие иметь собственный стол, на пароход не принимаются», – говорит объявление.

Вверх по реке от Николаевска до Кизи – 25 руб. за 30 верст. От Ник[олаевска] до Хабаровска – 75 руб., до Благовещенска – 125, до Усть-Стрелки – 175 руб., до Шилкинского завода – 200 руб. Суммы значительные для едущих с семействами.

Женщины тех местностей и вообще почти всей Ю[го]-В[осточной] Сибири «не подготовлены почти ни к какой работе, свойственной крестьянскому быту; так, напр[имер], свое полотно здесь – немыслимое дело».

«Естественно, что казачки берутся за проституцию вместе с солдатками, крестьянками и женщинами-ссыльными. Некоторые станицы и живут почти одною проституцией, как, напр[имер], лежащее около Николаевска селение Новосергиевское, превращенное в сплошной непотребный дом, содержимый николаевцами. Низший сорт проституток состоит из ссыльных и солдаток, бедных, грязных, оборванных; между ними нередко встречаются старухи лет 50. Высший сорт составляют молодые девушки-казачки. Казачки вступают на поприще разврата лет в 14-15. Казаки сами отдают своих маленьких дочерей, иногда даже невинных, на содержание за известную плату. «Эта продажа особенно развита в уссурийском казачьем батальоне, потому что там нужда сильнее». Центры амурской жизни превращаются в притоны разврата и сифилиса, быстро заражают собой народонаселение. Сифилисом заражена вся Камчатка».

В характеристике сибирской семьи нелишним кажется прибавить и следующее: «Чай пьет вся Сибирь от 2 до 6 раз в день, даже в бедном Верхоленском округе у редкого крестьянина нет самовара; но и при неимении самовара чай все-таки пьется, варится в таком случае в чугунах».

Кастрен говорит: «Сибиряк известен своим талантом жить не по своим доходам. В городах часто блестящей экипаж составляет все его движимое и недвижимое имущество, а в селах нередко можно слышать поговорку, что именье сибиряка состоит в самоваре».

Сибирский казак, отправляясь в отряд или куда-либо в отъезд, нередко единственное, что берет с собой – это чайник. Останавливающийся казачий отряд первое, что делает на отдыхе, наставляет чайник с кирпичным чаем[165] или листьями иван-чая или шалфеем.

(Характеристика сибиряка есть в моих выписках из статьи Щапова).

Не лишен также интереса приводимый в той же статье Шашкова приход и расход в том же Верхоленском округе.

Жители этого округа получают:
от земледелия – около 150 000 руб.
звериного промысла – 9 000 руб.
рыбного – 4 000 руб.
от работ по речным сплав[ам] – 65 000 руб.
почтовой гоньбы – 23 000 руб.
извоза – 97 000 руб.
Итого: 348 000 руб.
Значит, на кажд[ого] мужчину прих[одится] по 13 руб. 75 коп. в год.
Из этих доходов в 1862 г. затрачено на водку 156 000 руб.

Историч[еские] судьбы женщин в кн[иге] С. Шашкова.*
Стр. 19.

«Вся деревня и новые свидетельства утверждают, что в Полиандрии[166] женщина пользуется почти полной свободой и независимостью. Она владеет отдельным от супругов имуществом, по своему желанию выбирает мужей, и последние относятся к ней с замечательным уважением. Возможно, что и эту свободу, и это уважение женщина приобретает, потому что сама она служит редким и дорогим товаром и ценой своей любви может купить у соперничающих за нее мужчин все, что угодно. Один из самых новых наблюдателей Полиандрии, Эрих-фон-Шенберг, рассказывает, что каждый из мужей-компаньонов старается предпочтительно перед другими угодить общей жене и готов ублажать каждому ее капризу.

Малочисленность женщин, даже в Полиандрии, всегда хорошо влияет на их положение в семействе и обществе, хотя и вредно действует на их нравственность. Чем меньше в известной стране женщин, тем более ценятся они во всех отношениях, и тем удачнее могут они бороться с эгоизмом мужчин. Но одной ценностью женщины и порождаемым ею уважением мужчин нельзя объяснить того замечательного положения женщины, какое она занимает в полиандрическом семействе и обществе. Само устройство семьи и характер полиандрического семейного права выдвигают женщину на передний план, ее интересы ставят выше других домочадцев.

* Работа С.С. Шашкова. История русской женщины. – Прим. сост.

Флеровский. Полож|ение| рабоч|его| класса в России.* Стр. 42.

«На работу он (т. е. сиб[ирский] мужик) отправляется в широких конопляных штанах, которые надеваются сверх платья, и в таком костюме он нередко работает зимой в воде. Одежда крестьянина недостаточна, а одежда крестьянки и того меньше. Зимой она, синяя и дрожащая от холода, бегает по улице в одном сарафане, без шубы и в коротенькой и совершенно недостаточной верхней одежде. Потому зимой крестьянки все более или менее нездоровы, и можно проехать тысячу верст и не встретить ни одного здорового женского лица. Самая жалкая судьба притом опять-таки постигает детей»**.

Дальше мне бы следовало сделать еще несколько выписок из книги Флеровского, но, так как они были бы слишком велики, и к тому же я не во всей полноте с ними согласен (так как основаны только на собств[енных] умозаключениях без фактов), то я и считаю себя вправе только указать на них.

На стр. 52 и 53 очень рельефно, но не совсем верно очерчен разврат и его причины; на стр. 80, 81 и 82 прекрасно обрисован тип сибирского таежного крестьянина с его удалью и природным умом и в конце привод[ится] факт подражания таежных дикарей цивилизованным жителям в удовольствиях.

Отечеств|енные| Зап|иски|. – 1869. – № 4. – «Народные преступления и несчастья». – Ст|атья| С. Максимова.

В противоречие Н. Флеровскому выписаны пр[иведенные] слова Макс[имова]:

«В Алтайских горах, как известно, в 1863 г. расселена была часть тех старообрядцев, которые присланы были в Сибирь из стародубских и выньковских слобод, лежавших тогда за литовским рубежом. Живут они на юге

---

* Книга В.В. Берви-Флеровского (псевдоним – Н. Флеровский) была издана в 1869 г. – Прим. сост.)

** Я позволю себе усомниться в сообщении этих фактов не только для всей Сибири, но даже и для одной какой-либо волости, знакомой г-ну Фл[еровскому] в Кузнецком округе. Другие путешеств[енники] приписыв[ают] это (т. е. легкость одежды) просто привычкой, и в то время, как изнеженный путеш[ественник] кутается в шубу, сибиряк в ней еще не чувствует надобности.

Кузнецкого округа к стороне округа Бийского; народ зажиточный, отличающийся замечательными хозяйственными способностями, но для нас поучительный в том отношении, что за старый двор стоит крепко, и при том с такой замечательной ревностью, каковой немного примеров и в России».

Стр. 343:

«Вторая партия (и самая значительная), также выгнанная из белорусских лесов, прошла дальше, на юго-восток Сибири, и теперь в людных, веселых и богатых селениях живет в западной половине Забайкалья в горах тремя волостями. Сами себя эти старообрядцы называют также поляками (как и алтайские), но у русских сибиряков известны более под именем семейских, так как пришли сюда семьями в разные годы (первая партия – в 1768 г., вторая – 1780 г.). При сытой и обеспеченной жизни и при некоторой свободе ее (в послед[нее] время) эти семейские выродились в людей замечательно крепкого и красивого телосложения; женщины поражают красотой лиц и дородством тела. Женщины вольны на словах и на деле. Мужчины отличаются все до единого бойкостью языка и свободой в разговорах» (замечательно поведение женщин в данном случае, по-видимому, оно же обуславливается их малочисленностью, так как переходила вся семья, да к тому же еще и замкнутость староверческой общины и строгость староверов вообще).

По словам С. Максимова, наименее распростр[анена] в Сибири секта скопцов[167]*, несмотря даже на то, что скопцы сами переходят из России в Сибирь и помогают друг другу, чем могут. Причина тому, кажется, в том, что они селятся в самых северн[ых] местах Сибири – Туруханск[ий] край и сев[ерная] часть Якут[ской] обл[асти]; затем иудействующие или субботники, хлыщи, бухарцы и молокане, котор[ые] селятся большими селами и сильно распр[остраняют] свое учение в Сибири, вследствие взаимной помощи и солидарности между собой они очень зажиточны и т. д.*

Для полной характеристики сиб[ирской] семьи, мне кажется нелишним будет и след[ующее] извлечение из той же ст[атьи].

Стр. 344:

«Обросший волосами и зачерствевший от трудов и необычайных походов сиб[ирский] казак горел одной страстью грабежей и завоеваний, привык к приключениям в лесах, степях и льдах, – закаленный морозами, он уже был безразличен ко всему, кроме жажды стяжаний. Изнашивая наследственные свойства, приобретенные на родине, сиб[ирские] пришельцы из России поступались ими в силу обстоя-

тельств и ради корысти, ввиду новых туземных, влиявших неотступно и настойчиво. Износил одежду – стал наряжаться по-сибирски; охладел к вере – стал заражаться языческой туземной, к восприятию каковой и без того мягкая почва сверх того была еще сильнее разрыхлена и еще бол[ее] приспособлена».

«Когда через тридцать пять лет после построения Тобольска открыта была в нем епископская кафедра (30 мая 1621 г. прибыл пер[вый] сиб[ирский] архиерей), когда так[им] об[разом] представилась возм[ожность] поверки тех религиозных убеждений, при каких оказались в Сибири пришедшие из Рос[сии] люди, многое представлялось в ужасном виде. Казаки, увлеченные завоеваниями и промыслами, успевшие ознакомиться с туземцами и войти в ближайшие с ними отношения, оказались задичавшими почти до уровня таких же дикарей – язычников. Уже в 1622 г. известно было на Москве, что сибиряки не носят крестов, не соблюдают постов, едят всякую скверну, живут с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен (своячницами). При отъезде закладывают их на срок и, не имея чем выкупить, женятся на других. Какие успели завестись монастыри, в тех обителях монахи и монахини живут вместе или, уходя из монастырей, опять живут в мире. Сами духовные потворствуют всем новым порядком, какие завели русские люди в новой стране: умыкание (воровство) невест, многоженство, отчуждение от церкви. Уже от простых служилых людей стали слышаться дерзкие речи против уставов церкви (одного Сургучева думали даже сжечь за то живым в самом Тобольске); уже многие в самом епископском городе (по сведениям 1649 г.) вместо духовных лиц обращаться стали к «чародеям и волхвам и богомерзким бабам», «в домы пущают, и те волхвы над больными и над младенцами чинят всякое бесовское волхование и от правоверия всяких православных христиан отлучают». Между тем, наличное духовенство о пастве своей не заботилось, думая больше о себе и услаждая себя «греховным и земным пьянством» так, что митроп[олит] сиб[ирский] Павел (1680 г.) принужден был собирать в арх[иерейскую] кладовую все церковные суммы из опасения, чтобы попы и церковники, бражничая вместе со старостами и раздавая церковную казну в долги, не растратили ее вовсе».

Дальше идут три примера поповского распутства и невежества (как на заводе бьют пьяного попа за то, что он не идет испов[едовать]; пьяный поп, выгоняющий паству из церкви; поп, вошедший в соглашение с колдуном насчет приобр[етения] денег). Мне самому известны

примеры служения литургии не могущ[им] стоять на ногах попом (Атбасар и Баян-аул). Котуркульский поп, отчитывающий шарлатанствующего казака и учиняющий крестный ход к кресту, найденному в коровьем помете. В одной из станиц около Омска поп на поминках в день похорон до того напился пьяным, что забыл свой сан за пирогом, припомнив пароход, заорал во всю глотку: « А, а, как кричит пароход... у....у...у...» – и т. д. Это все в последние годы, т. е. 1860-е гг.

«Во всей западной половине Сибири по р. Иртышу, Ишиму, Тоболу, гуще других населений больше распростр[анено] расколь[ничество], чуть ли даже не поголовно, так как церковным свед[ениям] в этом случае верить нельзя.

В этих местностях «старые порядки остаются на том же положении: староверы женятся и сводятся (сводным, гражданским браком) с православными, и если раскольница попала в дом к православным в семью, редко кто устаивает».

Стр. 360: «Сводные браки вообще не прочны: кто-нибудь из сведенцев непременно нарушит контракт и потребует нового свода, а с ним калыма, новых расходов; теперь многие стали прибегать к венчанию в православных и, разумеется, чаще всего в единоверческих церквях. После того немудреная исправа: несколько мыстовок (мыстовка – сто поклонов), очистительные молитвы – и делу конец. Министерство внутренних дел не велело считать таких браков законными, сведенцы отвечали: «Пожалуйста, не считай, мы и так живем и проживем», – а своды усилились до высшей степени».

Стр. 360 и 370:

«Староверцы всего края, примыкающего к Ур[альским] горам и прилег[ающие] к Иртышу, Ишиму, Тоболу и пр., пр. – люди грамотные, начитанные; вообще трезвы, любят молиться, беседовать и читать священные книги, не любят общественных забав: гулянок, масляничных катушек, пасхальных качелей и особенно гулянок в праздники. Молодежь, хотя и любит выпить, но в большие праздники в кабаки не ходит, пьет мимо праздников, в праздники даже помочей не делает. И вообще стараются не работать, а больше молиться, беседовать, слушать писание. За пьянство и пр[очие] грехи старики накладывают несколько мыстовок, отлуч[ают] в пище, в молитве: ешь один, молись после всех. Раскольные люди богатые: они первые плательщики податей, первые помощники бедным, помогают милостыней и православным (этим меньше, своим бедн[ым] больше). На следствиях и без присяги не

кривят душой. Гостеприимны, как все сибиряки, но честны и справедливы как приметное исключение. Все староверцы очень набожны, особенно старики: всякое домашнее дело начинают молитвой; за обедом всякое блюдо встречают большим крестом и без креста не едят ничего. От православных крестьян староверы в этом отношении значительно отличаются и стоят далеко выше: во всех толках непременно обязательство грамотности по часослову и псалтырю; если нельзя выучить грамоте, непременно выучат молитвам. Из православных редкий читает молитвы, у староверов всякий мальчик и девочка знают наизусть т[ак] наз[ываемый] Малый начал, другие знают и Большой, и много молитв».

Рассматривая разные виды преступлений, Макс[имов] говорит, что в поджогах наибольшее участие принимают из России дети и женщины. В Симбирске: Стр. 117 № 3.

«В десять лет (с 1838 по 1847 гг.) не было замечено ни одного поджигателя ни между арестованными, выпущенными в Сибирь из России, ни между каторжными, ни среди поселенцев. Поджоги в Сибири такая же временная болезнь, как разбой и грабеж шайками, и, в таком случае, немедленное и неприметное последствие этих двух родов злодеяния. Между тем, и ссыльные женщины бегут в леса и на волю, не справляясь с силой, и, спрашивая только позволения и согласия у мужчин каторжных, бегут немного (по три на год), но опять-таки на новой родине своей заниматься поджогами не любят. В новом крепостном положении их ...* согласно направлять к деятельности противоположных свойств: редкой из них не удается сделаться матерью еще на дороге, ни одной не привелось еще, за недостатком женщин, остаться в безбрачии. За мужем и под детьми для каторжной женщины прекращаются все пути к преступлениям крупным и остаются дороги только для воровства и прелюбодеяния».

Поездка на Амур. С. Максимов. (1860 – 1861 гг.)

Стр. 121.

«Действительно скучная степь: убийственное однообразие окрестностей, голое пространство, малая населенность, полное зимнее отсутствие всякой жизни – все против вас. Однообразие степных пространств сбивается даже до того, что уж если показалась впереди роща после

* Слово неразборчиво. – Прим. сост.

долгой степной глади, за рощей этой непременно раскинется деревенька; и непременно роща эта тщательно расчищена, деревенька неправильно разбросана, улица кривая и редкая; дома крепко поддержанные; и опять-таки непременно ямщик везет к своему дружку. Там в четверть, много в полчаса, запрягут лошадей, дружка старого усадят чай пить, накóрмят за дружбу и побратимство всякой благодатью, в которой замечается изумительное обилие. В Филиппово заговенье я видел у них за ужином плошку с бараниной, другую с поросенком, жирные щи со свининой, пироги с рыбой, безмерные пельмени, пельмени на всем тракте от Екатеринбурга, и вечный, почти бессменный чай, привычки, язык и даже верования. Подобно дикарям, покорившим Рим, они поддались влиянию побежденных ими народов. Влиянию, конечно, далеко не одинаковому; как одни из варваров обратились в народ цивилизованный, так другие лишились и той гражданственности, которая были присуща им ранее. Уединенность и громадность пространства сделала здесь цивилизацию невозможной. Даже люди наиболее цивилизованные и посланные в Сибирь со специальной целью быть ее просветителями и водворителями порядка, дичали и, пользуясь своей властью, проделывали все, что может придумать самая грубейшая фантазия. Не зная за собой никакого контроля, водили они с собой целые стаи разбойников, грабивших инородцев и уничтожавших пушного зверя. Сталкиваясь в своих интересах, шли они друг на друга, не различая своих и чужих; острог шел на острог, атаман на атамана, воевода на воеводу. Грубость инстинктов развилась в ужасающие формы: инородческие улусы вырезались, жены насиловались, обращались в рабство, продавались другим и т. д., и т. д.

Летописцы с горечью описывают все ужасы того времени, и не один из них, подобно Словцову, восклицает: «О, где столько пролито слез, как на земле Сибири… и стала ли она теплее, благословеннее?».

Другой летописец характеризует то время и несколько позднейший период словами: «Сибирь была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, комиссарами, приставами, для которых украсть, ограбить, даже убить человека из-за денег, продать душу за алтын, считалось делом обыкновенным».

Если таковы были представители власти и порядка, то что должно сказать о предводительствуемых ими в острогах? Что сказать о стране, в которой все это можно было проделывать совершенно безнаказанно? Произвол, конечно, не уничтожился в последующие времена, даже теперь он проявляется в грандиозных размерах. Мы не можем теперь

буквально повторить слова соликамского летописца, но тем не менее не затруднимся представить бесчисленные множества фактов, которые удивят зауральского жителя. Мы знаем примеры ссылки за корреспонденцию, примеры продажи должностей фаворитского производства, утайки исправником денег, посланных наследником престола одному крестьянину, и многое другое. Мы знаем, но не сообщаем. Сенаторская ревизия, подобно Пермской, изумившей читающую публику, конечно, показала бы, что может совершаться в таком захолустье, как Сибирь.

Это показали, между прочим, ревизии и проезды таких лиц, как Сперанский, наследник престола, Анненский, Сколков Владимир Александрович. Бездна замеченных ими беспорядков и поданных им просьб достаточно ясно указывают на произвол, господствующий в Сибири. Например, в самое последнее время циркуляры г[енерал]-губ[ернатора] Вос[точной] Сиб[ири] окончательно показывают, что наши жалобы далеко небезосновательны.

Особенное внимание г[енерал]-губ[ернатора] обращено на «темные поборы», которые собираются с арестантов, и пьянство, странно развитое в народе: пьют даже женщины и дети. «Безобразие доходит до того, что продавцы в питейных домах не только обирают крестьян до последней копейки, но выталкивают их из кабаков до безобразия пьяных, раздев до рубашек». Крестьяне на вопрос г[енерал]-губернатора о причинах множества кабаков, отзывались, что «к заведению оных понуждает земское начальство и угощаемые винопродавцами волостные головы и старосты, прибавляя почти единогласно, что добра вестимо тут мало; жиды обирают до последней копейки». «А между тем, – продолжает г[енерал]-губернатор, – земледелие падает, что доказывается и дороговизной хлеба; во всех полицейских, волостных и сельских управлениях дела и денежные отчеты ведутся не в порядке; заимообразная выдача хлеба из запасных магазинов выдается неправильно, о чем я имею уведомление г[енерал]-губернатора, а за сим возникает вопрос, что же делали гос[пода] чиновники».

Понятно, что под сенью подобных обогатившихся чиновников-«цивилизаторов» русская гражданственность далеко угодить не могла. Не встречая помощи в этих наиболее просвещенных лицах, местное население и пришельцы в неравной борьбе племен должны были опуститься на степень патриархальности, неразберихи и даже местами дикости.

Краткий очерк истории Сибирского казачьего войска, мне кажется, рельефнее всего может показать читателю, как происходило это посте-

пенное подчинение одного элемента другому; пример этот мне кажется тем более удобным, что в состав каз[ачего] войска вошли не только инородцы, но и другие племена: поляки, малороссы и даже ссыльные, как это вообще происходит и в остальной Сибири. Здесь мы увидим, как разные племена подчинялись «местному влиянию».

Нужно заметить, что Сиб[ирское] каз[ачье] войско не было, подобно Донскому и Уральскому войскам, продуктом земской колонизации окраин, а со временем вышло из рук администраций, оно создалось волей закона в силу политической необходимости. Известно, что еще в начале прошлого столетия при Петре Великом и его ближайших преемниках русскими в видах отыскания золота было заложено несколько крепостей по Иртышу. Для защиты их от набегов ордынцев в крепостях были помещены заседатели, волостные головы, сельские старожилы и писари, в особенности те, которые получали из так называемых темных сбо́ров огромное по их положению содержание из прибавочного жалования волостных писарей и проч.

Не приводят ли все эти неустройства к такому заключению: увеличивайте темные сборы, сколько возможно, и безобразничайте, как хотите».

«В гребцах у меня очутился еще один орочен, которого только по черным жестким волосам да по излишней развитости верхней челюсти можно было признать за инородца, а относительно он не дурен. Маленькие орочены вообще не безобразны и далеки от соплеменников взрослых. Весьма недурная молодая ороченка (ей 25 лет), которая продала мне утку, особенно, если попристальнее вглядеться в нее: глаза черные, взгляд веселый, добрая улыбка и смешки. Но зато, по мере того, как скелет орочена с летами складывается, развивается, принимает законченные формы, чем, одним словом, человек становится старше, тем черты его принимают округлость и близятся к некрасивому, инородному типу. Такова тут же у берега стоявшая старуха: она и мала ростом, и щеки ее необыкновенно раздуты и как будто распухли, особенно по орбите глаз, да и ходит она как-то в прискочку на своих тоненьких ногах. Но вообще во взгляде орочен нет той тупости и бессмыслия, которыми отличаются старые друзья мои, вотяки и самоеды».

Стр. 153: «Станица Уруши с новыми рассказами и жалобами на бедность… В речах рассказчиков много простоты и искренности, и в говоре их особенностей. Вообще, все казаки, пришедшие на Амур с Аруни, картавят и приискивают: букву «з» употребляют вместо «ж»,

«с», вместо «ш» и проч. В самом типе их замечается что-то особенное: приличная скуластость, узкий разрез глаз, поразительная смуглость кожи – как бы перехождение монгольского типа в плохой русский. Черты и того, и другого типа сливаются и заплывают. Все они хорошо говорят по-монгольски, вследствие тех простых причин, что они до этого времени жили по китайской границе, среди трех племен монгольской расы: тунгусского, монгольского коренного и бурятского. Женщины-казачки довольно красивы».

Стр. 153: «Станица Олдай (20 дворов), но то же горе. В маленькой тесной избушке живут по два и по три семейства».

Против ожидания, Максимов не хвалит смышленость забайкальских казаков, поселившихся на Амуре. По его наблюдениям, это народ недалекий.

Стр. 164: Стан[ица] Перминина (13 дворов): «А вечерки по зимам запевали они?» – «Девок-то у нас мало, да и не до вечерок».

Стр. 222: «Ст[аница] Квашнина (выстр[оилась] при благоприятных условиях на сухом месте и т. д.). Празднику (Троицину дню) казаки обрадовались: вырядились в белые рубахи; казачки – в ситцевые платья (купленные у приезжих купцов); даже маленькие девочки, и те в ситцах и платках на головах. Девочки эти находят на краю станицы березку: ухватились за руки – стал хоровод. – «Родину на чужой стороне вспомнили; по своей забайкальской вере», – заметил мне один старик».

Стр. 228: «Купцы казаков шибко прижимают. Знают они, что казаку вещь нужная, что ни проси – купит. «Не торгуют они с нами, – заметил один старик-казак, – не торгуют, а грабят нас. Я так это сам одному купцу в глаза и сказывал на днях.

Чай в тех неистовых размерах, с какими наслаждаются этим китайским напитком одни только московские купцы в трактирах и ресторациях на Никольской улице и на нижег[ородских] ярмарках. С избытком живут барабинские женщины и редко можно встречать такой достаток в других местах России и Сибири».

Стр. 124: «И я снова ехал вперед, ехал много… Ведь выросло же в Сибири из сильных поселенцев русских здоровое, мыслящее и способное племя сибиряков, у которых есть хорошее и, может даже быть, блестящее будущее».

«И я снова ехал вперед, ехал много и долго, ехал до того долго, что у меня, как у Калиновича в романе А.Ф. Писемского («Тысяча дум») ямщиком очутилась, наконец, баба. Только тогда уже узнал я об

этом, когда она сняла доху в избе своего дружка, и когда на столе кипел приготовленный для нее самовар. Не было со мной попутчика купца, который бы оговорил ямщика-бабу; не было и ямщиков, которые подняли бы ее на смех. Все на этот раз казалось обыкновенным. Ямщики-дружки спросили ее только, какова дорога, и ни одним замечанием, ни единой насмешкой ее не обидели.

- Что тебя заставляет ездить, не бабье ведь это дело? – спрашивал я.

- Кому же ездить-то, коли у меня мужика в доме нет.

Так же молодцово вскочила и соскочила она с облучка; также бойко и послужливо бежали у нее лошади, как бы и у любого ямщика, как бы, наконец, у той же бабы Писемского, которая везла Калиновича с купцом. Доха, и несколько грубый мужской голос довершили мое очарование».

Стр. 134. Вот что, между прочим, говорит Макс[имов] о заселении Забайкалья в 1807 г. по приказу Трескина...

«Дома (для поселенцев) строились по чертежу 1722 г. для двух семей, состоявших из одного женатого и двух холостых. Положено в каждых двух семейных завести по одной кузнице и выстроить во всяком новом селении запасные магазины, в которые и собирают хлеб с первого урожая назначенное число. Чтобы обеспечить женитьбу поселенцев, Трескин просил Иркутского архиепископа предписать сосланных в Забайкалье девиц и женщин не венчать ни с кем, кроме поселенцев, что и было исполнено. Скот для поселенцев покупался в Верхнеудинском округе и у бурят, делавших по приглашению начальства в пользу поселенцев значительные пожертвования».

На стр. 145 в стан[ице] Покровской Мак[симову] жалуются на проходивших «сынков» (штраф[ных] солдат), что они баб портят – подобных заявл[ений] в его книге встречается часто.

Стр. 149 – 150. Ст[аница] Амазар. Бедность. У казаков живут и грабят две женщины-ороченки, странствующие по станицам. Обе хорошо говорят по-русски, особенно молодая.

*...против общественных условий, в Малороссийской – более против слепого рока. Отсюда это скопчество, как прожить против бессердечия, эти секты стали догматические – сухие, как и ортодоксия, но основатели были всегда люди с сердцем, с глубоким, протестным, против сердечной пустоты. Я не люблю русские секты, но люблю их осно-

* Текст пропущен. – Прим. сост.

вателей. Отсюда протест женщины. Она его заявляет в Сибири отравой и ножом. Бродяги, а их рассказы метки, рисуют сибирскую женщину «озорницей», террористкой, дикой рабой, Спартаком в юбке. Один сосланный поляк-крестьянин говорил мне, что ни за что не женится на сибирячке, ибо любовь сиб[ирской] женщины бешеная, азиатская, в ней нет женственности польки, способной примириться с изменой мужа, а есть свое горе. Она за рану в сердце мстит раной в бок. Это Отелло, Медея. Что она не совсем забита и проявляет грубое притязание на свободу, объясняется довольствием сибирского крестьянина, который поэтому не обращает ее во вьючный скот, во-вторых, не будучи сам забит, мало и сам забивает. Около полурабы и домашние полурабы. Для определения характеристики сибирской женщины расспрашивайте бродяг, новоселов и приезжих. Бродяги, которые нагло эксплуатируют суеверие сибирской женщины, рассказывают Вам много анекдотов в манере Боккаччо. Дело в том, что они курс прислуживания усложняют актом пациентки с доктором. История, кроме мартирологии[168] сибирской женщины, не представляет никакого другого материала. Только в Томске была какая-то историческая тетка Лена (см. Том[ские] Губ[ернские] Вед[омости], ст[атья] Кузнецова). Не знаю только, имела ли она какое-нибудь культурное или, по крайней мере, эмблематическое значение хоть для своего города».

Празднества и забавы приаргунцев. Н. Кашин. Вест[ник] РГО. XXIV. – 1858, СПб.

В беглом очерке местных жителей г-н Кашин обращает внимание читателя на более выдающиеся особенности местных празднеств. Так, один из них, так называемый «бабий праздник», празднуется женщинами обыкновенно после пасхи, в родительскую субботу. С раннего утра забираются бабы на кладбище и поднимают вой по умершим родственникам, отцам, мужьям и т. д., описывая в своих причитаниях, какое горе их постигло после их смерти, как им теперь тяжела жизнь и т. д.

Исполнив этот долг, бабы гурьбою возвращаются в село, расходятся потихоньку по домам, поминают за яствами и питиями покойников, упиваются, выходят из домов и целыми гурьбами ходят по селу, распевая песни и т. д. К вечеру они обыкновенно напиваются до положения низ и т. д...

Ст[аница] Степная. Стр. 229.

«На дворе Духов день, и в станице праздник: в избах жареным пахнет (вероятно, косуля). Посередине улицы стоит березка, к верхушке ее привязана ленточка, словно флаг. Сама березка обвязана платками, кругом ее ходят маленькие девочки, одна за другой, и поют песни согласно и верно. Старушка подле стоит: учит их, налаживает дело, наказывает, как надо, как водится это на Матушке-Родине, в Забайкалье. Вечером березку эту снимут с места, понесут на реку и потом с песнями бросят в воду и что-нибудь загадают на свое девичье, а может быть, станичное счастье…

А маленькие девочки отправляют этот обряд, потому что больших девиц нет».

Стр. 233. – «Новый род повинности – делание кирпичей – лежит на обязанности казачек. В ст[анице] Головиной каждая баба, начиная с девок и оканчивая старухами, обязана сделать в месяц по тысяче кирпичей для вновь строящегося сотенного дома. «Не знаем, – говорили мне бабы, – ребят ли кормить, огородцы полоть, скотину обряжать, за малолетками смотреть, около дому возиться, али казенные кирпичи делать?» В ст[анице] Вознесенской тот же урок и по той же тысяче на бабу. «В прошлом году, – сказывали они мне, – по полутораста кирпичей делали для себя, а ныне вот на казенную работу посадили, а глина здесь с песком, плохая глина, половину сделаешь, другая так прахом на огне и рассыплется».

В нынешнюю поездку мою в Петербург я знал от своих товарищей еще несколько фактов, небезынтересных для истер[занной] судьбой сиб[ирской] женщины. Петр[у] Петр[овичу] Реброву Солнцев рассказывал, что во время поездки его по алтайским станицам на одной из станций ему провожатые (конвойные) дали бабу, одетую в казацкий костюм и бойко управляющую лошадью, на которой она ехала верхом. Солнцев только тогда мог узнать, что это баба, когда она, как и в максимовском случае, сняла с себя мундир.

Александр Филип[пович] Беляев сообщил, что в укр[еплении] Верном, где он пробыл нек[оторое] врем[я], наперечет все женщины, которые не имели бы двух-трех мужей. Из этого не составляют исключения и т[ак] наз[ываемые] барыни, т. е. жены чиновников и офицеров. Наплыв мужчин, приезжающих на службу, все-таки велик, что на женщин всегда большой спрос. К тому же, нужно прибавить еще и частое отсутствие мужей (экспедиции, командировки, отряды, конвои и т. д.).

Инородческое население Семиреченской области так же чрезвычай-

но легко относится к супружеской верности. Нет ничего легче сговорить киргизку ночевать с русским и т. д. Мужья даже сами предлагают своих жен к услугам приезжающего. Беляев сам был участником след[ующего] случая. Приехал он в гости к одному тамыру, тот ему из гостеприимства и вежливости заколол барана, Беляев так же из вежливости подарил ему 3 р[убля]. Хозяин счел себя обязанным предложить гостю на ночь свою жену. Последняя отнеслась к этому совершенно пассивно.

Не бесследны в семейной жизни и так называемые у казаков «кампаменты», т. е. месячная и полуторамесячная служба в летние месяцы. При этом обыкновенно для военных упражнений в одной из станиц (каждый год разные) собирается несколько сотен (две, три) служивых казаков, а иногда для смотров даже и резервных. Понятны следствия этого. Не всякий же казак в течение этого времени в состоянии обойтись без женщины. Например, конечно, приведется пользоваться местными жительницами. То же самое и в оставленных мужьями станицах. Женщины, оставаясь одни, нередко обращаются за своими потребностями к имеющимся налицо мужчинам (оставшимся по каким-либо причинам проезжим гостям, более красивым киргизам и т. п.). Так как место сборищ часто меняется, то и нет ничего хитрого, что казаки и казачки кумятся между собой на довольно большом районе. В метисации русского племени с киргизским это, конечно, далеко имеет также значение (спрос на киргизок, джамачки).

Нельзя не обратить также внимание на значительный приток в степи так называемых иностранных гостей, т. е. приезжих торгующих бухарцев, ташкентцев и татар. В большинстве случаев несемейных. Вот цифра их в области сибирских киргизов привод[ится] Красовским[169]:

В 1863 году было:

Иностр[анных] гостей с детьми муж[ского] п[ола] – 1346, ж[енского] п[ола] – 442.Это должно иметь тем большее значение, что это люди зажиточные и, след[овательно], всегда имеющие возможность тем или другим способом достигнуть от местных жен[щин] немалого*.

* Если к этому принять во внимание, что некоторые из показ[анного] здесь числа мужчин имеют по нескольку жен, то число женщин, вообще приходящих на остальных, будет крайне незначительным. В Каркаралах мне известен татарин Юсуп, у которого множество жен. Живет он только с двоими, которые даже носят русские имена, живут в одном с ним доме и выходят даже при посторонних посетителях, угощают их чаем, пряностями и т. д. Одним словом, занимают положение хозяек русского семейного дома. Для остальных жен у него выстроено особое помещение с отделениями

Затем, нельзя не принимать также во внимание и следующие цифры, привод[имые] Крас[овским] за тот же год:

	м[ужского] п[ола]	ж[енского] п[ола]
Офицеров и нижн[их] чин[ов] линейн[ых] бат[альонов], исправ[ников] в 5 степ[ных] укрепл[ениях], обяз[ательной] внутр[енней] стражи	1993	291
Офицеров и ниж[них] чинов полевой и креп[остной] артил[лерии]	270	42
Отставных ниж[них] чинов регул[ярных] войск было	1597	4889

То есть, число мужчин преобладает в населении временном и наиболее состоятельном. Женщины же преобладают в солдат[ском] населении, т. е. бедном и в большинстве случаев бездомном. Солдатки и их дочери нанимаются к местным чиновникам и зачастую служат им вместо наложниц. Отцы, в большинстве, скоро оставляют степные селения, а бедные солдатки и т. п. остаются с детьми. Состоятельные классы здесь занимают место магула Уссурийского края.

Азиатские нравы до того влились в местное казачье население, что они живут совершенно как киргизы: мужчины носят камзолы, бешметы и халаты, пьют кумыс, так же ничего не делают, как и киргизы, – разъезжают по тамырам или лежат дома. Казачки также перенимают у киргизок их костюм: зачастую ходят по улицам, накрывши голову халатом, мне случалось видеть на казачках надетую вместо платья (не сарафана, кот[орого] каз[ачки] не носят) рубаху, точно такую же, как и у киргизок, которая заменяет ей в то же время сорочку. Манера ездить верхом подобно киргизкам местными казачками давно уже усвоена, и они не хуже любого казака в киргизском платье джигитуют на коне во время масленицы. Подобную езду и костюмировку мне случалось встречать даже в Омске. Замечателен обычай каркаралинских женщин во время

для каждой. Другой татарин, тоже в Каркаралах, Вахит имеет несколько жен. Татары в степных селениях помещаются в особых слободах, называемых местными жителями «слободками». Это всегда лучшая часть поселения: двухэтажные дома, магазины и т. п.

Наезды бухарцев и вообще среднеазиатских торговцев не бывают бесследны в сердечном отношении. Случаи бегства в Бухару и т. д. между русскими девками не редкость. Мне самому известен случай в Акмолинске.

святок рядиться киргизками, татарками и т. п., и рядиться притом днем. Замаскировавшись таким образом, они странствуют из дома в дом, горланя песни и угощаясь вином. Манера сидеть на полу, поджавши под себя ноги, усвоена как казаками, так и казачками.

Из письма Гр[игория] Ник[олаевича] П[отанина].

«Под сибирской женщиной разумеется инородка, крестьянка и горожанка. В городах и у инородцев действительно недостаток в женщинах, но в деревнях избыток. От этого кажется здесь прибыль в населении, а там убыль. Особенно замечателен недостаток женщин у томских татар-мусульман. Семейная связь в Сибири не прочна. Четыре области в России отличаются свободой нравов: Финляндия – страна приморская, Дон – где мужское население уходит на службу. Владимирская, Московская – страна мануфактурная, и Сибирь – где то же действие производит изобилие бродяг и отчасти звероловческий быт. Вам известно, что я дурного мнения о сибиряках; это бездушные маклаки, сердце которых не из мяса, как говорит пророк. Рассудок сушит его сердце. Но в этой сухой среде встречаются личности задушевного свойства. Я знал одно семейство из мужа и жены, которые любили друг друга сильно и не расставались, не встречались без поцелуев и радостных жестикуляций. Это было всей деревне на удивление, что человек любит жену более, чем пятак. Их преследовали насмешками даже мальчишки. Скопец, которого описал Ядринцев, принадлежал к числу таких выродков с мягким сердцем. Вот от чего вся сибирская молодежь дрянь – она несет печать родины, врожденный культ пятака, любовь патриота, и всякая любовь ей «темна вода в облацех»; наш сибирский народ на любовь смотрит как на болезнь, что-то вроде порчи; если вогнала любовь человека «в доски», то тут непременно действовало колдовство, присушка (о любви по народному поверью смотреть мою статью «Этногр[афические] материалы о Южной Сибири»). И сама женщина уверена, что не ее красота приковывает молодца, а что это действие тех пряников, которые она держала под титькой и которыми потом накормила своего Соломона. В любви Сибирь, как свинья в апельсинах. Брачные узы основываются на экономическом расчете великороссийской патриархальной семьи, а не как в Малороссии, где делимость семьи допускает основывать ее на любви. Это устройство семьи, может быть, главная причина отсутствия любовных отношений. Но при отсутствии любви должны быть

внешние насильственные средства для сохранения брачных уз. Сибиряк основывает всю свою жизнь на догме, которая держится силой физической, кулака, а не силой любовного определения сердец и их гармонией. Отсюда здесь наисильнейший протест против насилия. От этого в великороссийских песнях более протеста.

[О Сибирском казачьем войске]

Скоро к ним по предложению генерала Шпрингера были приписаны 138 запорожских казаков, сосланных в Сибирь за участие в набеге атаманов Железняка и Швочки. В 1775 и 1776 годах к войску приписано не-

Улица Шпрингеровская. Вид на Воскресенский собор и здание Военного собрания (крайнее справа). Конец XIX – начало XX вв. Из личной коллекции А.М. Лосунова.

сколько отпущенных из острогов каторжников. С 1797 по 1799 годы войско увеличилось на 2000 малолетков, то есть сыновей отставных солдат, живших в Тобольской губернии. В 1805 году в войско сослано 18 донских казаков. Из такого-то сброда, составившего к 1811 году 1100 [лиц] мужского населения, составлены были 10 конных казачьих полков. В этот же год были вполне организованы – получили форму, знамена и на следующий

год, когда регулярные войска были выведены из крепостей, они остались единственными защитниками линии от вторжения ордынцев.

Нужно заметить, что в состав войска, кроме того, вошло значительное количество драгун, из которых многие еще ранее, до выхода своих сотоварищей с линии, приписывались к городовым казакам, а другие теперь не пожелали расстаться с обжитыми местами и приписались к войску. Скоро вновь образовавшееся войско, а именно в 1812 году, приняло в свой состав сосланных в Сибирь поляков, взятых в плен из армии Наполеона. В 1832 году к ним прибавились еще поляки, сосланные за повстанье. В 1824 году часть казаков была выселена внутрь Киргизской степи во вновь открывшиеся округа Каркалинский и Кокчетавский, в Акмолинский с Баян-Аульским.

В состав их в 1849 и [18]50 годах вошли еще малороссийские казаки и крестьяне смежных [с] Сибирью губерний.

Так составилось то войско, которое носит теперь название Сибирского и Семиреченского. Но читатель не получил бы верного понятия о теперешнем типе этого населения и не узнал, какое влияние имела на него инородческая причина. На это мы теперь и укажем.

Инородческое население войска и вообще всей пограничной линии особенно сильно начало увеличиваться во время нападения Джунгарии. Калмыки, преследуемые китайскими войсками, бежали в степь и на линию целыми десятками тысяч; сотни и тысячи их мерли как мухи, частью от набегов киргиз, а в большинстве от разных заразительных болезней – оспы и др., распространившихся в голодных, оборванных и беспорядочных массах бегущих калмыков. О беспорядочности этого бегства можно судить уже из того, что сам властитель Джунгарии Амурсана выбежал на линию без штанов, и в Омске ему они сшиты были за казенный счет. Массы этих голодных обездоленных людей как тени двигались вблизи пограничных русских селений. Те, которые вынужденные голодом должны были принять христианство, получали скудное содержание от казны деньгами. Другая и большая часть, оставшаяся в степи, попала в руки киргизам, которые частью убивали их, частью обращали в рабство. В годы нужды и голода киргизы приводили многих своих рабов на линию и продавали здесь крестьянам, купцам и казакам. Некоторые из этих проданных рабов часто обращались в христианство и иногда делались полноправными с местным русским населением, вступали с ним в браки и т. д. Приводя своих рабов на линию, киргизы часто и сами вступали в кабалу к русским, особенно часто это

было в голодные годы, когда, желая избавиться от лишних ртов, киргизы принуждены были продавать в неволю своих детей, жен и наименее способных из мужчин. Кроме беглых и покупных калмыков и киргиз, в состав русского пограничного населения инородцы входили и просто путем захвата и насилия. Сибирские казаки вплоть до половины настоящего столетия систематически производили набеги на киргизские аулы под видом наказания за воровство, набеги и грабеж. Особенно часто это случалось в половине и конце прошлого столетия, когда киргизы были подчинены только номинально, да и произволу представлялось более свободы, чем впоследствии. Захватывавшие подобным образом офицеры и урядники были настолько уверены в законности и правоте своих действий, что нередко обращались к высшему начальству с просьбами «дабы повелено было взятую ими добычу: людей, лошадей и верблюдов отдать им с командой в раздел, дабы впредь многие верноподданные охоту и немалую ревность имели», – и просьбы их уважались*.

Конечно, киргизские султаны всеми силами старались выхлопотать освобождение этих несчастных, но почти всегда просьбы их оставались без последствий. Оренбургский губ[ернатор] Неплюев, например, писал по поводу этих ходатайств к начальнику пограничных войск: «Что касается тех киргиз-кайсаков, кои по поимке в разные руки достались и в православную веру приведены, следственно, как бы то сделано ни было, отпущать их в орду яко крещеных невозможно, и так в отговорку кир[гиз]-кайсакам другого резона нет, как только сей, что по их собственному желанию оное восприяли и по закону православному возвратить их уже не можно, да они и сами того не желают»**. Интересно взглянуть на

---

* Захваты не обходили и таких уважаемых в среде лиц, как Алымбек-Батыр. По сохранившимся документам известно, что родственницы его находились в рабстве: «женка Хурума у превосходительного генерал-майора и губернатора Сухарева, женка Аим и дочь ее девка у полковника Вендейга, женка Сулуча у секретаря Карташева, и оные же окрещены».

** В позднейшее время это присоединение к православию и ассимиляция азиатов происходила, конечно, более мирным путем. Случаи крещения, принятия в сынки и т. п. и теперь очень часты. Таким образом, этот постоянный наплыв инородческого элемента не мог не отразиться заметным образом на типе местного русского населения. Сибирский казак, столкнувшись с киргизом, сделался таким же кочевником, таким же фланером, как и этот последний. Надел на себя меховую булгарскую шляпу, а зимой киргизский малахай, натянул на плечи бухарский халат, а на ноги чамбары, он и с виду делался совершенным киргизом. Монгольские нравы, киргизский язык и даже обличье здесь, между русским населением приобрели такое же право гражданства, как и европейские наряды, обычаи и язык приобрели в более западных провинциях нашего государства.

то, как отразилось это влияние на том разнохарактерном составе русских поселенцев, которые вошли в состав войска. Мы видели, что здесь перемешались запорожцы, поляки, русские, киргизы, татары, буряты, малороссы, бухарцы, калмыки и даже темные индейцы. Каждое из этих племен, конечно, должно было в результате оставить по себе какую-нибудь память или в виде какого-либо обычая, или в физическом типе. Конечно, в разъяснение интересующего нас вопроса мы ничего не можем привести, кроме непосредственного наблюдения, так как ученых этнографических исследований на этот счет еще не было произведено, но, тем не менее, руководствуясь и им, мы, по всей вероятности, не ошибемся, если скажем, что наибольшее влияние на метисацию как в количественном, так и в качественном отношении имели калмыки и киргизы.

Количественное влияние читателю, вероятно, понятно уже и из того, что мы сказали ранее, а качественное превосходство, мне кажется, можно усмотреть из того факта, что здоровые дети, родящиеся от русского и киргизки, по физическому и даже нравственному своему складу более походят на киргиза, чем на русского. Если можно кого назвать сохранившим свой первоначальный тип, то только разве малороссов. Благодаря тому, что они более позднейшие пришельцы, они мало что заимствовали от своих соседей киргизов и коренных казаков. В Кокчетавском округе вы можете встретить малоросса во всей его неприкосновенности: с его спущенными на лоб и подстриженными волосами, длинными усами и сосредоточенным видом; сохранилась и его баранья шапка, с широкими штанами и высокими сапогами. Казачья форма и соседство азиатов не вытеснили еще его характерных особенностей. Казацкое женское платье не вытеснило их родной спидницы и белой рубахи. Привез с собой он и свой тяжелый и неуклюжий плуг и пашет им здесь, как и у себя в Черноморье. Как хлебопашец-консерватор он не поддался еще пастушескому влиянию кочевников и не отстающими от них казаков. Места их обитания – единственные оазисы в степи, не пользующиеся, подобно другим, привозным хлебом из Тобольской и Томской губерний. Но это только теперь, пока он еще не обжился, пока не вымерли отцы и деды, помнящие свои старые порядки. Не нужно быть пророком, чтобы в близком будущем предвещать им совершенное слияние с местным населением. Уже и теперь молодое поколение говорит местным сибирским наречием и только для отцов своих бережет знание малороссийского языка; и теперь уже на более лихих парах вы увидите не чемарку или сиряк, а казацкий с примесью татарского кам-

зол с разноцветными кисточками. Предположение наше тем более вероятно, что основано на участи других европейских племен, столкнувшихся с инородцами. Такова участь поляков, совершенно слившихся с местным населением. В настоящее время лишь одни фамилии указывают на первоначальное происхождение некоторых казачьих семейств. Какой-нибудь Хменовский, Калмылецкий, Добминский, Березовский в настоящее время столько же похожи на поляка, как и любой казак. Те же привычки, то же мировоззрение, одежда, язык. И вы, конечно, в большинстве случаев рискуете оскорбить кого-либо из их потомков, назвав его поляком. Та же самая история и с бывшими регулярными кавалеристами-драгунами. Разве только более европейский облик, как более аристократического происхождения, укажет вам на первоначальный источник. В остальном и этот солдат-казарменник обратился в халатника-казака. Интересно проследить, как и в настоящее время происходит постоянная ассимиляция пехотного солдата, стоящего в степи, в местного жителя – ассимиляция, часто выражающаяся в виде бурных схваток казаков с солдатами. Азия и Европа всегда враждебно смотрят друг на друга. Часто, находясь в совершенно одинаковых условиях, они тем не менее никогда не могут между собой сойтись. Казаки, стоящие в степных отрядах, находятся почти в одинаковых условиях с регулярными войсками: та же казарма, те же нары с находящейся на них одеждой, висящие шашки по стенам, самоизготовленные в стойке ружья и пики, утренние и вечерние уборки лошадей, ученья и т. п. – все то же самое, что и в регулярной кавалерии. Но всякого, бывавшего в тех и других казармах, сейчас же поразит разница в людях, заключенных в одинаковые рамки, в одинаковые условия. С первого же взгляда вы узнаете, что вы в казачьей казарме. Отсутствие шинелей и замена их халатами, сиденье на нарах, поджавши ноги под себя, разговор в случае спора на киргизском языке, чайники для чая, чамбары на ногах, манера ходить и говорить, – все это с первого же раза укажет вам, что это иррегулярное войско – казаки. Назвать казака солдатом, значит оскорбить его. Казак терпеть не может солдата, выправки, шинели и т. п. атрибутов, характеризующих регулярную казарму. Степные казаки и солдаты находятся в постоянном между собой антагонизме: у них существуют друг для друга даже особые оскорбительные названия. Солдаты зовут казаков Колымой, а казаки тех – крупой, крупосерами. Назвать кого-либо из противных сторон тем или другим именем равносильно тяжкой обиде. Не знаю,

в каких отношениях находятся они в военное время в действии, знаю только, что в мирное обыкновенное время они постоянные враги и при всяком удобном случае стараются друг другу насолить, постоянная борьба за первенство. Зачинаются ли во время святок театральные представления у казаков, солдаты непременно устроят то же самое и у себя; друг перед другом стараются в выполнении своих ролей. Каждая из команд устраивает свои странствующие труппы, изображающие разбойников, свиту царя Максимилиана и т. п. Каждая команда устраивает свою особенную масленицу, разъезжающую по улицам селения; в парадах, на смотрах они стараются превзойти выправкой друг друга, а подчас и помешать хорошему выполнению обязанностей противником. Антагонизм до такой степени силен, что часто переходит даже в откровенные схватки. Мой отец рассказывал про подобную схватку, бывшую еще в его молодости, когда обход и разъезд столкнулись между собой, и на выручку к ним набежали с той и другой стороны; в дело пошли и сабли, и штыки. Некоторые поплатились пальцами, ушами и т. п.

Я сам был свидетелем подобной вооруженной схватки лет двенадцать тому назад. Дело было в Каркаралах во время одного из больших праздников. Ночью тоже сошлись обход и разъезд; дорога показалась им узка, ни тот, ни другой не свернули в сторону – произошла стычка: солдаты стараются стащить разъездных с лошадей, а эти стоптать своих противников. Дело завязалось жаркое. Один казак поскакал в свою казарму требовать выручки; солдат побежал к своим, произошла тревога. Вахмистр приказал трубить поход, фельдфебель – тревогу, пошла потеха: казаки на лошадях один за другим скачут к месту побоища, солдаты толпой стремятся на выручку своих товарищей. Один здоровенный солдат схватил было уже оглоблю, чтобы начать крутить ею направо и налево, как в это время подоспел дежурный офицер, и схватка прекратилась. Это крупный случай, более мелкие довольно часты: в кабаках, за девок и т. п.

(Но как бы ни гордился солдат своим европейским происхождением, все-таки нельзя не заметить и в нем скрытого желания присоединиться к общей казацко-азиатской семье. Мне не раз случалось в приливе откровенности наводить солдат на тему о трудности солдатской жизни, о казацком приволье, и тут-то, не замечая за собой иронического взгляда казака, он признавался, что с большей бы охотой пошел бы в казаки, да к сожалению:

На ту пору времечко
Мать сыночка родила,
Не собравшись с разумом,
В солдаты отдала.

Слова «не собравшись с разумом, в солдаты отдала» у степных солдат звучат несколько иным образом, чем в других местностях, здесь солдату противопоставляется не крестьянское житье, не землепашец, а казак. Подобное желание мне кажется естественным и ввиду другого напора на них – со стороны киргиз, которые ненавидят солдата. Они говорят: «казак хороший человек, мы его боимся, и он нас; солдат другой человек, он все у нас отбирает»).

Та же самая борьба Азии с Европой, сибирских старожилов с пришельцами происходит и далее на восток во всех сибирских губерниях, где крестьянская община приняла на себя миссию ассимиляции новоселов. И здесь пришельцы принуждены бывают уступить сибирякам, отказаться от многого, что было присуще им за Уралом. Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются критике и иронии беспрерывной, сопровождаемыми советами, как вести себя на сибирской почве, как пахать землю, какие сделать уступки ее девственности, как принимать и стрелять бродяг и далее, как говорить, не возбуждая смеха.

Постоянные передразнивания выговора и положительные советы положительно заставляют повсеместно поскорее отказаться от прошлого: изменить язык, обычаи – и не далее, как в следующем же поколении, их нельзя бывает узнать – они делаются вполне сибиряками, с иронией относящимися к новоселам.

Нам известна судьба одной сибирячки, попавшей в новосельскую семью, последняя хотела на ней выместить насмешки сибиряков, не только она, но и вся новосельская деревня преследовали ее, стараясь поставить ей в вину сибирские обычаи и сибирский говор; сибирячка оказалась в высшей степени упрямой азиаткой, до конца не покорившейся чужим насильно навязываемым обычаям.

То же подчинение русского элемента мы видим и во всей Восточной Сибири. Здесь азиатский тип еще более ясно выражен. Жители Иркутска и всего Забайкалья положительно несут на себе инородческий отпечаток: смуглое широкое лицо, черные волосы, низкий, но широкий лоб, сплющенный нос и более или менее узкие глаза – все говорит за их азиатское происхождение. В некоторых местностях Якутской области русские в своих уступках местному населению зашли так далеко, что

превратились совершенно в якутов – и только русские фамилии указывают вам на первоначальное их происхождение.

Таков результат столкновения русских с инородцами. Таково цивилизованное значение образованных европейцев на диких азиатов.

Нет, конечно, в России такой области, которая по своей первобытности и невежеству равнялась бы Сибири. Она еще не вышла из того периода, когда беспомощные обитатели страны совершенно подчинены окружающей их природе. Удаленные от остального мира, разобщенные даже со своими земляками непроходимыми пространствами, окруженные суровой дикой природой они более чем кто-либо из жителей России поставлены в невыгодные условия. Нигде в другой области русскому человеку не приходится побороть стольких препятствий на пути, как здесь, в отдаленной Сибири. «В России, – говорит Г. Щапов, – хоть близость западных цивилизованных соседей, хоть неотразимое навивание западного влияния ослабляет несколько гнетущее восточное настроение духа русского народа. Там мануфактурная промышленность, фабрики и заводы, литература и университеты хоть сколько-нибудь разнообразят умственное движение и направление мыслящих сил, и пар неумолчным шумом пароходов, будя промышленный дух приволжского населения, могущественно влечет и вялые мужицкие умственные и физические силы на заработки в Петербург, Москву, Казань и проч. А здесь, в отдаленной северной Сибири?» Что здесь? – Сон, сон непробудный. Нигде мыслящий человек не чувствует себя таким одиноким, таким подавленным умственной спячкой, как здесь, в захолустье земного шара, в Сибири, с ее необъятными степями, лесами, тундрами. Так и чувствуешь, как эта болотная, сугробная жуть начинает тебя охватывать со всех сторон, втягивать в свою вонючую пучину. Речь делается вялой, походка медленнее, члены заплывают, мысль путается… нет ничего, что бы хоть сколько-нибудь расшевелило нашу мужскую душу.

Вся история Сибири представляет ничто иное, как борьбу цивилизующего начала с грубостью аборигенов страны и постепенное подчинение первого последним: постепенное обращение русского-европейца в сибиряка-азиата. Обращение тем более нежелательное, что русским приходится смешиваться не с самыми даровитыми азиатами – не китайцами и японцами, а племенами, вынужденными силой неблагоприятных обстоятельств поселиться в Сибири.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 338. Л. 1 – 22. Подлинник. Рукопись.

Выписки из статей С.А. Венгерова в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» с автобиографиями Н.Ф. Анненского, И.Ф. Анненского, П.П. Аносова, В.И. Вагина.

[1886–1889, 1895 гг.*]

Ник[олай] Федор[ович] Анненский (по свид[етельствам], от него полученным), род[ился] в Петербурге 28 марта 1843 г. в чиновничьей среде среднего достатка. Детство и ранняя юность его прошли в Сибири, куда отец его[170] переселился в конце [18]40 г. Там же он и учился в Омском кад[етском] корпусе. «Корпус наш, – пишет Ан[ненский] (в своей автобиогр[афии]), – куда я поступил еще в николаевские времена, носил на себе общую казарменную физиономию военно-уч[ебного] зав[едения] того времени. Но в конце [18]50-х годов, когда и до Сибири дошла волна освободительных идей начала прошлого царствования, в нем повеяло иным живым духом. Последние годы моей корпусной жизни имели решительное влияние на общий склад моего развития. Там я научился думать, читать, интересоваться общественными вопросами. Школа того времени мало походила на теперешнюю. Тогдашняя дисциплина при всей ее грубости была чисто внешняя и не умела еще поставить преграды для живого общения учащихся с учащими, если среди этих последних были живые люди».

В 1859 г. Ан[ненский] кончил курс кад[етского] корпуса и по болезни (он кажется прихрамывал, сколько мне помнится) выпущен не в офицеры, а на гражданскую службу с чином губ[ернского] секретаря, в каковом чине и поступ[ил] на службу в губ[ернское] прав[ление] г. Томска. Вскоре ему удалось освоб[одиться] от службы, и он поступил вольнослуш[ателем] в С[анкт]-П[етербургский] университет, где он захватил еще лекции Костомарова, Кавелина, Стасюлевича, Спасовича, Утина, Пыпина.

В 1867 г. он выдержал экз[амен] на степ[ень] кандидата права и шесть лет спустя, в 1873 г., получил в Киевском унив[ерситете] степ[ень] кандидата историко-филологич[еского] факультета. В 1866 г. он женился на сестре П.Н. Ткачева (извест[ного] публицист[а] и критика, потом эмигранта) Александре Никитичне, впоследствии известной детской писательнице. В 1867 г. поступ[пил] в Госуд[арственный] контроль, а

* Датируется по дате выхода томов издания. – Прим. сост.

отсюда в 1873 г. перешел во вновь образовавшийся при Мин[истерстве] пут[ей] сообщения статистический отдел.

В 1880 г. служебная деятельность Ан[ненского] была прервана по распоряжению гр[афа] Лорис-Меликова, он был выслан в Сибирь и водвор[ен] в г. Тару.[171] В следующем 1881 г. ему разрешено было поселиться в Казани, откуда вновь выслан в Свияжск. В 1883 г., по окончании срока поднадзорности, переехал снова в Казань, где по приглашению местного земства принял на себя руководство статистическими работами, а с 1889 г. поселился в Н[ижнем] Новгороде, где тоже заведовал земской статистикой.

Дальнейшее описание его деят[ельности] как ученого, публициста и журналиста след[ует] искать в «Русском богатстве» за 1912 г., в котором он и умер, имея 69 лет от роду.

На литературном поприще Анненский начал продвигаться переводами. Под его редакцией 3-й том «Истории крестьянской войны» Циммерлихта*, СПб, 1868 г. Им же переведена затем часть книги Шерра «История цивилизации в Германии», СПб, 1869 г. Позже в 1881 г. им перевед[ена] книга Гольцендорфа – «Роль общественного мнения в госуд[арственной] жизни».

В [18]70-х годах он становится сотрудником «Отеч[ественных] Зап[исок]». В ней он в период 1877–[18]80 гг. поместил ряд трудов в отделе «новых книг» – «Экскурсии дельцов в области науки и литературы (1887. № 5 и № 7); «Разборы государственных росписей» 1879–1880 гг. и 1884 г.; «Среди литературной аристократии». Писал много статей по внутренним вопросам в «Русской правде». В «Деле» – «Очерки новых направлений в экономической науке». И массу статей, очерков, обзоров статистических работ по обследованию экономического дела приволжской губернии. Его же много статей помещено в разных специальных и общих повременных изданиях по железнодорожному и вообще путейному делу в России.

«В перечисленных трудах Анненский остается всегда верен традициям дней своей молодости, о которых говорит в своей автобиографической записке:

«Широкое воспитательное значение университетской жизни того

---

* Имеется в виду – Циммерман В. История крестьянской войны в Германии по летописям и рассказам очевидцев / Пер. с нем. Н.Ф. Аненнского. — СПб., 1868. – Прим. сост.

времени для меня, как и для большинства моих сверстников, было громадно. Другим влиянием, под которым происходило наше развитие, была литература, особенно журналистика того времени, самым ярким и наиболее влиятельным на молодежь органом был бесспорно некрасовский «Современник». Наконец, наше поколение учила и направляла в известном смысле и сама окружавшая нас жизнь, общую окраску которой давал происходивший тогда великий акт освобождения крестьян», – верный неизменный до старости шестидесятник.

О последних годах его жизни, работы в «Русском богатстве» смотри ст[атью] Короленко за 1912 г.

Анненская Александра Никитична – жена Николая Федоровича Анненского, сестра известного публициста и эмигранта Ткачева, известная детская писательница. Во время ссылки мужа в Тару последовала за ним в ссылку.

Наиболее известные из ее писаний – расск[азы] «О брате и сестре», «История маленького оборванца», «Зимние вечера», «Анна», переделки «Робинзона», «Воспоминания детства», «У пристани», «Надежда семьи», «Гувернантка», «Тяжелая жизнь», «Гриша», «Товарищи» и м[ногое] др[угое].

Общий тон их – идеи шестидесятых годов – сочувствие слабым, борьба с засильем и несправедливостью и т. д., и умышленное отсутствие «детской» морали.

Иннокентий Федорович Анненский – брат Ник[олая] Фед[оровича]. Родился в гор[оде] Омске[172] 20 авг[уста] 1856 г., когда отец его был в Омске членом Совета Гл[авного] управл[ения] Западной Сибири. Маленьким увезен был из Омска в Петербург, где и получил образование. Своим развитием обязан прежде всего своему старшему брату Ник[олаю] Федоровичу и его жене Анне Никитичне. Стал учиться очень рано и практически познакомился с иностранными языками ребенком. С тех пор, как себя помнит, любил заниматься историей и словесностью и чувствовал антипатию ко всему элементарному и банально-ясному.

По слабости здоровья большую часть средне-учебного года проводил дома, отчего на всю жизнь сохранилась привычка работать одному, без указаний и руководства. В 1875 г. по выдерживании испытания зрелости при гимназии Человеколюбивого общества, поступил на ист[орико]-филологич[еский] факультет С[анкт]-Петерб[ургского] университета, где с 3-го курса особенно много занимался санскритом, сравнительным языкознанием у покойного П.П. Минаева. В уни-

верситете получил «золотую медаль» за сочинение «Южно-русский язык». В 1879 г. ок[ончил] курс со степенью кандидата и был оставлен при унив[верситете] для подгот[овки] к зв[анию] профессора, но силой вещей, а отчасти и природными свойствами (склонностью разбрасываться в занятии), был он отвлечен от проф[ессорской] карьеры. *(А в 1913 году?)**

Более 11 лет был учителем, теперь (т. е. в 1897–1914 гг.) 13-й год директором (сначала в Коллегии Павла Галагана в Киеве, затем в 8-й С[анкт]-П[етербургской] гимназии и, наконец, в Царскосельской).

Известный филолог. Известен своими печатными трудами по исследованию польской литературы, славяноведению.

В области русского языка и словесности известен, помимо рецензий, статьями: «Из наблюдений над языком и поэзией русского севера», «Поэзия Полонского и гр[афа] Ал[ексея] Толстого», «Фантастическое у Гоголя», «Эстетическое отношение Лермонтова к природе», «Гончаров и его Обломов», «Поэзия Майкова», «Идеализм Гоголя», «Пушкин и Царское село». Много статей по педагогическим вопросам.

В последнее время особенное внимание уделяет древне-греческой поэзии, особенно Еврипиду, переводя произвед[ения] древних классиков на русский язык, и посвящением статьи разбору их произведений.

Не чужда ему и новейшая иноязычная поэзия. «Аносов Павел Петрович. Горный инженер. Родился в 1798 г. В 1816 г. окончил курс Горного института и отправился на Златоустовские заводы. Здесь он много работал над усовершенствованием выделки стали и достиг весьма замечательных результатов, изложенных им в обстоятельной статье «О булатах» (Горн[ый] журн[ал]. 1841 г.), в результате имеющих, впрочем, более теоретический, чем практический интерес. Такой же по преимуществу интерес имеет в свое время наделавшее большого шуму предложение Аносова «обрабатывать золотоносные россыпи, выплавляя из них чугун, в котором сосредоточивается все золото, заключавшееся в россыпи, и извлекаемое из чугуна, по обыкновенному способу, свинцом, присаживаемым в доменной печи». В 1837 г. Аносов был назначен Томским гражд[анским] губернатором и гл[авным] нач[альником] Алтайских горных заводов. *(В то время обе эти должности обязательно соединялись).*

Умер в Томске (?) в мае 1851 г. в чине генерал-майора (?)».

---

* Здесь и далее в документе другим шрифтом выделены комментарии Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

Едва ли последнее правильно. Аносов умер не в Томске, а в Омске, во время пребывания в нем на должности З[ападно]-Сиб[ирского] генер[ерал]-губернатора после отъезда из Омска кн[язя] Горчакова и неприбытии еще Гасфорда[173]. *(Из «Русск[ого] биогр[афического] словаря» издан[ного] Русск[им] историч[еским] общ[еством] – местом смерти Аносова верно назван Омск).*

Когда-то прекрасный и теперь еще отчасти сохранившийся памятник над его могилой находится около Братской церкви на бывшем когда-то, теперь упраздненном «Немецком» или Шепелевском кладбище[174]. Рядом с ним находилась прикрытая чугунной плитой могила другого, тоже очень известного горного инженера генерала Татаринова, умершего также в Омске за временное исправление должности отсутствовавшего генерал-губернатора *(не знаю кого).*

Как на аносовском мавзолее, так и на татариновской плите, я отлично помню, (в начале [18]60-х годов) об этом обстоятельстве было отмечено. В Акмол[инских] вед[омостях], кажется за 1893–1894 гг., мной по этому поводу помещена заметка, по сему назв[ана] «Забытая могила». Недалеко от этих могил в то время покоился также прах замечательного в истории Кавказа, З[ападной] Сибири и Степного края генерала Глазенапа.

Теперь этой могилы уже не существует, она разрушена, а сам прах или кости усопшего, кажется в 1870-х годах, перевезены сыном его, арт[тиллирийским] полковником Глазенапом, на Казачье кладбище, где и теперь покоятся под особым памятником[175].

«Кроме статьи «О булате», в Горн[ом] ж[урнале] напечатаны статьи Аносова: «Геологические наблюдения над Уральскими горами, лежащими в округе Златоустовских заводов» (1826 г.), «Описание нового способа закалки стали в сгущенном воздухе» (1824 г.), «Обработка Уральского корунда» (1829 г.), «О приготовлении литой стали» (1834 г.), «О золотопромыв[альных] машинах, устроен[ных] на Миасском золот[ом] промысле Златоустовского окр[уга]» (1841 г.), «Описание золотопромывальной машины, устр[оенной] на Миасских зол[отых] промыслах» (1846 г.). П.П. Аносов рядом с практической деятельностью на заводах производил весьма обстоятельные для своего времени геологические исследования в южном Урале, преимущ[ественно] в Златоустовск[ом] горн[ом] округе. Ему принадлежала первая геологическая статья, помещавшаяся в Горн[ом] журнале, основанном в 1825 г. Кроме открытых различных минералов и руд, он первый со-

ставил подробный очерк геологических строений Златоуст[овского] горн[ого] округа и, что особенно важно, дал первый геологический разрез Урала от Златоуста до Миаса, о чем упоминает и знаменитый Мургисон. Но кроме научной геологической деятельности, Аносов немало потрудился для развития уральской золотопромышленности», – [писал] И. Мушкетов. Вагин Всеволод Иванович – (т. 4). Известн[ый] сибирский публицист (по его сообщен[ием]).

«Отец мой был незначительный чиновник. В молодости он служил учителем кантонистом в Омске и был послан оттуда в Селенгинское военное отделение «для исправления почерка (у учащихся) и показания лучших приемов учения». *(Вероятно, по настоянию Броневского, вызывал в В[осточную] С[ибирь] из Зап[адной] даже прост[ых] сиб[ирских] л[инейных] казаков, в кач[естве] инструкторов).*

В Селенгинске он женился и прожил несколько лет. Наконец, начальство вытребовало его обратно в Омск. Он доехал до Иркутска и здесь должен был остановиться. «10 февраля 1823 г. я произошел на свет. Летом того же года родители мои приехали в Омск и здесь оставались почти безвыездно до смерти моего отца, кот[орый] умер 13 ноябр[я] 1836 г. в должности Омск[ого] окружного казначея».

Маленький Всеволод долго жил в Петропав[ловске] у дяди своего Шубина, где и начал учиться у сосланного туда повстанца 1831 г. поляка Вронского. Вскоре учителя взяли в солдаты и перевели в Пресновскую крепость (ныне станица), где стоял его батальон, а дядя был командирован с семейс[твом]. Мальчика отправили в Пресное и поместили у хорошего его знакомого, казачьего офицера Пет[ра] Ник[олаевича] Куликова с продолжением учения у того же поляка. Учение было небрежное, но не мешавшее любознательному мальчику очень много читать. «Наконец, отец вздумал взять меня обратно в Омск и отдал меня учиться своему старому знакомому учителю кантонисту Куртукову. Между тем, вышло распоряжение о том, чтобы в войсковое казачье училище (ныне – Омск[ий] кад[етский] корпус) было принято 60 сыновей чиновников и офицеров. Отец подал просьбу обо мне; меня сначала назначили кандидатом, а потом отказали под тем предлогом, что отец не был потомств[енным] дворянином. Этот отказ очень огорчил моих родителей, и они, и я уже мечтали, как я выйду из училища офицером, как буду щеголять в эполетах и проч[ее]. Отец все-таки отдал меня в училище приходящим учеником или, как тогда говорили, пансионером. Нас, пансионеров, было несколько, здесь на-

чалось систематическое учение и очень порядочное, особенно по математике; только языки русский и французский порядочно хромали: не удавалось найти хороших учителей и они беспрестанно менялись. *(Принимали выписки из формуляров каз[ачьих] оф[ицеров]: «Знает Геогр. Рос. – «до торговли»).*

Но я уже втянулся в учение, а потому и эти предметы шли у меня не дурно. Кончить курсы в училище мне, однако же, не удалось. По смерти отца мать моя, забайкальская уроженка, вздумала отправиться на родину в Троицкосавск, и мы в январе 1837 г. пустились в путь». *(Значит, ему в это время было 14 лет).* В Т[роицкосавске] Всевол[од] поступил в уездное училище; «но здесь мне пришлось повторять только пройденное. Там больше было возможности заняться чтением.

В 1839 г. мне было поручено испр[авить] д[ела] приходского учителя *(т. е. 16-ти лет, со знаниями, вынесенными из войск[ового] училища),* в январе 1840 г. я был формально определен на эту должность; но оставался на ней недолго: осенью того же года я поступил на службу в Гл[авное] упр[авление] Вост[очной] Сибири в Иркутск. Служба была нетрудная, и это дало мне возможность продолжать свое самообразование».

Проходя затем чиновничью службу то в Иркутске, то в Забайкалье, до советника областного правления включительно, он вынужден был по разн[ым] обстоятельствам покинуть В[осточную] Сибирь и переехать на службу в Томск и его губернию. В 1861 г. он вышел в отставку и переехал в Иркутск, где и занялся вольной адвокатурой.

В 1875 г., приняв на себя редакцию газеты «Сибирь», он постепенно оставил занятие адвокатурой. *(Значение этого первого периодич[еского] органа печати в Сибири).*

В конце 1879 г. он избран гласным Думы гор[ода] Иркутска и стал посвящать много времени городским делам.

Адвокатская 15-тилетняя практика дала ему кое-какие денежные средства.

Пуститься в печать Всев[олод] Ив[анович] решился только в 1847 г. строчением корреспонденций в казенные повременные издания, б[ольшей] частью столичные, так как провинциальной печати тогда еще не существ[овало].

«В конце 1860-х годов я задумал серьезный труд – описать пребывание Сперанского в Сибири. Для этого я стал рыться в Иркутском губернском архиве и извлек оттуда много любопытных сведений, не об одном Сперанском. Труд свой о Сперанском окончил я в 1871 году,

и тогда же отправил его печатать в Петербург. Книга моя, благодаря содействию барона М.А. Корфа и кн[язя] С.Н. Урусова, была напечатана в 1872 г. в двух томах. Кстати сказать, эта книга, стоившая мне нескольких лет серьезного труда, не принесла мне ровно ничего: она пошла плохо, и типография до сей поры не выручила издержек на печатание ее.

В 1874 г. я принял на себя издание и редакцию газ[еты] «Сибирь», издававшейся до того в Иркутске г[осподином] Клиндером, довольно неудачно. Я успел соединить в этой газете многих сибирских деятелей и дать ей жизнь и известное значение. *(В том числе и меня, помещавшего там периодич[ескую] корресп[онденцию] из Омска и две дов[ольно] круп[ные] статьи: «К вопросу о сибирск[ом] университете» и «Томск или Омск»).*

Газету я издавал до 1877 г., а потом передал М.В. Загоскину, оставаясь, однако, деятельным сотрудником. С возникновением «Восточного обозрения» Ядринцева я принял участие и в этой газете и поместил в ней несколько корреспонденций и статей. Я поместил также много статей (большей частью за моей подписью) в «Известиях Сибирского (потом Вост[очно]-Сиб[ирского]) отдела географ[ического] общества», в трудах которого вообще принимал большое участие, особенно в 1860-х годах».

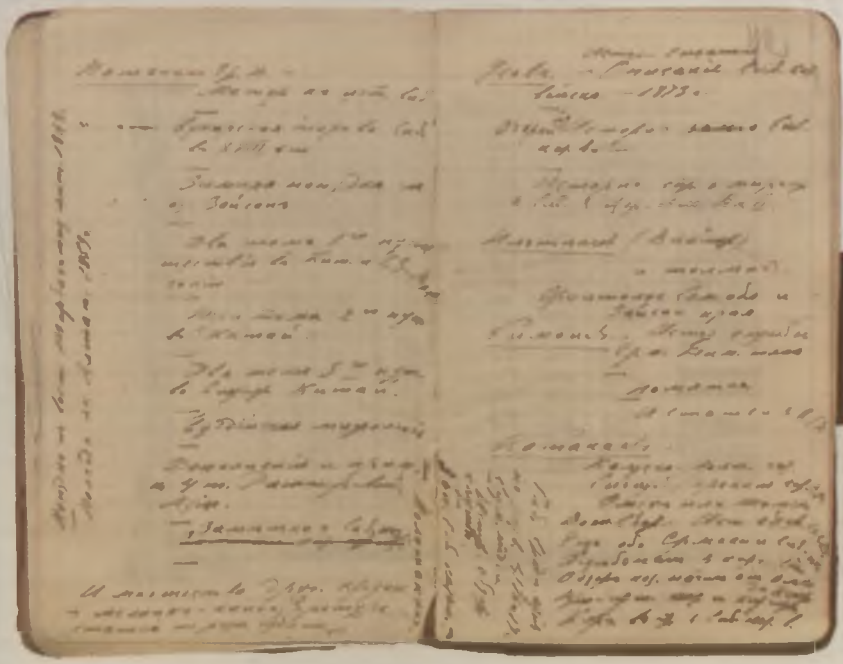
Привожу название некоторых из этих статей: «Английские миссионеры в Сибири», «Об исследовании частной золотопромышленности», «Петр Добель в Камчатке», «К истории Сибирского межевания», «Нынешняя деревенская песня», «Посольство графа Головкина в Сибири», «Заметки об общинном быте забайкальских казаков», «О задачах Сиб[ирского] отдела г[еографического] общ[ества] в статистическом отношении» и т. д.

«Сороковые года в Иркутске», «Путешествие Сперанского по Сибири», «Что дал Сибири Сперанский?», «В котором году покорена Сибирь», «Ермак и его биография» и т. д.

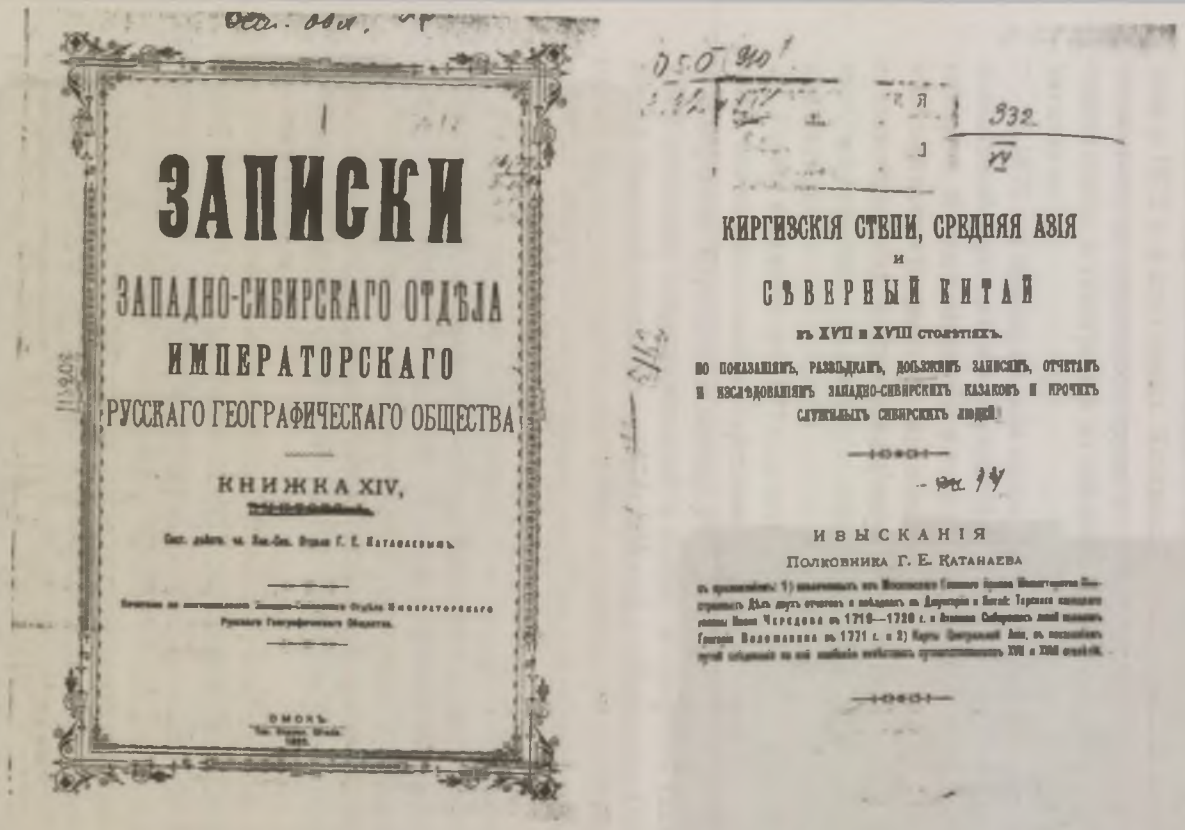
«О Сиб[ирском] университете», «Исторический очерк вопроса об университете», «Тридцатилетие Ирк[утского] института», «О золотопромышленности» … и т. д., и т. д. без конца (более 200 статей).

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 43 об. – 50 об. Подлинник. Рукопись.

Обложка одной из записных книжек Г.Е. Катанаева. ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 421.



Из записной книжки Г.Е. Катанаева. ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 421. Л. 41 об. – 42.



ЗАПИСКИ
ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА XIV,

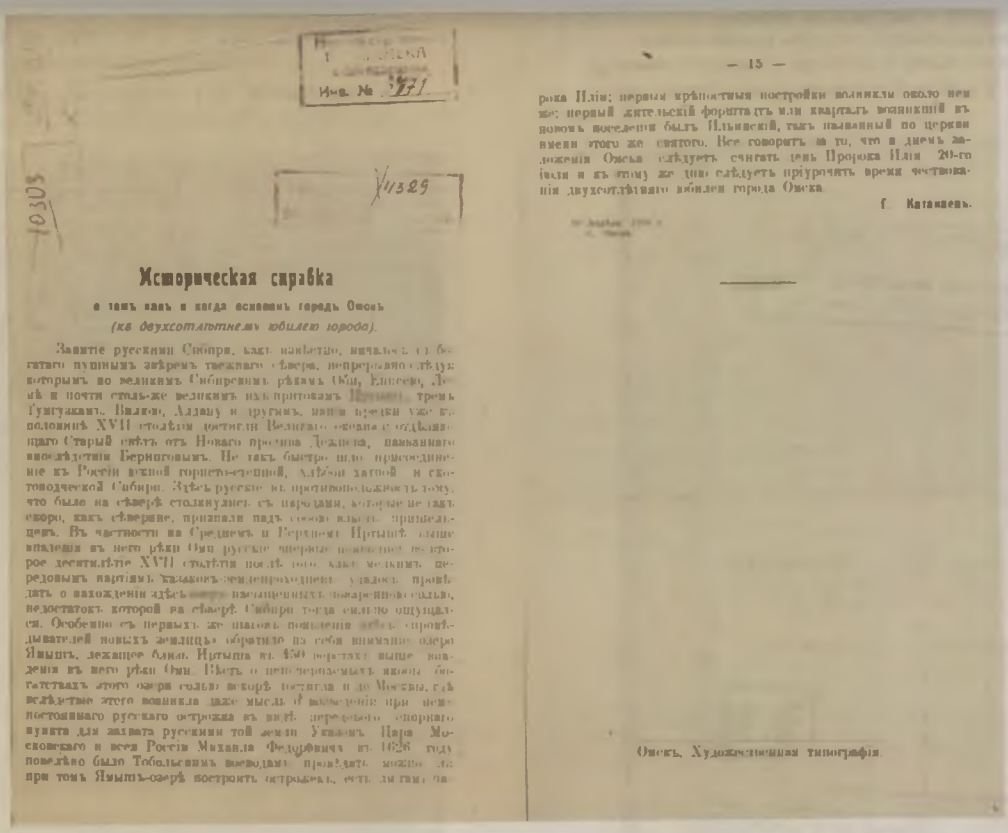
ОМСКЪ

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ, СРЕДНЯЯ АЗІЯ
и
СѢВЕРНЫЙ КИТАЙ
въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

ПО ПОКАЗАНІЯМЪ, РАЗВѢДКАМЪ, ДОЛЬЖНЫМЪ ЗАПИСКАМЪ, ОТЧЕТАМЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХЪ КАЗАКОВЪ И ПРОЧИХЪ СЛУЖИЛЫХЪ СИБИРСКИХЪ ЛЮДЕЙ.

ИЗЫСКАНІЯ
ПОЛКОВНИКА Г. Е. КАТАНАЕВА

Один из томов «Записок Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» с работой Г.Е. Катанаева «Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях». Омск



Инв. № 3471

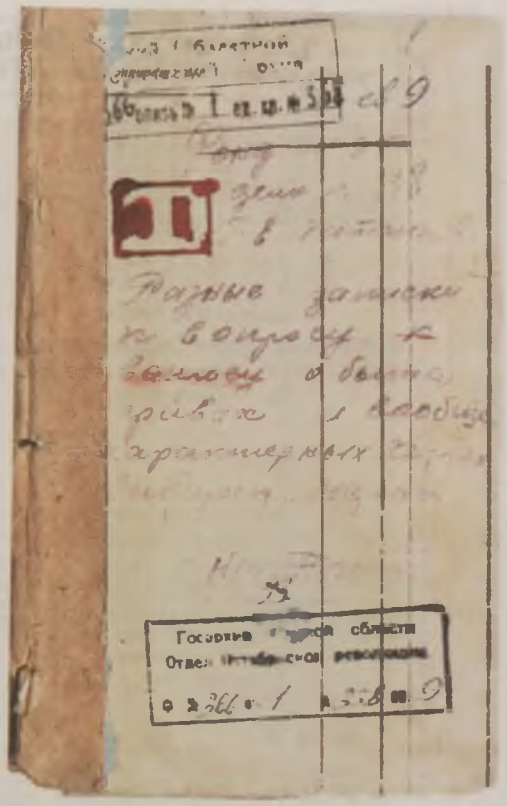
Историческая справка
о томъ какъ и когда основанъ городъ Омскъ
(къ двухсотлѣтнему юбилею города).

— 15 —

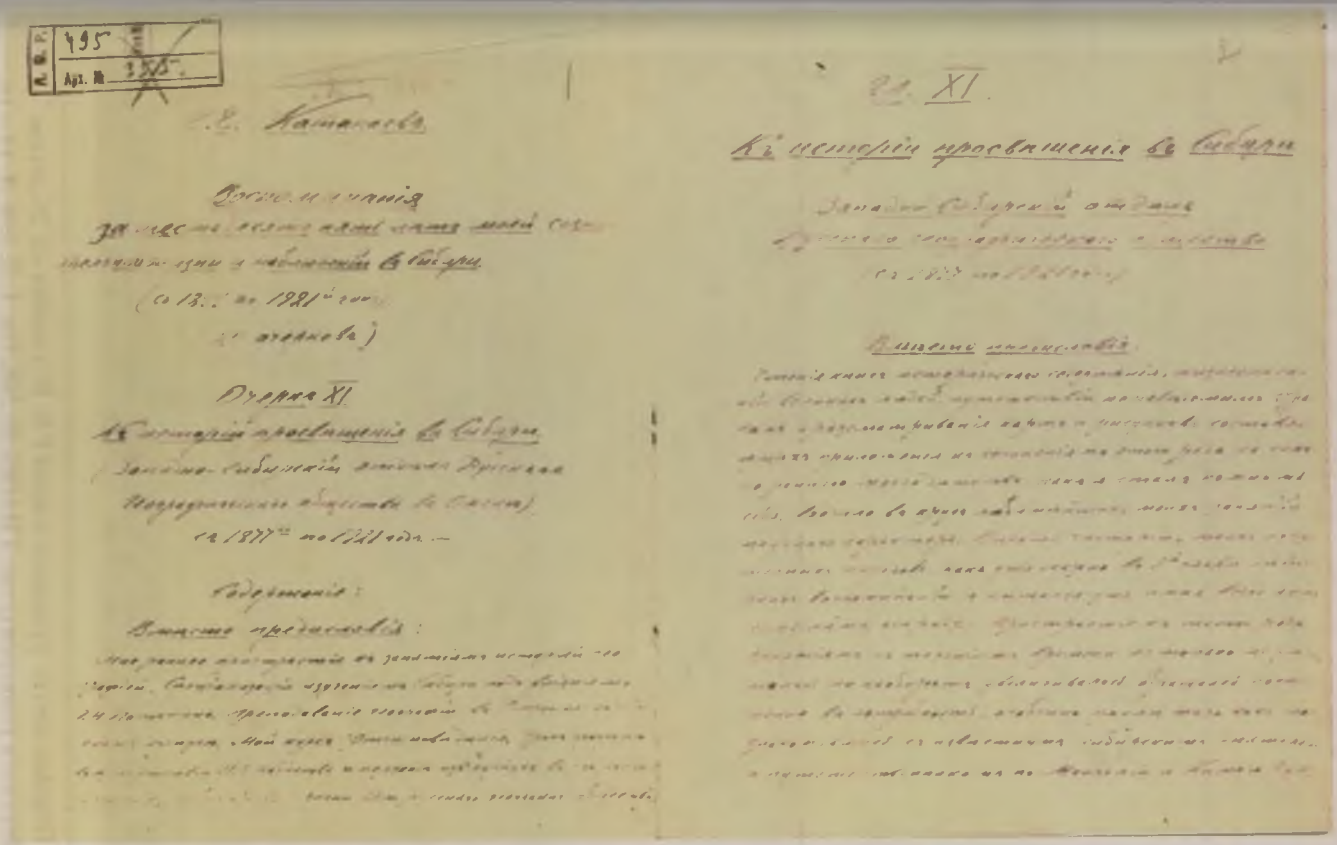
Омскъ, Художественная типографія.

Страницы напечатанной работы Г.Е. Катанаева «Историческая справка о том, как и когда основан город Омск». Омск, 1916. ГИАОО. СИФ. № 3471.

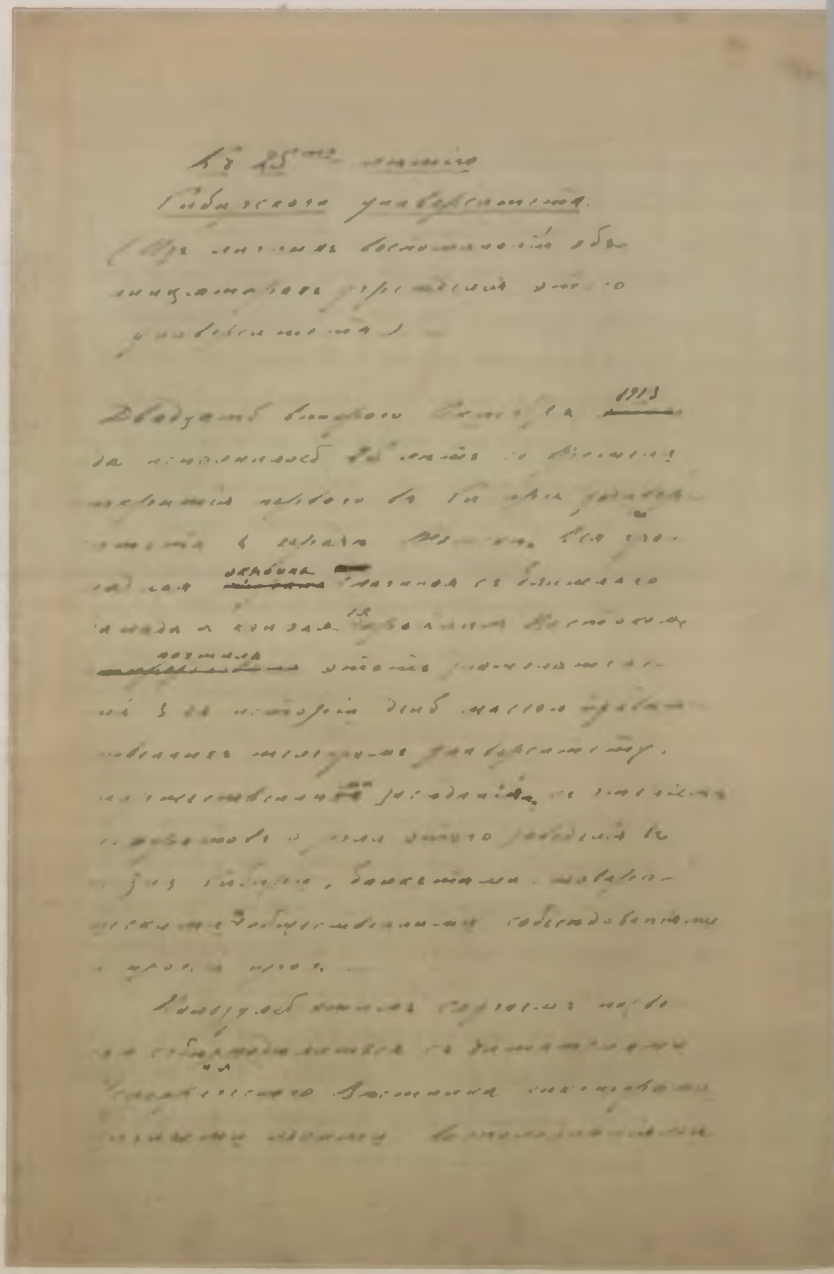
Один из листов очерка Г.Е. Катанаева
«В кадетском корпусе».
ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 358. Л. 18 об.



Обложка дела из личного фонда Г.Е. Катанаева
«Разные записки к вопросу о быте, нравах и вообще характерных чертах сибирского народа» -
ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 338.



Первые листы рукописи очерка Г.Е. Катанаева «К истории просвещения в Сибири».
ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 355. Л. 1, 2.



Первые листы рукописи очерка Г.Е. Катанаева «К 25-летию Сибирского университета». ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 359. Л. 15 – 16.

[illegible]

[illegible] Западной Сибири [illegible] Ядринцевым [illegible] Николаем Михайловичем [illegible] Потаниным.

Впервые я увидал и отчасти познакомился с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым в 186[illegible] году [illegible] когда я был в предпоследнем классе Омского кадетского корпуса. В этом году в Омске [illegible] не более

Г.Е. Катанаев.

Выписки из книги И.Ф. Бабкова «Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859 – 1875)»*

[1912 г.]**

К характеристике Ив[ана] Фед[оровича] из предисловия к его книге.

«Я прослужил в Сибири более 30 лет при шести генерал-губернаторах. *(Гасфорд, Дюгамель, Хрущев, Казнаков, Мещеринов, Колпаковский).****

Все эти лица по своему образованию, характеру, административным способностям и взглядам, усвоенным ими по разным отраслям управления таким обширным краем как Сибирь, весьма резко отличались друг от друга. Служить при начальниках с такими разнообразными характерами и взглядами на одно и тоже дело было для меня не легко. На этом скользком поприще мне нередко приходилось быть между Сциллой и Харибдой. Я чувствовал, что утомился жизнью и решил выйти в отставку и даже отклонить лестное предложение Военного министра (Ванновского) занять место коменданта Варшавской крепости, обещавшее и в будущем дальнейшее повышение по службе. Оставляя службу, я оставлял позади себя или, лучше сказать, окончательно избавлялся от разных служебных интриг, зависти, зломыслия и злоязычия, а также и от надменных выходок против меня людей, под поддельным служебным величием которых иногда скрывалось полнейшее ничтожество.

Да! Освободившись от всего этого зла, я мог сказать словами нашего известного поэта:

О, наконец! Из вражеского стана
Я убежал, израненный боец …
Из мира лжи, измены и обмана
Полуживой я спасся, наконец».

<...>

В книге И[вана] Ф[едоровича] главное место отведено делу разграничения с Китаем в 1864 г., в котором он принимает ближайшее и,

---

* И.Ф.Бабков. «Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859-1875)». – СПб. – 1912.

** Датируется по времени опубликования воспоминаний. – Прим. сост.

*** Здесь и далее в документе другим шрифтом выделены комментарии Г.Е. Катанаева. – Прим. сост.

можно сказать, главное участие. Но немало страниц отведено и воспоминаниям о делах бывших при генер[ал]-губ[ернаторах] Гасфорде, Дюгамеле и Хрущеве, которым воспоминание и кончается. При составлении истории каз[ачьего] в[ойска] того времени воспоминания Бабкова очень могут пригодиться. Привожу здесь лишь некоторые выписки анекдотического характера.

«Первое, что меня несколько озадачило по приезде в Омск – это иноплеменный состав высших начальствующих лиц: все они по происхождению принадлежали к иностранным народностям и большинство были иноверцы *(Бухгольц, Киндерман, Фрауендорф, Шпрингер, Штрандман, Де-Колонг).*

Корпусный командир генер[ал] Гасфорд, военный губернатор области сиб[ирских] киргизов, имевший свое местопребывание в Омске, генерал фон-Фридрих – оба немцы-лютеране; комендант крепости генерал де-Граве и той принадлежности генерал барон Сильвергельм –

Лютеранская церковь. Общий вид. Начало XX века.
ГИАОО. Фотофонд. № 159.

оба шведы-лютеране. Помощник военного губернатора, полковник Гутковский – поляк; наказной атаман Сиб[ирского] каз[ачьего] в[ойска]

генерал Кринский – поляк; дежурный штаб-офицер корпусного штаба Круликевич – тоже поляк; начальник артиллерии генер[ал] фон-Вилькен – немец; нач[альник] штаба генер[ал] Гинтовт, кажется, литвин. Впрочем, его вскоре сменил швед Кройерус. Таким образом, на омском горизонте появился еще третий швед, который по усвоенному русскими шведами и немцами правилу тотчас же по вступлении в должность почел долгом позаботиться о своих финляндских собратьях и, вскоре, успел пристроить двух на хлебные по тогдашнему времени должности; майора Амондта на должность командира отдельного линейного батальона в Омске, несмотря на то, что этот швед никогда не служил в пехоте и не имел никакого понятия о строевой пехотной службе, в особенности, по введенному незадолго перед тем новому уставу. Другому финляндцу, Хартлингу, была предоставлена должность смотрителя Омского госпиталя. По поводу этого ходатайства Кройеруса о Хартлинге в Гл[авном] штабе были крайне изумлены, как передавал мне впоследствии мой хороший товарищ, сибиряк Лавр Никанорович (бывший кадет Омского корпуса) Клучин, бывший в то время помощником начальника Главного штаба. *(Как при Шмидте не находится во всем Сиб[ирском] войске не только помощника ему по управ[лению] войском, председателя войск[ового] правл[ения] его помощника, атаманов отделов, но даже и чиновников особ[ых] поруч[ений] в правлении и полков[ых] коман[диров]. Все это предоставлено было выписным донцам и т. п.)*

Неужели, говорил он мне, местное начальство Зап[адной] Сиб[ири] не могло найти в Омске ни одного надежного офицера, способного быть смотрителем госпиталя, и заставлять нас выписывать непременно шведа Гартлинга* с самого севера Финляндии, чуть ли не из Улькбирга. Сам Гасфорд в то время имел чисто немецкий антураж. Так, адъютантами у него были: два брата Блюменталь, Экеблат, которого сменил Фредерикс, а потом бар[он] Врангель. Затем при Гасфорде состояли еще ординарцами: Гинце и киргиз Валиханов. Словом сказать, не было ни одного человека с русской фамилией. Таким образом, по приезде в Омск я сразу попал в какую-то немецкую колонию. Для меня, как свежего человека, более всего странным казалось, что здесь, на далекой окраине русского государства, носителями русского знамени и представителями русских государственных начал и русской народности были немцы и поляки.

---

* Автор имеет ввиду «Хартлинг». - Прим. сост.

Невольно припоминается при этом известная песня: «Чем я запад огорчила (жить приходится [в] Руси). Али тем, что так любила, что и боже упаси! Родилась я с добрым сердцем, вот в чем горе все мое; у меня ли всяким Шмерцам не раздольное житье? О германцах уж ни слова: им все льготы и почет; им рожна еще какого на Руси не достает. Денег им я сыплю груду, на награды не скуплюсь, и куда не глянь, повсюду или немец, или кракус».

К характеристике некоторых из этих иностранных господ не худо, между прочим, привести несколько рассказов, ходивших о Хартлинге в мое время; любовь его говорить и острить «по-русску». Рассказ о совместно едущих в вагоне русских и прибалтийских немцах, ведущих веселые разговоры. При всякой остроумной шутке или рассказе все присутствующие хохочут, за исключ[ением] немцев, которые, туго усваивая соль рассказа, начинали дружно смеяться уже после того, как русские, вдоволь нахохотавшись, говорили совершенно о другом…

Хартлинг при этом рассказе молчит и начинает хохотать долго после того, приговаривая на своем русско-шведском языке: «А немцы то … ха, ха, ха… только тода стали хохотать, когда все уже забыли о соль рассказа .. хо, ха, ха …». «Бабушка-то двоим говорила», вместо «бабушка надвое сказала». «Ему то голову, то хоть колом чеши» вместо «ему хоть кол на голове теши». Впоследствии я имел случай с ним видеться на одном из дворцовых официальных балов, кажется в 1898 году, т. е. через тридцать лет, когда он все еще в чине полковника и в звании какого-то смотрителя при С[анкт]-Петербургском Николаевском военном госпитале, уже совершенно престарелый, но с прежним незнанием русского языка, расспрашивал меня о том: «Как-то, теперь-то у нас в Омске-то живут».

«Густав Христианович Гасфорд окончил курс в Институте путей сообщения в 1811 году. Перед Отечественной войной по недостатку офицеров квартермейстерской части несколько инженерных офицеров, в том числе и Гасфорд, были переведены на службу при войсках по части Генерального Штаба. Гасфорд участвовал в Отечественной войне 1812 г. и во всех последующих войнах, бывших в царствование Им[ператора] Ник[олая] Первого. В 1844–1846 гг., командуя 13-й пехотной дивизией 5-го инж[енерного] корпуса, движущего в полном составе в пределы С[еверного] Кавказа, он принимал участие во многих делах при усмирении горных племен на Кавказ[ской] и Черноморской береговых линиях. *(Участие его в Венгерской компании упоминалось и у него*

в качестве примеров образцовых отступлений в курсе тактики).

В 1850 г. он командовал войсками, оставшимися в княж[естве] Молдавии и Валахии.

Гасфорд был человек умный и хороший администратор, хотя в очень преклонных летах, когда я его знал, он не был чужд некоторых причуд и странностей.

После ряда примеров его деятельности по закреплению за Россией Семиречья, между прочим, приводя несколько примеров, характерных для его кажущегося «всезнайства» и живучести, доходящей до истинной «любви» к красивым особам.

Гасфорд, будучи женихом уже в очень преклонных годах, писал своей невесте письма, для которых в те времена было в обычаях употреблять особо изысканную почтовую бумагу, украшенную подходящими виньетками *(Лещева в Омске, которой по смерти ее воздвигнута на Омском Казачьем кладбище часовня и роща «Любина роща»).*[176]

Но так как такой готовой бумаги в Омске не оказалось, то Гасфорд обратился с просьбой нарисовать виньетки к служившему тогда в корпусном штате Генерального Штаба полковнику Померанцеву, обладавшему действительно большим рисовальным талантом. *(Померанцев отличался замечательнейшими способностями к рисованию с натуры. Его карандашу принадлежат, между проч[им], очень удачный портрет Гасфорда в казачьем мундире с изображением мечты его завоеваний Семиречья, картой Заилийского края и видом Омска половины 1850 года. Дочь его N.N. сделалась супругой известного впоследствии своим участием в Японской войне генер[ала] Алек. Ал. Зарубаева в бытность его в Омске начальником Обл[астного] штаба и сын[ом] известней[шего] предприним[ателя] в Петербурге).*

Сюжетом для этих рисунков Померанцев предложил выбрать некоторых из наиболее живописных пейзажей и виды особенно замечательных местностей З[ападной] Сибири и Кирг[изской] степи. Но Гасфорд не согласился с этим и заметил Померанцеву, что в настоящем случае для подобной виньетки самой подходящей эмблемой был бы рисунок, изображающий «Льва в сетях».

Его поездки (часто временные) по краю изобиловали разными случайностями и встречами. Укажу на то немногое, что сохранилось в моей памяти. Известно, что Большая, Средняя и Малая киргизские орды подразделялись в прежнее время, каждая по несколько поколений, называвшихся именами своих начальников или предков – отделения,

отрасли отделений и пр[очее]. Так, Средняя орда (по Левшину) разделялась на четыре поколения: Аргын, Наймат, Кинчак и Уван-Гирей. Аргынское поколение разделяется на роды: Кара-Кисяк, Караум-Кисяк, Чарс-Джатым Джак Джур, Чакган, Дюртеул и т. д. Очевидно, что удержать в памяти все эти названия родов, а так же на джайлау и кыстау, т. е. летние кочевки и зимовья стойбище едва ли возможно: для этого, как справедливо замечает Левшин, должно иметь большое терпение, или усвоить это путем долговременного пребывания между киргизами. Но Гасфорд, по-видимому, не затруднялся этим. Скажите, пожалуйста, говорил он при приеме представляющихся лиц, обращаясь к находящимся в числе их киргизским султанам, Джус-мамбет-Тобуклинская волость, по-прежнему кочует на урочищах: Кучук Чаргалы, Каранды, Игын-булак и Кизыл-таки? Не перешла ли она на реке: Токрау, Сары-Су и Моин-ту, где кажется, стояли прежде: Алтын-Сарымсаковская и Кара-Кареевская волости? Этими и подобными вопросами он не только удивлял присутствовавших при представлении начальствующих лиц, но и озадачивал самих киргизских султанов, которым после такого экзамена невольно приходило в голову, что начальник края до всего доходит. Точно так же и в беседах с приезжающими в Омск нашими консулами в городах западного Китая, Чугучаки, Кульджи, а равно и с врачами и другими специалистами, Гасфорд задавал, как нарочно, самые мудрые специальные вопросы. Беседуя с кульджинским генеральным консулом, известным синологом И.И. Захаровым, Гасфорд при всяком удобном случае старался выказать и свое знакомство с наиболее выдающимися событиями из государственной и общественной жизни Китая времен императоров правления: Кан-си, Юн-чжен, Цзянь-лунь, Цзя-цин и Дао-гуан.

С врачами он так же вступал в медицинские диспуты и озадачивал памятью и универсальностью своих познаний. У многих из нас сложилось даже убеждение, что Гасфорд подготавливается к этим вопросам заранее.

Был, например, такой случай. По приезде Гасфорда в одно из степных укреплений, кажется в Верное, происходил по принятому порядку прием начальствующих лиц, в числе которых был и местный священник. По окончании представления Гасфорд пригласил его к себе в кабинет и сделал ему вопрос: каких святых празднует в этот день православная церковь? Священник хотя и не был подготовлен к этому вопросу, однако же, нашелся и назвал двух или трех

святых. Но Гасфорд, по-видимому, уже успевший заранее справиться об этом в святцах, заметил священнику, что он назвал не всех, так как в этот день празднуется еще один святой, кроме поименованных батюшкой, и назвал его с приличными к этому случаю комментариями. Нужно себе представить положение православного священника, который должен был выслушать поучение от лютеранина по делу, специально касающемуся уставов православной церкви. Но этим дело не окончилось, оказалось, что подобные специальные вопросы и, в добавок, сделанные совершенно неожиданно, могут иногда оказаться мечем обоюдоострым. В тот же день за обедом у генерал-губернатора, к которому были приглашены начальствующие лица, а также и провинившийся утром батюшка, зашла речь о бывших перед Гасфордом генерал-губернаторах. Говоря о них, Гасфорд поименовал трех: П.М. Капцевича (1822–1828), И.А. Вельяминова (1828–1834) и кн[язя] Горчакова (1836–1850). Тогда священник позволил себе заметить Гасфорду, что Его Высокопревосходительство изволил пропустить одного генерал-губернатора, а именно генерал-лейтенанта Николая Семеновича Сулиму, который был назначен на эту должность после генер[ала] Вельяминова в 1834 г. и пробыл на ней, хотя и короткое время, но, однако же, около двух лет до 1836 г. Таким образом, в свою очередь попало и Гасфорду, и когда он сознался, что священник был прав, последний не утерпел, чтобы не прибавить: «Вот, Ваше Выс[окопревосходительст]во, из четырех Ваших предшественников Вы изволили пропустить одного, а меня сегодня упрекнули за то, что я забыл тоже одного, но только из тысячи, а это составляет некоторую разницу». «Каюсь вам, батюшка, каюсь, – сказал Гасфорд, – считайте грош за мной».

О Гасфорде нужно смотреть в «Записках» П.П. Семенова, «Воспоминаниях» генер[алов] Г.И. Филипсона (Русский архив, 1883 г.) и Г. Иванова (Туркест[анские] Вед[омости], № 12, 1893).

В тех же воспоминаниях И.Ф. Бабкова стр[аницы] 53-58. В приведенных выдержках из речей нач[альника] шт[аба] Гинтовта и гл[авного] инспек[тора] учил[ищ] Попова, сказанных на прощальном обеде, довольно полные очерки заслуг Гасфорда вообще, и по устройству войска, и учебн[ых] ч[астей] в З[ападной] Сибири, в частности.

Сам И[ван] Ф[едорович] лично мне рассказывал еще несколько анекдотов из службы Гасфорда в З[ападной] Сибири, не помещенных в его печатных воспоминаниях.

Любовь говорить пышные речи, особенно перед киргизскими старшинами и султанами, прощальная речь его к ним: «Прощайте. Послужил я здесь довольно. Русский белый царь зовет теперь меня к себе в свою столицу. Пора мне и отдохнуть». «А знам, знам ... пора на подушки ... стар стал, ум кончил...».

Речь по случаю открытия первого в городе Омского приходского Ильинского училища: «Виновник торжества... Меня же и завинили».

Переправа через ручей по перекинутому через него бревнышку. «Тут, В[аше] Выс[окопревосходительст]во, нельзя перейти». «Кому нельзя перейти? Кому? Вам? Может быть нельзя, я не спорю... но мне, мне можно...». И бултых под самый конец мостика.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 82 об. – 89 об. Подлинник. Рукопись.

Выписки из сообщения газеты «Акмолинские областные ведомости» «О выставке в Омске вещей, представляемых на Конгресс ориенталистов в Петербурге»

[1876 г.]*

По приглашению председателя Комитета 3[-го] международного съезда ориенталистов ген[ерал]-губер[натором] Н.Г. Казнаковым разослано было надлежащим должностным лицам губ[ерний] и обл[астей] Зап[адной] Сибири предложение организовать при съезде выставку характерных для вверенных им губ[ерний], обл[астей] и уездов предм[етов] домашнего обихода, одежды и проч[ее]. Все, конечно, приняли самые энергичные меры, и сбор требуемых предметов пошел весьма успешно, особенно среди киргизов Акмолинской области. В первых числах июня месяца большинство предметов было уже доставлено, где по надлежащей их регистрации под руководством И.Я. Словцова, им устроена в нижнем этаже Гл[авного] упр[авления] Западной Сибири предварительная выставка 13-го июня. Ген[ерал]-губернатор посетил выставку, а затем в течение двух дней она предоставлена была обзору омской публики.

* Датируется по дате выпуска газеты «Акмолинские областные ведомости». – 1876. – № 12. – Прим. сост.

Выставка заняла три комнаты. Вот краткий перечень всех предметов, находившихся на выставке:

«В первой комнате размешены были образцы киргизской промышленности. Здесь на столе вправо от входа размещались образцы кожевенного производства: кожи киргизской выделки, окрашенные и не окрашенные, краска, которой производится их окрашивание, обувь – ичиги, калоши и сапоги остроконечные, убранные серебряными пуговками и с кисточками на узких носках, колодки, шило, нитки из жил воловьих и конских (тарамыс), др[угие] принадлежности сапожного мастерства. За кожевенным производством помещалось и шерстяное: шерсть баранья и верблюжья в разных видах ее обработки и краска для окрашивания ее; образцы шерстяных тканей: армячина тонкая и толстая из верблюжьей и бараньей шерсти, тесьма различной ширины и различных узоров; готовое платье из армячины, арканы волосяные и шéрстяные, и проч[ее]. Возле этого производства лежали и снаряды для снимания шерсти с баранов, для пряжи шерсти и тканья: ножницы, веретена и ткацкий, если так можно его назвать, станок чрезвычайно простого устройства, состоящий из челнока и нескольких кольев, вбиваемых обыкновенно в землю, на которых натягивается основа. Снаряд этот был расставлен на выставке с помощью гвоздей, на узорной кошме (текемеш) киргизского же изделия.

Налево в той же комнате была расставлена посуда, употребляемая киргизами в домашнем быту. Здесь находились деревянные чашки и блюда для мяса, чашки различных размеров с серебряными украшениями для кумыса; кувшины для кумыса из дерева и роговые с серебряной отделкой; сабы и турсуки из кожи, различной величины и отделки для приготовления кумыса и перевозки его в дорогах, подойник (кнёг) для доения кобылиц, деревянный складной мешок для хранения деревянной посуды и др[угое]. На конце стола был поставлен ящик для припасов (кебедже), за которым в маленьком мешке пряталось киргизское мыло в первом виде его обработки, представлявшем черную густую массу с не совсем приятным запахом. На выставке был, впрочем, и образец мыла совсем готового, высушенного, серо-зеленоватого цвета. На особом столе лежали образцы пищи киргизской: корты*; казы (копченое лошадиное мясо) и курт (сыр из овечьего молока). Рядом с деревянной посудой размещались образцы кузнеч-

* Корт – сушеный творог – Прим. сост.

ного производства; плотничные и земледельческие инструменты: чёт (инстр[умент] для обтесывания дерев[янных] предметов), кепкеп (заступ), струг и пр[очее]), железный с серебряной насечкой подсвечник (чирагдан), имеющий вместо широкого основания острое, которым он втыкается, в случае надобности, в землю. В этой же комнате, на отдельном столе размещались киргизские музыкальные инструменты: сабызга (флейта), кобуз (род скрипки) и домбра (балалайка) и образцы струн.

Во второй комнате размещено было вооружение, по преимуществу древнее: сабли, ножи, кинжалы в ножнах с богатыми украшениями и, большей частью, из очень хорошей стали; фитильные ружья, короткие и длинные, луки, колчаны, стрелы, кольчуги, шлемы, латы, айбалты и батики, нагайки современные и старинные, снаряд для держания ястреба во время охоты, состоящий из рукавицы и железного с серебряной насадкой прибора, и барабан для вспугивания дичи. В вооружении останавливали на себе внимание: сабля, пожалованная в 1792 [году] Императрицей Екатериной II Хану Валию, в бархатных ножнах, украшенных каменьями в серебряной оправе, пика деревянная с замечательно длинным, легким древком, нагайка довольно солидной толщины, употреблявшаяся киргизами как холодное оружие во время набегов Кенисары, и нагайки современные с щеголеватой серебряной отделкой и с ножичком внутри рукояти.

Далее разложены были пояса (ксе или калта), убранные серебряными бляхами и каменьями, оправленные в серебро, с привешенными к ним кожаными мешочками для различных мелочей, необходимых в дороге: для огнива, пуль, табака и пороха. Между поясами обращал на себя внимание кушак из золотой парчи на шелковом подкладе, подаренный Им[ератрицей] Екат[ериной] II Хану Валию. Посреди комнаты на большом столе, покрытом ковром, довольно значительных размеров (13 арш[ин] и 9 в ширину), размещались седла, из которых выделялось, особенно, одно своими массивными серебряными позолоченными украшениями, покрывавшими почти сплошь узду, нагрудник и подорею и затем детское седло, весьма хорошо приспособленное для очень маленьких детей, с высокими деревянными, решетчатыми луками и с мешками вместо стремян.

Третью комнату наполняла различная одежда киргиз и киргизок. Здесь были очень богатые халаты, в особенности один, бархатный, почти весь вышитый золотом, шубы из жеребячьих шкур (джаргак), шубы на лисьем меху; шапки и шляпы старинные в виде колпаков и современные,

между которыми обращала на себя внимание шапка (малахай) из белых лисиц, крытая белым же сукном. Далее были разложены гамбары козловые, суконные, бархатные, плисовые, затейливо вышитые шелками и иные с меховой внизу опушкой; женские платья из разнообразных шелковых материй, некоторые с массивными на груди серебряными пуговицами, которых на одном платье было четырнадцать. В этой комнате на одном столе помещается «каргаул». Каргаул – это небольшой четырехугольный ящик, на углах которого торчат вверх четыре палки, украшенные пучками перьев фазана; назначение этой вещи служит при перекочевке киргиз знаком, по которому можно издали определить, кто именно кочует, и с этой целью каргаул ставится на спину самого переднего верблюда. Каргаул употребляется только у наиболее богатых киргизов.

Возле каргаула на столе были разложены серебряные кольца, перстни, браслеты, печати и женские головные уборы (саукуле) с богатыми украшениями из каменьев, серебра, кораллов и жемчуга (бисера).

Из окон последней комнаты видны раскинутые во дворе две юрты и кони, доставленные на выставку. Первая юрта отличалась весьма роскошной внутренней отделкой. В ней были поставлены: кровать киргизской работы, на которой лежала постель и подушка в бархатных малинового цвета наволочках и возле кровати люлька, имевшая вид маленькой кровати с дугой наверху для поддержки полога. Ребенок у киргизов обыкновенно пеленается так, что привязывается к своей кроватке, и мать для кормления его поднимает кровать и кормит ребенка через окошечко, проделанное в пологе, не открывая самого полога. В этой люльке обращало внимание отверстие, проделанное в тюфяке и в дне кровати с вставляющейся в него косточкой, назначенное при известном приспособлении, служит для стока мочи. Направо от входа стояла больших размеров саба с вложенным в нее писнеком (палкой для мешания кумыса), конец которого, убранный серебром, лежал на складном железном с серебряной насечкой бакане (палка, которой для большей устойчивости подпирается юрта).

Другая юрта была гораздо проще, но несколько более первой. Наконец, кошем (палаткой), щегольски отделенным красным сукном, с вышитыми на верху русскими буквами, вензелем его владельца».

15-го июня выставка была закрыта для посетителей; все вещи укупорены и 21 июня отправлены в Петербург. Представителем на съезд отправлен был по приказанию ген[ерал]-губ[ернатора] Казнакова тот же И.Я. Словцов.

С этого же 1876 г., как видно из следующего № 13 Акм[олинских] вед[омостей], по приказанию ген[ерал]-г[убернатора] Казнакова, бывавшие до того времени ежегодно при посещении начальства «байги» со скачками, борьбой и т[ому] п[одобное], были заменены, или вернее соединены с выставками киргизского скота и изделий с призами за то, из особых сумм. *(За омской байгой были, как сказано, другие того же характера. Уездные начальники старались превзойти один другого. Весьма любопытные описания их имеются в Акм[олинских] вед[омостях] за время царствования Казнакова. Например, в г. Акмолинске в 1878 г., которую след[ует] прочесть всем интересующимся кустарн[ым] пром[ыслом] цар[ским] слуг[ам]).*

Первая такая байга – выставка была устроена в Омске 10 июля 1876 г. А затем и в других городах и уездах киргизских областей.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 67 – 71. Подлинник. Рукопись.

Выписки из «Трудов комиссии, учрежд[енной] по Высоч[айшему] пов[елению] для изучения вопроса об избрании города для Сибир[ского] университета»

[1878 г.]*

Состав комиссии: тов[ариш] мин[истра] народн[ого] просв[ещения] кн[язь] Ширинский-Шихматов; член Сов[ета] министра внутр[енних] дел, бывш[ий] Тоб[ольский] губ[ернатор] А.И. Деспот-Зенович; причисл[енный] к Мин[истерству] народ[ного] просв[ещения], в сп[исках] Сов[ета] В.М. Флоринский; гл[авный] инсп[ектор] училищ Западной Сибири, в сп[исках] Сов[ета]: А.П. Дзюба; Акмол[инский] вице-губ[ернатор] М.Н. Курбановский.

Первое заседание 22 ноября 1877 г.

Записка Флоринского.

1. Следует ли признать Сиб[ирский] унив[ерситет] учрежд[ением] только для Сибири или так же для сред[не]-аз[иатской] обл[асти] и ча-

* Датируется по дате опубликования «Трудов комиссии». – СПб. – 1878. – Прим. сост.

сти Оренбургского округа. (Признан только для Сибири, с допущением и принадлежащих к учебн[ой] инстанции Зап[адной] Сибири Акмолинской и Степ[ной] областей).

2. След[ует] ли иметь ввиду, гл[авным] обр[азом], интересы Зап[адной] Сибири или вообще Сибири, и следует ли иметь ввиду открытие в будущ[ем] и других высших учебных зав[едений] и унив[ерситетов] Сиб[ири].

Решено, что для всей Сибири (в центр[альном] пункте). О будущих университетах позаботимся в свое время.

3. Письмо Фредерикса учред[ить] унив[ерситет] прежде всего в Томске, хотя и Иркутск является так же больш[им] конкур[ентом] Томска.

4. Определение центрального пункта Сибири по отношении к интерес[ам] восточной ее части.

По губ[ерниям] народонаселение, по свед[ениям] за 1875 г., распределено:

Тобольской – 1031223
Томской – 796678
Енисейской – 361912
Иркутской – 283516
Забайкал[ьской] – 284236
Якутской – 231906
Амурской – 22238
Приморской – 33659
Итого – 3046068 д[уш] о[боего] п[ола].

Христианского исповед[ания] (якуты?). Сверх того: 11941 еврей, и 61059 мегомет[ан], и 286016 идолопоклонников.

В средне-азиатских областях (не сибирских?) Акмолинской и Семипалатинской; христианского вероисповедания:

Акмолинской – 94129
Семипалат[инской] – 42793

136922 д[уши] о[боего] п[ола]
Сверх того: мусульман – 752270
евреев – 2861

Русское население тянется вдоль Сибири более или менее узкой полосой в средней ее части. К сев[еру] от этой полосы начинаются безграничные тундры и к югу – безводные киргизские степи, пригодные толь-

ко для кочующих народов. Исключение здесь составляют лишь отдельные оазисы плодородной почвы, могущие привлечь известную часть оседлого населения, но сплошная или, даже вообще, значительная колонизация степи ни в настоящем, ни в будущем невозможна.

Барабинская степь, прилегающая к Омску, признана так же малоудобной для оседлых поселенцев (Камень, Славгород и др[угие]).

Как относительно христианского, так и городского населения Сибири, Томск является наиболее центральным ее пунктом.

5. Таблицы сравнительных расстояний населенных пунктов от Томска и Омска тоже говор[ят] в пользу первого.

6. Число средне-учебных заведений, дающих право на поступление в университет, тоже говорит в пользу Томска.

7. Удобства путей сообщения от нас[еленных] пунктов к Томску и Омску также по-тогдашнему (водным сообщением) выходили за Томск *(а теперь?)*.

«...Омск (по мнению комиссии), совершенно изолирован от Сибири. На северо-востоке от него почти на 600 верст тянется (пустынная) Барабинская степь, а к югу и юго-западу – бесконечная Киргизская степь. Главное торговое и пассажирское движение идет мимо Омска, летом, направляясь через Тоб[ольск] по Оби, а зимой севернее от него – на Тюкалинск. Пароходство по Иртышу между Тоб[ольском] и Омском только что зарождается, и несмотря на усилия правительства, едва ли в близком будущем может получить характер правильного срочного движения. *(Сколько теперь зимует в Омске пароходов и барж?)*.

8. Условия населенности, благосостояния и внешнего благоустройства Томска и Омска. Несомненно, в пользу Томска. Тогда в этом отношении Томск и Омск нельзя было сравнивать.

9. Климат Томска и Омска (по мнению комиссии) тоже несравн[енно] луч[ше] в Томске, чем в Омске.

10. Сравнительные цены на предметы потребления в Томске и Омске.

По сведениям комиссии оказывалось, что многое в Омске достать совсем нельзя, или, если и можно, то далеко дороже, чем в Томске, например, даже баранина в Томске была дешевле, чем в Омске, молоко коровье в Томске – 30 к[опеек], а в Омске – 43 к[опейки] ведро. Свечи сальные в Томске – 4 р[убля] 20 к[опеек] пуд, а в Омске – 4 р[убля] 41 к[опейка]. Сахар, несмотря на дальность провоза, в Томске – 8 р[ублей] 75 к[опеек], а в Омске – 9 р[ублей] 53 к[опейки] и т. д. Цены на муку, рыбу, картофель и т[ому] п[одобное] в Омске не проставлены, очевидно, за неимени-

ем этих продуктов [в] продаже. *(Дешевый город для пенсионеров. Город Акакиев Акакиевичей).*

11. Вспомогательные для университета учреждения в Томске и Омске (лечебницы, число больных) (+)

12. Строительные материалы и рабочие.

13. Об естеств[енных] условиях, способствовавших возникновению существования городов Т[омска] и О[мска], и о прочности этих условий по отношению к будущности назв[ания] городов.

Все в пользу Томска, а Омск с переводом из него генер[ал]-гу[бернаторст]ва должен окончательно пасть.

Семья неизвестных омичей. Фото омского фотографа А. Антонова. На обороте дарственная надпись «Д.Ф. и Т.Ц. Пелевиным». 1915 год. ГИАОО. Фотофонд. № 48.

Состав населения	Омск 1877 г.	Томск 1876 г.
Служившее или служилое население	58%	17%
Собств[енно] городск[ого] нас[еления], купцы, мещане	24	54
Крестьяне	14	19
Прочие	4	4
	100	100

Пароходство, торговля, банки, благотв[орительные] и общест[венные] учреждения, зажиточность, домострои и т. д.

14. Будущность обоих городов.

Величая прошлое, настоящее и будущее Томска, комиссия об Омске говорит: «Омск, находясь на окраине Кирг[изской] степи, не может в скудных силах кочевого населения, достояние которого заключается в скотоводстве, почерпнуть какие-либо источники для своего будущего развития и, в свою очередь, не имеет средств действовать строго экономическими способами на коренное изменение условий кочевого быта. Торгово-промышленная сила также не в руках Омска».

В глубоком убеждении, что Томск, представляя действительный центр в полосе культурного, чисто русского населения Сибири и важный торгово-промышленный пункт, имеет все задатки для дальнейшего развития, нельзя не признать в наст[оящее] время, именно этот пункт должен быть предпочтен для учреждения университета... Пусть же честь вмещать светоч высшего образования будет предоставлена Томску, чтобы к этому светочу с удобством могли притекать члены свыше 3-х миллионной русской семьи: из Т[омска] этот светоч будет ярко светить и на Дальний Восток; водружать же его в Омске, значило бы предуготовить ему слабое мерцание на окраине степей мусульман-кочевников.

15. О числе средн[их] уч[ебных] зав[едений], могущих снабжать учениками Томский и Омский университет.

Не ожидая ничего путного в этом отношении от Омска, комиссия пишет про Томск: «Можно полагать, что через 20-30 лет, при данных условиях и при существовании университета, народонаселение Том[ска] увеличится вдвое и втрое, и тогда в нем будут необходимы и возможны по меньшей мере 3 или 4 гимназии».

16. Об ожидаемых пожертвованиях на Томский университет и отсутствии так[овых] на Омс[кий].

17. О значении ссыльных в Омске и Томске.

Записки Курбановского и Д[еспот]-Зенович о ссыльных.

Видимо, этому вопросу большое значение придавал Казнаков и вообще правительство. Комиссия не высказывается категорически, заявляет, что едва ли в Томске эта зараза больше, чем в Омске; будучи ничтожна и теперь, она может быть совершенно уничтожена админ[истративными] и правительственными мероприятиями.

18. Письмо Цибульского.

19. Заявление городов (гром[кое] большинство высказалось за Томск и часть – за Тобольск и Иркутск).

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 89 об. – 93. Подлинник. Рукопись.

Выписки из сообщения газеты «Акмолинские областные ведомости» «Путешествие наследника цесаревича. Пребывание Его Им[нераторского] Выс[очества] в г. Омске». 14 – 16 июля 1891 года.

[1891 г.]*

«14, 15 и 16 июля 1891 г. – Царский праздник для жителей г. Омска: они ожидали, радостно встретили, торжественно приветствовали и сердечно проводили дорогого гостя, да хранит Его господь во всех путях Его.

Еще накануне 14 июля город приготовился к встрече Гос[ударя] Нас[ледника] Ц[есаревича], расцветился флагами, триумфальные арки и ворота: от «Омска», «Омского городского общества» и «Сибирских казаков», казенные и многие частные здания украсились гирляндами из зелени и цветов, вензелями, транспарантами с вензелем Его Вы[сочест]-ва и украшениями вечерней иллюминации.

14 июля в 3 ч[аса] 45 м[инут] пополудни пушечные выстрелы и колокольный звон церквей возвестили городскому населению, собравше-

Вид с Ильинской горки на устье Оми. 1905 год. ГИАОО. Фотофонд. № 713.

* Датируется по дате опубликования в газете «Акмолинские областные ведомости». – 1891. - № 29. – Прим. сост.

муся страшной массой по обоим берегам Оми, прибытие Цесаревича. Ровно в 4 часа у Омской крепости показался штандарт Цесаревича и новый двухтрубный пароход «Николай» в сопровождении другого парохода «Казанец», при безмолвном и благоговейном настроении тысячи массы народа тихо пристал к устью Оми.

На пристани при сходе с парохода Его Выс[очество] и свита были встречены Степным генерал-губернатором бар[оном] М.А. Таубе, и[сполняющим] д[олжность] губернатора вице-губ[ернатором] А.И. Дмитриевым-Мамоновым и городскими дамами во главе с супругой г[енерал]-губ[ернато]ра баронессой М.Е. Таубе. В особо устроенном на берегу павильоне Его Выс[очество] был приветствован Ом[ским] гор[одским] головой генерал-м[айором] А.В. Старковым (б[ывший] ат[аман] 1-го отд[еления] Сиб[ирского] каз[ачьего] в[ойска]) с гласными и представителями купеческого, мещанского и станичного общества, удостоившихся каждому поднести хлеб-соль на серебро-золоченых блюдах.

От городского павильона Его Высочество между рядами воспитанников и воспитанниц гражданских учебных заведений, усыпавших путь зеленью и цветами, при восторженных кликах «Ура!» проследовал в экипаже через триумфальную арку в Ильинскую церковь, где был встречен городским духовенством с протоиреем К.Л. Недосековым во главе, с крестом и святой водой приветствовавших краткой речью благополучное прибытие Его Вы[сочест]ва в Омск.

Здесь, в старейшей церкви г. Омска, освященной благодатной силой Св[ятого] креста, Наследник православного русского царства впервые вступил на то самое место, где по указанию первого Императора России Петра В[еликого] 175 лет тому назад была заложена Омская крепость» *и пр[очее].*

Добавить об указе первого из царей дома Романовых, построить (1628 г.) при устье р[еки] Оми острожек.

«После краткого, установленного по Царскому чину молебствия в Ильинской церкви, с провозглашением многолетия Ц[арскому] Дому, Его Выс[очест]во в сопровождении свиты вышел из церкви через южный придел и, спустившись по устланному красным сукном крыльцу, пешком проследовал в ген[ерал]-губ[ернаторский] дом через прилегающий к нему сквер, по аллеям которого стояли в ряд военные и гр[ажданские] чины различных ведомств. По проходе через сквер масса публики неудержимо устремилась в след Цесаревича, оглашая воздух

радостными «Ура!». *(Переломала все вновь посаженные к приезду дорогого гостя молодые деревца).*

Цесаревич Николай Александрович среди воинских и казачьих чинов в г. Омске. 15 июля 1891 года. ГИАОО. Фотофонд. № 1920.

У подъезда г[енерал]-губ[ернаторского] дворца (в котором приготовлено было помещение для Авг[устейшего] пу[тешественни]ка) Его Высочеству были представлены главноначальствующие отдельными частями военного и гражданского управлений, а также иногородние депутации (гор[одов] Верного, Семипалатинска, Павлодара и Усть-каменогорска), поднести хлеб-соль на дорогих серебро-золоченых блюдах, причем представителем г. Верного был прочитан приветственный адрес. Приняв и обойдя почетный караул от Омского резервного батальона, при звуках военного марша Его Выс[очест]во вступил в отведенные ему покои. Спустя некоторое время, при восторженных кликах «Ура!» многочисленной публики, усыпавшей собой прилегающую часть Дворцовой улицы, Ильинскую площадь, набережную,

мост и аллеи Любинского проспекта, Его Высочество, сопровождаемый личным конвоем *(для охраны Его Выс[очест]ва от С[ибирского] к[азачьего] в[ойска] было назначено 7 благонад[ежных] казаков-Георг[иевских] кавалеров под командой есаула Новоселова, которые сопров[ождали] Цес[аревича] от Томска до Омска и дальше до Оренб[ургской] границы)* и многочисленной свитой проследовал в здание женской гимназии, перед которым были собраны все учащиеся *(девицы?)* в числе более 1500 человек. Фасад здания был декорирован: над парадным входом укреп[лен] щит с венз[елем], изобр[ажающим] Его Выс[очест]во, над которым ангел держал корону, вверху надпись: «да заповесть Тебе сохранити Тя во всех путях Твоих», снаружи в трех средних окнах залы среди зелени и задрапированные красной материей стояли бюсты их Вел[ичест]ва Ц[есареви]ча. Встреченный у подъезда окружным инспектором училищ и директорами местных уч[ебных] заведений Его В[ысочест]во по убранной цветами лестнице поднялся на втор[ой] этаж и здесь при входе в домовую церковь был встречен настоятелем церкви и законоучителем гимназии о[тцом] И.А. Рождественским, который после краткого молебствия удостоил-

Улица Второй взвоз (Гагарина) – дорога к базару. Начало XX века. ГИАОО. Фотофонд. № 1926.

ся поднести его Выс[очест]ву от лица служащ[их] О[мской] гимназии икону Свят[ителя] Чудотворца Ирк[утского] Иннокентия в память чудесного спасения 29 апр[еля] 1891 г., причем произнес: «Все мы, учащие и тысячи учащихся, преисполнены чувства благодарности и неизъяснимого восторга при посещении Особы Вашей, сливаемся в единодушной молитве: да милосердный господь молитвами сего Святого благословит окончание предпринятого Вами беспримерного в нашей истории далекого путешествия». По возвращении из церкви в убранный флагами и гирляндами зелени актовый зал, одна из воспитанниц гимназии (VII кл[асс] Стеблин-Каменская) с букетом цветов в руках приветствовала Его Высочество с трепетом чувств краткой сердечной речью, в которой, выразив от лица всех воспитанниц восторг и беспред[ельное] счастье, испытываемые ими при виде облика самого Ц[есареви]ча, просила для полноты этого счастья принять скромные по усердию работы учащихся (ковер, подушка, дорожная сумка и портфель) и сам букет цветов как символ их безграничной радости. При пении «Славы», исполненной многочисленным хором учащихся, Его Выс[очест]во среди восторгов учащейся молодежи вышел из гимназии и при несмолкаемом «Ура!» тысячной массы народа проследовал через Базарную площадь мимо городского сада (?) в виду красиво убранных (флагами, транспарантами, зеленью и проч[им]) зданий: почтово-телеграфного управления, уездного училища, обл[астного] правления и др[угих], по большой Тобольской улице в Убежище для бедных детей, содержимое Ом[ским] благ[отворительным] об[ществом], имеющим счастье состоять под Выс[очайшим] пок[ровительством] Ея Имп[ераторского] Вел[ичества] Августейшей родительницы сердечно приветствуемого гостя. *(Где ныне вновь выстроено взамен старого деревян[ного] помещения – склады Гельферих – сада)*

Здесь Его Выс[очест]во, встреченный при входе представительницей бл[аготворительного] об[щества] баронессою М.Е. Таубе, попечительницею убежища Е.А. Дмитриевой-Мамоновой, дамами-попечительницами и остальными членами благ[отворительного] комитета, после радостных приветствий детей изволил милостиво прослушать краткий встречный гимн; затем, расспросив о времени основания убежища и предложив еще нек[оторые] вопросы, касающиеся заведения, проследовал в рукодельную комнату девочек, где были выставлены работы призреваемых, и где Его Выс[очест]во по просьбе попечительницы удостоил принятия рукоделья бедных детей (кружев-

ная накидка для подушки собств[енного] плетения девочек) осчастливил при этом словом, что сохранит их на память. После осмотра помещения и по возвращении в приемный зал Его Выс[очест]во изволил прослушать гимн «Б[оже] Ц[аря] Х[ра]ни» и затем, простившись с детьми, отбыл при единодушном крике «Ура!». При проводах осчастливленные сироты бросали цветки под ноги Его Выс[очест]ва и, окружив экипаж, бегом сопровождали его до выхода. Со времени своего основания убежище (как и женская гимназия) второй раз переживает столь счастливое событие, как посещение Царской Особы: 6-го июля 1868 г. это зав[едение] [посетил] Вел[икий] кн[язь] Владимир Александрович и 14 июля 1891 г. его В[ысочество] Насл[едник] Цесаревич.

Из убежища Е[го] В[ысочество] проследовал в крепостную Собор-Воскр[есенскую] церковь, где встреченный гор[одским] духовенством, после крат[кого] молебствия осматривал евангелие, крест, дискос и напрестольное облачение, пожертвованное в церковь Императрицей Екатериной II в 1774 году. *(Справ. подробные)*

Того же дня в 8 ч[асов] вечера в лагерном расположении местного войска происходил смотр».

(Подробное описание как этого смотра, так и войсковых празднеств смотри в «Пут[ешествие] Наследн[ика] Цесаревича» кн[язя] Э.Э. Ухтомского, где полностью помещен мой отчет, т. 3).

«Поблагодарив солдат, казаков и кадетов за молодецкий вид и стройное движение, Ц[есаревич] при восторженных криках «Ура!» в сопровождении многочисленной свиты (и конвоя из каз[ачьих] офицеров, участвовавших в парадах) по Атаманской улице через иллюминированную арку «От Сибирских казаков», разукрашенную вензелями и цветными фонарями, здание Сибирского кадетского корпуса и красивую площадь *(участие самородка–художн[ика] казака Данилова)* казачьего собора, на которой выделялось блестяще иллюминированное здание Войскового правления и войсковой сквер, через городскую арку по Дворцовой улице проследовал в ген[ерал]-губ[ернаторский] дом, в виду блестящей перспективы Ильинского моста и Любинского проспекта, красиво иллюминированными цветными стаканчиками, звездами, вензелями и гирляндами фонариков, а с верхнего этажа ген[енерал]-губ[ернаторского] дома можно было любоваться на близстоящее здание (д[ома] Чернавина, Терехова, Т[ехнического] училища, почтово-тел[еграфной] конторы и проч[ее]), так на нагорную часть города – здание женской гимназии,

Вид на дворец генерал–губернатора и прилегающие к нему кварталы. Середина XIX века. ГИАОО. Фотофонд. № 69.

интендантства, богадельни, уездного училища, областного правления и крепость, казенные здания которой все были красиво освещены, особенно здание окружного штаба (в кот[ором] главного двухэтажного флигеля в то время еще не существовало), сплошь залитое огнями. *(Нужно помнить, что это были за здания и улицы в то время. На Люб[инском] пр[оспекте] не было...).*

Благодаря обилию площадей, перемежающихся с садами к открывающемуся простору зданий, вид города производил эффектное впечатление. Во время иллюминации в образцовом порядке двигалась по улицам масса экипажей и пешеходов – то жители Омска стремились при тихой безоблачной погоде наслаждаться первым вечером пребывания в городе их Царственного гостя, для того, чтобы, вернувшись домой, в тиши поделиться между собой дорогими впечатлениями и затем молитвенно благословить ночной покой Цесаревича».

Описание следующего дня посвящается в первой его половине празднику Сиб[ирского] каз[ачьего] войска, описано у меня подробнее, а потому, отсылая интересующихся к 3-му тому «Путешествия

Наследн[ика] Цесаревича» кн[язя] Ухтомского, коснусь здесь только того, что у меня изложено более кратко.

«Снаружи лицевой и боковой фасады здания, задрапированные флагами, были украшены венками и гирляндами из зелени, красиво выделявшимися на желтом фоне стен; на середине над балконом находился транспарант с вензелевым изобр[ажением] Его Выс[очества], а на лепке между 2-м и 3-м этажами расположены гербы сибирских губерний и цифры годов, относящихся к различным моментам исторической жизни казачьего войска…

Завтрак был сервирован на 350 кувертов*. Блюда были приготовлены исключительно из местных произведений: рыба иртышская, рябчики тобольские и пр[очее]».

Осмотр и описание подарков, карты, путеводитель с картой Горькой линии, хронологич[еский] указатель от Семиреч[енского] войска. Альбом видов и типов природы и населения Сиб[ирского] каз[ачьего] войска. Акварели Каразина 27, и объяснительный текст к ним. Подарки Пресновской и Атбасарской станиц.

Поездка по Иртышу в киргизский аул по Герну и описание ее в 3-м т[оме] Ухтомского.

Там же описание бегов на ипподроме.

Посещение кадетских лагерей и военного собрания.

«Последний день, 16 июля, пребывания Цесаревича в Омске ознаменовался делом церковно-христианского благочестия, а именно: в 11 часов этого дня в присут[ствии] Е[го] В[ысочества] Ц[есаревича] на площади городского сада совершена была закладка соборного храма во имя Вознесения Госп[одня][177]. *(А м[ожет] успение?).*

В Омске при 30 (!) тысячах населения существуют всего только четыре приходские церкви, которые по большим праздникам бывают часто переполнены, что оказыв[ается] недостаточным для удовлет[ворения] религиоз[ной] потребности прихожан. 18 ноября 1890 г. в собрании известных прихожан Св[ято]-В[оскресенской] крепостной церкви и др[угих] почетных граждан решено было взамен проектированного расширения крепостной церкви выстроить новый трехпрестольный храм вместимостью до 1600 человек. В том же собрании избран был особый строительный комитет под председательством благочинного протоирея К.Л. Недосекова, а составление проекта и техническое за-

* Куверт – столовый прибор. – Прим. сост.

ведывание постройкой поручено военным инженерам: полк[овникам] В.Л. Чернавину и Т.К. Вараксину. В плане церковь имеет форму прямого креста и по наружному виду проектирована в древнерусском стиле, пятиглавая с колокольней, храм трехпрестольный: главный алтарь во имя Вознесения Господня, а боковые во имя Св[ятого] Ник[олая] Чудотворца и Св[ятого] Велик[ого] Георгия Победоносца. Стоимость здания в черте не должна превосходить 80 т[ысяч] рублей. 13 мая происходило освящение места и начались земляные работы по отрывке фундаментных рвов. 25 июня начались каменные работы и к 16 июля грунт для фундамента был окончательно укреплен, и в головной его части приготовлено место для закладки.

Само торжество закладки происходило в следующем порядке. К 10 часам утра из всех городских церквей крестным ходом были принесены на место закладки все особо чтимые иконы, которые и размещены были по краю фундаментного рва с наружной стороны на восточной стороне будущего храма. В середине был сооружен бледно-розового цвета павильон изящной ажурной работы для помещения духовенства, особы Е[го] И[мператорского] В[ысочества] со свитой и др[угих] почетных лиц, удостоившихся получить приглашение на церковное торжество. К 11 ч[асам] место храма и обширная прилегающая к нему площадь с окаймленными зданиями присутственных мест, учебных заведений и аллеями (?) городского сада были переполнены тысячами народа, привлеченного сюда счастливым событием – радостью самого торжества, ознаменованного личным присутствием Насл[едника] Цесаревича. Над этой массой стояло светло-голубое небо… В 11 часов прибыл Высочайший поезд. У входа в сад Его В[ысочество] был встречен членами строительного комитета и в сопровождении многочисленной свиты, и при громких кликах приветственного «Ура!» проследовал по устланному красным сукном помосту в павильон, где все городское духовенство в одинаковом светло-голубом облачении стояло готовое приступить к совершению молебствия. При входе в павильон Е[го] В[ысочество] был встречен первенствующим протоиреем К.Л. Недосековым, после чего началось установленное по чину молебствие. Для совершения церемонии закладки Его Высочество, предшествуемый благочинным протоиреем, в сопровождении духовенства и свиты изволил спуститься с павильона в головную часть фундамента и здесь по исполнении священнослужителями установленных молитвословий

собственноручно благоизволил положить в крестообразное углубление четыре золотые монеты, прикрыть это углубление металлической доской, на которой выгравирована по церковно-славянски надпись: «Во имя О[тца] и С[ына] и Св[ятаго] Д[уха] основася сим церковь в честь вознесения Госп[ода] Ии[суса] Хр[иста] на небе, при державе благ[ославенного] Сам[одержца] Вел[икого] Гос[ударя] и Имп[ератора] Ал[ександра] Ал[ександровича] и при личном присутствии Е[го] В[ысочества] Ц[есаревича] Всерос[сийского] Прес[тола] Наследника благ[ославенного] Гос[ударя] Цес[аревича] В[еликого] кн[язя] Никол[ая] Ал[ександрови]ча, при святительстве преосвящ[енного] Иустина Е[пископа] Тоб[ольского] и Сиб[ирского] и при управлении Ст[епного] г[енерал]-губ[ернатора] г[енерала] от кав[алерии] Максима Антоновича барона Таубе, в лето от сотворения мира 7399-е, от рождества же во плоти Бога Слава 1891 г., месяца июля 16-го дня» и саму доску укрепили камнем. По возвращении в павильон была прочитана благодарственная молитва с коленопреклонением и провозглашено многолетие Царствующему Дому, после чего Гос[ударь] Нас[ледник] Цесаревич изволил рассматривать план и фасады заложенного храма, причем объяснение чертежей давал инжен[ер]-полковник В.Л. Чернавин. В это время староста собора купец С.С. Волков обходил присутствующих с блюдом для сбора пожертвований на постройку храма, и в короткое время собрано было более 600 рублей. После закладки Собора Его Выс[очест]во при единодушных кликах «Ура!» изволил отбыть в г[енерал]-губ[ернаторский] дом для прощального завтрака, так как в 3 часа был назначен отъезд».

Описания отъезда нет.

Проезд по Горькой линии изложить по моим личным воспоминаниям.

ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 306. Л. 52 – 59. Подлинник. Рукопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 139. Л. 1136.

[2] ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 358. Л. 1 об-2 об.

[3] Ожегов С.И. , Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азбувник», 1999. С. 568; Энциклопедический словарь начатый профессором И.Е. Андреевским и продолжаемый под редакцией К.К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф.Ф. Петрушевского. Т. XXIV (48). Спб., Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (Спб.,), 1898, С. 684.

[4] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 415.

[5] Там же. С. 419.

[6] Малый энциклопедический словарь. Т II (вып. IV). Спб.: Издание II Брокгауз – Ефрон, 1909. С. 1500–1501.

[7] К примеру, сведения о прохождении службы А.В. Колчака помимо его «Послужного списка» (РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1), можно почерпнуть из «Списка личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства», изданного в Петрограде в 1916 году Статистическим отделением Главного Морского Штаба.

[8] Примером таковой может служить «Справочная книга Омской епархии», составленная священником И. Голошубиным и изданная в Омске в 1914 г. В ней содержатся т. н. «Алфавитный указатель священно-церковно-служителей и других лиц, состоящих на службе в ведомстве православного исповедания Омской епархии» (см. с. 1081–1223), в котором содержатся краткие сведения о духовенстве Омской епархии на 1914 г., позаимствованные составителем из послужных списков и анкетных данных. Ценность этой информации достаточно велика, если учесть что в фонде Омской духовной консистории (№ 16), хранящемся в ГИАОО, количество послужных списков духовенства невелико.

[9] Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 175.

[10] Помимо трудовых книжек, начиная с 1920-х гг., для учёта тарификации работника и фиксации его заработной платы были введены «Расчётные книжки», а для безработных, занятых на предприятиях и коллективах, находящихся в ведении комитетов бирж труда, для расчёта были введены «личные книжки». Поскольку и в тех, и в других указывался размер зарплаты, что соотносимо с размером жалованья (содержания) в послужном списке, то мы склонны считать эти книжки в какой то степени «преемницами» дореволюционных «Формуляров».

[11] Большая Советская энциклопедия под редакцией О.Ю. Шмидта. Т. 46. М.: ОГИЗ РСФСР, 1940. С. 523.

[12] ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 964. Л. 5 – 7.

[13] Там же. Л. 1 – 4.

[14] Там же. Л. 5 об.

[15] Там же. Л. 2 об.

[16] ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3318. Л. 1 – 4 об.

[17] ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2407. Л. 43 об., 57, 63, 74 об.,.76, 79.

[18] ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 357. Л. 1.

[19] Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. С. 215 – 216.

[20] Сибирский кадетский корпус. Шанхай, 1933. С. 332 – 334.

[21] Певцов М. В. Записка по поводу споров разных ведомств о 10-ти верстном пространстве казачьего войска.. Омск, 1898. С. 1.

[22] ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 391.

[23] ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 357. Л. 2 об.

[24] ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 7. Л. 175.

[25] Там же. Л. 1 – 39.

[26] ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 428. Л. 7.

[27] Об имевшем место конфликте в ЗСОИРГО сообщила мне в конце 1980-х гг. историк И.А. Скалабан, являющаяся одной из первых исследовательниц истории ЗСОИРГО.

[28] Шулдяков В., Лосунов А. Генерал Катанаев // Омская правда. 1990. 10 июня.

[29] ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 376. Л. 4 об.

[30] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 130. Л. 9.

[31] Семенов В., Г.Е. Катанаев. Некролог // Сибирская природа. 1922. № 1. С. 80.

[32] ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 28.

[33] ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 1 – 31 об.

[34] Васильев А. Сибирское казачье войско//Часовой. 1932. 6. С. 24 – 26.

[35] Баженов А.Д. Войсковой круг 1903-го года. // Сибирский казак. Войсковой Юбилейный Сборник Сибирского казачьего войска. 1582-1932. Вып. I. Наше прошлое до Великой войны 1914 г. Харбин, 1934. Современное переиздание. Бийск, 2009. С. 67.

[36] Участники Польского восстания 1830–1831 гг. были зачислены в Сибирский отдельный корпус на службу (15–20 лет) рядовыми, без права выслуги.

[37] И.Ф. Бабков. «Воспоминания о моей службе в Западной Сибири (1859–1875)». – СПб. – 1912.

[38] Сцилла и Харибда – в древнегреческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого морского пролива и губившие всех проплывавших мимо мореплавателей. Сцилла, чудовище с 6 головами на длинных шеях и 12 лапами, жила на скале, а Харибда, олицетворявшая всепоглощающую морскую пучину, – под противоположной скалой. Выражение «находиться между Сциллой и Харибдой» означает – подвергаться одновременно двум серьезным и равновеликим опасностям.

[39] Шведский естествоиспытатель Иоганн Петер Фальк, с 1763 г. работавший в России, был назначен в 1768 г. руководителем экспедиции, снаряженной С.-Петербургской АН, которая посетила и Сибирь. На обратном пути проехал через Тару. В 1785 г. были опубликованы дневники его экспедиции.

[40] В связи с обветшалостью Первой Омской крепости и рядом других причин назначенный в 1763 г. начальником Сибирскими пограничными линиями И.И. Шпрингер и выбравший местом своего пребывания Омск, начал в 1768 г. строительство новой крепости на правом берегу Оми.

[41] Плененные под Полтавой шведы начали прибывать в Тобольск в 1711 году. Некоторые из них принимали участие в строительстве ряда крепостей, в т.ч. и Омской. Среди них – Каландер, участник экспедиции Бухгольца, руководитель строительства Первой омской крепости.

[42] Село Крестовское Шадринского уезда Пермской губернии, основано в начале XIX века, место проведения одной из всероссийских ярмарок.

[43] Чернавинский проспект – народное название – Любинский проспект. Носил имя Ф.Л. Чернавина – Омского городского головы в 1873 – 1879 гг. В 1920 г. вместе с ул. Дворцовой и Атаманской был переименован в ул. Ленина.

[44] Городовое Положение 1870 г. – новое Положение о городском общественном управлении и городском хозяйстве, заменившее сословный ценз на имущественный и уточнившее функции городской думы и городской управы.

[45] Речь идет о Первой мужской гимназии. В 1876 г. вблизи Тарских ворот было возведено здание мужской гимназии. Позднее здесь располагалась школа № 19, ныне – Институт развития образования Омской области (ул. Тарская, 2/ ул. Ленина, 4).

[46] В 1877 г. для выявления точных сведений о количестве и составе населения в Омске, его занятиях, промысле, грамотности была проведена одна из первых в России однодневная перепись населения города. Разработку программы и проведение переписи взяли бесплатно на себя члены только что образовавшегося ЗСОРГО, областного статкомитета и добровольцы из среды чиновников, офицерства. Полную и всестороннюю обработку собранных данных провел И.Я. Словцов, а издание трех томов по итогам переписи отнесли на средства статкомитета (См. ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 359).

[47] Открытие железной дороги – 25 августа 1894 г. Омск встретил первый поезд на железнодорожной магистрали. 17 марта 1896 г. был открыт мост через Иртыш.

[48] Г.Е. Катанаев ошибочно полагал, что первой в 1716 г. 20 июля была заложена Ильинская церковь. Фактически первой в крепости была деревянная церковь во имя Сергия Радонежского (25 сентября престольный день), снесенная в 1773 году.

[49] В южной части г. Омска между нынешним ипподромом и вокзалом располагались участки земли, находившиеся во временном пользовании Военного ведомства. За лагерями кадетского корпуса и Омского полка находилась Санитарная станция, за ней располагались юрты, так называемый Киргизский хутор, где селились приезжавшие киргизы (казахи).

[50] Улица Лагерная (ныне – Маршала Жукова) вела к месту расположения лагерей кадетского корпуса и других воинских подразделений.

[51] Военный клуб и «садик» находились на территории нынешнего 16-го Военного городка.

[52] Интендантский вещевой склад находился в районе нынешних пр. Маркса и ул. Потанина. Пять зданий сохранились, ныне – военно-хозяйственный склад Западно-Сибирского военного округа.

[53] В 1857 г. таможенная застава была переведена с левого берега Иртыша на правый. Находилась перед нынешним Домом печати по пр. Маркса. Здесь была южная граница города. Состояла из сооруженных по сторонам дороги двух кирпичных четырехгранных высоких столбов, увековеченных государственным гербом. При выезде из города по правую сторону заставы находилась таможенная застава, разобрана в 1948 г.

[54] Артиллерийский войсковой сад (парк) – имеется ввиду Артиллерийская роща, находилась в Казачьем форштадте. Снесена в 1892 г.

[55] Казачье кладбище – возникло в начале 40-х гг. XIX в. Находилось в квадрате современных улиц Куйбышева, Успенского, Съездовской, 8 Линии. Снесено в 1960-1970-х гг.

[56] С заподной стороны нынешнего Казачьего рынка находятся частично сохранившиеся одноэтажные кирпичные здания в районе улиц Пушкина и Съездовской.

[57] В 20-х гг. XIX в. между Ильинским и Казачьим форштадтами застраивался периметр площади по проекту архитектора Гесте. Большую часть ее восточной стороны занимали корпуса построенной в 1822 г. казенной суконной фабрики – одноэтажный деревянный корпус длиной в 80 м и двухэтажное здание мастерских.

[58] На углу нынешних улиц К. Маркса и Короленко стояло два одноэтажных здания, в одном из которых располагалась Контрольная палата, переехавшая в 1902 г. в собственное здание на ул. Александровской (ныне – Интернациональной). Некоторые краеведы пишут, что Контрольная палата располагалась в здании суконной фабрики (см. № 57).

[59] Казачий сад – находился у Никольского казачьего собора. Постановлением городской думы от 10.11.1918 переименован в Тургеневский. (Газета «Заря». 1918. 13 ноября). В 1920-е гг. именовался садом Красной Звезды (ГИАОО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 94. Л. 198). Позднее – сад «Профинтерн». Губернаторский сквер и Казачий сад вошли в состав Центрального городского сада, организованного решением горисполкома № 602/с от 17.05.1941. Здесь на площадках работала Омская филармония, открывались летний театр эстрады и танцплощадки. Официально сад был упразднен с 1 февраля 1977 г. и стал именоваться Театральным сквером (рядом располагаются ТЮЗ и концертный зал филармонии) (ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 181. Л. 107-108; Д. 4232. Л. 273).

[60] Оружейная мастерская находилась на пересечении нынешних улицы Маяковского и пр. К. Маркса.

[61] Войсковое правление – трехэтажное, каменное здание Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска (корпусная канцелярия) было построено вблизи Никольской казачьей церкви в 1857 г. под руководством войскового архитектора Г.С. Вершинина. Ныне в этом здании (ул. Короленко, 12) находится Омский юридический институт.

[62] В 1826 г. в Казачьем форштадте было возведено двухэтажное на высоком цоколе здание воинской канцелярии, вскоре переданное в ведение казачьего училища – ныне здание Омского кадетского корпуса. В 1848 г. при корпусе появилась домовая церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая.

[63] Собрание – имеется ввиду здание Общественного (Благородного) собрания, построенного в 1859 г. В 1906 г. было перестроено. В этом здании по ул. Ленина располагался Омский театр музыкальной комедии. Ныне здание разрушено. Сохранилась одна боковая стена и флигель. Ведутся разговоры о его реновации.

[64] Костел – построен в 1862 г. на средства А.Ф. Поклевского-Козелла по проекту архитектора Г.С. Вершинина. Находился на месте нынешнего ТЮЗа. Здание снесено.

[65] В начале XX в. на ул. Костельной находился дом Белозерова, где продавались шубы и валенки А. Н. Солодовникова.

[66] Гостиница «Москва» – располагалась в бывшем Посольском доме, построенном в 1829 г. одновременно с мечетью для остановки приехавших в Омск султанов и «знатных азиатцев». Это был одноэтажный деревянный на каменном фундаменте дом, стоявший на пересечении нынешних пр. К. Маркса и ул. Чкалова. Снесен.

[67] Здание почтамта (Омской почтовой конторы), Омской телеграфной конторы находилось на углу Почтовой и Ядринцевской улиц. Здесь располагался целый городок связистов.

[68] Генерал-губернаторский дворец (ныне здание Омского музея изобразительных искусств, ул. Ленина, 23) – начал строиться по инициативе генерал-губернатора Г.Х. Гасфорда в 1859 г. Построен в 1862 г.

[69] Генерал-губернаторский сквер (или Дворцовый сад) разбит у генерал-губернаторского дворца. Постановлением городской думы от 13 октября 1914 года переименован в Лермонтовский. В 1920-е гг. назывался Садом Республики.

[70] На ул. Дворцовой находился каменный двухэтажный дом купца 2-й гильдии Г.Л. Баранова, построенный в 1880 г. В 1934 г. основа этого дома была использована при строительстве здания авиационного техникума им. Жуковского.

[71] Один из двухэтажных каменных домов Г.В. Терехова (по ул. Ленина, 20) был построен в 1865 г. Позднее, в начале XX в., он перешел в собственность одной из его дочерей – Е.Г. Батюшкиной (урожденной Тереховой).

[72] Дом омского купца 2-й гильдии Н.Д. Козьмина (Кузьмина) – ныне ул. Лермонтова, 6. Построен во второй половине XIX в. В 1885 г. принадлежал его наследникам. В оценочной ведомости указывается, что здание построено в 1852 г. (ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 6. Л. 10). В начале XX в. Е.Е. Козьмина сдавала здание Омскому коммерческому клубу. С 1959 г. на нижнем этаже разместился кинотеатр «Пионер», а на верхнем этаже - областная библиотека им. Н.К. Крупской. На сегодняшний день - самое старое из сохранившихся образцов частновладельческой каменной застройки в нашем городе.

[73] Двухэтажный деревянный дом Богомолова находился на углу ул. Костельной и Лермонтовской. Снесен в 1960-е годы.

[74] Находился на месте нынешней площади Бухгольца перед бывшим зданием Речного вокзала.

[75] На ул. Думской напротив трехэтажного дома С. Кадыша (ныне Думская, 5) стоял одноэтажный кирпичный дом с подвалами Галкина. Не сохранился.

[76] На пересечении улиц Костельной и Ядринцева находилось здание (дом Голландского), где размещался детский приют «Надежда». Позднее здесь размещалось механико-техническое училище, речное училище. Здание не сохранилось. В этом здании располагалась первоначально Омская женская гимназия. В 1870 г. рядом с ним было построено для гимназии специальное здание. В 1882 г. гимназия переведена в новое здание.

[77] Дом Гойневского стоял на углу нынешних улиц Пушкина и 10 лет Октября. Не сохранился.

[78] Маланьина роща – Маврина, Марьина, Малашнина роща – район набережной Оми у нынешнего органного зала. С конца 1990-х гг. именуется Воскресенским сквером.

[79] Любинская роща – располагалась в районе будущего Чернавинского (Любинского) проспекта. Получила имя жены генерал-

губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда Любови Федоровны, любившей гулять в этой березовой роще (умерла в 1852 г.). В 1851 г. по проекту архитектора Ф.Ф. Вагнера роща по указанию генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда на территории крепостной эспланады была облагорожена и расширена, став местом отдыха омичей. 25 июля 1903 г. здесь состоялось последнее гуляние. Ее территория была поделена на участки и продана для строительства торговых домов.

80 Имеется ввиду левая часть Любинского проспекта, которая застраивалась между 1876-1877 гг.

81 Мокринский базар возник в 1858-1859 гг. за восточным бульваром Любинской рощи, начинался там, где ныне находится здание по ул. Ленина, 21. Состоял из длинного ряда деревянных лавок и парусиновых балаганов для «подвижной» торговли.

82 Сенная (базарная) площадь и улица получила название от находившегося здесь Сенного базара.

83 В 1874 г. в нагорной части Омска (ныне начало Любинского проспекта) была создана центральная рыночная площадь (Нагорная), куда перешла торговля из гостиного двора в Ильинском форштадте, а также из Мокринского форштадта. Здесь располагались многочисленные деревянные лавки, торговавшие съестными продуктами. Ныне сквер с фонтаном на площаи Победы.

84 Главное управление Западной Сибири – постройка здания для областных и окружных присутственных мест осуществлялась в 1832 – 1836 гг. Здесь в 1839 г. разместилось в связи с переводом из Тобольска в Омск Главное управление Западной Сибири.

85 Госпиталь первоначально находился на левом берегу Оми, затем его перевели в Бутырский форштадт (ныне – на ул. Гусарова). Первые корпуса нового госпиталя – деревянные, на каменных фундаментах, построены в 1823 г. В ближайшие пять лет здесь возник целый городок лечебных и вспомогательных зданий.

86 Городская богадельня располагалась в районе современного Главпочтамта.

87 Находился по правую сторону ул. П. Некрасова (за зданием драмтеатра). Был построен в 1807 г.

88 Аптека Розенплентера – деревянное одноэтажное здание находилось в районе пересечения нынешних улиц Герцена, Гагарина и Интернациональной. Снесено.

89 Здание фельдшерской школы (ныне ул. Ленина, 1, где разме-

щается областная прокуратура) построено в 1883 г. Автор проекта – Э.И. Эзет. Здесь обучались мальчики, приезжавшие в Омск из Сибири и Средней Азии. В советское время здесь находились Дом крестьянина, гостиница.

[90] В 1879-1883 гг. вблизи Нагорного базара по проекту Э.И. Эзета было построено каменное здание женской гимназии. В советское время здесь располагались Дом политпросвещения, областное общество «Знание». Через год рядом с ним возвели женский пансионат для приезжавших из разных сибирских городов для обучения в гимназии девочек, который назвали Александровским.

[91] Здание драматического театра построено в 1905 г. Его открытие состоялось 24 сентября 1905 г. пьесой «Ревизор».

[92] Часовня – имеется ввиду часовня во имя иконы Иверской божией матери, построенной на территории Базарной площади в 1867 г. Была разрушена в конце 1920-х гг., восстановлена в 1996 году.

[93] В Степном бастионе Второй Омской крепости был построен тюремный острог. Его подробное описание дал Ф.М. Достоевский в «Записках из мертвого дома». Находился перед нынешним зданием ДК им. Дзержинского на углу улиц Достоевского и Партизанской.

[94] На территории Второй Омской крепости в 1796 г. был построен одноэтажный кирпичный дом. К нему со стороны нынешней ул. Партизанской в 1823 г. пристроили деревянный флигель. Этот дом до сер. XIX в. занимали генерал-губернаторы.

[95] В 1827 г. в Бутырском форштадте были построены рядом два дома для размещения провиантской комиссии. Деревянным домам были приданы формы каменной архитектуры.

[96] Открытая в 1877 г. женская прогимназия в 1906 г. стала 2-й женской гимназией. Располагалась на пересечении ул. Тарской и Мариинской (Коммунистической).

[97] В 1861 г. в Омске было открыто Общество вспомоществования бедным и сиротам, переименованное вскоре в Омское благотворительное общество. Учредителями его стали дамы высшего омского света – жена генерал-губернатора Западной Сибири Ю.М. Дюгамель (председатель), жена коменданта Омской крепости А.Ф. Де Граве и другие известные особы. Первым детищем Омского благотворительного общества было открытое с ним в один год (1861) Убежище для бедных детей. Как гласил устав, в нем «призирались сироты, дети бедных родителей или дурной нравственности».

[98] В 1865-1870 гг. на Тарской ул. была возведена Крестовоздвиженская церковь. Архитектор – Ф.Ф. Вагнер. Его проект в ходе реализации был незначительно дополнен архитекторами К. Лазаревым и Э. Эзетом.

[99] В 1859 г. за городом на Тобольском тракте был выстроен большой каменный тюремный замок (ныне – здание тюрьмы на ул. Орджоникидзе).

[100] Сад Губаря и его ресторан находились в районе нынешнего Сибзавода.

[101] Вокзал – так именовалось в Загородной роще здание, где проходили танцы, различные увеселительные мероприятия.

[102] Старейшее военное учебное заведение, основано как Войсковое казачье училище 1 мая 1813 года, в 1826 году переименовано в Училище Сибирского линейного казачьего войска, с 1864 года по 1907 год – Сибирский кадетский корпус (1864 – 1882 годы – Сибирская военная гимназия), с 1907 по 1913 годы – Омский кадетский корпус, с 1913 по 1917 годы – Первая Сибирская гимназия военного ведомства.

[103] Имеется в виду Мокринский форштадт, или Мокрый, основанный в конце XVIII века, находившийся на правом берегу р. Оми.

[104] Фронтовые занятия проводили линейные унтер-офицеры, казачьи урядники и конно-артиллерийские фейерверкеры, которые обучали воспитанников обращению с оружием и др.

[105] До 1848 года Сибирский кадетский корпус не имел своей церкви, служащие и воспитанники входили в состав прихожан Пророко-Ильинской церкви (до 1840 года), войсковой Николаевской церкви. В 1848 году директор корпуса генерал Шрамм исходатайствовал у епархиального начальства разрешение на устройство собственной церкви, которая была сооружена в рекреационном зале. Иконы для иконостаса были писаны рядовым инженерного ведомства Новиковым.

[106] В Сибирском кадетском корпусе находилась обширная фундаментальная библиотека и три ротных библиотеки, имелся каталог книг, составленный по возрасту и развитию учащихся и классным потребностям.

[107] Датой смерти Ч. Валиханова является 10 апреля 1865 г.

[108] Лопари – старое название народа саами, живущего на Кольском полуострове, на севере Норвегии, Финляндии и Швеции (финно-угорская языковая группа).

[109] 29 февраля 1876 года (по старому стилю) Н.Г. Казнаков напра-

вил в Русское географическое общество ходатайство об учреждении Западно-Сибирского отдела. Год создания Западно-Сибирского отдела ИРГО – 1877. Среди членов-учредителей отдела был и А.И. Сулоцкий.

[110] Абакумов Сергей М. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1830). Впоследствии генерал-лейтенант. Один из устроителей Семиречья. Им был разработан Гасфордский перевал. В память его деятельности поселок близ перевала назван Абакумовским.

[111] Прозелит – новообращенный в какую-либо веру, принявший новые убеждения, по вере, политике и пр., новобранец.

[112] Абсентеизм (от лат. absentia – отсутствие) – уклонение избирателей от участия в голосовании при выборах представительных органов, главы Государства и т. д.

[113] Имеется в виду подснежник.

[114] Летопись «Домовая летопись капитана Андреева Ивана» напечатана в «Чтениях Московского общества истории» (кн. 4, 1870). Андреев – адъютант И.И. Шпрингера, находился «у сочинения планов и наложения на оные прожектов».

[115] Шашков Серафим Серафимович – историк, областник, автор многочисленных работ по истории Сибири, в том числе, «Рабство в Сибири» (Дело. – 1869), «Исторические судьбы женщин. Детоубийство и проституция» (1871), «Очерки по истории русских женщин» (1871).

[116] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1882.

[117] Архангельская губерния.

[118] Онуча – часть обуви, обвертка на ногу, портянки.

[119] Риттер Карл. Землеведение Азии. – СПб., 1877, 1894.

[120] Клейнмихель Петр Андреевич (1793-1869) – русский государственный деятель, граф (1839), генерал от инфантерии (1841). В 1842-1855 – главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, руководил постройкой железной дороги Санкт-Петербург – Москва. Уволен за злоупотребления по службе.

[121] Имеется в виду Александровское реальное училище г. Тюмени, где И.Я. Словцов был директором с 1879 по 1906 годы.

[122] Улица Ядринцева упоминается с 1898 г. как Костюринский пер. С 1904 г. – ул. Ядринцева. Снесена в конце 1970-х гг. (Улицы города Омска. – Омск, 2008. – С. 134)

[123] Город Акакиев Акакиевичей – город чиновников низшего уровня.

[124] Общество исследователей Западной Сибири – первое научное краеведческое общество в Омске, основанное в 1868 г. В числе

членов-учредителей были И.Я. Словцов, П.А. Золотов, А.И. Сулоцкий и Ф.Л. Чернавин. Почетным председателем был генерал-губернатор А.П. Хрущов. В Уставе, утвержденном Министерством народного просвещения, говорилось, что целью общества и является сбор, обработка и распространение географических, статистических, этнографических и естественно-исторических сведений о Западной Сибири. Официально общество было закрыто в 1878 г., а его члены вошли в состав ЗСОИРГО.

[125] Линда К., И.Ф. Бобков. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Омск, 1902.

[126] Пали – столб, кол с заостренными с обеих сторон концами, употребляемый для устройства забора, частокола.

[127] Женой князя П.Д. Горчакова была дочь бригад-майора, флигель-адъютанта императора Павла I Д.П. Черевина – Прасковья Дмитриевна (умерла в 1849 г.), состояли в браке с 1824 г.

[128] П.Д. Горчаков имел детей: князь Дмитрий Петрович (1831 – 1871); княжна Варвара Петровна (умерла в 1853 г.), была замужем за С.С. Шереметьевым; княжна Наталья Петровна, была замужем за А.Ф. Уваровым; княжна Евдокия Петровна, была замужем за сенатором, членом Государственного совета П.Н. Клушиным; княжна Ольга Петровна (1833 – 1873), была замужем за В.Г. Безобразовым.

[129] Московско-Сибирский тракт – старинный сухопутный маршрут из европейской части России через Сибирь к границам Китая. Прокладка Московско-Сибирского, или так называемого Большого Сибирского тракта, началась по распоряжению Сената в 1733 г. Тракт шел из Москвы через Муром, Арзамас, Козьмодемьянск, Казань, Осу, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тару, Каинск, Колывань, Томск, Енисейск, Иркутск, Верхнеудинск, Нерчинск до Кяхты (на границе с Китаем). В начале XIX века путь тракта изменился на более южный: от Тюмени он шел через Ялуторовск, Ишим, Омск, Томск, Ачинск и Красноярск до Иркутска и далее как ранее. В конце XIX века Сибирский тракт уже не мог удовлетворить транспортные потребности российской экономики, что стало причиной сооружения железнодорожной Транссибирской магистрали.

[130] Г.Н. Потанин является автором «Воспоминаний», в которых значительное место уделено омским периодам его жизни.

[131] Кучугуры (Качагуры) – часть города на правом берегу Оми

(район ул. Госпитальной. Был назван ссыльными поляками. Качагуры – Утиные горы, так как местность была заболоченной, на ней обитали утки.)

[132] Зуавы – вид легкой пехоты во французских колониальных войсках XIX – XX веках. Формировались в Северной Африке из французских и местных жителей.

[133] Музыкальное общество – во второй половине XIX века в Омске собирался кружок любителей музыки, на его основе в 1870 г. создано Омское общество любителей музыки. По инициативе Л.С. Буланже в городе проходили концерты, вечера, были созданы хор и оркестр. В 1870 г. было организовано Омское отделение Императорского Русского музыкального общества (председатель Л.С. Буланже), сделавшее большой вклад в развитие музыкальной культуры и музыкального образования в Омске.

[134] Кизлярка – виноградная водка из города Кизляра.

[135] Марьяж – ныне забытая игра в карты.

[136] Городская роща – упоминается с начала XIX века. Располагалась в районе нынешнего КДЦ им. Маяковского. В связи с застройкой и перепланированием города на этом месте в конце XIX века существовал Санниковский сад, устроенный по инициативе военного губернатора Акмолинской области Н.И. Санникова.

[137] Улица Капцевичева появилась к 1898 г., первоначально именовалась – Загородная. Постановлением Омского губревкома от 9 февраля 1920 г. вошла в состав ул. Красный Путь.

[138] Наказуемых прогоняли сквозь строй, избивая шпицрутенами зеленого цвета.

[139] Равендук – голландская толстая парусина, для больших парусов; в обиходной торговле, равендук, холст вообще (равендутные простыни).

[140] В 1792 г. в Омске начала действовать каменная лютеранская кирха, построенная в стиле барокко, прямоугольная в плане, с большим полуциркульным алтарем, смещенным к северу.

[141] Сменивший в 1828 г. П.М. Капцевича на посту генерал-губернатора Западной Сибири генерал-лейтенант И.А. Вельяминов избрал своей резиденцией Тобольск, куда им был переведен и штаб отдельного Сибирского корпуса.

[142] С кадетским корпусом было связано возникновение в Омске любительского театрального кружка. Главным организатором выступи-

ла жена первого директора корпуса – А.Р. Шрамм. В спектаклях участвовали и три ее дочери. Активной помощницей «директрисы» стала баронесса Е.А. Сильвергельм – жена квартирмейстера отдельного Сибирского корпуса. Актерами-мужчинами являлись, главным образом, офицеры, вхожие в салоны А.Р. Шрамм и Е.А. Сильвергельм. В 1851 г., после отъезда Шраммов из Омска, кружок распался.

[143] В архивном фонде Главного управления Западной Сибири имеется дело «Об отрешении от должности председателя Омского областного правления полковника Маркевича за участие в заговоре с поляками произвести в городе Омске бунт» 1833 – 1834 гг. (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17920).

[144] Исторический роман «Мирович», написанный Г.П. Данилевским в 1879 году, об эпохе дворцовых переворотов XVIII в. в России.

[145] Шпрингер Иван Иванович – генерал-поручик, командир войск Сибирского корпуса. Дата и место рождения неизвестны. Умер весной 1771 года и похоронен на Иноверческом кладбище г. Омска. На его могиле был установлен чугунный памятник с надписью «Генерал-поручик и кавалер ордена И.И. Шпрингер». Остатки могилы можно было видеть еще в 70-е гг. XIX века.

[146] В 1838 г. Омская область была упразднена, и административный статус Омска снизился – он вновь стал уездным (окружным) городом Тобольской губернии.

[147] 19 июля 1839 г. вышел Указ Сената, согласно которому Омск стал административным центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

[148] Крупный бриллиант, вправленный в перстень, брошь и т. п. отдельно, без других камней.

[149] Жемчужников Аполлон Аполлонович – генерал-майор, начальник Штаба Сибирского Отдельного корпуса. В метрической книге Омской Соборо-Воскресенской церкви имеется запись о смерти 11 октября 1848 г. и отпевании 14 октября А.А. Жемчужникова. Был погребен, как значится в документе, на Ильинском кладбище (ГИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 140. Л. 143).

[150] Поводом для осуществления в 1851 г. ревизии послужил донос жандармов об аморальном поведении генерал-губернатора П.Д. Горчакова. В качестве ревизора Николай I избрал боевого генерала и члена Госсовета генерал-адъютанта Анненкова. Последний должен был осмотреть военную и гражданскую администрацию, а также

подробно ознакомиться с положением в Сибирском казачьем войске. В итоге Анненковым были составлены «Всеподданнейшие отчеты», в которых была представлена целостная картина положения вещей. Впоследствии П.Д. Горчаков был отправлен в отставку.

[151] Воскресенский военный собор, год постройки – 1773 г.

[152] Успенский кафедральный собор, год постройки – 1898 г.

[153] Ул. Тобольская – названа по имени тракта, ведущего в сторону Тобольска – ныне ул. Орджоникидзе.

[154] Имеется в виду Любинская роща.

[155] Полевые лагеря военного ведомства (Сибирского кадетского корпуса), где кадеты получали основы форпостной службы, топографической съемки, саперной и военно-лабораторной работы, совершенствовали навыки стрельбы из артиллерийских орудий и ружей.

[156] Организован при наказном атамане С.Б. Броневском в 1813 г. из числа военнопленных, присланных на службу в Сибирь, среди которых были хорошие музыканты.

[157] Рытов Алексей – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1823 г.), 5 декабря 1837 г. произошло столкновение хорунжего Рытова с тысячным войском киргизов под предводительством Кенисары Касымова. Боевые действия длились трое суток, в результате враг был отбит. Рытов погиб.

[158] Мечеть построена в 1827 – 1830 гг. по проекту инженер-полковника С.А. Булыгина. Здание имело лепестковый план, в основе которого лежал квадрат, усложненный четырьмя полуциркульными стенами, перекрытыми полусферическими сводами.

[159] 22 июля 1858 г. в Омске была учреждена женская школа, преобразованная сначала в женское училище 2-го разряда (1861 г.), затем в женскую гимназию с педагогическими курсами (1863 г.).

[160] В середине 1760-х гг. по приказу командира Сибирского корпуса И.И. Шпрингера И.Г. Андреев организовал первый в Омске любительский театр. В 1764 году под его руководством было устроено первое в Сибири театральное представление. Репертуар Омского театра включал трагедии М.В. Ломоносова («Тамара и Селим»), М.М. Хераскова («Венецианская монахиня»), а также трагедии и комедии А.П. Сумарокова: «Хореев», «Синав и Трувор», «Аристона», «Тресониус», «Чудовище» и прочее. Театральные представления устраивались как на закрытых официальных вечерах и торжествах, так и для публики. Артистами являлись офицеры, чиновники, их жены и родственники.

[161] Имеется в виду г. Аулие-Аты – город в Коканде.

[162] Сибирское областничество – общественно-политическое течение в Сибири. Зародилось в 1850-х гг. XIX века. На формирование идеологии сибирского областничества оказали влияние работы Н.И. Костомарова, А.П. Щапова, П.А. Словцова и др. Областники рассматривали Сибирь как колонию Европейской России и выступали за отделение ее от России. Основными требованиями областников были: отмена уголовной ссылки в Сибирь, уничтожение экономической зависимости Сибири от Европейской России, открытие университета в Сибири. В 1865 г. у одного из воспитанников Сибирского кадетского корпуса была найдена прокламация «Патриотам Сибири». Было возбуждено «Дело об отделении Сибири от России и образовании республики, подобно Сибирским Штатам». Это был один из самых крупных политических процессов в России.

[163] В 1860–1870-е гг. в Омское Прииртышье направлялись участники Польского восстания 1863-1864 гг. В 1867 г. в Омске находилось 309 польских повстанцев, среди которых - впоследствии известный исследователь Сибири И.Д. Черский.

[164] «Дело» – ежемесячный научно-литературный журнал, 1866-1888 (с 1868 – литературно-политический), Санкт-Петербург. Продолжая журнал «Русское слово», сохранял до 1884 г. демократическое направление.

[165] Кирпичный чай – сбитый в бруски, «кирпичи», крошится, варится с молоком.

[166] Полиандрия (от поли... и греч. aner – род. п. andros – муж) (многомужество), редкая форма группового брака, при которой женщина имеет нескольких мужей, обычно братьев. В XIX веке бытовала у алеутов и некоторых групп эскимосов; позднее сохранилась у некоторых этнографических групп в Сев. Индии и на Тибете.

[167] Скопчество (скопец) – религиозная секта. Возникла в России в конце XVIII века, отделилась от хлыстов. Проповедовала «спасение души» в борьбе с плотью путем оскопления (кастрации) мужчин и женщин, отказа от мирской жизни. Современные скопцы заменили физическое оскопление «духовным» (обязательство строго соблюдать обряды и вести аскетический образ жизни).

[168] Мартирология (греч. martyrologion – от martyros – мученик и logos – слово, сказание) – о жертвах преследований, гонений, а также перечень перенесенных кем-либо страданий.

[169] Подполковник Генерального штаба Красовский – автор издания «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Область сибирских киргизов». Ч. 1 – 3. СПб., 1868

[170] Ф. Анненский – советник Главного управления Западной Сибири, входил в состав дирекции Омского отделения Попечительного общества о тюрьмах, которое официально было открыто 7 марта 1853 г.

[171] За близость и знакомство с видными деятелями народнического движения Ф. Анненский неоднократно подвергался обыскам, арестам, длительное время находился под гласным надзором полиции. В ноябре 1869 г. он проходил по делу П. Ткачева. В апреле 1879 г. после покушения Соловьева на Александра II был арестован, но затем освобожден под залог. Вновь был арестован в феврале 1880 г. и выслан в Западную Сибирь, в Тару, где находился до марта 1881 г.

[172] В архивном фонде Омской духовной консистории имеется запись о рождении И.Ф. Анненского. (ГИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 262. Л. 284 об. – 285).

[173] В 1847 г. П.П. Аносов был назначен главным начальником Алтайских горных заводов и Томским гражданским губернатором. В 1848 – 1851 гг. неоднократно бывал в Омске. В отчете Главного управления Западной Сибири генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд отмечал, что перед его назначением Аносов «временно управлял краем», председательствуя в Совете Главного управления Западной Сибири.

В 1851 г. Аносов выехал из Томска в Омск, чтобы встретить сенатора Н.Н. Анненкова. Сопровождал его в поездке по заводам, проводил до Омска. Здесь заболел и 13 мая 1851 г. скончался. В архивном фонде Омской духовной консистории имеется запись о смерти Павла Петровича Аносова (ГИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 156. Л. 95 об. – 96).

[174] П.П. Аносов был похоронен на Бутырском кладбище г. Омска, где к 100-летию со дня его рождения на могиле был поставлен памятник работы уральских мастеров.

[175] Глазенап Григорий Иванович умер в марте 1819 г. Существуют две версии о последнем месте захоронения Глазенапа Г.И. По первой – прах в 1860-х гг. был перевезен на родину – в Прибалтику. Вторая версия – свидетельство Г.Е. Катанаева, что Глазенап был похоронен на немецком участке Бутырского кладбища.

[176] В архивном фонде Омской духовной консистории в метрической книге Воскресенской церкви за 1852 г. имеется запись о смерти 17

июня 1852 года жены генерал-губернатора Западной Сибири Любови Федоровны Гасфорд (ГИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 272. Л. 204 об. – 205).

[177] Автор имеет в виду Успенский кафедральный собор. Год постройки – 1898 г. Архитектор Э.Ф. Виррих. В закладке храма в 1891 г. принимал участие наследник престола Николай Романов, будущий император Николай II.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

	Стр.
Абакумов С.М. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1830)	110, 385
Абрамов Н.А. – этнограф Сибири, Средней Азии	29
Агафонов Н.Я. – библиограф, краевед, редактор Камско-Волжской газеты	128
Адрианов А.В. – археолог, этнограф, журналист, общественный деятель	228
Акулов А.И. – старший врач омского госпиталя, доктор медицины	193
Александр I – император всероссийский (1801–1825)	41
Александр II – император всероссийский (1855–1881)	10, 96
Александр III – император всероссийский (1881–1894)	33
Алчедаевский – владелец бани	287
Алымбек-Батыр – представитель казахской знати	335
Алябьев А.А. – композитор	274
Амондт – майор, командир отдельного линейного батальона в г. Омске	351
Амурсана – ойратский нойон, последний правитель Джунгарского ханства	334
Андреев И.Г. – инженер-топограф, автор «Домовой летописи»	29, 30, 87, 123, 125, 302, 385, 389
Андреев Н.П. – директор Сибирского кадетского корпуса (1902–1906)	38
Анненков И.А. – декабрист	284
Анненков Н.Н. – член Госсовета, возглавлял проведение ревизии Западной Сибири в 1851 году	31, 284, 388, 389, 391
Анненская А.Н. – детская писательница, жена Н.Ф. Аненского	343
Анненский И.Ф. – русский поэт, переводчик, драматург	341, 342, 343, 391
Анненский Н.Ф. – экономист, публицист, общественный деятель	38, 43, 47, 79, 80, 341
Анненский Ф.Н. – чиновник, начальник отделения Главного управления Западной Сибири	391
Аносов П.П. – Томский гражданский губернатор (1847–1851), начальник Алтайских горных заводов, генерал-майор, металлург	42, 341, 344, 345, 391
Антонов – поручик	212

Апраксин Ф.М. – граф, сподвижник Петра I 262
Арцимович А.А. – Самарский губернатор (1860–1862), участник ревизии Западной Сибири 284
Арцимович В.А. – Тобольский губернатор (1854–1858), сенатор, участник ревизии Западной Сибири 284
Асташов И.Д. – золотопромышленник из Томска 279

Бабков (Бобков) И.Ф. – генерал от инфантерии, обер-кварти-рмейстер Сибирского корпуса (1859), начальник штаба Западно-Сибирского военного округа (1869), командующий войсками казачьего войска (1883–1890). Первый председатель ЗСОИРГО 30, 31, 33, 34, 42, 132, 133, 179, 187, 190, 191, 195, 196, 202, 205, 209-220, 224, 225, 228, 279, 300, 307, 349, 350, 355, 377, 386
Байрон Д. – английский поэт 81
Балкашин Н.Н. – титулярный советник, чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Западной Сибири Н.Г. Казнакове, член ЗСОИРГО 49, 148, 169, 193
Бальзак де О. – французский писатель 276
Баранов Г.Л. – омский купец 48, 381
Бардин К.Г. – поручик, атаман Сибирского казачьего войска (1778-1799) 41
Бартович 31
Баскалов Д. – управляющий акцизными сборами 235
Безак А.П. – Оренбургский генерал-губернатор (1860–1865) 306
Безродный В.К. – сенатор, генерал-майор, действительный тайный советник 271
Безъязыков – сотник 107
Бекреев А.И. – преподаватель истории и географии Сибирского кадетского корпуса (1875–1906) 38, 193
Белинский В.Г. – русский писатель, литературный критик, публицист, философ-западник 77, 78, 83
Белов И. – офицер, служивший в Омске в 1842–1847 гг. 30, 285, 288, 291, 294
Белозеров – владелец дома в г. Омске 53, 380
Беляев А.Ф. 329
де Беранже П.Ж. – французский поэт 81
Березовский – кадет 84
Березовский Ф.А. – писатель 229

Беренс Г.С. – купец 2-й гильдии, пароходовладелец 210
Бибиков – адъютант генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова 278
Блюменталь Э. – адъютант генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда 351
Блюменталь Ф. – адъютант генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда 351
Богданович С. 247
Богданович Е.В. – генерал от инфантерии, государственный и общественный деятель, издатель и публицист, выдвинул один из ранних проектов Сибирской железной дороги 301, 313
Богданович И.Ф. – русский поэт 81
Богомолов И.И. – омский купец 2-й гильдии 53, 381
Бодянский О.М. - словист, профессор 87, 125, 126
Бориславский – корпусный инженер, генерал-майор, выпускник Сибирского кадетского корпуса 112
Боярский Л.Н. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса, военный топограф 103
Брем А. – немецкий ученый 100, 149
Бржезовский В. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 112
Броневский С.Б. – Первый начальник Омской области (1823– 1824) 29, 30, 272, 273, 275, 301, 303, 346, 389
Бубенков – выпускник Сибирского кадетского корпуса 107
Буланже Л.С. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса, основатель Омского общества любителей музыки 387
Булыгин С.А. – инженер-полковник 389
Бутаков Г. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1846) 84, 111
Бутовский – подполковник 29, 206
Бухгольц И.Д. – подполковник, основатель г. Омска 350, 377, 381
Быков – омский купец 256

Вагин В.И. – сибирский историк, публицист, редактор газеты «Сибирь» 38, 43, 128, 341, 346
Вагнер Ф.Ф. – архитектор 382, 384
Валиев Габайдулла (Валиханов) – султан, старший брат отца Ч. Валиханова 108
Валиханов М.Ч. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 89
Валиханов Ч.Ч. – казахский просветитель, исследователь истории и культуры азиатских народов. Выпускник Сибирского кадетского корпуса, адъютант генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда Г.Х. 38, 43, 89, 384

Валий хан 358
Ванновский П.С. – генерал от инфантерии, военный министр (1881–1897) 349
Вараксин Т.К. – военный инженер 373
Варлаам (Петров-Лавровский В.П.) – архиепископ Тобольский и Сибирский (1792 – 1802) 268
Вейнмарн И.И. – генерал-поручик, командир отдельного Сибирского корпуса (1760 – 1763) 29
Вельяминов И.А. – генерал-губернатор Западной Сибири (1827–1834) 30, 105, 170, 274, 275, 355, 387
Венгеров С.А. – писатель 341
Вендейг – полковник 335
Венюков М.В. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса 102
Вергилий – древнеримский поэт 81
Вершинин Г.С. – архитектор 380
Вигганс – капитан английского флота, мореплаватель 189
Вилькен фон – генерал, начальник артиллерии 351
Виноградов Г. – предприниматель 127
Виррих Э.Ф. – архитектор 392
Владимир Александрович (Романов) – Великий князь, сын Александра II 271, 370
Власов – кадет 77
Водянников М.А. – видный деятель народного образования Сибири 193
Воинов – кадет 79, 97
Войцехович – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1858) 112
Волков И.С. – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 48, 112, 271
Волков С.С. – омский купец 1-й гильдии, староста Воскресенского военного собора 48, 54, 271, 374
Вольф М.О. – издатель 88
Воронин Е.П. – военный топограф Генерального штаба 207, 209
Врангель К.Л. – барон, полковник, адъютант генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова, член совета Главного управления Западной Сибири, управляющий казачьим отделением 278, 351
Вронский – ссыльный поляк 346

Галкин М.И. – омский купец 48, 123
Ганшин А. – купец, владелец магазина на Любинском проспекте 287

Гасфорд Г.Х. – генерал-губернатор Западной Сибири (1851 – 1861) 31, 42, 46, 89, 110, 207, 218, 219, 220, 240, 257, 284, 300, 304, 345, 349-355, 380, 382, 385, 391, 392
Гейне Г. – немецкий поэт-переводчик 81
Георги И.Г. – немецкий натуралист и путешественник 29
Георгий (Ящуржинский Г.А.) – архиепископ Тобольский и Сибирский (1832 – 1852) 267
Герн фон В.К. – поручик Генерального штаба 372
Герцен А.И. – публицист, писатель, философ 95
Гесте В. – архитектор и инженер 379
Гёте фон И. – немецкий поэт 81
Гинтовт А.Л. – генерал-майор, начальник штаба отдельного Сибирского корпуса 351, 355
Гинце – адъютант генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда Г.Х. 351
Глазенап Г.И. – первый командир отдельного Сибирского корпуса (1816 – 1819) 29, 30, 41, 42, 47, 107, 258, 275, 301, 345, 391
Гмелин И.Г. – немецкий натуралист и путешественник 29
Гнедич Н.И. – поэт, переводчик 81
Гоголь Н.В. – писатель 77
Гойневский – владелец дома в г. Омске 53, 381
Голодников К.М. – краевед, журналист, общественный деятель, член ЗСОИРГО 193
Голошубин И.С. – священник, писатель 375
Голубев А.Ф. – геодезист, географ, член ЗСОИРГО 208, 212, 214
Гольцендорф фон Ф. – барон, немецкий криминалист, публицист 342
Гомер – древнегреческий поэт 66, 88
Гонт И. – сосланный в Омск запорожский казак 45
Гончаров И.А. – писатель 77, 81
Горский – полковник 109
Горчаков П.Д. – генерал-губернатор Западной Сибири (1836–1851) 30-32, 46, 141, 218, 230, 236, 257, 276, 278-285, 288, 298, 307-309, 345, 355, 386, 388, 389

Граве де А.Ф. – комендант Омской крепости 231, 282, 297, 298, 350, 383
Грибоедов А.С. – драматург, поэт, дипломат и композитор 64, 77
Григоровский Н.П. – этнограф Нарымского края, член ЗСОИРГО 193
Григорьев Н.П. – осужденный по делу «петрашевцев» 280
Григорий (Полетаев Л.) – епископ Омский и Семипалатинский (1895 – 1900) 271
Грызов – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112
Грязнов – кадет 74
Губарь – предприниматель 55, 384
Гуд Т. – английский поэт 118
Гумбольдт А.Ф. – немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник 30, 94, 274
Гуляев С.И. – исследователь Алтая, историк, этнограф, член ЗСОИРГО 193
Гутковский К.К. – помощник военного губернатора, начальник областного управления сибирских киргизов, преподаватель Сибирского кадетского корпуса 207, 350

Даль – путешественник 134, 189
Данилевский Г.П. – публицист, писатель 263, 275, 388
Данилов – казак, художник 370
Данте А. – итальянский поэт 81
Дао-Гуан – китайский император династии Цин 354
Дарвин Ч.Р. – английский натуралист, путешественник, заложивший основы современных представлений о биологической эволюции 183
Девотти – акробат, фокусник 258
Деколонг И. – генерал-поручик, командующий Сибирским корпусом (1773–1777) 266
Декоменже Н. – полковник, комендант Омской крепости 267
Демидов П.Г. – учёный натуралист, действительный статский советник, меценат 152
Деспот-Зенович А.И. – Тобольский губернатор (1863–1867) 160, 222, 310, 360
Дзюба А.П. – Главный инспектор училищ Западной Сибири (1875) 150, 161, 241, 360
Дмитриев-Мамонов А.И. – действительный статский советник, вице-губернатор в Томской, Тобольской губерниях и в Акмолинской области 29, 193, 366
Дмитриева-Мамонова Е.А. – попечительница Убежища для бедных детей 369
Добролюбов Н.А. – литературный критик, публицист 78

Долгоруков В.Д. – Московский генерал-губернатор 193
Домалевский – преподаватель Сибирского кадетского корпуса 98
Достоевский Ф.М. – писатель 35, 44, 77, 81, 229-231, 278, 280-283, 297, 299, 383
Доу Д. – художник, портретист 275
Драгомиров М.И. – генерал-адъютант, генерал от инфантерии 97
Дуров С.Ф. – поэт, петрашевец 31, 44, 229-231, 233, 278, 280-283
Дюгамель А.О. – генерал-губернатор Западной Сибири (1861 – 1866) 30, 31, 86, 166, 211, 218, 299, 303, 306, 311, 349, 350, 383

Евгений (Казанцев А.Е.) – архиепископ Тобольский и Сибирский (1825–1831) 271
Екатерина I – императрица всероссийская (1725–1727) 95
Екатерина II – императрица всероссийская (1762–1796) 29, 262, 358, 370
Елгин – хорунжий 212
Ельницкий К.В. – педагог, краевед 38, 244
Еначков К.А. – консул 210
Ефрем (Рязанов В.И.) – епископ Березовский, викарий Тобольской епархии (1871-1873), епископ Тобольский и Сибирский (1874 – 1879) 269

Жанен Ж.Г. – французский писатель 276
Ждан-Пушкин И.В. – инспектор Сибирского кадетского корпуса (1813 – 1872) 37, 38, 71, 72, 75, 83-85, 102, 230, 231, 278, 281-283, 301
Железняк М. – сосланный в Омск запорожский казак 45, 333
Жемчужников А.А. – начальник штаба Сибирского отдельного корпуса 282, 388
Жуковский В.А. – поэт, переводчик 81, 381

Заборовский Е.А. – коллежский асессор, председатель Тобольского губернского суда 137

Завалишин Д.И. – декабрист 299
Завалишин И.И. – писатель 299, 303
Загоскин М.В. – писатель, общественный деятель 192, 348
Зарубаев А.А. – генерал-лейтенант, участник русско-японской войны 353
Захаров – капитан, топограф, выпускник Сибирского кадетского корпуса 65
Захаров И.И. – консул в Кульдже 210, 214, 354
Зедергольм Э.К. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса 38, 94, 99, 231
Зеланд Н.Л. – выдающийся русский антрополог 228
Знаменский А.И. – губернский секретарь, журналист 1-го отделения Главного управления Западной Сибири 135
Знаменский М.С. – художник, общественный деятель 34
Знаменский С.Я. – настоятель Воскресенского собора Омска 42
Золотов П.А. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса. Один из членов-учредителей ЗСОИРГО 29-31, 35, 179, 193, 250, 253, 254, 275, 274, 386
Зряхов – полковник 211

Иван V (Иоанн Алексеевич) – русский царь (1682–1696) 41
Иванов Г. – публицист 355
Иванов П.Н. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 89, 91
Игнатов – кадет 74
Игнатьев Н.П. – дипломат, уполномоченный посол в Китае 205, 212
Ильина С.В. – вдова священника 11
Ильинский В.Ф. – старший кандидат окружного штаба 190
Иустин (Полянский М.) – епископ Тобольский и Сибирский (1889–1893) 374

Кавелин К.Д. – историк, правовед, социолог и публицист, профессор Санкт-Петербургского университета 341
Кадыш С.И. – владелец доходного дома в г. Омске 381
Казачинин М.И. – генерал-майор, атаман 1-го отдела СКВ, основатель г. Кокчетава 234

Казнаков Н.Г. – генерал-губернатор Западной Сибири (1875–1882) 7, 18, 32, 37-39, 49, 50, 90, 97, 117, 129, 130, 132-143, 147, 148, 150-154, 161, 165-171, 175-179, 184-185, 187-190, 193, 194, 197, 219, 224, 225, 228,247-249, 349, 356, 359, 360, 364, 384
Калачев А.В. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 56, 116
Калачев М.В. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 56
Канаат-Ша Сардар – один из кокандских военноначальников 110
Кан-си – китайский император из династии Цин 354
Капцевич Н.М. – генерал-губернатор Западной Сибири (1822–1828) 30, 45-47, 145, 257, 260, 272, 275, 301, 355, 387
Каразин Н.Н. – художник, писатель 372
Карбышев И. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1817) 108, 109
Каргаполов – казачий урядник 243
Карл XII – король Швеции (1697–1718) 92
Карташев – секретарь 335
Кастрен М.А. – финский филолог, исследователь финно-угорских языков 316
Касымов К. – султан, организатор крупного национального движения казахов, охватившего Оренбургский край и Западную Сибирь в 30-40-х годах XIX века 103, 109, 206, 389
Касымов С. – султан 108
Каталбаев Ф.А. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 116
Катанаева М.Г. – мать Г.Е. Катанаева 10
Катанаев Е.Г. – хорунжий ст. Котуркульской, отец Г.Е. Катанаева 10
Кауфман А.М. – генерал-майор, почетный казак Сибирского казачьего войска 25, 111
Кашин Н.И. – доктор медицины, исследователь Восточной Сибири 328
Квятковский В.И. – врач, библиофил. Член ЗСОИРГО 179, 193
Керенский А.Ф. – политический и общественный деятель, председатель Временного правительства (1917) 20

Киндерман Х.Х. – главный командир Сибирского корпуса, генерал-майор, основатель ряда крепостей на р. Иртыш (1745) 29, 308, 350
Кириков И. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 112
Кириков С. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 112
Кириллов Е. – городской голова (1852–1855) 240
Кирьянов Н. – кадет (1865) 79, 114, 143
Клапрот Ю.Г. – немецкий путешественник, востоковед 30
Клеменц Д.А. – этнограф, археолог 229
Клиндер П.А. – редактор газеты «Сибирь» 129, 348
Клочков – книготорговец 208
Клучин Л.Н. – выпускник Сибирского кадетского корпуса, помощник начальника Главного штаба 351
Ковалевский – генерал-лейтенант 307
Ковалевский М.Е. – член Государственного Совета, видный судебный деятель, участник ревизии Западной Сибири 284
Ковецкий – казачий офицер 243
Козлов – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112
Козлов П.О. – управляющий вторым отделением Главного управления Западной Сибири 137
фон Колен – полковник, тобольский жандармский штаб-офицер 283
Колпаковский Г.А. – генерал-губернатор Степного края (1882 – 1889), командующий войсками Омского военного округа, Войсковой наказной атаман Сибирского казачьего войска, генерал от инфантерии (1885) 25, 32, 41, 90, 110, 167, 228, 349
Колосов Е.Е. – общественный деятель, арестовывался как «сибирский сепаратист», содержался в омской тюрьме, на гауптвахте 86
Колчак А.В. – адмирал, Верховный правитель России 21, 375
Компанец Г.П. – советник, смотритель атбасарского провиантского магазина 11
Корнилов Л.Г. – военачальник, генерал от инфантерии 20
Коробейниковы – омская купеческая семья 48
Короленко В.Г. – писатель, журналист, публицист, редактор журнала «Русское богатство» (1895–1900) 79, 343, 379
Корф М.А. – барон, граф (с 1867), государственный деятель, историк, почётный член Петербургской Академии наук (1852) 348
Костомаров Н.И. – общественный деятель, историк, лектор Санкт-Петербургского университета 341, 390
Костров Н.А. – князь, историк-этнограф Сибири 193
Костылецкий Н.Ф. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса 38, 47, 82, 83, 85, 88, 89,231, 279
Котович А. – секретарь Сибирской военной гимназии 15

Котыбаев – выпускник Сибирского кадетского корпуса, есаул 110
Красильников И. – составитель военно-топографического атласа «Ландкарты или чертежи географические на которых представляется Оренбургская губерния со смежными к ней местами. Сочинены в Оренбурге по определению Оренбургской губернской канцелярии декабря дня 1752 года при Оренбургских географических делах на разных прежних и новых описаний чрез геодезии прапорщика Красильникова» (1755) 209
Краснокушский – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112
Красовский – подполковник Генерального штаба 391
Кривцов Г. – плац-майор 298
Кринский П.Я. – генерал, наказной атаман Сибирского казачьего войска 351
Кройерус А.С. – генерал, начальник штаба отдельного Сибирского корпуса 351
Кромвель О. – английский политик 95
Крохалев – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112
Круликевич – дежурный штаб-офицер корпусного штаба, майор 351
Крупенников – предприниматель 259
Круссеров А.П. – коллежский асессор, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе, старший по технической части, омский архитектор 193
Кубракевич – подполковник, преподаватель Сибирского кадетского корпуса 98
Кузнецов В.П. – омский купец, городской голова в 1864-1870 гг. 42, 48, 328
Кузьмин Т.И. – омский купец 3-й гильдии 48
Куликов П.Н. – казачий офицер 346
Куприянов И.Д. – врач Омского военного госпиталя, бактериолог 193
Куракин А.Б. – князь, сенатор 271
Курбановский М.Н. – Акмолинский вице-губернатор 161, 165, 360
Куропаткин – капитан 111
Куртуков А.П. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса 190, 346
Кучковский Я.Н. – преподаватель геометрии Сибирского кадетского корпуса 84, 85, 231

Лаврский К.В. – журналист 128
Ладыгина – владелица жилого дома в г. Омске 287
Лазарев К. – архитектор 384
Лапин Д. – священник 268

Ласковский (Ласовский) Ф.Ф. – инженер, генерал-лейтенант 29
де Лафайет М. – французский политический деятель 95
Левантуев С.С. – учитель 57
Левшин А.И. – писатель, историк 208, 220, 354
Ленский Д.Т. – русский писатель, переводчик, актер, автор популярных в XIX веке водевилей 277
Лермонтов М.Ю. – поэт 77, 344
Лещева Л.Ф. – жена генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда 353
Ливенцев М.А. – Акмолинский военный губернатор в 80-х гг. XIX в. 167, 306
Линда К.П. – член ЗСОИРГО 226, 386
Линден К.А. – директор Сибирского кадетского корпуса (1863 – 1874) 37, 38, 42, 71, 74-76
Липатников П.А. – омский купец, предприниматель, владелец крупных магазинов 287
Лободовский В.П. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса с 1857 38, 42, 47, 76-79, 81, 82, 118, 231
Лопе де Вега – испанский драматург 81
Лорис-Меликов М.Т. – государственный деятель 342
Лосев – выпускник Сибирского кадетского корпуса 112
Лукин А.А. – дьячок 269
Лукин С. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1826) 108
Львов Ф.Н. – осужденный по делу «петрашевцев» 280
Лыков – преподаватель Сибирского кадетского корпуса, капитан Генерального штаба 102
Лысогорский В.А. – Тобольский губернатор 193

Майер К.К. – потомственный почетный гражданин Омска, предприниматель 34
Макарий (Невский (Парвицкий) М.А.) – игумен, впоследствии Томский архиепископ, митрополит Московский и Коломенский (1912–1917), митрополит Алтайский (с 1920). 193
Маклаковы 32
Максимов С.В. – беллетрист-этнограф 30, 31, 315, 318, 319, 322, 326
Мантейфель – адъютант генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова 278
Маркевич Ф. – полковник, председатель Омского областного правления 388

Маслов – начальник военно-топографического отдела при штабе округа 217
Миссари-Торриани – адъютант Тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича 311
Матвеев А.С. – боярин 42
Меньшиков А.Д. – сподвижник Петра I, светлейший князь, генералиссимус 95
Мерцалов В.И. – Томский губернатор (1880–1883) 193
Мещеринов Г.В. – генерал-губернатор Западной Сибири (1882) 32, 179, 349
Милютин Д.А. – военный министр (1861–1881) 32, 112, 304, 106, 308
Минаев П.П. – преподаватель Санкт-Петербургского университета 343
Мирошниченко С.Т. – геодезист и астроном военно-топографического отдела окружного штаба 179, 193, 214, 217
Михаил Николаевич (Романов) – Великий князь, сын Николая I, председатель Государственного Совета 160
Михаил Павлович (Романов) – Великий князь, сын Павла I 273, 301
Михайлов – казак, возглавлял струнный казачий оркестр 118, 121
Михайлов Н.А. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 115
Михаэлис Е.П. – старший чиновник особых поручений при Семипалатинском военном губернаторе 193
Могидловский – капитан, ссыльный поляк 263
Момбелли Н.А. – осужденный по делу «петрашевцев» 280
Москов А.Я. – управляющий 2-м отделением ГУЗС 248
Муравьев-Амурский Н.Н. – государственный деятель, генерал-губер-натор Восточной Сибири (1847 – 1861) 135, 300, 304
Мургисон 346
Мушкетов И.В. – геолог и географ, профессор 346

Надаров И.П. – Степной генерал-губернатор, Наказной атаман Сибирского казачьего войска (1906 – 1908) 284
Надлер Ф.И. – директор театральной труппы 37
Назаров – выпускник Сибирского кадетского корпуса 307
Наполеон I Бонапарт – император Франции 30, 45, 95, 143, 219, 334
Наумов Н.И. – писатель-народник 82, 86, 117
Неводчиков А. – священник Воскресенского собора, Пророко-Ильинской церкви (1797) 268, 269
Недосеков К.Л. – протоиерей 366, 372
Недорезов – есаул 209

Некрасов А.М. – геодезист и астроном военно-топографического отдела окружного штаба 193, 217
Некрасов Н.А. – поэт 77, 79
Неплюев И.И. – Оренбургский губернатор (1744 – 1758) 335
Нестеров А.П. – редактор первой сибирской газеты «Сибирь» в г. Иркутске, выпускник Сибирского кадетского корпуса (1849) 38, 43, 56, 87, 89, 90, 128, 192
Николай I – император всероссийский (1825–1855) 10, 95, 388
Николай II – император всероссийский (1894–1917), до 1894 – цесаревич Николай Алексеевич 20, 30, 39, 41, 254, 392
Никольский А.М. – путешественник, ученый 229
Нифантьев – штаб-капитан, военный топограф 207, 210
Новоселов – есаул 368
Нольте О. – германский консул, имел в Омске собственные магазины по торговле листовой медью, металлоизделиями и парусиной 286
Норденшельд Н.А.Э. – шведский полярный исследователь, геолог и географ 134, 149, 188
Носонов – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112

Огарев Н.Г. – генерал-поручик, командир отдельного Сибирского корпуса и военного Сибирского округа (1787–1789) 268
Окольничий Н.А. – генерал-майор, военный губернатор и командующий войсками Акмолинской области и наказной атаман 1-го и 2-го отделов Сибирского казачьего войска (1869–1871) 42, 235
Омский П.С. – пономарь 269
Орлов – воспитанник Сибирского кадетского корпуса 58
Орлов А.Ф. – князь, шеф корпуса жандармов (1844 – 1856), главный начальник III Отделения 283
Островский А.Н. – драматург 81
Ошурков В.А. – редактор литературно-политической газеты «Восточная Сибирь» 43

Павел I – император всероссийский (1796–1801) 386
Павел – митрополит сибирский и Тобольский (1678 – 1692) 320
Павлов-Сильванский Н.П. – историк 148
Павловский А.М. – директор Сибирского кадетского корпуса (1849-1863) 37, 55, 71, 74
Паллас П.С. – немецкий естествоиспытатель, географ, путешественник 29, 30
Панов – генерал 310

Пантелеев Г.А. – ревизор из Петербурга 284
Пахолков Н.И. – старший врач Сибирской военной гимназии, старший ординатор Омского военного госпиталя 193
Певцов М.В. – путешественник, основатель музея ЗСОИРГО 49, 179, 180, 184, 190, 191, 225-229, 376
Пепеляев А.Н. – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-лейтенант 38
Пепеляев В.Н. – областник, депутат Государственной Думы, Председатель Совета Министров в Российском правительстве у Верховного правителя адмирала А.В. Колчака 21
Петр I – царь всея Руси из династии Романовых (с 1682 года) и первый император всероссийский (с 1721 года) 41, 92, 95, 325, 366
Петр III – император всероссийский (1762) 29
Петрашевский М.В. (Буташевич-Петрашевский) – русский революционер 280
Писарев Д.И. – русский публицист и литературный критик 78
Писемский А.Ф. – русский писатель 77, 81, 326
Плитков – выпускник Сибирского кадетского корпуса 112
Плотников – кадет 79
Поклевский-Козелл А.Ф. – крупный предприниматель, виноторговец, горно- и золотопромышленник 259, 380
Полторацкий В.А. – военный губернатор и командующий войсками Семипалатинской области 247
Поляков И.С. – зоолог, антрополог и этнограф, член ИРГО 149
Померанцев А. – полковник Генерального штаба, преподаватель Сибирского кадетского корпуса 353
Помяловский Н.А. – писатель 81
Пономарев А.Д. – учитель в Каркалалах 57, 65
Пономарев И.Д. 57
Пономарев Д.С. – протоиерей (с 1833), настоятель Восресенского собора (1836 – 1853), библиофил 65
Пономарев П.Д., отец Петр – священник Казачьей Никольской церкви 65
Попов М.Е. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса 99
Попов – главный инспектор училищ 355
Попов – чиновник 242
Поповы – почетные граждане *155*
Посьет К.Н. – государственный деятель 176

Потанин Г.Н. – путешественник, этнограф, исследователь Сибири 7, 18, 23, 29, 32, 34, 38, 39, 43, 47, 56, 72, 82, 84-90, 107, 114, 117-119, 121-129, 142-144, 149, 150, 153, 154, 163, 178-180, 192, 194, 212, 213, 227, 230, 231, 300, 376, 386
Потанин Н. 107
Пржевальский Н.М. – путешественник, натуралист 149
Прокофьев Т.Ф. – действительный статский советник, Тобольский губернатор (1852–1854) 284
Проценко А.П. – генерал-майор, Семипалатинский военный губернатор (1878–1883) 193
Путинцев – полковник, командир учебной сотни 243
Путинцев В.П. – выпускник Сибирского кадетского корпуса 79
Путинцев М.П. – протоиерей, выпускник Сибирского кадетского корпуса 79, 99
Пушкин А.С. – поэт 64, 77, 81, 344
Пыпин А.Н. – преподаватель русской словесности Санкт-Петербургского университета 341
Пясецкий П.Я. – русский врач, путешественник, художник, писатель 149

Радонежский А. – священник Пророко-Ильинской церкви (1914–1931) 267, 272
Рейнталь В.Я. – выпускник (1855), преподаватель Сибирского кадетского корпуса 38, 43, 98, 102, 231
Рейтерн М.Х. – государственный деятель, министр финансов (1862–1878) 130
Ребров П.П. – сотник 109, 329
Риттер К. – немецкий географ 385
Рогожникова – воспитанница приюта Омской женской гимназии 241
Рождественский И.А. – законоучитель женской гимназии 368
Розенплентер Ф.А. – аптекарь, омский предприниматель 53, 382
Рокстер – генерал-лейтенант, командующий войсками Семипалатинской области 247
Ростовцев Я.И. – начальник учебных заведений 231, 278

Рыбин – сотник 109
Рытов А. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1823) 109, 301, 389
Рычков – военный топограф 209

Салтыков-Щедрин М.И. – писатель, публицист 118
Самсонов – выпускник Сибирского кадетского корпуса 114
Сандецкий А.Г. – генерал от инфантерии (с 1910 года), командующий Московским (с 1915 года) и Казанским военным округами (1907–1912) 193
Санников Н.И. – Акмолинский военный губернатор (1890-1902) 387
Сапожников А. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1888), профессор академии Генерального штаба 38
Седалев Я. – священник Пророко-Ильинской церкви 267
Сейфуллин Т.Г. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса 83, 245
Селиванов М.И. – статский советник, начальник отделения казначейства Томской казенной палаты 137
Семенов В.Ф. – член ЗСОРГО 24, 376
Семенов Г.М. – казачий атаман, деятель белогодвижения 20
Семенов (Семенов-Тян-Шанский) П.П. – путешественник, географ, общественный деятель 30, 34, 85, 87-89, 119, 129, 219, 305, 355
де Сент-Лоран В.И. – начальник Омской области (1827–1835) 30, 248, 261
де Сервантес М. 81
Си Е. 276
Сильвергельм Г.К. – барон, обер-квартирмейстер корпусного штаба в Омске 206, 350
Симонов – есаул 109
Симонов Н. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1869) 79
Сироцинский – казак 31
Сиязов М.М. – краевед 22, 285, 286
Скалетова – омская купчиха 2-й гильдии 48
Скачков К.А. 211
Скобелев – полковник 25, 111
Сколков В.А. 324
Словцов И.Я. – преподаватель естественной истории в Сибирской военной гимназии. Один из членов-учредителей ЗСОИРГО 21, 22, 38, 47, 49, 99, 100, 143, 147, 148, 179, 190, 228, 262, 323, 356, 359, 378, 385, 386

Смирнов – автор учебника по географии 227
Смит – адъютант генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущева 243
Соколов В.В. – омский купец 3-й гильдии 48
Соколов И.Ф. – редактор газеты «Степной край», заведующий метеорологической обсерваторией, член ЗСОРГО 193, 202
Соколов М.Г. – преподаватель географии в Учительской семинарии 193
Соколова Ю.А. – владелица частной школы 180
Солнцев 329
Соловьев А.К. – революционер-народник 391
Соловьев С.М. – историк 94
Солодовников А.Н. – купец 380
Сомов – штаб-секретарь Главного штаба 29
Сосновский Ю.А. – полковник Генерального штаба, в 1872 и 1874–1875 возглавлял научные экспедиции в Китай. 149
Спасович В.Д. – юрист, публицист, возглавлял кафедру уголовного права на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (1851–1861) 341
Сперанский М.М. – государственный деятель, генерал-губернатор Сибири (1819–1821) 45, 135, 137, 271, 301, 324, 347, 348
Спешнев Н.А. – осужденный по делу «петрашевцев» 280
Стакнев Д. – публицист 314
Станиславский Г.В. (С.Г.) – генерал-майор 265, 267
Старков А.В. – генерал-майор, Омский городской голова (1892–1893) 366
Старков Е.И. – преподаватель географии Сибирского кадетского корпуса 38, 42, 47, 84, 85, 89, 91, 92, 231
Старков И. – сотник 107
Стасюлевич – историк, профессор Санкт-Петебрбургского университета 341
Стеблин-Каменская – ученица женской гимназии 369
Стебут И.А. – профессор, общественный деятель 128
Степанов – кадет 74
Стерлигов – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112
Стрельников – военный топограф 210
Струве К.В. – член ЗСОИРГО 86, 119, 212, 213
Суворов А.В. – русский полководец, генералиссимус 42
Сулима Н.С. – генерал-губернатор Западной Сибири (1834–1836) 31, 355

Сулоцкий А.И. – протоиерей, писатель, краевед. Законоучитель Сибирского кадетского корпуса. Один из членов-учредителей ЗСОИРГО 47, 49, 85, 98, 99, 179, 190, 231, 385, 386
Супруненко А.П. – действительный статский советник, Томский губернатор (1871 – 1880 (1879)) 152, 153
Сухарев А.М. – генерал-майор, Сибирский губернатор 335
Сухово-Кобылин А.В. – русский философ, драматург, переводчик 81
Сухозанет Н.О. – военный министр (1856–1861) 303, 304
Сухомлинов В.А. – генерал от кавалерии, военный министр (1909–1915) 20
Сциборский Б.И. – член ЗСОИРГО 193

Тарасов – артиллерийский генерал 244
Тарчевская – начальница приюта Омской женской гимназии 241
Татаринов С.Е. – горный инженер, архитектор 42, 144, 345
Таубе М.А. – Степной генерал-губернатор (1890 – 1900) 22, 34, 366, 374
Таубе М.Е. – жена Таубе М.А. 366, 369
Терехов Е. – сотник 56
Терехов Е.Е. – омский купец 3-й гильдии 48
Ткачев П.Н. – публицист, критик 341, 343, 391
Толстой – граф, адъютант генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова 278
Толстой Д.А. – граф, министр народного просвещения (1866 – 1880) 152
Толстой Л.Н. – писатель 77, 81
Трескин Н.И. – Иркутский гражданский губернатор 327
Троицкая М.Н. – жена врача Троицкого И.И. 299
Троицкий И.И. – главный врач Омского военного госпиталя 282
Трусов А. – Тюменский городской голова 149
Тузикова – капитанша 56
Тургенев И.С. – поэт 64, 66, 77, 79, 81
Тыртов А.П. – инспектор классов Сибирского кадетского корпуса (1862–1868) 37, 38, 71, 102

Урусов С.Н. – князь, государственный деятель 348
Урядов – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 38, 112
Усов Гавриил – кадет 90, 114
Усов Григорий – кадет 90
Усов И.Н. – выпускник Сибирского кадетского корпуса. Редактор газеты «Степной край» 89, 91, 123

Усов Ф.Н. – областник, историк Сибирского казачьего войска, краевед 30, 38, 43, 49, 56, 82, 86, 89, 114, 117, 123, 125, 143, 160, 179, 193
Успенский – писатель 81
Устиньев – сословный казак 56
Утин Е.И. – правовед, профессор Санкт-Петебрбургского университета 341
Ухтомский Э.Э. – князь, публицист 39, 370, 372
Ушаров Н.В. – областник 123

Фальк И.П. – шведский врач, естествоиспытатель, путешественник 29, 30, 44, 377
Федоров – астроном 208
Федоров П. – протоиерей 267
Федченко А.П. – натуралист, географ, энтомолог, приват-доцент Московского университета 125
Филарет (Дроздов В.М.) – митрополит Московский и Коломенский, крупнейший русский православный богослов 98
Филипсон Г.И. – генерал, писатель 288, 355
Филофей (Лещинский Р.Б., в схиме – Феодор) – епископ Русской церкви, с 1702 года митрополит Новгородский, Тобольский, Сибирский и Всея Руси. 302
Финш О. – немецкий этнолог, орнитолог, путешественник 149
Флеровский Н. (Бреви-Флеровский В.В.) – социолог, публицист 311, 318
Флоринский В.М. – профессор Казанского университета. На него была возложена подготовка открытия Томского университета 161, 360
Фонвизин М.А. – декабрист, писатель 230
Фонвизина Н.Д. – жена декабриста М.А. Фонвизина 280, 283
Францев Д.И. – чиновник 230
Францева М.Д. – дочь чиновника Д.И. Францева, близкого к ссыльным-декабристам, петрашевцам 30, 278
Фрауендорф К.Л. – бригадир, командир отдельного Сибирского корпуса (1757–1760) 262, 350
Фредерикс П.А. – барон, генерал-губернатор Восточной Сибири (1873–1879) 131, 141, 150, 153, 351, 361
Фридрих Фон – генерал 350
Фурсов – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112

Хартлинг – смотритель Омского военного госпиталя 351

Хмаров 246
Хоевский К. – ссыльный поляк 261
Хондажевский Н.К. – член ЗСОИРГО 148
Хрущев А.П. – генерал-губернатор Западной Сибири (1866 – 1875) 32, 129, 133, 188, 218, 233
Хрущов-Сокольников Г.А. – писатель, поэт 30, 32

Цветков – преподаватель Сибирской военной гимназии 235
Цербицкий В.И. – протоиерей, известный алтайский миссионер и писатель 193
Цзянь-лунь – китайский император из династии Цин 354
Цзя-Цин – китайский император династии Цин 354
Цибульский З.М. – томский купец, золотопромышленник, Томский городской голова (1879–1882), гласный городской думы 152, 163, 364
Циммерман А.Э. – генерал от инфантерии, в 1860 г. назначен командующим войсками в Заилийском крае 110
Циммерман В. – немецкий историк 342
Цитович В.С.– военный губернатор и командующий войсками Акмолинской области 193, 238, 247
Цитович П.С. – директор Сибирского кадетского корпуса (1875 – 1887) 15, 37, 183
Цицерон – древнеримский политик 66

Чебыкин – генерал, назначенный в 1867 на должность Тобольского губернатора 222
Черевин Н.Т. – старший адъютант штаба 280, 297
Чернавин В.Л. – полковник, военный инженер 373, 374
Чернавин Ф.Л. – преподаватель Сибирского кадетского корпуса, один из членов-учредителей ЗСОИРГО 38, 42, 47, 49, 50, 69, 97, 132, 179, 193, 231, 271, 302, 370, 378, 386
Черногин – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112
Чернышевский Н.Г. – русский писатель, публицист, философ 78
Чернышов А.И. – граф, святлейший князь (с 1849), военный министр (с 1832), председатель Государственного Совета (с 1848) 284
Черняев М.Г. – полковник 25, 111, 308, 309
Черский И.Д. – известный исследователь Сибири 18, 390

Чингизов С. – султан 108
Чириков – сотник 108, 109
Чириков М.Г. – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор, атаман 2-го отдела Сибирского казачьего войска 112
Чистяков С.Ф. – владелец завода 287
Чихачев П.А. – российский географ и геолог, почетный член Петербургской АН (1876). 103
Чичерин Д.И. – Тобольский генерал-губернатор 262
Чукмасов С. – священник Знаменской церкви ст. Атбасарской 11
Чукреев – воспитанник Сибирского кадетского корпуса 114

Шайтанов Д. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1846), генерал-лейтенант 79, 110, 111
Шайтанов А.Д. – хорунжий Сибирского казачьего войска, выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112, 123, 125, 143
Шанина М.А. – почетная гражданка, омская купчиха 1 гильдии 34, 287
Шарапов А.М. – выпускник Сибирского кадетского корпуса, протоиерей 99
Шаховский А.А. – князь, драматург-писатель 277
Шашков С.С. – историк, областник 86, 114, 123, 317, 385
Шекспир У. – поэт 81
Шелгунов Н.В. – публицист 315
Шенберг фон Эрих 317
Шерр И. – немецкий историк литературы, публицист, беллетрист и общественный деятель 342
Шиллер Ф. – немецкий поэт 81
Шипилов – кадет 79
Ширинский-Шихматов П.А. – князь, министр народного просвещения (с 1850) 160, 360
Шишкин – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112
Шкроевы – омская купеческая семья 42, 48
Шлоссер Ф.К. – немецкий историк 95
Шмидт Е.О. – Степной генерал-губернатор (1908–1915) 351
Шпрингер И.И. – основатель второй Омской крепости. Командир войск Сибирского корпуса 29, 42, 44, 250, 252, 263, 265, 266, 333, 350, 377, 385, 388, 389
Шрамм А.Р. – жена генерал-майора Ф.А. Шрамма 388

Шрамм Ф.А. – генерал-майор, директор Сибирского кадетского корпуса (1838 – 1849) 31, 83, 141, 231, 236-238, 277, 278, 284, 285, 384, 388
Штрандман Г.Э. – генерал-лейтенант 30, 350
Шубин – генерал, дядя В.И. Вагина 346

Щапов А.П. – историк, публицист 114, 310, 316, 340, 390
Щербаков – выпускник Сибирского кадетского корпуса, генерал-майор 112
Щукин – воспитанник Сибирского кадетского корпуса 114

Эзет Э.И. – архитектор 383, 384
Энгельке К.К. – Тобольский губернатор (1842–1852) 279, 284
Энс – владелец жилого дома в г. Омске 287

Юн-Чжен – китайский император династии Цин 220, 354

Ягодкин Г.А. – выпускник Сибирского кадетского корпуса (1894) 112
Ядринцев Н.М. – публицист, исследователь Сибири, идеолог сибирского областничества 7, 32, 34, 38, 39, 49, 82, 85, 86, 90, 91, 114-119, 121, 123, 125, 126, 128-130, 142, 143, 147, 150, 153-155, 160, 163, 178, 179, 192, 193, 224, 332, 348, 384, 385
Якобий А.И. – профессор 245

Подписано в печать 20.11.2012 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500. Заказ № 166520.

ООО «Омскбланкиздат»,
644007, Омск, ул. Орджоникидзе, 34, тел. 212-111